

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ
РАН

1997-1998

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

**ТРУДЫ ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
1997–1998 гг.**

Выпуск 2

Москва 2000

042(02)1

Редколлегия:
член-корреспондент РАН *А.Н.Сахаров* (отв. ред.),
Г.Б.Куликова, Е.Н.Рудая

Редакторы:
Е.Н.Балашова, И.А.Головань

В сотрудничестве с институтом им. Миллена

ISBN 5-8055-0040-х

© Институт российской
истории РАН, 2000 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикация докладов научных сотрудников ИРИ РАН и стенограмм их обсуждения становится прочной традицией Института. Первый выпуск, вышедший в 1997 г., включал доклады, сделанные в 1995–1996 гг.*; во второй выпуск входят доклады, сделанные на заседаниях Ученого совета ИРИ РАН и его научно-производственных секций в 1997–1998 гг.

Продолжая первый сборник, настоящая публикация включает широкий хронологический спектр докладов, начиная с древнейших времен вплоть до проблем истории России конца XX века. Таким образом история нашей страны предстает в ее целостности, преемственности и особенности каждого из периодов.

Не меньшую ценность представляют стенограммы обсуждения докладов, показывающие не только большой интерес историков к заявленной проблематике, но и многоплановость подходов, разные точки зрения, существование дискуссионных вопросов.

Семь публикуемых в сборнике докладов посвящены истории России до XX века. В этом разделе сочетаются доклады, посвященные конкретно-историческим проблемам, и ставящие методологические и историографические вопросы. К последним, например, относятся доклад директора Центра Русских исследований Будапештского университета, крупнейшего венгерского русиста Дьюлы Свака «Дурно ли говорить о русском феодализме? (к историографии вопроса)», в котором поставлен ряд формационных, цивилизационных проблем, и В.А.Твардовской «Франко Вентури и советская историография народничества».

Большой интерес представляют и такие, ранее практически не изучавшиеся темы, как городское самоуправ-

* Доклады института Российской истории РАН. 1995-1996. М., 1997

ление пореформенной России (доклад Л.Ф.Писарьковой), благотворительность и общественное призрение в России XIX – начала XX в. (доклад Г.Н.Ульяновой), российская буржуазия в начале XX века: попытки политической консолидации (доклад Ю.А.Петрова). Новый документальный материал представлен в докладе Н.Н.Лисового «К истории русского духовного присутствия на Ближнем Востоке», хронологически охватывающий несколько столетий. Источниковедческая тема – «Происхождение и история термина «интеллигенция» поднята в докладе С.О.Шмидта.

Семь докладов, посвященных проблемам XX века, также охватывают широкий круг сюжетов. Здесь и аграрная политика 50–80-х годов (доклады И.Е.Зеленина, Л.Н.Денисовой), взаимоотношения советского государства и церкви (доклад О.Ю.Васильевой), отношение населения к религии (доклад В.Б.Жиромской). Анализ новых материалов содержится в докладах А.В.Голубева, посвященном взаимоотношениям советского общества 1930-х годов и Запада, и Г.В.Костырченко, раскрывающего глубинные истоки и особенности последнего дела сталинской эпохи – «дела врачей». С отмеченным в июне 1999 г. 275-летним юбилеем Российской Академии Наук связан доклад В.Д.Есакова.

Предполагается продолжить систематическую публикацию трудов Института российской истории РАН.

**«ДУРНО» ЛИ ГОВОРИТЬ О «РУССКОМ
ФЕОДАЛИЗМЕ»?
(К историографии вопроса)***

Историографическая судьба понятия «русский феодализм» достаточно запутана, несмотря на то, что сама эта тема довольно молода. И хотя это понятие встречается уже в работах историков XVIII в., там его употребление еще не носит последовательного характера, не является аргументированным и не становится определяющим элементом исторической концепции¹. Парадоксальным образом положение не меняется и с появлением профессиональной историографии, и даже в период ее расцвета, на протяжении XIX в. Выдающиеся представители русской историографии хотя и занимались понятием феодализма, но по сути дела единодушно отвергали возможность его использования применительно к русской истории. Конечную причину этого явления следует искать в считающемся историографической аксиомой представлении о качественном различии русской и западноевропейской средневековой истории, поскольку понятие феодализма было создано для описания одного, четко определенного периода западноевропейской истории. Конечно, мнения об этом «различии» уже тогда расходились, что внесло некоторую дифференцированность и в употребление понятия феодализма.

Государственная школа, например, уже сделала попытку осмысления этого понятия, поскольку сама суть ее историко-философской системы состояла в признании существования всеобщих закономерностей и переносе их на русскую историю. К.С.Кавелин в своей работе 1846 г.

* Доклад директора Центра русских исследований Будапештского университета на заседании Ученого совета ИРИ РАН 8 октября 1998 г.

«Взгляд на юридический быт Древней Руси» изображает исторические пути Древней Руси и Запада как совершенно разные, тем не менее признает существование феодализма в период варягов, поскольку в то время, как он считает, господствовал принцип личности. С ославяниванием же варягов и феодализм исчез с русской земли².

Наиболее крупный представитель государственной школы С.М.Соловьев был уже не так строг по отношению к русской истории, по его мнению после «поворота», имевшего место примерно в X — начале XIII в. Россия снова возвращается к Западу. В то же время Соловьев не пользуется термином «феодализм», считая, что на русской земле не сложились те земельные отношения, которые на Западе служили основой феодализма. Однако он склонен усматривать родство между многими русскими историческими явлениями и западными феодальными институтами³.

Можно считать историографическим парадоксом то, что принадлежащий к демократическому лагерю, а не к государственной школе, Николай Костомаров в своей работе «Начало единой державы в России» останавливается на проблеме феодализма гораздо более развернуто. Костомаров использует понятие феодализма при описании удельного периода между идеализируемой им, демократической по своему устройству, Киевской Русью и осуждаемой, самодержавной, Московской Русью, поскольку отождествляет феодализм — как это было модно в его время — с понятием политической раздробленности. Он избегает того, чтобы предположить какое-либо сходство, пусть даже по отношению к одному какому-либо периоду, между русской и западноевропейской историей, но при этом находит, что иерархических отношений между крупными и мелкими князьями, основывающихся на кровно-родственных связях, достаточно для того, чтобы говорить о феодализме, который он, кстати, однозначно считает результатом монголо-татарского нашествия⁴.

Упомянутые выше подходы, несмотря на все свое отличие, в одном схожи: их концепции остаются гетероген-

ными. В концепции, пожалуй, наиболее выдающегося представителя русской историографии В.О.Ключевского эта проблема образует единую систему, однако на ней эксперименты с понятием феодализма в русской историографии на долгое время прекращаются. Ключевский не отрицает наличия немалого количества сходных черт между удельной Русью и феодальной Западной Европой. Более того, он обнаруживает значительно больше таких черт, чем его предшественники. И тем не менее выводы его однозначны: «В удельном порядке можно найти немало черт, сходных с феодальными отношениями, юридическими и экономическими, но, имея под собой иную социальную почву, подвижное сельское население, эти сходные отношения образуют иные сочетания и являются моментами совсем различных процессов». Далее еще более конкретно: «Но это — явления не сходные, а только параллельные. В отношениях бояр и вольных слуг к удельному князю многого недоставало для такого сходства, недоставало, между прочим, двух основных феодальных особенностей: 1. соединения служебных отношений с поземельными и 2. наследственности тех и других⁵».

Просуществовав совсем не много лет, понятие русского феодализма очень скоро начинает показывать признаки краха. И в этом смысле наиболее показательна концепция Павла Милюкова. В своей работе «Очерки по истории русской культуры» Милюков признает существование русского феодализма, однако по его мнению, на русской почве он, в отличие от западноевропейского, где возникновение феодализма было результатом внутреннего развития, а именно образования крупных земельных владений и аристократии, сложился под влиянием внешних воздействий, войн и торговли. Вследствие этого, формирование феодализма в России не только замедлилось, но и приобрело совершенно иные — по сравнению с классическими средневековыми — формы⁶.

Конечно, в той форме, в какой Милюков определяет феодализм, мы вряд ли найдем на земном шаре народ,

один из периодов развития которого нельзя было бы описать с его помощью. Ибо феодализм для него это не что иное как «присвоение политической власти социально-сильными элементами и политическое подчинение элементов социально-слабых». Однако по Милюкову это всего лишь «родовое» определение, которое может быть применено по отношению к любому развитию, например, к Индии или Кавказу. В «видовом» же смысле, феодализм — это «индивидуальная физиономия данного строя в Западной Европе — и в этом смысле русский вариант того же строя не должен быть называем этим термином, если мы хотим избежать путаницы понятий»⁷.

Двойное употребление термина у Милюкова — это уже признак полной непригодности понятия феодализма. Отвергая, как и предшествующая ему историография, его использование в узком смысле по отношению к России, он признает его правомерность в несерьезно-обобщенном смысле для сопоставления во всеобщей истории. Однако в это странное положение русская историография попадает уже после того, как Н.П.Павлов-Сильванский в ряде своих работ выступил за понятие феодализма.

Н.П.Павлов-Сильванский — интересная фигура в русской историографии. Провалившись на магистерском экзамене, причем именно на вопросе феодализма, он так никогда и не получил научной степени, а потому и не смог занять кафедры ни в одном из высших учебных заведений. Это означало, что он практически был вытеснен на периферию научной жизни, откуда будоражил историческую науку внушительным количеством публикаций. Начиная с 1897 г. одна за другой выходят его объемные работы, в которых он сопоставляет основные институты, характерные признаки западного феодализма с их русскими аналогами для того, чтобы спустя десятилетие в небольшой книге, носящей обобщающий характер, прийти к заключению о сходности западноевропейского и русского феодализма.

Н.П.Павлов-Сильванский делит русскую историю на три периода. Первый период продолжается с доисторических времен до XII в., характерным его элементом является община. Поворот наступает в 1169 г., когда владимирский князь Андрей Боголюбский занимает Киев. Это событие кладет начало переходному периоду, основой которого служит вотчина и закрепление князя и его дружины на земле с начала XIII в.

Таким образом, второй период охватывает время с XIII до середины XVI в., когда к власти приходит боярщина-сеньерия. Это и есть период русского феодализма. Затем в 1565 г. опричнина Ивана IV открывает третий, продолжающийся до XIX в. период, характерным явлением которого является государство. Это период сословного государства, который можно разделить на два этапа: московская сословная монархия и петербургский абсолютизм.

Уже сама эта периодизация дает представление о взглядах Н.П.Павлова-Сильванского на феодализм. Исходя из представлений Гизо и несколько изменив их под влиянием новых западных историков: Люшера, Фюстельде-Куланжа и немца Лампрехта, он продолжает отождествлять феодализм с политической раздробленностью, выделяя три его основных принципа: 1. раздробление территории на домены-синьории 2. объединение их вассальной иерархией 3. условность землевладения. Однако под влиянием упомянутых историков, и в первую очередь, Лампрехта он признает правомерность теории «экономического феодализма», а поэтому определяет понятие феодализма следующим образом: «Где нет крупного землевладения, там не может быть и феодализма, существенные черты которого состоят, с одной стороны, в раздроблении страны на множество самостоятельных владений, княжеств и привилегированных боярщин-сеньерий и, с другой стороны, в объединении этих владений договорными, вассальными связями, заменяющими позднейшие государственные начала подданства». Однако ему не удается синтезировать теории «эконо-

мического» и «политического» феодализма и вслед за Люшером он в своей книге тоже отдельно анализирует так называемую синьориальную систему (то есть экономические основы феодализма) и феодализм как таковой. И поскольку, по мнению Н.Павлова-Сильванского, в России с XIII по XV в. налицо были оба из них, то этот период можно считать в обоих смыслах русским феодализмом.

В главе «Сеньориальные основы удельного порядка» (составляющей добрую половину книги «Феодальные основы удельного порядка»), он пишет сначала о поразительном совпадении германского свода законов и «Русской правды», затем о схожести русской общины и германской марки в русской и западноевропейской истории в период до Ивана IV. После этого переходит к главной проблеме этой главы, вопросу о крупных землевладениях. В ходе анализа он делает следующее заключение: «Средневековое крупное имение у нас, как и на Западе, делится на две неравные части: одна, большая часть, обрабатывается крестьянами как самостоятельными хозяевами за известную плату в пользу землевладельца, другая состоит в непосредственном хозяйственном заведовании господина и составляет обыкновенно незначительную часть всего имения». Отдав таким образом должное теории «экономического» феодализма, он после небольшого отступления приступает к сопоставлению собственно феодальных элементов. В процессе этого анализа с помощью примеров из западной и русской истории он приходит к заключению, что на Руси — точно так же, как на Западе, — существовали раздробление верховной власти, причины которого он справедливо видит в господстве натурального хозяйства, иммунитет, феодальная иерархия, принцип соединения служебных отношений с поземельными, более того, и процедуру принесения вассальной присяги он описывает как совпадающую. На основе представленного им материала кажется вполне справедливым вывод о том, что нет ни одного коренного расхождения, различия наблюдаются

лишь в количестве, а не в качестве явлений. Да и те можно обнаружить лишь в историческом процессе формирования феодализма, в самой же сложившейся системе их нет.

Этот политический феодализм, так же, как и на Западе, пал, конец ему положила монархия Ивана IV, и произошло это с отставанием от него — по мнению Павлова-Сильванского — всего лишь на сто лет, однако так называемый социальный феодализм сохранялся — тоже аналогично западному — и при сословной монархии. Русский царизм XVII в. по своей структуре полностью тождествен современному ему западной сословной монархии, продолжает Павлов-Сильванский, и, на этот раз совпадая и во времени, и тот и другая в начале XVIII в. преобразуются в абсолютистскую монархию. Не довольствуясь этими хронологическими «совпадениями», автор приводит и другие наблюдения. Например, отмечает, что установление крепостного права в России около 1600 г. означает отставание от Германии всего лишь на 50–60 лет, и отмена крепостного права на русской земле в 1861 г. произошла примерно с таким же опозданием. Тем самым он, вероятно, хочет создать впечатление, что во всем «западном» развитии распад крепостного права в XIX в. был нормальным явлением⁸.

Эти заключения Павлова-Сильванского прекрасно характеризуют его компаративный метод. С его помощью ему удастся добиться того, что читателю кажутся убедительными любые его категорические утверждения, поскольку он подкрепляет их «достоверными» на первый взгляд доказательствами. При более пристальном рассмотрении использованных автором источников, исторической литературы поражает его тенденциозность. Суть метода Павлова-Сильванского заключается в *неисторичности*. Для подтверждения своих утверждений он прибегает только к тем произведениям (да и там только к тем их частям), которые вписываются в его предварительные предположения. Но что еще важнее, он так же обращает-

ся и с источниками. Рассматривая четко обозначенный период русской истории — XIII—XV вв. — он выбирает для сопоставления свой доказательный аппарат из *тысячелетней* западноевропейской истории, причем попеременно из различных периодов французской, немецкой, английской истории, и всегда только тех из них, которые представляются ему пригодными для демонстрации тождественности. Таким образом, он подбирает для построения здания русского феодализма те кирпичики, которые и в самом деле имеют отношение к западному феодализму, но в такой их комбинации неизвестны западной истории. Само по себе и это еще не проблема, ведь двух одинаковых феодализмов не бывает, проблема в том, что Павлов-Сильванский таким образом доказывает именно сходство этих двух строений. А если произвести беглый количественный учет использованного Павловым-Сильванским западного (в первую очередь французского) материала, мы придем к очень существенному заключению о том, что значительная его часть взята из периодов формирования и раннего развития западного феодализма. И хотя Павлов-Сильванский сходство русского и западного феодализма видит и в одинаковой хронологии, мы должны предостеречь читателей его книг, чтобы они не дали ввести себя в заблуждение: обнаруженные им сходные черты действительно существуют, но они свидетельствуют об аналогиях между периодом *раннего* феодализма в Западной Европе и историей Руси XIII—XV вв.

На исследования Павлова-Сильванского историческая критика отреагировала еще после первой их публикации, однако в начале XX в. и особенно после революции 1905 г. эта казалось бы не идеологическая тема: существовал или не существовал русский феодализм — вдруг взволновала широкое общественное мнение. Признание существования русского феодализма в той ситуации было равнозначно положительному отношению к настоящему и будущему Запада, оно выражало стремление прогрес-

сивной общественности идеологизировать необходимость реформ, привлекая на помощь уроки прошлого и стараясь представить желаемое историческое развитие как органическое продолжение пройденного в прошлом пути. И в этом смысле не прав был один из более поздних приверженцев Павлова-Сильванского, утверждавший, что взгляды последнего в свое время не имели резонанса⁹. Как раз наоборот.

Показательно однако, что в самом конце XIX и в самом начале XX в. скептики, вне сомнения, еще составляли в профессиональной историографии подавляющее большинство. К ним относится и уже упоминавшийся Ключевский, чьи «Лекции» примерно в это время впервые вышли в свет в форме книги. А Владимирский-Буданов, известный историк права, без обиняков оценил названный Павловым-Сильванским феодальным институт «неважной» по отношению ко всей древнерусской жизни «чертой»¹⁰. Подобной же точки зрения придерживался и другой крупный историк В.И.Сергеевич¹¹. И даже Тарановский, основательнее других занимавшийся работами Павлова-Сильванского, приходит в выводу, что на вопрос, существовал ли на Руси феодализм, нельзя дать «прямого утвердительного ответа»¹². А поскольку указанные историки принадлежат к старшему поколению, мы должны согласиться с тем рецензентом, который писал, что теорию Павлова-Сильванского склонны принимать скорее представители более молодого поколения¹³.

Это поколение заявило о себе в полный голос после революции 1905 г., причем так громко, что перекричало сомневающихся. У такой резкой перемены настроения были, конечно, и узко-профессиональные причины, на которые указывали многие из принимавших тогда участие в дискуссии ученых: а именно развитие общественных наук, стремление мыслить в рамках всеобщей, в истинном значении этого слова, истории, а значит, и разработка пригодного для этого метода, сравнительно-исторического подхода. Но решающим толчком тем не

менее послужили политические изменения. На это недвусмысленно указывает прощающийся с Павловым-Сильванским П.Щеголев: «Кажется только события, пережитые нами в этом веке, раскрыли его глаза на эту сторону его теории, подрывающей последний объективный довод всех защитников самобытного развития России и в силу этого — неприкосновенности ее государственного строя»¹⁴. В.Филатов идет дальше и называет все своими именами. По его мнению, при чтении исторической литературы последних лет, складывается впечатление, что «поворот к западному ходу развития и парламентаризму можно было объяснить лишь чудом». Далее он замечает, что для того, «чтобы избежать такого странного положения, приходилось, помимо влияния страны и экономических факторов, выдвигать закон внутреннего развития общества. Неудобства такого состояния знаний по русской истории особенно чувствовали марксисты, они усиленно выдвигали вперед вопрос о единстве западной и русской истории, но главным образом а priori»¹⁵. И вот тогда появился, как он считает, Павлов-Сильванский, который решил этот вопрос и на научном уровне. В любом случае трудно не согласиться с М.Богуславским, который по поводу общественных настроений после 1905—1907 гг. заметил следующее: «Самобытность русского развития — это теперь удел эпигонов славянофильства...»¹⁶. И хотя великие старцы историографии так и не примирились с этой теорией, прикрывая свои сомнения осторожными формулировками¹⁷, концепция русского феодализма получила широкое распространение. Правда, опять же на уровне публицистики и опять же из политических соображений раздавались и контр-мнения. В.Сторожев, например, весьма выразительным образом возражает: «Назойливый вопрос, в чем же мы не европейцы и почему, проходя одинаковые этапы развития, мы как будто попадаем не туда, куда следует, по-прежнему остается нерешенным». В конце своей рецензии он формулирует еще более резко: «...не знаю,

почему при тождестве пройденных этапов мы в конечном счете уперлись в тупик варварства и холопства»¹⁸.

Рациональное, историческое зерно такого эмоционального подхода к этой проблеме в те годы под вопрос почти не ставилось. Поэтому и сложилось то необычное положение, которое точно охарактеризовал Милюков в словарной статье энциклопедии Брокгауза, говоря, что русские грамотные люди принимают теорию русского феодализма в виде демонстрации признания существования универсальных исторических закономерностей и соответственно признания русского развития в русле всеобщих закономерностей. Однако это понятие феодализма носит самый обобщенный характер, и, как замечают многие, в таком смысле с его помощью может быть описано даже развитие Индии или Персии. Проще говоря, публицистика, применяя понятие феодализма, в надежде на общее с Западом будущее «дает аванс» максимально широко понимаемой всемирности русскому прошлому. В научном же понимании различия между западным и русским феодализмом по-прежнему непоколебимы. Вряд ли найдется автор, который, используя понятие феодализма, не критиковал бы при этом Павлова-Сильванского за натянутость попытки показать полную тождественность двух феодализмов. И с этой точки зрения можно сказать, что учение Павлова-Сильванского до октябрьской революции воспринято не было. В то время в большинстве были те, кто считал русский феодализм «расплывчатым и слабо развитым», находящимся «в зачаточном состоянии»¹⁹. А посему, их не удивило бы, если, как сказал Ковалевский, «при более детальном рассмотрении русский феодализм оказался бы ближе стоящим к строю англосаксонского общества времен Эдуарда Исповедника, нежели к французскому феодализму эпохи Гугона Капета»²⁰.

Таким образом, «русский феодализм» в начале века стал в глазах многих жертвой излишне широкого его понимания. С одной стороны, посредством этого понятия Россию как бы включили в мировое развитие, но по-

сколько точного его описания сделано не было, как раз из-за неразберихи с понятием, подлинного лица русского феодализма, реальной базы для сравнения обрисовать не сумели, а значит, не смогли и обозначить места русского прошлого в европейском развитии. Судьба этой проблемы непосредственно после 1917 г. наглядно показывает, в какой тупик зашло понятие феодализма. В качестве примера приведем лишь Н.Рожкова, написавшего значительные работы *еще* до 1917 г. В начале века он еще отрицал существование русского феодализма, но впоследствии, благодаря более общей дефиниции, находил его приемлемым. Тогда он выделил три типа феодализма: английский, французский, русский. По его мнению, на английский тип похожи чешский и венгерский феодализм, переходным к французскому типу он считает грузинский, турецкий и, частично, скандинавский, сербский, болгарский, румынский феодализмы, а также юго-западно русский и литовский. В отличие от них, великорусский тип «так и остался без повторений: он в высшей степени своеобразен»²¹.

К 20-м гг. сложилось несколько марксистских подходов к описанию предшествующей русской истории. Наиболее значительным с этой точки зрения надо признать «Введение», ранее написанное Г.В.Плехановым к «Истории русской общественной мысли». Касаясь проблемы русского феодализма, Плеханов предлагает в нем весьма своеобразное ее решение. Он признает его существование, но опять же в таком широком смысле, чтобы суметь включить в него понятие восточного деспотизма, как такое, которое более пригодно для описания специфики развития. Кстати, понятие восточного деспотизма используется им не на основе теории общественных формаций, то есть он видит в нем одну из разновидностей феодализма. А следовательно, такая постановка проблемы ничего общего не имеет с марксовской категорией азиатского способа производства. Как раз напротив, Плеханов и в данном случае черпает из традиций русской ис-

ториографии, ибо с его точки зрения и Япония, Китай, Египет также прошли период феодализма.

Плеханов отвергает положение Павлова-Сильванского о «полном сходстве» русского и западного феодализма, равно как и положение о «полной его самобытности». Он считает, что «в нем есть особенности, очень заметно отличающие его от исторического процесса всех стран европейского Запада и напоминающие процесс развития великих восточных деспотий. Они то увеличиваются, то уменьшаются, вследствие чего Россия как бы колеблется между Западом и Востоком». В московский период его истории эти особенности гораздо более заметны, чем в киевский период. А после реформ Петра I они снова уменьшаются, сначала очень медленно, потом все быстрее и быстрее. Двумя страницами ниже эта формулировка становится еще более определенной. Плеханов замечает, что чем своеобразнее русское общественное развитие по сравнению с западноевропейским, тем менее оно своеобразно по сравнению с восточным развитием и наоборот. В итоге Плеханов придерживается принципа «относительного своеобразия» русского развития, в том числе и по сравнению с Востоком. Он указывает на то, что для того, чтобы защитить себя от врагов, значительно превосходящих ее в экономическом развитии, России требовалось тратить на военные нужды значительно большую часть своих сил, чем это делали восточные деспотии. В этом видит Плеханов особенность русского развития, отличающую его от восточных деспотий. Он считает, что Московское государство отличалось от расположенных западнее от него тем, что укрепостило себе не только низший класс, земледельческий, но и высший, служилый класс, от восточных же — на которые оно в этом отношении очень было похоже — тем, что вынуждено было повесить на укрепощенное население куда более тяжелое иго, чем те²².

В наши задачи не входит анализ взглядов Плеханова на историю, мы не собираемся ни критиковать, ни одоб-

рять его компиляцию из исследований наиболее выдающихся представителей «буржуазной» историографии. Здесь нам только хотелось бы заметить, что его концепция в той же степени помогает обрисовать «профиль» русского феодализма, в какой способствует, помимо своей воли, разрушению понятия феодализма и слиянию его с понятием азиатского способа производства.

Таким образом, Плеханов представляет собой прекрасный пример того, что с особой чуткостью осознающие «неудобство» — для настоящего и для будущего — различающейся сути западной и русской истории марксисты были способны дать ответ на эту, в конечном счете, историческую проблему, руководствуясь не одной лишь политико-идеологической мотивацией, и не просто предвзятый ответ, а такой, в основе которого лежало осмысление достижений исторической науки.

В 20-е гг. положение меняется, проблема Запада и России (а следовательно и русского феодализма) подчиняется ответу на вопросы об октябрьской революции, о будущем революции, о построении социализма в одной стране, зависящих от актуальной политико-идеологической борьбы. Подминая под себя мнения оппонентов, постепенно официальной становится та точка зрения, которая, теперь уже дословно понимая учение Павлова-Сильванского, старалась доказать полное тождество русской истории с западной. В этот «героический» период формирования марксистского подхода к истории на первый план выступает «социологическая», упрощенная, схематическая историография, поэтому стремление обнаружить в истории общества характерные для мира природы универсальные закономерности влечет за собой множество ложных обобщений. В очень упрощенном виде суть этого подхода сводится к следующему: если историей движут всеобщие закономерности, тогда они точно так же действуют и к точно тем же результатам приводят в России, что и в любой другой стране мира.

В публицистике двадцатых годов, преследующей агитационные и пропагандистские цели, понятным образом подчеркиваются политические мотивации. Переиздающий книгу Павлова-Сильванского ведущий советский культурный политик и историк М.Н.Покровский, например, ставит вопрос таким образом, что при царизме провозглашение «самобытности» в прошлом как бы служило порукой «самобытности» в будущем²³. Неудивительно, что в своем синтезе, в то время служившем эталоном, он вел борьбу с таким пониманием. Это обстоятельство однако никак не повлияло на тот факт, что для него эта научная историческая проблема до конца оставалась актуальным политическим вопросом. Ведь если всмотреться, мы увидим, что Покровский по сути дела повторяет положения Павлова-Сильванского, конечно, в другой фразеологии, в своих целях. Он тоже применяет термин феодализм по отношению к периоду с XIII до XVI в. он тоже обнаруживает полное сходство между русским и западным феодализмом практически в каждом его моменте. Правда, в своей дефиниции он пытается провести социальный момент и, в отличие от своих предшественников, делает упор на экономический феодализм. Это, однако, не мешает ему находить общие черты и в «политическом феодализме», в лучшем случае, в менее сложных формах проявляющемся в России, чем на Западе. Он соглашается с Павловым-Сильванским также и в том, что причины конца политического феодализма надо искать в зарождении централизованного государства. Отметим однако, что при всем этом основанная им школа приводила в доказательство экономические причины и объясняла это явление победой торгового капитала. Эта школа рассматривает господство торгового капитала в эпоху экономического феодализма, до появления промышленного капитала и капитализма, в качестве почти что отдельного периода. Феодализм, таким образом, не занимает ключевых позиций в его взглядах, по крайней мере по сравнению с торговым капиталом, который яв-

ляется краеугольным камнем его теории, призванным доказать наличие опять-таки русско-западных параллелей²⁴.

Таким образом, через Покровского оснащенная марксистской аргументацией теория Павлова-Сильванского стала в середине двадцатых годов господствующей. Это было адекватным отражением идеологической политики партии, военным коммунизмом в теории. И хотя в 1927 г. полагали, что пролетарская диктатура означала в области идеологии настоящую идейную революцию, создавшую диктатуру марксизма, в духовной жизни тем не менее уживались и необщепринятые мнения.

Что же касается конкретно изучения древней русской истории, — отчасти потому, что новое поколение историков в то время не уделяло особого внимания этому разделу, а также благодаря уже упомянутой относительной толерантности — дореволюционные историки продолжали высказываться по этой теме до самого конца десятилетия. Например, во время так называемых диспутов о книгах Д.М.Петрушевского и С.М.Дубровского. Несмотря на то, что концепцию феодализма прекрасного специалиста по средневековой западноевропейской истории Петрушевского на заседании, где проходила дискуссия, многие обвиняли в антимарксизме, у нее нашлись и защитники. Косминский делал это с помощью вывернутой логики, говоря, что такой подход можно с легкостью перевести на язык марксизма²⁵. Неусыхин же — с поражающей, если учесть вскоре после этого последовавшие события, открытостью — подошел к этому вопросу с принципиальных методологических позиций, указывая на то, что сложилось положение, когда все, что идет от Рикерта заведомо плохо, а то, что от Маркса, заведомо хорошо, но не потому, что хорошо само по себе, а потому, что от Маркса²⁶.

Полемика, последовавшая за книгой С.М.Дубровского «К вопросу о сущности азиатского способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала» по своей атмосфере примыкает к этой дискуссии. К тому

времени существование русского феодализма рассматривалось как факт, его возникновение большая часть историков относила еще к Киевской Руси. Однако в области дефиниции, выделения критериев, периодизации и конкретного описания была удивительная неопределенность. С.М.Дубровский относит к основам феодальной системы способ производства, основывающийся непосредственно на натуральном хозяйстве производителей-земледельцев. Однако, как подчеркивает Дубровский, крупная земельная собственность отнюдь не является неотъемлемым условием существования феодализма²⁷. Здесь уже наблюдается отличие от взглядов Покровского, хотя немного позже и сам Покровский заявил, что марксисты сохранили политические критерии феодализма потому, что буржуазные историки признавали существование только экономической его основы, и на этой основе утверждали, что политическое устройство России отличается от западного²⁸.

Участники дискуссии были согласны в том, что недопустимо, рассмотрение Дубровским крепостного права как отдельной формации. В остальном же мнения их разделились. А.Мальшев считал, что вплоть до XVI в. в России существовал лишь *ранний* феодализм²⁹. Однако такие собственно исторические вопросы не имели резонанса из-за преобладания идеологических, методологических подходов. Это неудивительно в такой ситуации, когда исторические воззрения непосредственно определяются потребностями актуальной политической борьбы. Помимо борьбы за власть, которую вели отдельные личности и клики, а также внешнеполитических интересов надо особо указать и на стратегические изменения: начиная с середины двадцатых годов мыслящее общество было поляризовано теорией построения социализма в отдельно взятой стране и теорией перманентной революции.

Эти споры наложили отпечаток и на противостоящие друг другу исторические концепции, которые в классической форме были сформулированы Михаилом Покровским и Львом Троцким³⁰. Действие их однако осу-

шествлялось не в такой примитивной форме, когда упомянутые политики непосредственно проецируют свои политические идеалы на историческое прошлое. Если бы это происходило таким образом, то тогда Покровский должен был бы принять точку зрения Троцкого и наоборот. Ведь Троцкий из отсталости России и особенностей ее развития выводил необходимость мировой революции, в то время как Покровский, признавая мировой характер русского феодализма и капитализма, тем не менее выдвигал лозунг построения социализма в одной стране. В результате всего этого во второй половине двадцатого века официальная историческая концепция оказалась сформулированной довольно парадоксальным образом. Поскольку с теорией Троцкого о перманентной революции смыкается положение об «отсталости», оба вместе они компрометируют так называемую «русскую самобытность». На ее место встает исключаящая «особые» черты русского исторического развития линия Покровского, которая однако не подходит для теории «социализма в одной стране». После всего этого уже не кажется случайным то, что по мере уничтожения оппозиции, уменьшается и потребность в Покровском и старой гвардии ортодоксальных марксистов, а на повестке дня встает вопрос о создании новой исторической концепции, способной интегрировать «национальное своеобразие» (но вместе с тем и повышающей «самоуважение»). Участилась критика на Покровского³¹, претерпела изменения и теория феодализма. До этого, как известно, исторические взгляды Покровского характеризовало то, что в их основе лежал вульгарный экономический материализм, поставленный на службу политике, однако все это было поставлено на службу революции, точнее мировой революции. Историческое мировоззрение старой гвардии определяла партийность, к истории они подходили с классовых позиций. После прихода к власти «сталинской» исторической науки вышеупомянутые особенности понимания исторического процесса, характерные для

«героического периода» марксизма изменились. Вульгарно-марксистское мировоззрение сохранилось, но потеряло примитивную «чистоту» предыдущей эпохи. Фразеология осталась неизменной, но при этом произошел постепенный отход от историографии, ставящей в центр своего внимания героическую борьбу угнетенных классов, у дворянской историографии был позаимствован культ героев, делающих историю, а у буржуазной — повышенное национальное самосознание. Эта последняя особенность с того времени становится господствующей, именно она определяет все точки зрения, высказываемые по поводу русского феодализма. Хотя нельзя забывать и о том факте, что партийное и государственное постановление о преподавании национальной истории от 1934 г., положившее начало новому историческому подходу, привлекло внимание к этому почти забытому давнему прошлому и стало серьезным толчком к его научному, историческому изучению.

При этом хотелось подчеркнуть: было бы крайне несправедливо рассматривать советскую историческую науку как нечто гомогенное. После XX съезда появилось множество монографий, сильной стороной которых был фактографический подход. И даже на методологическом уровне имели место очень интересные дискуссии, как например, дискуссия о «нисходящей» и «восходящей» стадии феодализма, а также дискуссии о переходе от феодализма к капитализму и об абсолютизме, которые тесно связаны с нашей темой.

После того, как так называемая сталинская историография оказалась в положении гегемона, концепция существования русского феодализма превратилась в одну из ее аксиом, своего рода «священную корову». Произошло это по вполне понятным причинам: посредством этой концепции можно было легко подтвердить историческими фактами равноценность любого периода русской и западной истории. Ученые, настаивающие на самобытности русской истории, особенно те, кто подчеркивал ее

азиатский характер, были вытеснены на периферию историографии или по указанию свыше вообще замолчали.

Доказательство полного сходства принимало порой совершенно абсурдные формы, историки буквально старались перещеголять друг друга. Наиболее широкие возможности для этого предоставляло определение хронологических границ феодализма. Группа под руководством Б.Д. Грекова, на протяжении десятилетий часто менявшего свои взгляды, отодвинула время возникновения феодализма до самой предыстории Киевской Руси. Этот вопрос основательно анализируется в книге «Советская историография Киевской Руси», поэтому я не буду на нем останавливаться³².

Грековская концепция долго удерживала гегемонию в советской историографии. Первая серьезная критика в ее адрес прозвучала от И.Я. Фроянова и В.И. Горемыкиной, правда, на совершенно иных концепциональных основах. По существу благодаря ей грековская концепция стала неприемлемой, и была обновлена академиками Л.В. Черепнинным и В.Л. Яниным.

В заключение надо признать, что именно советская историография окончательно дискредитировала концепцию Павлова-Сильванского, популяризируя ее в до абсурда абсолютизированной форме и абсолютизированными средствами. Не удивительно, что после краха вульгарной марсистской историографии эта концепция была подвергнута справедливой критике. И вполне закономерно, что разговоры о русском феодализме снова стали считаться в некоторых кругах «дурным тоном», исторической невоспитанностью³³, и снова вошло в моду подчеркивать самобытность русского развития.

Совершенно очевидно, что все это диктуется логикой спора. Но если взглянуть на эту проблему непредвзятым взглядом и освободить ее от абсурдных моментов, мы вряд ли сможем с такой легкостью отправить ее на свалку историографии. Конечно, в том случае, если мы вообще хотим описать этот продолжительный период рус-

ской истории с помощью какого-нибудь понятия. И в том случае, если мы согласимся с тем фактом, что известный нам по учебникам так называемый «классический феодализм» на самом деле существовал только в Северной Франции. По сравнению с ним феодализм всех других стран характеризовался существенными отличительными особенностями, число которых увеличивается по мере продвижения на восток. Вопрос, естественно, состоит в том, когда эти отличия стали носить качественный характер и когда их стало удобнее описывать понятиями «восточного деспотизма» и «азиатского способа производства». На мой взгляд, русское развитие по своей сути отличается, например, во многом от напоминающего его турецкого устройства, поскольку там до XVIII в. не сложился класс светских землевладельцев и крупные вотчины. Еще значительнее отличия по сравнению с китайским развитием, описываемым с помощью понятия «азиатского способа производства», введенного по отношению к орошаемым обществам. И хотя значительный отрезок русской истории характеризуется тенденцией к двухполюсности, неоспоримым фактом является то, что между двумя полюсами, царем и крестьянами, значительную роль играл светский класс землевладельцев. В то же время, в России — так же, как на Западе — сложились и долгое время служили основой социально-экономического порядка феодальные крупные владения двойной — состоящей из барской запашки и самостоятельных крестьянских хозяйств — структуры, и в этих владениях работали крестьяне, принуждаемые к труду внеэкономическим способом. Такое понятие феодализма, естественно, является более широким, чем понятия так называемого полного феодализма, в которых критерием считается наличие либо вассальной иерархии, либо политической раздробленности, либо их обеих. Это узкое использование понятия практически исключает из долгого периода истории значительную группу европейских народов. Тогда как предлагаемое нами, более широ-

кое, понятие феодализма способно различить европейское и азиатское развитие.

Конечно, при таком широком употреблении понятия велика методологическая опасность неразличения, слияния различных по качеству исторических явлений. Этого можно избежать, если при обобщенном употреблении понятия особо и последовательно акцентировать в конкретном описании специфические черты. Тогда, с одной стороны, будут проведены четкие различия между, скажем, русским и английским феодализмом, с другой стороны, не окажутся рядом средневековая русская и новая таджикская истории. И поскольку мы имеем дело с историей, важна и хронология. Историографии удалось бы избежать множества методологических ошибок, если бы она не старалась сходные по качеству черты представить как совпадения во времени. Если вернуться к Павлову-Сильванскому, то в действительности можно увидеть то, чего не увидел он: сходство есть, но оно наблюдается между ранним западным феодализмом и русским устройством XIV–XVI вв. То есть, на русской земле черты европейского раннего феодализма можно проследить в то время, которое по меркам всеобщей истории мы обозначаем как начало нового времени. К таким чертам надо отнести большое число различающихся по своему юридическому статусу групп вольных крестьян и холопов, относительную незначительность светских земельных владений, преобладание государственной собственности на землю, патримониальная власть правителя. Естественно, и это феодализм, и это Федот, пользуясь любимой пословицей историка Струмилина. И все-таки «Федот — да не тот!»³⁴

¹ См.: Греков Б.Д. Н.П.Павлов-Сильванский о феодализме в России // *Н.П.Павлов-Сильванский. Феодализм в России.* М., 1988. С. 579.

² *Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт Древней Руси // *Собр. соч.* Т. 1. Монографии по русской истории. СПб., б.г. С. 24–26.

- 3 *Соловьев С.М.* История России с древних времен. М., 1962. Т. 7. С. 46.
- 4 *Костомаров Н.* Начало единодержавия в России. Исторические монографии и исследования. СПб., 1872. Т. 12. С. 87.
- 5 *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М., 1937. Т. 1. С. 375, 377.
- 6 *Милюков П.* Очерки по русской культуре. Ч. 1. СПб., 1904. С. 133-139.
- 7 *Милюков П.* Феодализм в России // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXV С. 548.
- 8 *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в Древней Руси. М., 1924. С. 78, 53, 46, 45-46, 47, 59, 62, 134.
- 9 Об этом, в частности, пишет М.Цвибак в статье «Кем в 90-х годах была выдвинута концепция существования феодализма в России» (Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934/7-8), где он приходит к заключению, что теория русского феодализма была создана В.И.Лениным, поскольку уже на университетском экзамене ему пришлось отвечать по вопросу о «несвободных».
- 10 *Владимирский-Буданов М.* Обзор истории русского права. Киев-СПб., 1900. С. 374.
- 11 *Сергеевич В.* Древности русского права 3. Изд. 2-е. СПб., 1911. С. 469-475.
- 12 *Тарановский Ф.* Феодализм в России // Варшавские Университетские Известия, 1902. № 4. С. 29.
- 13 Исторический журнал. 1907. № 7. С. 308.
- 14 *Щеголев П.* Памяти Н.П.Павлова-Сильванского // Минувшие годы. 1908. № 10. С. 310.
- 15 *Филатов В.* Вестник Воспитания. 1908. № 6. С. 52.
- 16 *Богословский М.* Критическое обозрение. 1908. № 3. С. 41.
- 17 *Платонов С.* Лекции по русской истории. СПб., 1909. С. 117-118.
- 18 *Сторожев В.* Образование. 1908. № 3. С. 119.
- 19 *Богословский М.* Указ. соч. С. 41, 42.
- 20 *Ковалевский М.* Минувшие годы. 1908. № 1. С. 298.
- 21 *Рожков Н.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 2. М., 1922. С. 284-285, 286-287.
- 22 *Плеханов Г.* История русской общественной мысли. Введение. Сочинения. Т. XX. М.-Л., 1925. С. 87, 88.
- 23 *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в Древней Руси. С. 4.
- 24 *Покровский М.* Русская история в самом сжатом очерке. М.-Л., 1928. С. 29-31.
- 25 Диспут о книге Д.М.Петрушевского. Историк-марксист. 1928. № 8. С. 94.
- 26 Там же. С. 99.
- 27 *Покровский С.М.* К вопросу о сущности азиатского способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929. С. 63-64.

- ²⁸ *Покровский М.Н.* О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России // *Борьба классов.* 1931. № 2. С. 82.
- ²⁹ Спорные вопросы методологии истории. (Дискуссия об общественных формациях). Л., 1930. С. 53. А также: *Мальшев А.* К вопросу о сущности крепостного хозяйства // *Крепостная Россия.* Л. 1930. С. 37.
- ³⁰ Этой полемикой подробно занимается Тамаш Краус в статье «Покровский и диспут о русском абсолютизме в конце 20-х годов» в журнале «Történelmi Szemle» (1980. № 4).
- ³¹ Два сборника, получившие в исторической литературе название «антиПокровских» в 1939 и 1940 гг. свидетельствовали об уничтожении школы Покровского. См.: Против исторической концепции М.Н.Покровского. Ч. 1. М.-Л., 1939; Против анимарксистской концепции М.Н.Покровского. Ч. 2. М.-Л., 1940.
- ³² Советская историография Киевской Руси. Л.; 1978.
- ³³ *Чирков С.В.* Н.П.Павлов-Сильванский и его книги о феодализме // Н.П.Павлов-Сильванский. *Феодализм в России.* М., 1988.
- ³⁴ Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969. С. 162.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

А.Н.Сахаров:

Уважаемые коллеги!

Мне приятно представить нашего коллегу, нашего друга, видного венгерского русиста, руководителя Центра русских исследований Будапештского Университета, профессора Дьюлу Свака. Профессор Свак уже вторично посещает наш институт. С Венгерским Центром русистики у нас подписано соглашение. Делегация ученых нашего института принимала участие в большой конференции по проблемам истории России, проходившей в Будапеште в 1998 г. и была гостем Центра русистики Будапештского Университета.

Сам этот факт укладывается в русло общего оживления наших связей со странами Восточной Европы. Мы

заклучили соглашение с чехами и обменялись делегациями. Заключено соглашение с польскими русистами. Делегация от института побывала в Польше, поляки работали в нашем институте. Заключены соглашения и начался обмен учеными с Китаем. В наших планах — дальнейшее развитие отношений с Болгарией, с Румынией.

Все это укладывается в русло развития тесных связей со странами, республиками бывшего Советского Союза. Нас связывают тесные дружеские и научные отношения с историками Белоруссии и Украины. В соответствии с соглашениями они были нашими гостями, докладчиками на наших конференциях. Укрепляются научные отношения с молдаванами, армянами и литовцами.

В основе этих процессов интересы организации, института, науки. И приезд сюда профессора Свака, который познакомит нас со своими идеями относительно периодизации русской истории, в этом смысле представляет собой многозначительный факт.

Почему мы предоставили нашу трибуну профессору Сваку? Не только потому, что это крупнейший венгерский русист, автор монографий об Иване Грозном, о «смутном времени», серии статей по историографии российской истории XVI в. и участник современных политологических изысканий, в частности, книги «Ельцинизм», которая выпущена на русском языке в Будапеште, но и потому, что профессор Свак ставит вопросы, которые в настоящее время как-то померкли в нашем научном сознании: вопросы формационные, цивилизационные, связанные с такими понятиями, как «феодализм», «капитализм», «социализм». В последнее время мы увлеклись предпринимателями, императорами, личностными моментами. Это естественно, поскольку эти вопросы раньше были в известной степени отодвинуты, затушеваны, а сейчас они вышли на первое место. Но нас никто не поймет, если мы не будем решать ключевые вопросы российской истории, в том числе ее периодизации и ее формационно-

цивилизационного развития. Вот почему мы и считаем, что это интересно послушать нашему Ученому совету.

С.М.Каиштанов:

Что вы подразумеваете под феодализмом? Формацию? Или же политическую структуру? Что с вашей точки зрения входит в понятие «феодализм».

Как вы относитесь к работе М.Б.Свердлова, который рассматривает в своей новой монографии историю понятия «феодализм» Он феодализм начинает с IX в., у него свое представление.

В свое время была дискуссия – может быть, схоластическая, сугубо марксистская, когда задавали Сталину вопрос о том, что является основой феодализма – внеэкономическое принуждение или феодальная собственность на землю. Как известно, Сталин тогда сказал: феодальная собственность на землю. А вот когда с IX в. начинается феодализм, тогда получается, что это внеэкономическое принуждение.

Как вы относитесь ко всем этим вопросам? Ведь это понятийные категории.

В.А.Кучкин:

Оказало ли влияние на историческую науку определение феодализма в «Кратком курсе»? Вы ничего об этом не сказали, а это большая веха в советской историографии. Когда вы говорите о феодализме, сравнивая русский феодализм с западным, не дадите ли вы определения того, что следует понимать под феоо-ленными отношениями на Западе? Можно подвести явления русской истории под эти категории или нельзя?

В докладе прозвучала мысль, что по мере приближения от Атлантики к озеру Балатон или к Днепру несколько меняется характер средневековых общественных отношений. Вы можете указать, например, некоторые общие черты в развитии средневековья в Венгрии, Чехии, Польши и Руси?

А.Н.Сахаров:

И в Румынии и Молдавии.

В.А.Кучкин:

Там позже. Здесь же более ранние образования.

Третий вопрос. Когда вы занимаетесь историографией проблемы, вы анализируете идеи, заключения и высказывания. Пытались ли вы проанализировать, например, те источники, которыми пользовался Павлов-Сильванский, проследить, правильны ли его умозаключения по поводу конкретных вещей. Например, когда он говорит об общине, то берет материал, относящийся к Белоозеру XV в., затем сходный материал, относящийся к Московскому княжеству XIV в., а после сразу переходит к Киевской Руси, к X в. Пытались ли вы на основании первоисточников проанализировать правильность построений Павлова-Сильванского?

С.О.Шмидт:

Знакомы ли вы с опубликованными в последние годы трудами С.М.Каштанова, поставившего эту же проблему и выступавшего с докладом в нашем институте?

А.Н.Сахаров:

Какое место может занять обсуждение этой проблемы профессором Фрояновым и его школой? Как вы могли бы трактовать эти позиции с точки зрения его школы? Сам по себе этот факт – заметное явление в нашей историографии.

И, наконец, такой вопрос: как вы относитесь к 47 главе «Капитала»? Никто не опроверг положения, которые в этой главе «Капитала» даны Марксом касательно феодализма. Эти понятия носят универсальный характер. И споры наши шли вокруг того, применимо это или не применимо, и когда применимо к истории России. Как вы относитесь к классическим марксистским положениям, которые в 47-й главе «Капитала» развиты и в дальнейшем адаптированы Лениным в его книге о развитии капитализма в России.

М.Г.Вандалковская:

Знакома ли вам работа Кареева 1910 г., крупного специалиста по всеобщей истории, который написал специальное исследование о русском феодализме? Знакомы ли Вы с эмигрантской историографией, в частности, с трудами Вернадского на эту тему? В 1938 г. на Всемирном конгрессе историков Вернадский выступал с докладом по этой теме с обобщением всей той литературы, которая существовала по вопросу о русском феодализме.

В.Д.Назаров:

Каково ваше отношение, — не скажу — к теории, но к концепции государственной феодальной собственности в эпоху раннего, развитого, а частью и позднего (не будем говорить — феодального) просто средневекового общества? Не могли бы вы также прояснить, с какого времени в самой Франции начинает широко бытовать термин «феод» и претерпевает ли он изменения с течением времени?

Д.Свак:

Мне хотелось бы систематизировать заданные вопросы. Один тип вопросов, очень хорошо известный всем лекторам во всех аудиториях: «Читали ли вы?», «Знаете ли вы?». Такого типа вопросы задают часто, и есть такой очень обычный ответ: я не читал некоторые работы, но некоторые из них я читал... Так я могу ответить на такого типа вопросы.

Так всегда бывает, когда человек касается общего типа проблематики. Тогда всегда остаются так называемые «белые пятна». Что касается работы профессора Каштанова об иммунитетах, он анализировал мнение Павлова-Сильванского насчет возникновения и специфики иммунитетов.

С.О.Шмидт:

Известно ли докладчику, что С.М.Каштанов несколько лет назад выступил с докладом (позднее напечатанным), где поставлен вопрос о том, что Павлов-Сильванский переносит хронологически более ранние западно-европейские явления на Россию более позднего

времени и налицо асинхронность, допускающая иное толкование выявленных черт сходства?

Д.Свак:

Я известен именно критикой взглядов Павлова-Сильванского, в отношении так называемой «экономической основы». В этом заключается отличие между концепцией профессора Каштанова и Павлова-Сильванского по поводу иммунитета.

Следующий более общий вопрос: как я отношусь к классическим определениям феодализма вообще. Есть ли у меня собственное мнение о понятии феодализма как такового? Конечно, есть, но, может быть, это не стало эксплицитным для аудитории, потому что не является выработанным понятием.

Поэтому я могу просто только повторить то, что прочитал в докладе. Конечно, я могу принять только более общее понятие феодализма. А это экономический феодализм с его двойной структурой: с одной стороны, барская запашка, а с другой стороны, появление самостоятельных крестьянских наделов.

Конечно, я знаю, что тысяча лет истории феодализма в Европе привела к тому, что выработался какой-то строй, который всем нам известен по учебникам. И обычно мы характеризуем этот промежуток времени по так называемым критериям политического типа. То, что касается более общего понятия феодализма, это так называемый экономический феодализм. Что же касается специфики феодализма, вот эти критерии будут критериями политического типа. У всех народов, пожалуй, они разные.

Конечно, вассальная иерархия бывает, видимо, везде. Но не везде в одинаковой мере. Например, в России (об этом было много споров) она существовала в зачаточной форме. Но я бы добавил — и в Венгрии тоже. Поэтому очень трудно говорить о том, что эта зачаточная форма уже достаточна или недостаточна для вывода о полной вассальной иерархии.

Если исходить из узкого понимания, конечно, недостаточно, потому что она далека от французской. Тогда не нужно говорить о феодализме в Венгрии и в России.

Поэтому я думаю, что, опираясь на критерии так называемого политического феодализма, мы вообще не смогли бы охарактеризовать одним понятием историю ни одной страны, за исключением Франции. Поэтому я говорю о более широком понятии.

Конечно, с такой точки зрения интересно, были ли параллели между венгерской и русской историей или, скажем, между польской и русской и т.д. Такие параллели, конечно, были. Можно спокойно включить сюда и скандинавскую историю как возможную для сопоставления. Я думаю, что именно начальный период российской, восточно-славянской истории и венгерской, польской истории показывает, что существовало много сходных черт в отношении генезиса или формирования феодализма как такового. С такой точки зрения я бы мог сопоставить эти страны в большей мере после так называемого «второго издания» крепостного права.

Был задан вопрос о Карееве. Кареев выгнал, засыпал на экзамене Павлова-Сильванского, но после того он более-менее его поддерживал. Это очень интересный момент в личной судьбе Павлова-Сильванского: профессор, который не дал ему стать магистром и профессором, в конечном счете потом все-таки принял его концепцию.

Что касается истории Киевской Руси или концепции И.Я.Фроянова, то, конечно, у меня есть мнение об этом, как и мнение о дискуссии между Свердловым и Фрояновым, однако мне не хотелось бы касаться этой проблематики, так как я считаю, что, во-первых, это не моя задача. Во-вторых, постороннему очень неловко давать характеристику и оценивать дискуссию, спор, который ведется в русской историографии по теме Киевской Руси.

Что касается государственного феодализма — это интереснейшая теория в русской историографии. Например, сборник «Система государственного феодализма в

России» — одна из самых интересных книг по этой теме. Что касается, например, теории так называемого «русского пути» или «русского развития», то она оказала на меня влияние, но мне как-то трудно принять этот термин, потому что в рамках моей концепции просто нет места для такого отдельного термина. Я могу принять термин «государственный феодализм» внутри понятия «феодализм» как разновидность русского типа феодализма, если будет достигнут такой консенсус: давайте «русский феодализм» с сегодняшнего дня назовем «государственным феодализмом». Вот тогда, может быть, я буду склонен это принять, но в рамках общего понятия «феодализм» просто нет места для этого термина.

А.Д. Назаров:

Доклад нашего коллеги я бы предварил эпиграфом: «Безумству храбрых поем мы песню».

Я принимаю целый ряд оценок и определений, которые были сделаны нашим докладчиком, и полагаю их достаточно многообещающими.

Первый тезис достаточно общий и хорошо известный, но тем не менее в изложении докладчика он прозвучал — и не единожды — свежо. Это тесная связь теоретических концепционных воззрений на столь древний период российской истории с актуальностью политической и идеологической борьбы в данный момент. Мне кажется, эту мысль можно было бы даже усилить и показать разноровневость нашего исторического сознания, нашей исторической мысли, ее многослойность в те особенные периоды, когда высокая академическая наука прорывается на широкое поле публицистики (а это бывает далеко не всегда, а в какие-то сугубо особенные моменты). В такие моменты, как ни странно, не просто возникает возможность деформировать «нормальное течение» научной мысли со стороны неспециалистов, но создаются некие условия для прорыва научной мысли, потому что в самом келейном течении исторической мысли всегда на-

капливаются не всегда плодотворные традиции, некая инерционность мышления, которую внутри самой историографии порой преодолеть сложно. Такое резкое смещение внешних и внутренних факторов развития историографии, их взаимного сочетания может способствовать подобным прорывам.

Я только не очень понял, почему слишком бегло поданы дискуссии середины и конца 20-х — 50–60-х гг., а также 70-х — первой половины 80-х гг. Мне кажется, что особенно этот последний период заслуживает более пристального внимания. Вы назвали три самые известные дискуссии, но помимо них в рамках формально марксистских воззрений (и не только формальных, поскольку большинство здесь присутствующих, и я в том числе, конечно, были «заражены» теоретическим подходом в рамках марксистской мысли, и, честно говоря, не хочу этого особенно стесняться, поскольку как и в любой научной или частично научной теории в ней есть вполне определенные правильности); так вот, в рамках марксистской мысли, в 60-е–70-е гг. был сделан очень значительный рывок в самом понятийном аппарате, связанном с понятием феодализма и, в принципе выходящим (т.е. противоречащим) за пределы марксизма.

Самое главное — в конкретном накоплении материала, по поводу кого шли теоретические обсуждения и теоретические обобщения. То, что мы знаем, начиная с 50-х–60-х и особенно с 60-х–70-х гг. о России эпохи Киевской Руси, о России эпохи XIV, XV и XVI вв. — это просто несопоставимо по своему объему, по своей детальности с тем, что об этом знали В.О.Ключевский, Н.П.Павлов-Сильванский и др.

Конечно, мы люди, стоящие на плечах своих великих предшественников и поэтому видим больше, чем они. Это надо обязательно подчеркнуть, поскольку неправомерно вы сузили период 60-х–80-х гг. в развитии тех взглядов или той проблемы, о которой вы говорили.

Второй момент. Политическое воздействие на развитие советской историографии или в рамках советской историографии у вас немножко огрублено. Все дело в том, что в рамках древнерусской истории (скажем аккуратно: средневековой российской истории) не было того полного перерыва традиции в науке, который был или существовал в ряде других отраслей исторического знания. Как ни относиться к построениям Б.Д.Грекова — к тому, как он отодвигал, раздвигал или сужал рамки феодализма, что он понимал под самим «феодализмом» и «феодальным обществом», Б.Д.Греков — это человек, прошедший прекрасную выучку профессионала-историка в анализе источников — летописных, правовых; он прошел великолепную школу анализа документальных материалов XVI—XVII вв. на примере архива Новгородского архиерейского дома. И эта ниточка через школу Грекова, через школу или воздействие С.Б.Веселовского, через других представителей университетской школы в Москве, через тех представителей молодого поколения, которое было в РАНИОНе, (тот же будущий академик Л.В.Черепнин был учеником А.И.Яковлева по РАНИОНу и С.Б.Веселовского, и тут, конечно, надо назвать имена М.К.Любавского, С.В.Бахрушина и целого ряда других лиц, которые самим фактом своего существования придавали этой науке истинный профессионализм в подходе и в анализе источников). Вот третий момент, которого, в каких-то аспектах серьезно не хватает в докладе, — анализа не только концепций, но параллельного анализа объема источников, на основании которых эти концепции возникают, и методов их анализа. Это надо обязательно отметить хотя бы какими-то штрихами, абрисами, но это должно присутствовать, потому что, при всей некоей задавленности исторической или историографической мысли в 50—70-е гг. не надо преувеличивать степень или силу контроля, потому что партийный контроль во все не дотягивался до всех сторон и тем более нюансов текущей историографии. Но кое-что этот контроль усво-

ил, особенно там, где были какие-то знаковые темы. Именно там возникали проблемы. Неприятности могли возникнуть в связи с оценкой личности Ивана Грозного, «проблема» могла возникнуть в связи с оценкой классово-вой борьбы — что понимать под «классовой борьбой», с какого момента ее начинать и как ее надо трактовать.

Существовали достаточно широкие объемы и пространства, где эта мысль, традиционно передававшаяся из поколения в поколение, была достаточно свободна и не выходила на печатный уровень. Потому и получился такой значительный прорыв в осмыслении многого, что было связано с феодализмом не только в российском средневековом обществе, но и по отношению к Западной Европе в советской историографии. Мне кажется, что трехтомная «История крестьянства Европы», особенно т. I и II, в этом отношении представляет очень большой интерес с точки зрения и ваших подходов. Надо было непредвзято оценить и степень новизны теоретических построений и меру свободы при их выработке.

Последнее. Это вопрос об азиатском способе производства и о наличии или об отсутствии государственного феодализма. Сразу же уточню: я не говорил о государственном феодализме. Для меня это тоже в значительной степени термин непонятный. Я говорил о государственной феодальной собственности. Еще точнее: я говорил о том, как следует понимать феодальную собственность. На одном из симпозиумов по аграрной истории шел известный спор в рамках еще марксистского подхода к понятию феодальной собственности, который велся до того очень долго. Это вопрос о том, как оценивать государственную собственность, что это такое. Это, согласно взгляду Л.В.Черепнина, собственность государства в лице суверена на все свободное землевладение лично независимого крестьянства (тут могут быть некоторые варианты) или же это смешанная собственность. Это, скажем, взгляд А.Л.Шапиро, И.Я.Фроянова, и еще некоторых ленинградских ученых. Или же это свободная крестьян-

ская собственность. Это взгляд группы ленинградских ученых (И.И.Смирнов и др.). Речь идет об эпохе развитого и позднего феодализма. Потом оказалось, что это можно перенести и трактовать по отношению к более раннему периоду.

Ю.Л.Бессмертный сделал здесь существенный принципиальный прорыв в понимании этих сюжетов. Он на примере сопоставительного фактологического анализа России и Франции эпохи развитых средневековых обществ XIV, XV, XVI вв. показал, что понятие феодальной собственности диалектично и включает в себя два компонента, не просто взаимно переплетенных и тесно взаимосвязанных друг с другом, но так, что в каждом из этих компонентов присутствуют важнейшие и существенные черты второго, как бы оппозиционного компонента. Это компоненты синьориальной и государственной собственности, реализуемые в очень большом наборе тех или других вариантов.

Их взаимосочетание и взаимоувязка, их то или другое соотношение характеризуют или служат некоей основой для различия моделей феодализма и в раннем, и в развитом обществе. Ну, скажем, что такое для нас проблема феодальной и государственной собственности на раннем этапе или в эпоху первого этапа развитого феодализма? Это прежде всего проблема института кормлений, поскольку институт кормлений (который, кстати, существовал и во Франции, в широких масштабах в Скандинавии, в Венгрии, по крайней мере до XV в., да и в целом ряде других стран), иерархически и вассально организованный, очень важный признак отношений собственности.

Т.е. выражаясь другими, марксистскими опять-таки словами, это лен в виде дани. Кормления пронизывают весь круг социальных связей и служат до определенного момента фокусом отношений собственности при наличии, пусть в скромных размерах, но крупной феодальной собственности типа вотчин и синьории, — он являет для нас одну из типологических, особенных черт в российском

феодализме и служит основой для социального воспроизводства основной части российской элиты на протяжении по крайней мере нескольких веков. По крайней мере до рубежа XIV–XV вв. — это очень важный компонент.

Поэтому модные в 60-е гг. споры об азиатском способе производства, о наличии или отсутствии его в России и т.д., мне кажутся не очень предметными. Потому что азиатского способа производства вообще не существует. Передняя Азия, тот же Китай и Юго-Восточная Азия — это две больших разницы, как говорят в Одессе. Китай вообще не знал наследственных элитных слоев, поскольку каждое поколение или каждая смена императора, по крайней мере в пределах IX–XVII вв., означала каждый раз некий имущественный переворот. Чиновник все терял при своей смерти. И он все получал при достижении предела не заданного заранее происхождением карьеры, но его наследники, кроме движимого имущества, недвижимости не получали. В Средней Азии были непрерывные смены, в том числе этнические, политические, вырубали, искореняли элиту и самих носителей того или иного строя в его политическом выражении. Причем это случалось неоднократно. Так что сомнительно говорить о некоем теоретическом общем знаменателе применительно ко всей Азии.

Как ни относиться к определенным моментам в истории России после Батыея, тем или иным взаимоотношениям верховной власти и дворянства — Россия несомненно страна пашенного земледелия, с крупным и наследственным землевладением, в том числе с наследственной формой такого государственного вида собственности как кормление, и, наконец, со сложившейся наследственной элитой. И для определенного момента, бесспорно, иерархически, вассально организованной, хотя, конечно, ступеней этой иерархии будет много меньше, чем в той же Франции. Но принцип, «вассал моего вассала — не мой вассал» в России действует, договорные начала пронизывают всю элиту российского об-

щества XIII–XV вв. — между великими князьями, великими и удельными князьями, между великими и удельными князьями и служилыми князьями. Договорные отношения существуют между князьями и теми двумя рядами российских элитных слоев этого времени, которые обозначаются в источниках как «бояре» и «вольные слуги» или как «бояре» и «дети боярские». Там тоже так или иначе реализуются договорные отношения.

Говорить о том, что в России не было феодализма ни в экономической, ни в политической форме, как вы правильно отметили, будет дурным тоном. Правильный и хороший тон — говорить о российском феодализме. Конечно, феодализм в России — это особенный феодализм, это одна из моделей в большом наборе, в большом веере европейских моделей феодализма, которая, конечно, отнюдь не есть французская модель.

С.М.Каишанов:

В этом докладе поставлены очень интересные вопросы. Особенно мне импонирует мысль о том, что Павлов-Сильванский не те периоды сравнивал, сравнивал хронологически разные периоды, близкие типологически. Например, когда появилась работа Павлова-Сильванского об иммунитетах, Сергеевич написал: иммунитет предшествовал феодализму. Он выражал западную точку зрения, потому что западные иммунитеты — меровингский и каролингский — в западной историографии совершенно не считаются «феодальным» иммунитетом, как мы его называем. У них феодализм начинается с конца IX в., но не раньше, а все похожее на раннюю систему — то, что у нас было, — относится как раз к периоду до конца IX в., а у нас это XIV–XV вв. Я помню статью Ю.Л.Бессмертного. Она меня поразила тем, что там сравнивается Франция XIV–XV вв. с Россией того же времени. Франция уже прошла период так называемой «феодальной раздробленности» в том смысле, в каком она была на Западе, то есть когда местные земледельцы стали графа-

ми, и наоборот, когда аббаты тоже стали своего рода государями, но ведь в России этого периода как раз не было. И во Франции XIV–XVI вв. – не кормление, а продажа должностей. Это, по-моему, абсолютно разные периоды, и методологически как-то странно сравнивать Францию XIV–XV вв. с Россией того же времени. С Россией этого времени надо сравнивать Францию Мерovingов и начала каролингского периода.

Когда говорят, что феодализма в России не было, этим подрывается само представление о том, что такое «феодализм». Вы в конце доклада, по-моему, пришли к компромиссному решению, считая, что «экономический феодализм» и является основой, то есть тем самым подтверждается марксистская концепция, которая сейчас так не модна. Можно отрицать диктатуру пролетариата, а вот то, что существовала феодальная собственность, это в 47-й главе III тома «Капитала», доказано. Основа феодализма – когда есть феодал-собственник и когда есть крестьяне-владельцы. Вот это феодализм. А политические формы могут быть различными.

Л.Н.Александров:

В данном докладе впервые продемонстрирована концептуальная поливариантность подхода к феодализму, к периодизации древней истории, поскольку обычно споры ведутся в пределах какой-то одной концепции, за редким исключением, когда, например, школе последователей Б.Д.Грекова противопоставляется школа последователей Фроянова и т.д.

В данном случае фактически дается принципиально иная концепция относительно того, был ли русский феодализм или его не было. И вполне вероятно, что русского феодализма в нашем привычном догматическом понимании не было, а был какой-либо свой вариант феодализма. Была трактовка, что вообще надо отказаться от понятия феодализм, рабовладение и т.д., а ввести понятие

античность, средневековье как синонимы формационно-стадиальному подходу.

В этой связи хочется отметить, что прежняя схема формально-стадиального подхода в настоящее время претерпевает огромные изменения, поскольку известная последовательность пяти формаций: первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм и т.д. — сейчас в принципе несостоятельна, поскольку современными исследованиями Копешанова, Гобозова показано, что членить общественное развитие исключительно по формационному варианту, т.е. четкой последовательности всех формаций, неправильно, что в одной формации могут быть элементы другой, возможны скачки от низшей к высшей, от средней к низшей и т.д. И концепция линейного, последовательного развития также в одних случаях в принципе может быть, а в других случаях ее быть не может.

И наше традиционное понимание русского феодализма и различные мнения вокруг него зиждятся на схеме развития в принципе Российского государства до XII в., когда образовалась Киевская Русь, возникла раздробленность. Потом лидерство приходит к Владимиро-Суздальской земле, потом — к московским князьям, потом — централизация и т.д. На этой основе проводится и концепция нашего русского феодализма.

А если предположить, что никакой централизации, допустим, в XIII в. не было, были лишь элементы централизации в XIV в. Если предположить, например, что Куликовская битва, происшедшая в 1380 г., впоследствии сыгравшая большую историческую роль, была, во имя интересов законной власти в Золотой Орде, и по результатам сговора московского князя Дмитрия Донского и хана Тохтамыша против узурпатора Мамая... Ведь известны союзнические отношения между Дмитрием Донским и Тахтамышем, которые впоследствии Тахтамыш нарушил. Если выдвинуть другое прочтение источников, например, отказаться от членения летописных сводов на многочисленные подсводы, поскольку, допустим, шахма-

товско-приселковский подход, конечно, очень интересен. А если предположить, что концептуально он не совсем правилен? Ведь доказательство различных летописных слоев также весьма эфемерное. Понимание источников исходит из принятия схемы Шахматова-Приселкова априори как данное, как догма. А если предположить, что эта схема неверна? Поэтому только поливариантное рассмотрение всех концепций, вместе взятых, и отказ от какого-либо монопольного рассмотрения, от какой-либо давящей концепции послужит еще одним шагом к пониманию русского феодализма.

И последний момент. В.Д.Назаров высказал в некотором роде замечание, что докладчик максимально сузил советский период историографии, особенно в 50–80-е гг., что государственное давление на концепции истории, особенно феодализма, было минимальным. Но если посмотреть популярные издания того времени, заглянуть в учебные пособия, в учебники, в фундаментальные монографии, там действительно ведутся споры, дискуссии, но только в рамках одной концепции, только в рамках одного понимания. Фроянов, например, начал высказывать дискуссионные идеи. Зимин высказал дискуссионную идею относительно «Слова о полку Игореве». Но эти дискуссии принимались с трудом. Поэтому должно быть только поливариантное рассмотрение. Надо рассматривать все многообразие различных концепций.

В.А.Кучкин:

На вопрос, который задан сегодня докладчиком, существует два ответа: стыдно говорить о русском феодализме и не стыдно говорить о русском феодализме. Все достаточно просто. Я только хотел бы заметить докладчику, что когда он рассматривает проблему, то анализирует высказывания историков, их выводы и мысли. Из доклада делается ясным, кто, когда и что говорил о русском феодализме. Но почему говорил, ясно не вполне. Проф. Д.Свак пытается ответить на второй вопрос указа-

нием на политическую мотивацию причины. Это верно, но далеко не всегда, и уж во всяком случае неполно. За бортом остается важнейшая проблема: на каких фактах основываются пишущие о русском феодализме исследователи, из каких источников такие факты почерпнуты и т.д. Если мы будем внимательно следить за фактическим обоснованием теоретических положений, то увидим, что имеется целый ряд фактов, не укладывающихся в построения Павлова-Сильванского, с одной стороны, а с другой стороны, когда, например, в советской историографии ставится вопрос о феодализме, предварительно прodelывается очень большая работа по выявлению фактов и их осмыслению.

Когда говорят относительно организационного засилия в советской науке и невозможности свободного высказывания, я хочу напомнить, что, скажем, выдвинутая в 60-х гг. нашего столетия Л.В.Черепниним, который очень часто печатал теоретические статьи в самом главном нашем журнале «Коммунист», теория государственного феодализма, совершенно по-новому решала вопросы общественного строя средневековой Руси, где, оказывается, не было развитой частной земельной собственности.

Следовательно, если докладчик хочет, чтобы его доклад полностью удовлетворил всех читателей и слушателей, необходимо произвести очень большую работу по анализу тех фактов и содержащих такие факты источников, которые легли в основу концепций русского феодализма.

Я не буду говорить о разных взглядах исследователей по тому или иному вопросу, обращусь к некоторым фактам.

В 1148 г. с Юрием Долгоруким поссорился его старший сын Ростислав, поссорился так сильно, что уехал от отца к его неприятелю князю Изяславу Мстиславичу в Киев. Этот Изяслав Мстиславич приходился Юрию Долгорукову племянником. И вот Изяслав Мстиславич, князя в Киеве, дает Ростиславу Юрьевичу города. Это Божский, Межибожье, Котельница и еще два города, которые определить достаточно трудно. При этом Изя-

слав говорил Ростиславу: «Ты здесь постереги Русскую землю, а я отправлюсь в Смоленск и Новгород».

Божский, Межибожье и Котельница находились на юго-западной окраине Киевского княжества. И совершенно очевидно, что давались такие города для того, чтобы новый князь, получая эти владения обеспечил оборону Киевского княжества в целом.

Через несколько месяцев Изяслав Мстиславич, совершив успешный поход на отца Ростислава Юрия Долгорукова, вернулся в Киев и отнял эти города от старшего Юрьевича. При этом между князьями произошел разговор, и Изяслав сказал Ростиславу, что тот хотел, если победит его отец Юрий, занять Киев и захватить в плен семью Изяслава. Ростислав ответил: «Брат и отец, у меня в мыслях этого не было». Тем не менее дружина Ростислава была арестована, а сам он отправлен к отцу.

Если мы за этим красочным рассказом попробуем увидеть факты общественного строя, то перед нами в середине XII в. явный случай владения леном, т.е. определенные части Киевского княжества отдавались князю, который был вассалом киевского князя, признавал его своим отцом-сюзереном и должен был оборонять переданные ему в управление территории и всю землю Киевского княжества от неприятеля.

Перед нами то же самое, что мы встречаем и в Западной Европе — ленные отношения.

Я не буду подробно говорить о других фактах того же рода. До сих пор, например, считается, что некоторые территории, такие, как Туров, Пинск, Слуцк, Клевеск, города России, в XII в. были центрами самостоятельных княжеств.

Но более внимательный анализ обнаруживает интересные вещи. Оказывается, князья названных центров не образуют до поры, до времени династий. Это князья из разных династий. Они получают такие города как ленные владения за то, что участвуют в военных операциях киевского князя. Таким образом, ленные владения

оказываются достаточно распространенными. В средневековой Руси они существовали по меньшей мере с XII в.

Остановлюсь на других фактах, проливающих свет на общественное устройство средневековой Руси.

После 1148 г. проходит два года, в борьбу за Киев вступает отец Ростислава Юрий Долгорукий. Он изгоняет Изяслава Мстиславича, потом Изяслав изгоняет его, но в сентябре 1150 г. Юрий Долгорукий вторично становится князем киевским, прогоняя Изяслава во Владимир-Волынский. В начале марта 1151 г. Изяслав Мстиславич, получив венгерскую помощь, его сестра Евфросинья была замужем за венгерским королем Гезой II, выступает из Владимира-Волынского на Киев. В начале похода он говорит своей дружине: «Вы лишились сел и жизни, уйдя со мной». Очевидно, у его дружинников есть «села и жизнь», то есть поселения и имущество, находившиеся на территории Киевского княжества. «Я верну свою вотчину, а вам верну вашу жизнь» — обещает дружине Изяслав. При выборе маршрута похода от Владимира-Волынского на Киев князь останавливается на пути, шедшем через речку Тетерев (это правый приток Днепра). Там князя Изяслава Мстиславича встречает его дружина, которая сидела по Тетереву. Таким образом, выясняется, что существуют вассальные отношения между князем и дружиной, которая сидит в селах, владеет также и «жизнью». Что означает термин «сидеть»? В данном контексте он служил основой для выводов относительно того, что дружина имела уже вотчины. Я, откровенно говоря, в этом сомневаюсь. Сомневаюсь потому, что когда князь говорит своей дружине «я верну свою вотчину», он не говорит, что вернет и вотчины своих дружинников. Он говорит им, что вернет «жизнь вашу». Сидение в селах — это вовсе еще не вотчинный режим, а скорее всего та система кормления, о которой сегодня уже говорилось.

Я хочу это подчеркнуть, потому что если, например, эта дружина владеет селами, то организация хозяйства

должна быть совсем иной. Кормление подразумевает вольных людей-сельчан, которые дают корм, возможно, платят дань и которые судятся кормленщиком. Последний имеет право суда и право на получение штрафов по суду. Это не совсем та ситуация, которую мы видим, например, в X в., когда Игорь идет в полюдь и берет дань, но не судит население. Но если у дружинников имеются судебные права и имеется право на получение дани, понятно, какие мы видим общественные отношения. Это антагонистические отношения, которые не могут быть приравнены к рабовладельческим. Это ранняя форма феодальных отношений. Есть ли в это время вотчины? Да, есть. Но возникает вопрос: кто в этой вотчине должен работать? Если мы возьмем, например, XIX столетие, то там совершенно ясно: скажем, Обломов приезжает в деревню к своим крепостным — они у него работают. Имеется закон. И в XII в. никакого крепостного права нет. Известно, что такие вотчины обрабатывались трудом холопов, но холопы — это не феодально зависимые люди, а это полностью рабы. Но холопы — далеко не единственные производители. Вотчины обрабатывались трудом зависимых лиц других категорий, например, закупам.

При этом здесь возникает вопрос о «государственном феодализме», о котором у нас говорят уже давно, но о котором ясного и четкого представления нет, потому что понятие не раскрыто на конкретных примерах. Считается, например, что «черные люди» представляют собой простых людей, потому что «черная» работа — это самая простая работа, и «черные люди» — по аналогии, это самые простые люди, они непосредственно трудятся в хозяйстве. Однако сейчас прочитываются документы, которые были найдены еще в 1843 г., а там мы находим такие свидетельства, которых нет в известном нам актовом материале: «а с десятка полтора рубли». Это искусственно созданный коллектив в 10 человек, с которого взималась определенная подать.

Аналог этому — московские сотни XVI и XVII вв., которые организуются высшей властью для своих интересов.

Сегодня мало кто при характеристике русского средневекового общественного строя говорит о так называемых служебных людях. Это княжеские конюхи со стадами коней в тысячи голов, портные, шившие князьям и их окружению одежды, медовары и многие люди других специальностей. Такая система существовала, хотя ее организация исследована плохо. Как они организованы и есть ли среди них те, которые занимаются главным — хлебопашеством? Ранняя эта система или поздняя? По стадийному своему развитию она очень ранняя. Возможно, она лучше известна не во Франции, а в Англии, где были сотские, о которых пишет Флетчер. Но средневековая Англия — не рабовладельческая страна, это страна с феодальным строем общественных отношений. Элементы общественного устройства древней Руси, сходные с английскими, говорят в пользу русского феодализма.

С.М.Каишанов:

Об этом пишет Фюстель де Куланж.

В.А.Кучкин:

Фюстель де Куланж для очень раннего периода об этом пишет.

Оказывается, имеются совершенно четкие закономерности в общественном развитии средневековых обществ Европы, только вопрос заключается в том, что одинаковые явления в разных странах приходятся на разные хронологические периоды.

Для нашего общества всегда было очень важно понять, как развивалась страна, каким было ее общественное устройство в ранние времена существования. Интерес был, а источников не было. Интересующие нас факты мы заимствуем из летописей. Но летописи — не актовый материал, который оформляет договорные отношения между князьями или между князьями и дружиной.

Поэтому проблема общественных отношений в древней Руси всегда будет очень трудной проблемой.

Тем не менее, если мы начинаем анализировать конкретные факты, мы все-таки видим принципиальные совпадения определенных общественных явлений на Руси с подобными явлениями в средневековой Европе. Поэтому на тот вопрос, который сегодня поставил проф. Д.Свак: «Стыдно ли говорить о русском феодализме? Я хочу сказать осторожно, но определенно — пожалуй, не стыдно.

Ю.А.Тихонов:

Одно замечание. «Черные люди» — это люди не занимающиеся черной работой, а налогоплательщики.

В.А.Кучкин:

Нет, занимающиеся самой настоящей, черной работой. Вы говорите о налогоплательщиках, потому что принимаете во внимание только данные XVII в. Там другая ситуация, когда изживаются некоторые особенности прежнего положения черных людей. А черные люди XV в. действительно занимались черной, простой работой. Они должны были, например, содержать князя, который приезжал в стан. Они обязаны были предоставлять ему определенную еду, варить мед, пасти коней и т.п. Они занимались самой черной работой в отличие, например, от десятского, от сотского, от дворского, которые эту работу организовывали.

А.В.Назаренко:

Я ограничусь двумя репликами по поводу дискуссии, которая разгорелась в связи с интересным докладом нашего гостя.

Очень удачный пример привел В.А.Кучкин с «тетевской» дружиной Изяслава Мстиславича. Другое дело, что таких так хорошо детализованных примеров в русских источниках, да и в других практически нет. Но тем не менее, благодаря тому, что русская летопись за середину XII в. являет нам пример большой подробности и

детальности изложения, мы такого рода пример имеем. В.А.Кучкин поостерегся говорить о вотчине в это время в связи с тем, что сказано в летописи о «тетеревской» дружине Изяслава. Между тем такая осторожность, может быть, и несколько преувеличена. Почему? Потому что речь идет о двух частях Изяславовой дружины: одна ушла с ним во Владимир, а другая осталась на Тетереве, то есть в составе Киевского княжества. Это значит, что несмотря на то, что Изяслав был согнан с киевского стола, часть его дружины имела юридическую возможность остаться в своих селах на территории Киевского княжества. Здесь есть две возможности. Мы можем предположить, что половина дружины — это ренегаты, которые покинули своего князя и перешли к другому. (В.А.Кучкин: Что, кстати, так и было. Они действительно перешли под суверенитет другого). Не знаю, я не уверен. Мне трудно представить себе половину дружины перебежчиков. Об этом можно спорить, но в моем представлении здесь более вероятно, что эти села и возможность остаться в них, несмотря на смену сюзерена на киевском столе, и говорят как раз о том, что право владения этими селами уже вотчинное. (В.А.Кучкин: Нет, право кормления). Вотчинное, то есть, в сущности, уже аллодиальное, но это не тот аллод, который, по мнению некоторых теоретиков феодализма, существовал внутри общины и был залогом ее последующей феодализации. Это аллод, который уже является продвинутой стадией эволюции кормления. Хоть он вырос из пожалования, но в результате достаточно длительной эволюции уже превратился в вотчину. Если это так, то к середине XII в. мы уже имеем на Руси, по крайней мере по одному определенному параметру, достаточно продвинутую стадию феодализма.

В.А.Кучкин:

Есть прямой пример: наличие вотчинного монастыря в Переславле-Русском.

А.В.Назаренко:

Второй момент, на котором я бы хотел кратко остановиться в связи с той стороной доклада, которая была выделена С.М.Каштановым. По поводу иммунитета и вообще по поводу тех параметров, с помощью или на основе которых мы сравниваем разновидности западноевропейского и русского феодализма. Если мы ограничим свой анализ одним — скажем, иммунитетом, то получим действительно большое отставание древнерусского феодализма от западноевропейского лет на 700, как вы и говорили. Другая картина, если анализировать институт частного и государственного акта. Если мы возьмем какой-нибудь другой параметр — не скажу, что менее важный для политической или экономической системы феодализма, например, оформление сеньората как политического института, то мы получим совсем другую картину. Тогда получается, что русский феодализм рубежа XI—XII вв. окажется у нас синхростадиальным примерно каролингскому периоду. То есть 700 лет там никак не получается, а получается значительно меньше. Аналогичные хронологические колебания будут и в других случаях при выборе других параметров.

К чему я это говорю? Во-первых, прежде, чем сравнивать различные модели феодализма, европейские, древнерусские или какие-то еще, хорошо бы договориться о тех параметрах, которые мы выбираем для этого сравнения, и о том, почему именно эти параметры мы выбираем, а не какие-то иные, т.е. выделить главное и отделить его от второстепенного. Во-вторых, важно в результате и то, что сам этот разницей при, казалось бы, важности и того, и другого, и третьего момента, которые кладутся в основу сравнения, говорит все-таки о том, что мы действительно имеем перед собой модель феодализма, только другую, а не отсутствие феодализма. Потому что институты те же самые, хронологии абсолютно разные, причем не совпадающие между собой относительные хронологии внутри каждого общества. Древнерус-

ские институты вроде бы и феодальные, но взаимная хронология их развития внутри русского общества совсем не та сравнительно с той же самой, скажем, французской моделью. Все это говорит о том, что перед нами просто совсем другой феодализм, а не какая-то другая социально-экономическая модель или феодализм, очень сильно отставший на определенный период от той или иной «образцовой» модели.

Д.Свак:

Хочу высказать несколько слов в виде заключения. Во-первых, хотелось бы сказать о дискуссии.

Дискуссия была доброжелательной и снисходительной ко мне, что нелегко, когда речь идет о такого типа проблеме общего характера.

Очень поучительно было для меня все, что здесь я слышал. Конечно, некоторые конкретные детали, координаты я постараюсь уточнить.

Что касается общих вопросов, то все солидарны с тем, что зря я так поставил вопрос: дурно ли говорить о русском феодализме. Наверное, не имело смысла так ставить вопрос.

Я не собирался решать проблему так называемого «русского феодализма» ни в каком аспекте — ни в конкретно-историческом, ни в историографическом, ни даже в терминологическом смысле. Зато я хотел сделать акцент на терминологической путанице этого понятия. Мне хотелось показать, что пока нет подлинных аналитических работ по историографии русского феодализма. В рамках данной темы я хотел показать, что воззрения Павлова-Сильванского русской историографией разработаны далеко не исчерпывающим образом. Пожалуй, я даже склонен принять мнение (но только в этом аспекте) Покровского, который высказался о Павлове-Сильванском таким образом: неглубокий исследователь науки нанес глубокую рану историческому предрассудку. При всем том я не считаю, что тех, кто не отказался от свое-

образия, можно назвать староверами. Я думаю, что тот, кто не согласен с мнением Павлова-Сильванского, не слишком запуган авторитетом предшественников, как говорит об этом Покровский. При всем уважении именно к этой традиции, я старался критически относиться к предшественникам в этой области. При этом я хотел показать, что в теории Павлова-Сильванского есть что-то, чего, может быть, он сам не увидел, а увидел только Ковальский. На это реагировал профессор Каштанов, он заметил, что есть сопоставление между ранним периодом в Западной Европе и так называемым «развитым периодом» феодализма в России. На этой основе я старался ввести понятие «раннего феодализма» для докрепостной России, для описания развития всего периода докрепостной России. Здесь я остался в рамках традиционной терминологии, но одновременно должным образом, опять же в рамках этой терминологии, я хотел показать историческую специфику. В этом и заключается суть моего доклада.

Еще один момент. Это касается советской историографии и того, что, может быть, я без должного уважения отношусь к ее результатам. Это далеко не так. Я много занимался историографией XVI в. (Иван Грозный, опричнина и прочее). Существуют довольно подробные работы. И, конечно, я все время опирался на результаты именно советской историографии. Дело только в том, что я не считал своей задачей именно в этом докладе касаться проблематики русского феодализма в освещении советской историографии.

Ю.А.Тихонов:

Мы заслушали очень содержательный доклад и ряд выступлений, в каждом из которых содержались интересные мысли.

Заслуга докладчика заключается в том, что он призывает с полным основанием к необходимости возвращения к самым главным темам отечественной истории. Не случайно здесь были упомянуты дискуссии 50-х, 60-х, по-

следующих годов. Назрела необходимость ко многим проблемам тех дискуссий вернуться в ближайшее время уже на уровне достижений исторических исследований конца XX в. историографическом, и на исследовательском уровне к таким проблемам как особенности феодализма в России, особенности крепостного права, причины возникновения и падения крепостного режима, наметить основные направления экономической и социальной истории в сравнении с теми же процессами и явлениями в других государствах, чтобы не замыкаться в рамках одной страны. Нужны контакты историков разных стран, нужно их усиливать.

Профессор Дьюла Свак прекрасно ориентируется в океане фактов российской истории и трудах по их интерпретации, так что мы прослушали очень квалифицированный и зрелый доклад, который и вызвал столь оживленную дискуссию. Ее общий вывод: с учетом многообразия общественного строя в России и в других странах в средние века все же можно и нужно говорить о феодализме в России.

К ИСТОРИИ РУССКОГО ДУХОВНОГО ПРИСУТСТВИЯ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ*

Вместо эпитафии. Иерусалим и Святая Земля занимают особое, исключительное место в структуре библейского космоса, а значит, и в сакральной географии всего христианского человечества. Соответственно, и средоточный пункт мировой истории в христианской картине мира локализуется там же — у святынь Голгофы.

Почти каждый из христианских народов на протяжении многовековой истории старался оставить и умножить свой вклад в духовную и материальную сокровищницу Святой Земли, утвердить в «центре мира» более или менее явственные знаки своего политического и культурного присутствия. Прежде чем говорить о нашем, российском присутствии на Ближнем Востоке, позволю себе две зарисовки с натуры.

Октябрь 1997 г. После научной конференции в Баламандском университете, в Ливане, нас, российских участников, везут в Амьон — совсем небольшой город (или большое село) в горном Ливане. И встречать нас выходит почти весь город: у каждого дома, в дверях, в калитках, в воротах — люди, с радостным удивлением приветствующие посланцев далекой северной России. Нас ведут к столетнему старику — единственному жителю деревни, еще успевшему окончить в 1912 г. русскую школу Православного Палестинского Общества. И после 85-летнего перерыва он впервые имеет возможность говорить с нами по-русски.

И второй эпизод. Ноябрь 1997 г. На конференции в Назарете, посвященной 150-летию Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, профессор Хайфского универси-

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 5 ноября 1998 г.

тета А.Кармель начинает свой доклад неожиданным заявлением: «Если нужно и можно было бы кому-то отдать Палестину, ее по справедливости следовало бы отдать русским. Ибо никто так много не сделал для этой земли, никто так не любил ее». Разумеется, заявление маститого профессора, специалиста по вкладу христианских общин в формирование современной культуры Израиля, является шутивно-метафорическим. Но, тем не менее...

Предпосылки и предыстория. Возникновению Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в середине прошлого столетия, а следовательно, начальному этапу планомерного утверждения российских церковных и дипломатических структур в Святой Земле, предшествовала многовековая история русско-палестинских религиозных и духовно-культурных связей.

Вскоре после крещения Руси — первым русским митрополитом, возглавившим Русскую Церковь в 988 г., был, напомним, святой Михаил Сирийский (т.е. сириец) — одно из первых посольств, согласно Никоновской летописи, было направлено князем Владимиром в Иерусалим. Столетием позже, сразу после освобождения Святой Земли крестоносцами, мы встречаем здесь игумена Даниила, который со своей иноческой дружиной исходил в 1106—1107 гг. Палестину, затеплил лампаду у Гроба Господня «от имени всех князей русских»¹.

Необходимо подчеркнуть, что с самого начала отношения Святой Руси и Святой Земли строились таким образом, что русские православные люди не только черпали полной мерой благодатные впечатления и молитвенное вдохновение Святой Земли, не только воспринимали и осваивали богословский, литургический и аскетический опыт обитателей и храмов Палестины, но и щедрой рукой помогали каждой из старших Сестер-Церквей.

Со времени «великих Иванов» — Третьего и Грозного — в Москву, что ни год, являются за «милостыней» посольства из Иерусалима, Александрии, с Синая и Афона. Учреждение русского патриаршества в 1589 г.

поддерживалось древними Патриархатами Востока также и с практической целью — обрести мощного союзника и поддержку православию на Востоке в лице развивающегося Московского государства².

XVIII в. с его рационалистическим характером, привносит момент упорядочения в древние церковно-политические связи. Говорят, Петр Великий одно время хотел вообще ни много ни мало «перенести» Гроб Господень в Россию³. В 1725 г. в смете Святейшего Синода появляются так называемые «палестинские штаты». Серия русско-турецких войн заставляет Порту признать за Россией право быть гарантом православного населения Османской империи. В том числе, как сказано в одной из статей Кючук-Кайнарджийского мирного договора от 10 июля 1774 г., «как духовным, так и светским Российской Империи подданным да позволяется свободно посещать святой град Иерусалим и другие места, посещения достойные»⁴.

Учреждение РДМ в Иерусалиме. («Проект Нессельроде»). 40-е гг. XIX столетия стали решающими для формирования современной системы русско-палестинских церковных связей. В этот период все настойчивее обращают свои взоры к Иерусалиму и Ближнему Востоку великие державы Запада, маскируя нередко политические намерения религиозными интересами. В 1841 г. в Иерусалим назначается англиканский епископ из Лондона, в 1846 г. — «латинский патриарх» из Рима⁵. В аналогичном положении находилась Сирия, где Антиохийская Православная Церковь также подверглась в рассматриваемый период натиску католических и протестантских проповедников.

Очевидно, восточные Патриархи для успешного противостояния инославной пропаганде и прямой униатской опасности остро нуждались в поддержке православной России. При этом проблема русского присутствия на Востоке была из разряда сугубо деликатных. Нужно было не только противостоять в дипломатическом и культурном соперничестве европейским державам, не только под-

тверждать постоянно словом и делом перед турецкими властями отсутствие с русской стороны каких-либо империалистических поползновений, но и строго блюсти церковно-каноническую норму отношений с древними Патриархатами. Любой неосторожный, хотя бы и вполне доброжелательный по намерениям жест легко мог быть истолкован обидчивыми греками как вмешательство в дела иной Автокефальной Церкви.

При этом, подчеркнем, Россия никогда не рассматривала Палестину или Сирию, или другие страны региона как плацдарм колониальной агрессии, предмет каких-либо военно-политических амбиций. Никакая ухищренная аргументация послов Римского Престола, Германской империи, других держав, а мы знаем – со времен великого князя Ивана III – немало таких дипломатических попыток, ни разу не смогли завлечь Московское княжество, как затем и Московское царство, и Российскую империю, на путь «крестоносных» или иных геополитических авантюр.

Последняя подобная попытка (предложение прусского короля об установлении «протектората пяти держав» – Англии, Франции, Пруссии, Австрии и России – над Святой Землей, с размещением в Иерусалиме соответствующих «сил быстрого реагирования») была решительно отвергнута в 1841 г. русским правительством (ноты МИД от 20 и 25 февраля и 12 марта 1841 г.)⁶.

13 июня 1842 г. вице-канцлер граф К.В.Нессельроде представляет императору программу крайне осторожных ответных российских церковно-дипломатических мероприятий. В Иерусалим, по предложению главы российского внешнеполитического ведомства, должен быть направлен архимандрит (для сравнения: англиканская церковь, как мы видели, посылает туда епископа, а католическая «патриарха»), который, по инструкции, даже не является официальным представителем, а едет как частное лицо и к тому же инкогнито⁷.

К счастью для этой цели был избран архимандрит (впоследствии епископ) Порфирий Успенский – не только «по довольному им знанию греческого языка и по опытности в обращении с заграничными единоверцами нашими», как представлял Синод, но и как человек благодатной духовной широты, выдающийся византинист и востоковед, историк и археолог, книголюб и бесребренник⁸.

На первый раз он провел в Иерусалиме около восьми месяцев. Подробный отчет константинопольскому послу – Порфирий был в двойном подчинении: МИДа и Синода – был представлен им 6 января 1845 г.

Главным в отчете был вывод о необходимости создания в Иерусалиме Духовной Миссии – постоянного представительства Русской Церкви при Патриархатах Востока. После еще двух лет дипломатических формальностей и проволочек доклад об учреждении Миссии, – представленный императору по-прежнему не Синодом, а МИДом, – был высочайше утвержден 11(23) февраля 1847 г. Эту дату Церковь и отмечала в 1997 г. как праздник 150-летия Миссии.

Для турецких властей, впрочем, это по-прежнему никакая не «Миссия», а «архимандрит, находящийся в Иерусалиме не в качестве русского настоятеля, но в качестве поклонника, снабженного дозволением и формальной рекомендацией от русского духовного начальства»⁹.

В феврале 1848 г. первый состав Миссии – архимандрит Порфирий в качестве начальника и иеромонах Феофан Говоров (будущий Феофан Затворник, великий богослов и подвижник), в качестве его помощника, с несколькими послушниками – прибыли в Иерусалим. В задачу Миссии входила помощь русским паломникам, которых насчитывалось к тому времени до 450 чел. в год. Православие в Палестине, особенно арабская православная паства, составлявшая дискриминируемое греками большинство в Патриархате, также нуждалось в серьезной материальной и моральной поддержке. При содействии Порфирия патриарх Кирилл открывает греческо-

арабское училище при Крестном монастыре и назначает начальника Русской Миссии эфором (попечителем) всех патриарших учебных заведений¹⁰. Была создана также типография для издания книг для православных арабов.

Августейшее покровительство, МИД и РОПИТ («Проект Мансурова»). Деятельность первого состава РДМ продолжалась до начала Крымской войны. Мало кто, кроме историков дипломатии, вспомнит сегодня, с чего собственно начался конфликт. В 1852 г. турецкие власти в угоду и под нажимом французской дипломатии передали католикам принадлежавшие православным ключи от храма Рождества Христова в Вифлееме. Из-за этих-то «ключей к Вифлеему» и разразился общеевропейский военно-политический кризис. В.Н.Хитрово, умный и проницательный наблюдатель русской политики в регионе, один из создателей Православного Палестинского Общества, с горечью скажет позже, что «развалины нашего многострадального Севастополя были ответом на вопрос: кому владеть ключами Вифлеемского храма»¹¹.

Военные и политические результаты кампании, заставившие правительство Александра II приступить к осуществлению обширной и серьезнейшей программы реформ в социально-экономической и духовной жизни России, не могли не коснуться и положения дел в Палестине. Теперь в Петербурге куда глубже осознали значение Святой Земли в общем контексте Восточного вопроса. В Иерусалиме создается в 1858 г. консульство (с 1891 г. генеральное), в Петербурге в 1856 г. — РОПИТ (Российское общество пароходства и торговли) — для организации постоянных паломнических рейсов из Одессы в Яффу, а в 1859 г. — специальный Палестинский Комитет, председателем которого назначается брат государя великий князь Константин Николаевич¹².

Этому предшествовало посещение великим князем с супругой Александрой Иосифовной и малолетним сыном Иерусалима в апреле-мае 1859 г. — первое августейшее паломничество в Святую Землю. Любопытно отметить,

что и великому князю Константину пришлось буквально «прорываться» в Святую Землю сквозь неоднократные запреты и отказы, как всегда, не в меру осторожного российского МИДа¹³. Собственно с этого момента — с весны 1859 г. — открывается подлинная летопись *присутствия* Православной России в Палестине. Великий князь осмотрел и одобрил приобретенную к тому времени в Иерусалиме первую русскую земельную собственность: так называемое «Русское место» возле храма Гроба Господня (нынешнее Александровское подворье) и большой участок к северо-западу от Старого Города, который арабы и сейчас называют «Москобия».

На этой территории и разместилась Русская Духовная Миссия. Здесь возникнут со временем подворья, составившие ядро российских иерусалимских недвижимостей — Елизаветинское (для мужчин-паломников) и Мариинское (для женщин), позже также Сергиевское (1889) и Николаевское (1906). Здание Миссии принадлежит Русской Церкви по сей день (правда, теперь большую часть его «арендует» Верховный суд Израиля). Решено было также поднять иерархический статус Миссии, сделав ее начальником духовное лицо в архиерейском сане. Им стал в 1857 г. Кирилл Наумов (1823—1866), епископ Мелитопольский, доктор богословия¹⁴.

К сожалению, ни сотрудники Российского консульства в Иерусалиме, ни влиятельные члены греческого Святогробского братства не были готовы к правильному и спокойному восприятию изменившегося статуса начальника Миссии. В результате непреодолимых трений, интриг и подозрений, епископ Кирилл после шести лет успешной работы был отозван из Иерусалима. Ему на смену назначается образованный и энергичный архимандрит Леонид Кавелин, постриженник знаменитой Оптиной пустыни, в прошлом — гвардейский офицер, в будущем — известный церковный историк и археограф, автор множества ученых публикаций, в т.ч. одного из лучших в прошлом столетии путеводителей по Иерусалиму¹⁵. Но

принципиальность, последовательность в отстаивании церковной канонической правды и независимость характера вскоре делают и его persona non grata — сначала в кругу русского консула, а затем, в результате клевет и происков, и в глазах святогробских греков. В 1865 г. в Святой Град прибыл (сначала в качестве и.д. — «исправляющего должность») четвертый и, пожалуй, наиболее известный из начальников РДМ — архимандрит Антонин Капустин.

Русская Миссия и дипломатия на Востоке в контексте «синодального пленения» Русской Церкви. Прежде чем перейти к характеристике этого выдающегося деятеля РДМ, скажем несколько слов о причинах тех сложностей и ненормальностей в жизни и деятельности Миссии, которые привели к указанным выше конфликтам и нестроениям. Дело в том, что работа Миссии с самого начала оказалась затруднена системой «двойного подчинения», о которой мы сказали выше. Православная политика России на Ближнем Востоке, как, может быть, всякая «православная политика», сопряжена была с неразрешимым, видимо, в реальной истории парадоксом.

Действительно, с самого начала, со времен Владимира Красного Солнышка и игумена Даниила, русское православное присутствие в Святой Земле осуществлялось преимущественно и прежде всего как державная, государственная инициатива. Так было во времена крестоносцев, так было при Иване III и Иване Грозном, так было при Екатерине II с ее «греческим проектом» и Николае I, сознательно распространявшем в год учреждения Миссии слух о планируемом своем паломничестве ко Гробу Господню¹⁶.

Мы нарочно подробно остановились выше на обстоятельствах и специфике самой процедуры учреждения РДМ в Иерусалиме. Анализ документов заставляет признать неоспоримый факт: и в данном случае инициатива исходила из государственных, внешнеполитических структур. Характерно, что николаевский МИД, даже в условиях его возглавления людьми не русскими и не православными

(К.В.Нессельроде был, как известно, немец-лютеранин), вполне последовательно осуществлял защиту наших национальных и духовно-конфессиональных интересов на Ближнем Востоке, как, впрочем, и в других регионах.

Александр II, продолжая и даже заостряя в чем-то политику отца на Ближнем Востоке, сказал при учреждении Палестинского Комитета в 1859 г.: «Это для меня вопрос сердца»¹⁷. Более того, не случайно Палестинский Комитет, о котором мы говорили, возглавил великий князь Константин Николаевич — не только потому, что был верующим человеком и искренним почитателем Святых Мест, но и потому, что был, в должности Генерал-Адмирала, главой Военно-Морского ведомства. Именно при Морском министерстве служили и молодые энергичные порученцы великого князя — Б.П.Мансуров, которого называли в Иерусалиме «Мансур-паша», и будущий основатель Православного Палестинского Общества В.Н.Хитрово. О русском флоте и военно-морской разведке, в которой работали тогда наиболее патриотически и православно настроенные, самые образованные и дальновидные люди Империи, тоже не надо забывать, когда говорим о духовном наследии Русской Палестины.

Но беда состояла в том, что как внутренняя, так и внешняя деятельность Русской Церкви были скованы и во многом изуродованы неканоничной системой отношений Церкви и Государства, мертвящей нормой Духовного Регламента, подчинявшего духовное светскому, все стороны православной жизни — государственной, вплоть до полицейской, опеке. Как вся Церковь оказывалась в полном подчинении у чиновничьего аппарата православной империи, так и Миссия оказывалась нередко в глазах чиновников МИДа вполне бесправным и едва терпимым придатком светских дипломатических структур.

Судьба епископа Кирилла сложилась, как известно, трагически. Он был без суда и следствия смещен со своей должности и отправлен в Казань настоятелем одного из монастырей — практически в ссылку. При этом,

не зная за собой никакой вины, Кирилл не согласился с решением Синода, основанным на клевете и недобросовестной подтасовке фактов. История Кирилла Наумова в XIX столетии сопоставима по сути с историей Арсения Мацевича столетием раньше.

Аналогично, клевета и враждебность «родного» консульства привели к устранению из Иерусалима талантливое и многообещавшего архимандрита Леонида Кавелина¹⁸. К счастью, он, в отличие от своего предшественника, благодаря поддержке митрополита Филарета Дроздова, не стал трагической жертвой в столкновении со светскими властями.

Конфликт был усилен еще и тем, что полное и бесконтрольное заведование строительством русских храмов и паломнических подворий в Иерусалиме было возложено — в обход и Миссии, и Синода, — на вполне светский и не бескорыстный Палестинский Комитет.

В результате, на фоне постоянной, большей частью молчаливой, но упорной борьбы со светским засилием в церковных делах, Русская Духовная Миссия должна была также противостоять нараставшей в российском обществе буржуазной тенденции коммерциализации. Упомянутый Б.П.Мансуров, главный деятель Православного Комитета, а с 1864 г. и Палестинской Комиссии при Азиатском Департаменте МИДа, так прямо и говорил: «Интересы нашего правительства на Востоке совпадают с выгодами РОПИТ, и сие последнее может служить лучшим и вернейшим орудием для исполнения того, что требуют достоинство и польза Русской Церкви». Для этого, по мнению автора, необходимо было «создать новые источники для приобретения денежных средств», чтобы затем, вопреки планам канцлера Нессельроде, «привести наше вмешательство на Востоке в такую неполитическую форму, которая обезоружила бы наших противников»¹⁹.

Не особенно рассчитывая на государственную казну и на Святейший Синод и пообещав от Общества пароходства и торговли всего лишь «около 20 тысяч в год», Ман-

суров легко и уверенно находит практически неисчерпаемый источник средств — в эксплуатации народного религиозного чувства, в тех добровольных копейках, которые принесет в храмы простой народ в ежегодный «Палестинский сбор». «Весь вопрос, утверждал Мансуров, упростится, если придать ему спекулятивный коммерческий характер». Деньги должны были поступать, по его плану, в распоряжение людей «лично ловких» и пользующихся при этом «полным неограниченным доверием во всех подробностях финансового дела»²⁰.

РОПИТ готов был взять на себя даже часть расходов на необходимого в Иерусалиме консула. С одним условием: чтобы иерусалимский консул соединял в своем лице «звание консула с званием главного агента Общества».

Иными словами, «проект Мансурова» строился на следующем разграничении функций: «политическое покровительство и помощь будет относиться к обязанностям Консула, попечение о нравственности и религиозной деятельности поклонников должно лежать на ответственности Духовной Миссии, наконец, заботливость о материальных нуждах и благосостоянии паломников ложится на Духовную Миссию совместно с агентцией РОПИТ, ибо в этой стороне дела заключается его (РОПИТа) собственная выгода».

Если для нас, современников нового «крутого» витка капитализации России, все еще не стали привычными соблазны и скандалы, порождаемые сращиванием госаппарата с банковским и теневым капиталом, то для епископа Кирилла Наумова и архимандрита Леонида Кавелина деятельность выше поименованного РОПИТа, с которым материально были связаны и сановные лица Петербурга, и более мелкие дипломатические чиновники на Ближнем Востоке, представлялась несовместимой с высокими принципами и целями русского православного присутствия в Иерусалиме и Святой Земле.

Русская Палестина: «Проект Антонина». Имя и подвиг архимандрита Антонина (1817–1894) входят в золотой

фонд истории Русской Церкви XIX в. Именно ему, подвижнику-одиночке, не оцененному современниками и лишь теперь во всем своем скромном величии предстающему перед потомками, мы обязаны в первую очередь тем уникальным историческим наследием, которое называется Русской Палестиной и является главным итогом полуторавекового российского присутствия в Святой Земле.

Сын священника из глухой уральской деревни, – типичный русский самородок, – Андрей Иванович Капустин получил образование сначала в Пермской и Екатеринославской семинариях, затем – в Киевской духовной академии. В 1845 г. принял монашество и был последовательно настоятелем русских посольских храмов в Афинах (с 1850 г.) и Константинополе (с 1860 г.). Афины стали для него «бесплатной, долговременной школой изучения христианских древностей», Константинополь – отличной дипломатической практикой²¹.

Достойный представитель русского ученого монашества, Антонин на всех этапах своего служения много и плодотворно занимался научными изысканиями по церковной археологии, археографии и византистике. Подобно своим предшественникам по работе в Миссии – Порфирию Успенскому, Феофану Затворнику, Леониду Кавелину – Антонин оставил значительное творческое наследие: библиография его опубликованных трудов занимает 17 страниц убористого печатного текста²². Он был одним из первых исследователей греческих и славянских рукописей Иерусалима, Афона и Синая. Им подарена в библиотеку Киевской Духовной Академии древнейшая славянская рукопись – так называемые Киевские глаголические листки. Собранная им коллекция древних манускриптов (ныне в Библиотеке Российской Академии Наук в Петербурге) включает как греческие и славянские, так и арабские рукописи.

Обосновавшись в Святой Земле, он всего себя посвятил интересам Русской Православной Церкви на Восто-

ке. Если начало русской земельной собственности в Иерусалиме было положено через консулов российским правительством, то дальнейшее расширение ее — дело личной инициативы Антонина. Знаток библейской археологии, он начал переговоры с главами арабских семей, во владении которых находилась недвижимость, связанная с местами новозаветных и ветхозаветных событий, наиболее важных для православных верующих. Дело по приобретению отдельных участков он вел постепенно, экономно и терпеливо.

Первый участок — на горе Елеон, где ныне, буквально в сотне шагов от места Вознесения, находится Русский Вознесенский монастырь, — был куплен в 1868 г. в условиях острой конкуренции с кармелитским католическим монастырем Pater Noster. Причем, в отличие от вельможных французских покупателей (основательницей монастыря была личная приятельница Наполеона III герцогиня де Ля Тур д'Овернь), за русским монахом не было ни государственной поддержки, ни больших денег. Весь годовой бюджет миссии составлял около 14,5 тыс.руб. (включая содержание храмов и подворий, оклады сотрудников, материальную помощь паломникам и православным арабам).

Почти одновременно были начаты переговоры о покупке участков в Хевроне — с библейским «дубом Мамврийским», в Яффе — на месте дома и гробницы праведной Тавифы (Деян. 9,36-41), в Иерихоне и многих других местах. В Горнем (по арабски Айн-Карем), рядом с францисканским монастырем Magnificat, где находилось уже небольшое русское владение, приобретенное Б.П.Мансуровым, Антонину удалось купить значительный участок земли, на котором расположен ныне Русский Горненский женский монастырь²³. Основная спонсорская помощь для приобретения земли в Горнем была ему оказана бывшим российским министром путей сообщения П.П.Мельниковым, организовавшим в Петербурге специальный комитет по сбору пожертвований.

Участки покупались на имя драгомана (переводчика) Миссии турецкого подданного Якова Егоровича Халеби. И уже тот оформлял дарственную на имя своего начальника. Так сложился знаменитый «вакуф архимандрита Антонина» в Святой Земле, завещанный им в 1894 г. Святейшему Синоду — то есть Русской Православной Церкви. К началу XX в. совокупность приобретенных им земельных участков оценивалась в миллион тогдашних русских рублей²⁴.

Из числа последующих начальников Русской Духовной Миссии верным продолжателем дела Антонина должен быть признан архимандрит Леонид Сенцов (ум. 1918 г.). Среди его приобретений и храмостроительных инициатив особо отмечают большой и красивый храм Святой Троицы в Хевроне, участок и храм святого пророка Ильи на горе Кармил в Хайфе и «Магдальский сад» на Тивериадском озере, где уже в наше время, в 1962 г., был построен храм во имя святой Марии Магdalины²⁵.

Православное Палестинское Общество («Проект В.Н.Хитрово»). Вторым по значению деятелем, которому мы всего более обязаны укреплением и утверждением российского присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке, необходимо признать основателя и фактического руководителя Императорской Православного Палестинского Общества В.Н.Хитрово.

В.Н.Хитрово родился 5 июля 1834 г. Получив блестящее образование в Александровском лицее, он поступил на службу в Государственный контроль, затем — в Комиссариатский департамент Морского министерства. Позже служил в Министерстве финансов, занимался устройством в России первых ссудо-сберегательных товариществ и руководил ими в течение 20 лет²⁶.

Но подлинное свое призвание он обрел в Палестинском Обществе в работе по изучению Святой Земли, просвещению православных арабов Палестины. При этом В.Н.Хитрово предпочитал оставаться скромным тружени-

ком, не делая из своей ответственной патриотической работы источника доходов или наград и почестей.

Глубокий духовный интерес к Святой Земле проявился в деятельности В.Н.Хитрово задолго до основания Общества. Летом 1871 г. была совершена им первая — еще полутуристическая, полупаломническая — поездка в Палестину. Увиденное во время этого путешествия: и тяжелое, беспомощное положение русских паломников, и безотрадное состояние православной арабской паствы Иерусалимского патриархата — произвели на вполне благополучного петербургского чиновника столь сильное впечатление, что весь духовный мир его изменился, вся дальнейшая жизнь его была посвящена делу укрепления позиции Православия на Ближнем Востоке. После того первого путешествия, он еще шесть раз посетил Святую Землю²⁷.

В.Н.Хитрово хорошо известен и своими печатными трудами²⁸. Успеху его стараний на рубеже 80–90-х гг. способствовало множество обстоятельств, как объективного, так и субъективного характера. Здесь прежде всего следует назвать подъем православно-патриотического сознания в русском обществе, связанный с освободительной русско-турецкой войной 1877–1878 гг., когда русские войска едва не дошли до Константинополя. Восточный вопрос и русское дело на Востоке приобрело совершенно новый, победоносно-наступательный ракурс.

Среди субъективных, но не менее важных факторов следует отметить назначение обер-прокурором Святейшего Синода в 1880 г. государственно и православно мыслящего К.П.Победоносцева и паломничество 21-31 мая 1881 г. в Святую Землю братьев вступившего на престол Александра III великих князей Сергия и Павла Александровичей. Последний факт имел принципиальное династическое значение.

Устав Православного Палестинского Общества был высочайше утвержден 8 мая 1882 г., а 21 мая во дворце великого князя Николая Николаевича Старшего, в присутствии членов императорской фамилии, русского и

греческого духовенства, ученых и дипломатов, после молебна в домовая церква, состоялось его торжественное открытие. День был выбран неслучайно. В этот день Православная Церковь празднует память святых равноапостольных Константина и Елены. Императрица Елена, мать Константина, много сделала для христианского возрождения Иерусалима и Палестины. Ей принадлежит честь первых археологических раскопок в Иерусалиме, обретение Голгофы и Креста Господня. На Руси с «Оленина дня» (21 мая) традиционно начинался летний строительный сезон.

К этой же дате было приурочено, как отмечалось выше, первое паломничество Сергия Александровича с братом и племянником, великим князем Константином Константиновичем (впоследствии известным поэтом, печатавшимся под инициалами «К.Р.») в Святую Землю в 1881 г. Именно великий князь Сергей и стал в 1882 г., с подачи В.Н.Хитрово, учредителем и первым председателем Православного Палестинского Общества (звания Императорского оно было удостоено чуть позже, в 1889 г.).

Общество призвано было согласно уставу осуществлять три основных функции:

— организация и обустройство русских паломников в Палестине (их проходило к 1912 г. через подворья и гостиницы ИППО ежегодно до 10 тыс. чел.);

— помощь и поддержка Православию на Ближнем Востоке путем благотворительной и просветительной работы среди местного арабского населения. Общество содержало к 1912 г. 113 школ, училищ, учительских семинарий в Палестине, Сирии, Ливане. В подходе к этой задаче Общество также выступало наследником и продолжателем религиозно-просветительных начинаний РДМ: вспомним о первых училищах и типографиях, основанных в Иерусалиме еще архимандритом Порфирием; вспомним и Бет-Джалскую школу для девочек, основанную архимандритом Антонином в 1866 г. и переданную им 20 лет спустя в ведение ИППО (в 1888 г.

школа была преобразована в женскую учительскую семинарию);

— научно-исследовательская и издательская работа по изучению исторических судеб и современного положения Палестины и всего ближневосточного региона, библейской филологии и археологии, организации научных экспедиций и раскопок, пропаганде знаний о Святой Земле в российском обществе. В канун Октябрьской революции в целях расширения объема научных изысканий и придания им целенаправленного системного характера планировалось создание в Иерусалиме по окончании Первой мировой войны Русского археологического института — подобного тому, который успешно функционировал в начале века в Константинополе²⁹.

Общество на всем протяжении своей истории пользовалось августейшим, а значит и непосредственным государственным вниманием и поддержкой. Во главе его стояли преемственно упомянутый выше великий князь Сергей Александрович (с момента основания Общества до 1905 г.), а после его гибели — вдова покойного великая княгиня Елизавета Федоровна, ныне причтенная к лику святых Русской Православной Церкви.

Это обеспечивало высокий статус и активное как государственное, так и частное финансирование ИППО. Достаточно сказать, что если в день торжественного открытия Общества 21 мая 1882 г., по воспоминанию В.Н.Хитрово, «касса его не только была пуста, но в ней числился даже дефицит в 50 рублей», то в 1907 г. император Николай II в высочайшем рескрипте на имя Председателя Общества Великой княгини Елизаветы Федоровны подвел впечатляющий итог первых 25 лет его работы. «Ныне, обладая в Палестине владениями ценностью почти в 2 миллиона рублей, ИППО имеет 8 подворий, где находят приют до 10 тысяч паломников, больницу, 6 лечебниц для приходящих больных и 101 учебное заведение с 10400 учащихся; за 25 лет им выпущено в свет 347 изданий по палестиноведению»³⁰.

Смета на первый год XX столетия (1901/1902) была высочайше утверждена в 400 тыс. руб. (не считая единовременных расходов на строительство)³¹.

Просветительная работа ИППО донныне памятна среди арабской интеллигенции не только Палестины, но и Сирии, и Ливана. Пять народных школ было устроено в Бейруте при содействии известного педагога М.А.Черкасовой. Общее число учившихся в школах ИППО арабских детей простиралось до 11 тыс. чел. В Сирии, и в Палестине — в отличие от французских или английских школ, в которых преподавание велось (и ныне ведется) исключительно на европейских языках, в школах и учительских семинариях ИППО преподавание осуществлялось на арабском. Разумеется, в них учили также и русскому языку и литературе. Как пишет британский исследователь Дерек Хопвуд, «то, что школа была русской и в ней преподавался русский язык, создавало ей определенную репутацию и атмосферу. Знание русского языка было предметом гордости»³². Но при этом приобщение к русскому классике, с ее признанными, воспитанными на Евангелии, на Пушкине и Достоевском «всечеловечности» и «всеотзывчивости», не сужало, а расширяло ментальность и духовный кругозор учащихся, облегчало им выход в пространство мировой культуры.

...Россия и русское правительство всегда были скупы на благодарность своим самоотверженным сынам и подвижникам. Лишь на смертном одре, за неделю до кончины, В.Н.Хитрово был утешен царским высочайшим рескриптом. В нем говорилось:

«Василий Николаевич! Из отчетов, представленных Мне Августейшим Председателем Императорского Палестинского Общества, Его Императорским Высочеством Великим Князем Сергием Александровичем, Я с отрадным чувством убедился в выдающемся успехе деятельности названного Общества. Основанные им в Святой Земле подворья для паломников и заведения учебные и врачебные вполне удовлетворяют своему полезному на-

значению; число православных паломников возросло до десяти тысяч в год; для ознакомления с историей и современным положением Палестины Обществом принят целый ряд ученых и общедоступных изданий. Столь блестящие результаты достигнуты благодаря пожертвованиям и постоянным заботам подвизающихся на пользу Общества ревнителей веры и благочестия, в ряду коих вы заняли видное место вашими свыше двадцатилетними плодотворными трудами в званиях Помощника Председателя, члена Совета и Секретаря Общества.

Сердечно сочувствуя возвышенным целям Православного Палестинского Общества, коему вы так много послужили, Я считаю справедливым за изъясненные заслуги ваши объявить вам Мое благоволение.

Пребываю к вам благосклонный.

На подлинном Собственном Его Императорского Величества рукою подписано: НИКОЛАЙ»³³.

Василий Николаевич умер 5 мая 1903 г. в Гатчине, под Петербургом, на 67-м году жизни, на 22-м году существования основанного им Общества. Имя его золотыми буквами на черном мраморе мемориальной доски начертано в Русском Александровском подворье в Иерусалиме, у самого Порога Судных Врат, через которые Спаситель прошел на Голгофу и которые раскопаны были в 1883 г. архимандритом Антонином Капустиним при активной поддержке В.Н.Хитрово.

Российское наследие в XX веке («Проект И.В.Сталина»). Первая мировая война, а затем 1917 г. радикально изменили ситуацию. Связи России с Палестиной надолго были прерваны. Русская Духовная Миссия, с ее многочисленными участками, храмами и монастырями, равно как и школы, больницы и подворья в Святой Земле, принадлежавшие Императорскому Православному Палестинскому Обществу, были оставлены новой, советской властью на произвол судьбы.

Миссия оказалась оторванной и от Московского Патриаршего Центра и вошла закономерно в подчинение

Русской Православной Церкви за рубежом, много сделавшей в последующие десятилетия для сохранения русского православного достояния в Иерусалиме. Земли, здания и имущества, принадлежавшие как ИППО, так и РДМ, попали с 1918 г. в распоряжение английских колониальных властей, осуществлявших так называемый «мандат» Лиги наций на Палестину. Именно английские власти ввели в практику принудительное «арендное» использование русской собственности, традиционного религиозного «вакуфа», — часто без санкции законных владельцев — в целях светских и коммерческих³⁴.

После того, как в мае 1948 г. было провозглашено государство Израиль и вспыхнула первая израильско-арабская война, демаркационная линия между территориями Израиля и Иордании (по условиям перемирия) обозначила различное «пространство судьбы» для русских храмов и монастырей на западе и востоке страны. Храмы и участки, оказавшиеся на территории государства Израиль, были возвращены в собственность Советского правительства³⁵.

Была восстановлена и деятельность Русской Духовной Миссии с законным каноническим подчинением Русской Православной Церкви (Московской Патриархии). Вот уже пятьдесят лет (1948—1998) она вновь с полным правом представляет в Святой Земле не одну только русскую православную диаспору и иерархию, три четверти века пребывающую в трагическом ожесточенном расколе с собственной канонической властью, но действительную Полноту Русской Православной Церкви — Православную Россию. Современная жизнь и деятельность Миссии в Иерусалиме, напряженная и плодотворная, возглавляемая ныне архимандритом Феодосием, достойны стать темой отдельного исследования.

Что касается храмов, монастырей и участков, оставшихся в 1948 г. на территориях, отошедших к Иордании, они сохранили подчинение Русской Православной Церкви за рубежом — *status quo*, не изменившийся и после «шестидневной» войны 1967 г. В 1997 г., вскоре

после посещения Святой Земли Святейшим Патриархом Алексием Вторым для участия в юбилейных торжествах, один из «карловацких» участков — Хевронский, с Дубом Мамврийским и храмом Святой Троицы, — по решению руководства Палестинской Автономии был возвращен Русской Православной Церкви.

Итоги. Итак, если говорить о русском присутствии в Иерусалиме с точки зрения реального исторического и духовного вклада, необходимо выделить следующие аспекты.

Главный вклад и итог полуторавековой работы — создание и сохранение Русской Палестины. За краткостью времени, мы не сможем осветить, хотя бы в основных чертах, историю храмостроительной деятельности России в Святой Земле. Между тем, результат уникален. Создана целая инфраструктура храмов, монастырей, подворий и земельных участков, приобретенных, обустроенных и отчасти до ныне принадлежащих России и Русской Церкви.

Но, быть может, еще важнее тот, не учитываемый никакими цифрами, духовный вклад, который связан с десятилетиями хождения русских православных паломников. Их поток неизменно возрастал в течение всего XIX — начала XX в. Если при архимандрите Порфирии, в первые годы существования Миссии, в Палестине бывало в год по 3-4 сотни русских поклонников, то в 1912 г., в последний мирный год перед Балканской, а затем Мировой войнами и революцией, их было в Иерусалиме только на Пасху около 10 тыс.

Историки донныне дивятся этому небывалой в истории массовости и интенсивности опыту «диалога культур» и «народной дипломатии». Посланцы великой Северной Империи, «Хаджи-Москов-Кодс», как называли их на Востоке, смиренно обучались преодолению этнической, конфессиональной и «автокефальной» исключительности, воспитывали в себе, как любил говорить архимандрит Антонин, «терпимость, столь нужную тому, кто решился принести на Гроб Господен дань и своей признательной души вместе с тысячами других, подобных ему

пришельцев, часто не похожих на него ничем, кроме одного образа человеческого и имени христианского»³⁶.

В связи со сказанным, уместно еще раз подчеркнуть, что служение и подвиг иерусалимской Миссии явились в истории Русской Церкви своего рода каноническим «экспериментом» не только с точки зрения своеобразного, часто драматического противостояния «синодальному пленению», о чем мы говорили выше, но и с точки зрения первой — в новое время — крайне назидательной встречи с Восточным Православием. Это было общение с принципиально иной духовной цивилизацией, православной и древней, по существу, если можно так образно сказать, с не умирающей в древнейших своих церковных институтах Православной Византией. Это было знакомство с опытом многовекового «выживания» Церкви в крайне неблагоприятных условиях мусульманского ига. И опытное постижение парадоксальной, диалектической природы церковно-исторического процесса, благодаря которой именно мусульманское окружение, с антихристианским гнетом, а порой даже намеренным террором и геноцидом, способствовали выработке чрезвычайного духовного иммунитета, поразительной гибкости при сохранении внутренней канонической цельности и верности духу святоотеческого предания. Словом это был опыт, в огромной степени предвосхитивший трагические перемены в положении православия и крушение всего основанного на нем жизненного уклада в России в эпоху отделения Церкви от государства.

Не забудем и о том, что наследие Русской Духовной Миссии — это целая «библиотека» трудов и исследований церковно-исторического, библейско-филологического, археологического и византологического характера, выполненных в разные годы начальниками и сотрудниками РДМ. Достаточно упомянуть о многостороннем научном наследии епископа Порфирия, о замечательных археологических открытиях архимандрита Антонина: Порог Судных Врат на Русском месте, в Александровском подво-

рье; исследованные и приобретенные им Гробницы Пророков на склоне Елеона; Мамврийский дуб; археологические находки при строительстве Вознесенского храма на Елеоне, послужившие экспозиционной основой так называемого «Музея древностей» Антонина.

Научно-исследовательский потенциал Русской Духовной Миссии и ИППО не ограничивается археологией. Мы должны назвать здесь также и историко-литературные работы, связанные с публикацией таких выдающихся серий, как «Палестинский патерик» (вып. 1-11 под ред. И.В.Помяловского, вып. 12-22 под ред. В.В.Латышева), «Православные праздники в Святой Земле» А.А.Дмитриевского, а также практически всех древнерусских «хождений» в Святую Землю, изданных в разные годы в «Православных Палестинских сборниках».

Трудно и ответственно пытаться формулировать какие-либо «заключительные» выводы о современном значении и перспективах служения русского присутствия на пороге III тысячелетия. Отметим лишь два аспекта.

Сохранение и преемство традиций и основных направлений деятельности Русской Духовной Миссии — несмотря на смену правительств и режимов, при царе, при советской власти, при демократической России, с одной стороны, и равным образом при турках, при англичанах, при государстве Израиль, с другой, — невольно заставляет задуматься, в чем сила подобного преемства. Кому-то может показаться странным, но восстановление Русской Духовной Миссии в Святой Земле как учреждения Московской Патриархии в 1948 г., как и ее основание в 1847 г. державной волей Николая Первого, вновь было делом государственной политики. В более широком контексте частью той же государственной политики были и первый визит Святейшего Патриарха Алексия Симанского в Святую Землю в победном мае 1945 г., и попытка Москвы на Совещании Глав и представителей Автокефальных Православных Церквей в июле 1948 г., по случаю 500-летия Русской Автокефалии, вновь собрать Пра-

вославный Восток, «как птица собирает птенцов под крыло свое».

Означает ли это возрождение — в новых исторических условиях, в новой социальной реальности — прежнего «константинопольско-иерусалимского» вектора русской духовной геополитики? Именно духовной — не «имперской», и не империалистической. Во всяком случае, даже если этого не сознавали руководители советской внешней политики, речь по-прежнему шла, в конечном счете, о свидетельстве Русской Церкви, а через нее Православной России (даже если не помнящей, в статистическом большинстве своих грешных чад, что она православная!).

Иными словами, «константинопольско-иерусалимская» составляющая российской внешней политики в 1948 г. и 1998 г. является по характеру своему почти исключительно духовной, идеалистической, бескорыстной, жертвенной. Святыни Голгофы и Животворящего Гроба Господня по-прежнему незримо, но властно «ориентируют» — и стабилизируют — позицию России в «безумном мире» экономических, политических, националистических интересов, глобальных перестроек и локальных войн.

Новые грани обрел и «канонический эксперимент». Русская Палестина, не по своей воле, оказалась в течение всего почти XX столетия поделенной между так называемыми Белой (заграничной) и Красной (московской) юрисдикциями внутри самой Русской Православной Церкви. Верим, что «тяжкий млат, дробя стекло, кует булат», что исторические испытания, пройденные на полуторавековом пути русского духовного созидания в Иерусалиме, увенчаются на рубеже нового тысячелетия воссоединением «белых», «красных» и прочих островков единой Русской Палестины.

¹ Житье и хоженье Данила, Руськия Земли игумена. 1106–1108 гг. / Под ред. М.А.Веневитинова // Православный Палестинский сборник. Т. I. Вып. 3. Кн. 3. СПб., 1883; Т. III. Вып. 3.

- Кн. 9. СПб., 1885; Новейшее издание с параллельным современным русским переводом и комментариями Г.М.Прохорова: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб., 1997. С. 26-117.
- 2 *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885. Изд. 2-е. М., 1914; Иерусалимский патриарх Досифей в его сношениях с русским правительством. М., 1891; Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины 16 до конца 18 столетия. СПб., 1895.
 - 3 *Пономарев С.И.* Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах. Материалы для библиографии. СПб., 1877. (СОЛЯС. Т. 17). С. XVI
 - 4 Под стягом России. Сборник архивных документов. М., 1992.
 - 5 *Хитрово В.Н.* Православие в Святой Земле // ППС. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1881.
 - 6 *Хитрово В.Н.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. Неопубликованная рукопись из архива ИППО // *Лисовой Н.Н.* Россия в Святой Земле. Документы и материалы. М., 2000.
 - 7 Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского / Под ред. П.В.Безобразова. Т. 1. Официальные документы. СПб., 1910.
 - 8 *Дмитриевский А.А.* Епископ Порфирий Успенский как инициатор и организатор первой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его заслуги на пользу Православия и в деле изучения христианского Востока. СПб., 1906; Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Т. 1-2. СПб., 1910.
 - 9 Материалы для биографии. Т. 1. С. 18.
 - 10 *Митрополит Никодим (Ротов).* История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме // БТ 29 (1979) 23.
 - 11 *Хитрово В.Н.* Православие в Святой Земле // ППС. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1881. С. 55.
 - 12 Архив внешней политики Российской Империи. Греческий стол. Оп. 497. Д. 2525. Л. 4.
 - 13 1857–1861. Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 97 и др.
 - 14 *Священник Феодор Титов.* Преосвященный Кирилл Наумов, епископ Мелитопольский, бывший настоятель Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Очерк из истории сношений России с православным Востоком. Киев, 1902.
 - 15 *Архимандрит Леонид (Кавелин).* Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М., 1873. О других работах см.: *Священник Анатолий Просвирнин.* Труды архимандрита Леонида Кавелина. (Библиография) // Богословские труды. 9 (1972).
 - 16 *Епископ Порфирий Успенский.* Книга бытия моего. Т. 3. СПб., 1896.
 - 17 *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское Общество (1882–1907). СПб., 1907. С. V.
 - 18 *Дмитриевский А.А.* Очерк жизни и деятельности Архимандрита Леонида Кавелина, третьего начальника Русской Духовной

- Миссии в Иерусалиме. Неопубликованная рукопись // *Лисовой Н.Н.* (сост.). Россия в Святой Земле. Документы и материалы. М., 2000.
- 19 *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское Общество (1882–1907). СПб., 1907. С. 19.
- 20 Там же. С. 19–20. Ср.: *Дмитриевский А.А.* Памяти Б.П.Мансурова // Сообщения ИППО. 1910. Т. XXI. Вып. 3. С. 448–450.
- 21 *Дмитриевский А.А.* Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) как деятель на пользу Православия на Востоке и, в частности, в Палестине. СПб., 1904; *Архимандрит Киприан* (Керн). Отец Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Белград, 1934 (Репринтное издание: М., 1997).
- 22 *Пономарев С.Д.* Памяти отца Архимандрита Антонина. (1. Хронологический список сочинений и переводов его. 2. Статьи о нем) // Труды Киевской Духовной Академии. 1894. Т. III. С. 636–652.
- 23 *Дмитриевский А.А.* Русская Горненская женская община во «граде Иудове» близ Иерусалима // СИППО XXVII (1916) 3–33.
- 24 *Митрополит Никодим* (Ротов). История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме // БТ. 20 (1979) 49.
- 25 Там же. С. 57–60.
- 26 См.: *Хитрово В.Н.* Сельские ссудо-сберегательные товарищества. Вып. 1. СПб., 1881; Изд. 7-е СПб., 1886.
- 27 Памяти Василия Николаевича Хитрово, помощника председателя, члена Совета и секретаря ИППО. 1882–1903. Читано в Общем годовом собрании Общества 4 ноября 1903 г. СПб., 1903. С. 7.
- 28 Еще в 1876 г. вышла в свет его книга «Неделя в Палестине», посвященная впечатлениям от первой поездки в Святую Землю. (2-е изд. СПб., 1879; 3-е, посмертное – СПб., 1912). За ней последовали: «Палестина и Синай. Часть 1». (СПб., 1876), «Православие в Святой Земле», составившее 1-й выпуск 1-го тома основанного им «Православного Палестинского сборника» (СПб., 1881), «Раскопки на Русском месте в Иерусалиме» (СПб., 1884), «Научное значение раскопок на Русском месте» (СПб., 1885). Удачны были и опыты научно-популярного изложения, предназначенного для самого широкого, неподготовленного читателя. Мы имеем в виду очень небольшую, карманного формата, но емкую содержательную книжку «К Животворящему Гробу Господню. Рассказ старого паломника» (СПб., 1884; в 1895 г. вышло уже 7-е издание этой книги), а также несколько выпусков (или «чтений») в изданной ИППО научно-популярной серии «Русские паломники Святой Земли» (Чтение 39 и 40. Иерусалим и его окрестности. СПб., 1896, 1897; Чтение 41. Вифлеем, Хеврон, Горняя. 1898; Чтение 42. Иордан. 1900; Чтение 44. Лавры Саввы, Феодосия. 1898).
- 29 *Латышев В.В.* Русский Историко-археологический институт в Иерусалиме. (Проект Положения) // *Лисовой Н.Н.* (сост.). Россия в Святой Земле. Документы и материалы. М., 2000.

- 30 Юбилейные торжества Императорского Православного Палестинского общества в Петергофе и Петербурге // Сообщения ИППО. 1907. Т. XVIII. Вып. 3-4. С. 398-399, 432-433.
- 31 Общее собрание ИППО 8 апреля 1901 г. // Сообщения ИППО. 1901. Т. XII. Вып. 1. С. 13.
- 32 *Хопвуд Д.* Русская просветительская деятельность в Палестине до 1914 г. // Православный Палестинский Сборник. М., 1992. Вып. 31. (94). С. 11-17.
- 33 Памяти Василия Николаевича Хитрово, помощника председателя, члена Совета и секретаря ИППО. 1882–1903. Читано в Общем годовом собрании Общества 4 ноября 1903 г. СПб., 1903. С. 10.
- 34 *Баталден С.* Судьба русского землевладения в Иерусалиме во время Палестинского мандата // Палестинский сборник. 32(95) (1993) 3-7.
- 35 Большинство из этих недвижимостей будет продано позже в 1964 г. в последний месяц правления Н.С.Хрущева, израильским властям за 4,5 млн. долларов. Поскольку выплачивалась эта совершенно символическая сумма в основном поставкой в СССР апельсинов, вся позорная акция получила в истории дипломатии название «апельсиновая сделка».
- 36 *Архимандрит Антонин (Капустин).* Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году. М., 1866. С. 7-8.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

В.Я.Гросул:

Не скажете ли, что Вы готовите — очерк, статью, монографию? Второй вопрос: на какой источниковой основе вы работаете?

Н.Н.Лисовой:

Сначала скажу относительно источниковой основы. Архивного материала, не только не использованного, но и никак не введенного в оборот, море. Это, прежде всего, упомянутый мной Архив внешней политики Российской империи, как он теперь называется, причем материалы, нас интересующие, не представлены какими-то компактными фондами, но разбросаны по разным хранениям.

Есть огромное число материалов в Греческом и Турецком столе Азиатского департамента, очень большие блоки материалов идут через фонды Посольства в Константинополе, Бейрутского генерального консульства. К сожалению, по непонятным причинам не отложилось отдельного фонда Иерусалимского генконсульства. Поэтому в значительной степени материалом приходится пользоваться как бы из вторых рук, через Бейрутское консульство и Константинопольское посольство. В результате получается некоторое дублирование одних и тех же материалов в нескольких фондах. Наконец, конечно, отдельный фонд, как в Архиве его называют, — фонд РИППО. Название неверно, потому что Палестинское общество никогда не называлось РИППО. Оно называлось либо ИППО (Императорское Православное Палестинское общество), либо (в советское время) РПО (Российское Палестинское общество). Но фонд РИППО один из наиболее насыщенных.

Кроме того, например, фонды графа Игнатьева и Великого князя Константина Николаевича находятся в ГАРФе. Фонд Русской Духовной Миссии находится частично в фонде Святейшего Синода, соответственно, в Российском Государственном историческом архиве в Петербурге. Там же, на Краснофлотской набережной, лежит совершенно не использованный и никогда не изданный дневник архимандрита Антонина Капустина. Он вел его с 1832 г. до самой смерти в 1894 г. — 14 томов.

Кроме того, есть интереснейшие архивные материалы в муниципальном архиве Иерусалима. Работа с ними затруднена, потому что все сотрудники работают, все описи делаются только на иврите. Но документы-то все наши, русские. Поэтому, если вы сумеете правильно заказать эти документы, то работать с ними, наверное, можно и в муниципальном архиве Иерусалима.

Отдельные интересные материалы есть и в других фондах, например, в ЦГАДА (теперь он называется РГАДА) — доклады А.Н.Муравьева по интересующей нас проблеме, в Нижегородском областном архиве — материалы епископа

Иеремии Отшельника по Святой Земле (40–50-е гг. прошлого века). Т.е. материалов очень много.

Помимо этого, совершенно не исследованного и не использованного архивного материала, к источниковой базе относится и огромное число публикаций документального характера. В частности, почти все, что печаталось в «Сообщениях Императорского Православного Палестинского общества»: отчеты Общества, журналы заседаний Совета, сметы Палестинского общества и Русской Духовной Миссии.

Теперь второй вопрос: что с этим возможно делать? Я думаю, что все это должно отложиться для начала в монографии, которая примерно будет называться «Русское духовное присутствие в Иерусалиме и на Ближнем Востоке» и в целой серии публикаций.

У меня здесь, в папке, около 20 печатных листов неопубликованных документов и материалов. В т.ч. подготовленная к публикации неизвестная работа (в 5 листов) В.Н.Хитрово, которая так и называется «Русская духовная миссия в Иерусалиме». Уже подготовлены большие фрагменты из дневников архимандрита Антонина Капустина.

Есть интерес и к научному сотрудничеству — в том числе, со стороны израильских научных учреждений. Профессор Алекс Кармель предложил конкретный проект сотрудничества по изданию, например, дневников Антонина Капустина. Однако не всегда удается найти деньги, даже когда желание есть с обеих сторон. Главное, что мы собираемся делать в ближайшее время — это монография и публикация неопубликованных материалов.

В.Я.Гросул:

Я всегда с большим вниманием слушаю доклады Н.Н.Лисового. Не только потому, что он прекрасный оратор, но и потому, что обычно он ставит нестандартные задачи и дает нестандартные решения.

Почему меня это заинтересовало? Работая в Азиатском департаменте над архивами посольства в Константинополе,

я видел огромное количество материалов по святым местам. Огромнейшее! Их никто не смотрел. И когда мы готовили работу по внешней политике России, где я консультант, у нас постоянно стоял вопрос, что делать с этими материалами. В архиве митрополита Арсения Стадницкого огромное количество писем с Христианского Востока, в том числе, личные письма патриархов Антиохийского и Иерусалимского. Там, я помню, попало одно письмо. Некий Абурус, который учился в Московской духовной академии, пишет: «Почему вы, русские, не ездите сюда? Почему вас тянет только туда, на Запад? Ведь здесь вы можете усилить свое влияние». Он был, конечно, тысячу раз прав. Мы потеряли там влияние не только из-за греков.

Конечно, у К.Н.Леонтьева любовь к грекам, потому что он был женат на гречанке. Но там много и других соображений, у него своя теория византизма. Мы утратили свои позиции и из-за греков тоже. Но, главное, потому что боялись: ну, а что нам дадут эти арабы? А сирийские арабы приезжали сюда на учебу, потом несли туда и русский язык, и русскую культуру, но наши власти не очень были этим делом заинтересованы. Мы в значительной степени потеряли влияние. Но это особая тема.

Я думаю, что наконец нашелся ученый, который может провести исследование на высоком уровне, и не только потому, что много источников.

Единственное мое соображение: там было не только духовное присутствие. В моей статье «Российские революционеры в Стамбуле» есть данные о том, что в РОПИТе, который вы упомянули, работала целая группа русских деятелей революционного движения, а Лев Мечников, брат Ильи Ильича, работал в этой Миссии.

Я.Н.Шапов:

Николай Николаевич давно работает над темой. Она ему очень близка, поскольку он является заместителем председателя Российского Палестинского общества.

У меня два замечания. Первое — относительно названия «Русское духовное присутствие». В какой степени то, о чем рассказывал автор, является только духовным присутствием? Может быть, за этим кроется и что-то более материальное? Может быть, это церковное присутствие, политическое присутствие, дипломатическое присутствие? Работа, судя по заглавию, и доклад посвящены периоду до революции 1917 г. Это было в значительной степени и дипломатическое русское присутствие — через Русскую Духовную Миссию, через Палестинское общество и т.д. Это первый вопрос.

Второй вопрос относительно хронологического ограничения. Николай Николаевич ограничивает свою монографию 1917 г., но материал — не менее интересный — посвящен и позднему времени, и даже послевоенному времени. Поэтому проблемы взаимоотношений с Русской Зарубежной Церковью, проблема собственности, взаимоотношений с Израилем и т.д. — все эти проблемы тоже достойны исследования. Я понимаю, что источниковедчески обеспечены эти периоды по-разному, и если первые в российских государственных архивах представлены хорошо, то вторые тоже представлены, но закрыты и малодоступны. В основном, для XX в., это уже пресса, материалы другого характера. Однако, мне кажется, что книгу все-таки надо посвятить и истории последних лет, хотя, может быть, оговорить, что эти вопросы рассматриваются с разной подробностью и основываются на разных источниках.

О.Ю.Васильева:

Мне кажется, что не надо продолжать исследование проблемы в послеоктябрьский период и доводить до сегодняшнего дня. Тогда нужно будет менять название по поводу духовного присутствия на Востоке. Это совсем другая история, которая в большей степени политизирована, чем предыдущая.

Там часть документов по Миссии открытые, особенно те, которые связаны с образованием государства Израиль, но я думаю, что та внутренняя задача, которую перед собой ставил автор, решается непросто, если продолжать ее до советского периода.

Н.Н.Лисовой:

Во-первых, почему я назвал доклад «Духовное присутствие»?

Когда я первоначально формулировал эту тему, то она звучала так: «Русское политическое, духовное и культурное присутствие на Ближнем Востоке». Но потом я сделал вывод о том, что преимущественно речь идет о духовном присутствии.

Я согласен с Я.Н.Шаповым, что оно было и материально реализовано в политике наших консульств, агентств и посольств и т.д., в 113-ти школах Палестинского общества, которые вели свою просветительную работу. Но тем не менее, если говорить о результирующих фактах, о некотором суммировании, конечно, это было прежде всего, присутствие духовное. Даже и наша собственность в Святой Земле, она почти вся или церковная, или Православного Палестинского общества. И задача формирования школьной сети Иерусалима, Палестины, и Сирии осмыслялась именно в терминах помощи православным патриархатам Востока. Т.е. это — помощь православным патриархатам, а не попытка русского внедрения, какого-либо политического или тем более военно-политического действия. Хотя это тоже было, и не будем закрывать на это глаза. Была и составляющая военно-морской разведки, которая через великого князя Константина Николаевича и через Мансурова, и в Палестинском обществе через знаменитого адмирала Путятина и генерал-адъютанта Арсеньева тоже осуществлялась. Безусловно, это все тоже было. Но определяющим являлось, конечно, духовное присутствие, и это отличало Российскую политику от попыток экономического, поли-

тико-экономического, военно-политического проникновения других государств.

В частности, сложность заключалась в том, что русское дело в Палестине осуществлялось в пределах другого автокефального православного патриархата. Этого ограничения не знали ни немцы, ни французы, ни англичане. И еще. Германский кайзер Вильгельм мог сто лет назад, в 1898 г. приехать в Иерусалим. Русский император не мог этого сделать, потому что это была традиционно мусульманская и даже враждебная по отношению к России Турецкая империя.

Т.е. самые разнообразные факторы способствовали тому, что практически все русское дело в Палестине и на Ближнем Востоке, какого бы характера это ни было, в доминирующем виде было именно духовным присутствием. Но, повторяю, это почти терминологический вопрос. На самом деле я прекрасно сознаю, что речь идет и о дипломатическом и консульском присутствии, и непосредственно о материальном присутствии и т.д.

Второй момент — относительно того, как быть с XX в.

Разумеется, жизнь и деятельность Русской Миссии в Иерусалиме в XX в. — я собственно актуальность темы этим и пытался обосновать — это живое продолжение русского дела в Палестине и на Ближнем Востоке.

Отчасти я согласен с О.Ю.Васильевой, которая выступила против продолжения исследования в XX в. Характер деятельности был, конечно, другой. Но тем не менее российское присутствие в Святой Земле даже в XX в. приобретало характер духовного присутствия. Когда Сталин в 1948 г. признавал государство Израиль, то за этим он одновременно видел и борьбу за наше наследие в Палестине и в ближневосточном регионе. Действительно так и получилось: как только мы признали государство Израиль, следующим актом было то, что нам были возвращены наши недвижимости в этом государстве. Иными словами, это все равно было продолжением борьбы за духовное присутствие. Поэтому тут для себя

принципиальных ограничений я не вижу. Скорее, ограничительным фактором является тот, на который обратил внимание Я.Н.Щапов, что действительно резко меняется и резко сокращается характер самой источниковой базы. Очень многие материалы, даже из интересующего нас периода, в МИДовском архиве не выдаются. Я заказываю папку, в которой 135 нумерованных страниц, а мне дают 15 из них. Я спрашиваю: а остальные где? — Остальные засекречены, их нельзя выдавать. — Почему? — Потому, что речь идет о государственной нашей собственности! — с гордостью говорят мне сотрудники архива. Только они знают о том, что это наша собственность, больше никто во всем мире не знает... Но тем не менее.

Конечно, для XX в. таких засекреченных по разным причинам материалов гораздо больше. Даже митрополит Никодим Ротов, когда писал свою «Историю Русской Духовной Миссии в Иерусалиме», и то свел историю XX в. буквально к десяти заключительным страницам и сказал: не могу, не позволяют материалы еще пока написать историю Русской Духовной Миссии за советский период. То есть, действительно существуют ограничения в объеме и характере материала.

«ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» – СЛОВО ПУШКИНСКОГО ОКРУЖЕНИЯ*

Слово «интеллигенция» ныне общеупотребительно, как и производные от него, хотя понятие «интеллигенция» толкуется неоднозначно. Признается, что слово «интеллигенция» получило распространение со второй половины XIX в., точнее даже – в пореформенной России, а затем уже из языка русской литературы перешло в другие языки «как заимствование из русского»¹. Во втором издании «Толкового словаря живого великорусского языка Владимира Даля» (1872 г.) такое определение: «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей». То же повторено в третьем, «исправленном и значительно дополненном издании» под редакцией И.А.Бодуэна-де-Куртене (1905 г.).

Д.С.Лихачев в статье «О русской интеллигенции» утверждает: «Понятие это чисто русское, и содержание его преимущественно ассоциативно-эмоциональное. К тому же по особенностям русского исторического прошлого мы, русские люди, часто предпочитаем эмоциональные концепты логическим определениям». Но далее читаем: «Интеллигент же – это представитель профессии, связанной с умственным трудом (инженер, врач, ученый, художник, писатель), человек, обладающий умственной порядочностью»². О подходе Д.С.Лихачева к этому понятию свидетельствуют заголовки печатных выступлений в последние десятилетия, объединенных автором в сборнике статей 1997 г. «Об интеллигенции»: «Интеллигентным притвориться нельзя», «Интеллигенция – интеллектуально независимая часть общества».

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 5 июня 1997 г.

С середины 1930-х годов, вслед за И.В.Сталиным, под «советской интеллигенцией» зачастую понимали общественную прослойку, вместе с классами рабочих и крестьян составлявшую социальную общность – советский народ, т.е. по существу тех, кого определяли как «служащих». В новейшем издании однотомного Большого энциклопедического словаря (1997 г.) определение социокультурного характера: «общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным умственным трудом, развитием и распространением культуры. Понятию И. придают нередко и моральный смысл, считая ее воплощением высокой нравственности и демократизма».

«Биографии» слова «интеллигенция» посвящены специальные труды филологов Л.Я.Борового³, В.В.Виноградова⁴, А.К.Панфилова⁵, Ю.С.Сорокина⁶ (работы первых двух переиздавались в дополненном виде); в 1995 г. напечатана статья Ю.А.Бельчикова, который, обобщая опубликованные наблюдения (и дополнительные материалы) относительно истории слов «интеллигенция», «интеллигент» (и некоторых других однокорневых слов), наметил ряд этапов в их функционировании в русском литературном языке. На первом этапе слово «интеллигенция» это – философский термин и «до 60-х годов выступает исключительно как абстрактное существительное»⁷. Выступал на эту тему и я⁸, и доклад на Ученом совете имеет своей основой статью «К истории слова “интеллигенция”», опубликованную в сборнике статей к 100-летию со дня рождения академика М.П.Алексеева «Россия, Запад, Восток: встречные течения» (СПб., 1996. С. 409-417).

Известно, что настоящая история и ранее употребительного слова «нигилизм» «начинается, – как отметил М.П.Алексеев, – только с того момента, когда Тургенев применил его к типической психологии шестидесятника: внезапно с чудодейственной быстротой оно приобрело новый смысл и силу влияния»⁹. Примерно таким же об-

разом подошли и к «биографии» слова «интеллигенция», приписывая в данном случае роль Тургенева П.Д. Боборыкину — писателю намного меньшего масштаба и, соответственно, меньших возможностей воздействовать на общество, особенно в 1860-е гг., в начальную пору его поразительной по плодовитости литературной деятельности¹⁰ — версия о введении слова «интеллигенция» в широкий языковой обиход Боборыкиным приводится и в энциклопедических словарях: в дореволюционном словаре братьев Гранат, в упоминавшемся уже современном однотомном Большом энциклопедическом словаре.

Боборыкин сам объявил себя «крестным отцом» слова «интеллигенция», «пущенного в русскую журналистику» им в 1866 г., а также слов «интеллигент» и «интеллигентный». Об этом писатель сообщал в статьях 1904 и 1909 гг. (в основе которых публичные лекции), объясняя, что он придал слову «интеллигенция» «то значение, какое оно из остальных европейских литератур и пресс приобрело только у немцев» — «т.е. самый образованный, культурный и передовой слой общества известной страны» (в статье 1904 г.). В статье 1909 г., вышедшей уже после ставшего сразу знаменитым сочинения Д.Н. Овсяннико-Куликовского «История русской интеллигенции», Боборыкин утверждает, что «под интеллигенцией надо разуметь высший образованный слой нашего общества как в настоящую минуту, так и ранее, на всем протяжении XIX и даже последней трети XVIII в.»¹¹.

Теперь установлено, что эти слова появились независимо от Боборыкина и ранее 1866 г. — и в печати, и в переписке, и в дневниках. Слово «интеллигентный» встречаем в письме В.П. Боткина И.С. Тургеневу 1863 г.¹², «так называемое интеллигентное общество» — в дневнике 1865 г. А.В. Никитенко¹³; в дневниковой записи молодого В.О. Ключевского 1866 г. явно уже употребительное слово «интеллигенция» имеет и насмешливо-презрительный оттенок: к интеллигенции он относит и «презренную учащуюся молодежь»¹⁴.

Однако, в 1861 г. в статье столичной газеты считали еще необходимым сослаться на толкование, принятое за рубежом: «...образованный класс, или как его называют в Австрии, интеллигенция»¹⁵. Показательно, что автор статьи профессор-славист П.А.Лавровский — член-корреспондент Академии наук по Отделению русского языка и словесности, одной из главных задач которого было изучение русского языка и составление его словаря. Выявлены уже многочисленные примеры все возрастающего распространения слова «интеллигенция», особенно во второй половине 1860-х гг.; хотя И.С.Тургеневу еще в 1869 г. это выражение казалось «новинкой» в словаре губернского города. И писатель рассуждает по поводу употребления слова «интеллигенция» персонажем его рассказа «Странная история»: «“Послезавтра в дворянском собрании большой бал: советую съездить, здесь не без красавиц. Ну и всю нашу интеллигенцию Вы увидите”. Мой знакомый, как человек, некогда обучавшийся в университете, любил употреблять выражения ученые. Он произносил их с иронией, но и с уважением»¹⁶.

Внедрение в письменность таких новых слов отражало процесс становления нового социокультурного явления, что всегда требует закрепления и в терминологии. Однако, с утверждением интересующих нас слов в собирательном смысле сразу же стало ощутимо затруднительное для объяснений историка и по сей день смешение в представлениях об «интеллигенции» и «интеллигентах» понятий разных планов: социального, профессионального, из сфер культуры, этики, психологии. Под «интеллигенцией» подразумевали совокупность лиц, служебное и общественное положение, а также материальная обеспеченность которых обусловлены прежде всего их образованностью или профессиональным опытом (предваренным чаще всего соответствующей выучкой в учебных или специальных заведениях) т.е. работников умственного труда, людей искусства. В то же время словом «интеллигент» обозначали умственно развитого человека

(определение «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И.Даля).

Социальная характеристика этого социокультурного понятия оставалась расплывчатой, сословные рамки его нечетки — тем более классовые (особенно, если применительно к явлениям второй половины XIX в. исходить из жесткой схемы определений теории марксизма-ленинизма). Еще заметнее это становится при подходе к понятию «интеллигентность» с присущим ему нравственным оттенком (если даже не акцентом!) и необязательностью социопрофессионального признака (т.е. занятости в сфере умственного труда, культуры).

Если в период крепостного права слова «образованный человек» и «дворянин» были почти синонимы¹⁷ (тем более, что служба в сфере просвещения, науки, культуры, даже полученное образование давали право на дворянство), то теперь «интеллигенция» в определенной мере оказалась выделенной из широкого сообщества тех, кого относили к «образованному классу» — ее противопоставляют и «чиновничеству», и «так называемому высшему обществу», и «господствующей церкви», и «буржуазии»¹⁸, с 1880-х гг. пишут о «сельской интеллигенции», позднее и о «рабочей интеллигенции». А.И.Герцен в статье 1866 г., характеризуя «городскую, университетскую среду» Н.Г.Чернышевского, отметил, что «она состояла исключительно из работников умственного движения, из пролетариата интеллигенции, из “способностей”»¹⁹. Слово «пролетариат» употреблено в понимании людей тех лет — «неимущие», «бедняки», подобно тому, как у Ф.Лассаля и Н.А.Добролюбова встречается термин «умственный пролетариат», а у Д.И.Писарева — «мыслящий пролетариат»²⁰. Интеллигенция в общественном сознании тогда уже не ассоциировалась с дворянством (тем более с поместным) и уж безусловно казалась отъединенной от аристократической среды, особенностей ее образования и поведения. Тем более, что происходит демократизация высшего образования, и социальной ба-

зой студенчества становятся все в большей мере различны²¹ — произошла явная демократизация понятия «интеллигенция».

Это отрицательно (иногда с оттенком пренебрежения) воспринималось аристократией, что четко обнаруживается, в частности, в переписке с высокосоциальным историком графом С.Д.Шереметевым — литератор славянофильского толка Н.М.Павлов писал ему в 1898 г.: «...Царь и народ — вот Россия в настоящее время! А “так называемая публика”, а так называемая “интеллигенция”... дай Бог чтобы интеллигенция была с Божьей помощью, другая, а не та, которая теперь»²². Как выясняется, именно такое понимание и было первоначальным, когда термин «интеллигенция» обрел и социальную окраску.

Это отражено в дневниковой записи Василия Андреевича Жуковского 2 февраля 1836 г. Поэт был в ту пору главным наставником-воспитателем наследника престола цесаревича Александра Николаевича (в будущем Александра II). Текст этот опубликован видным томским исследователем жизни и творчества Жуковского А.С.Янушкевичем в 1994 г. Со времени полной самоотдачи Жуковского его наставнической миссии дневниковые записи обрели дидактическую направленность и морализирующий акцент. Описывая поразивший его пожар, когда в балагане Лемана близ здания Адмиралтейства сгорели сотни людей, Жуковский с возмущением отмечает «замечательную черту, обидную для нашего характера»: «Через три часа после этого общего бедствия, почти рядом с тем местом, на коем еще дымились сожженные тела 300 русских, около которого были недопускаемые к мертвым полицией родственники, осветился великолепный Энгельгардтов дом, и к нему потянулись кареты, все наполненные лучшим петербургским дворянством, тем, которое у нас представляет всю русскую европейскую интеллигенцию; никому не пришло в голову (есть исключения), что случившееся несчастье есть общее; танцевали и смеялись и бесились до 3-х часов и разъехались,

как будто ничего и не было. И для чего съезжались: для того, что бывает ежедневно. И у Мещерских был вечер... были танцы, и С.Н.Карамзина, тридцатилетняя дева, танцевала с своею обыкновенною жадностью, и даже смеялась, когда я сказал ей, что считаю непристойным бал дворянский...»²³.

Жуковский явно огорчен, не сдерживая своего осуждения, тем, что также аморально как и другие вели себя и дочери глубоко почитаемого им историографа Н.М.Карамзина, который для него, Вяземского, Пушкина и лиц их круга оставался воплощением «высокого» в человеке и писателе²⁴.

Термин «интеллигенция» употреблен уже как социокультурный — для обозначения некоего множества (чему в рассуждениях об интеллигенции в пореформенный период будут уделять особое внимание). И показательно что у Жуковского понятие «интеллигенция» ассоциируется уже тогда (в 1830-е годы!) не только с принадлежностью к определенной социокультурной среде и с европейской образованностью, но и с нравственным образом мысли и поведением, т.е. с «интеллигентностью» в позднейшем смысле этого слова. Размышления Жуковского о том, что представляет собой столичная интеллигенция показательны для строя души поэта и прирожденного педагога, пленявшего современников чистотой и серьезностью своих помыслов²⁵.

Существенно и то, что взгляды Жуковского в русле характерных для самосознания Карамзина, Пушкина и декабристов представлений о «нравственном бытии» как основе просвещения и образованности, о поведении дворян как «предстателей» за всех россиян, об их долге служения России²⁶.

Жуковский — последователь Карамзина и в сфере языкотворчества, причастный в 1815–1818 гг. к литературному содружеству «Арзамас», сочинитель прелестных юмористических протоколов его заседаний, постоянно общавшийся и с теми, для кого не русский язык был языком

письма и устной речи, убежден в необходимости обогащения словаря российской литературы кальками некоторых иностранных слов или самими иностранными словами, ставшими частыми и естественными в каждодневном обиходе — особенно для вновь образующихся понятий.

Таким становилось и слово «интеллигенция», в ином — отвлеченном смысле укрепившееся уже в философском лексиконе 1820—1830-х гг. Профессор А.И.Галич в «Опыте философского словаря» объясняет его как «разумный дух» («высшее сознание»). В философском смысле употребляют его и позднее, даже в 1850-е гг. Н.П.Огарев, Н.Г.Чернышевский, в 1865 г. князь В.Ф.Одоевский²⁷, друг Жуковского князь П.А.Вяземский²⁸. Однако, Жуковский, вводя его в текст русскоязычного дневника, опирался, видимо, в большей мере не на немецкий философский словарь, а на новейшую французскую литературную публицистику.

Допустимо предполагать, что в 1836 г. слово «интеллигенция» могло фигурировать в рассказах возвратившегося из Парижа Александра Ивановича Тургенева. Друг Жуковского с юных лет, космополит и русский «в одно время» (по самохарактеристике), энциклопедически образованный Тургенев был как бы прирожденным «хроникантом»: беседой с ним дорожили и общественно-политические деятели, и писатели и ученые западноевропейских стран и России²⁹. Тогда Тургенев готовил для пушкинского журнала «Современник» статьи о хронике парижской жизни, и в напечатанном им в ту пору, и в его многообразной переписке упоминается имя и писателя Оноре де Бальзака. Сочинения этого писателя пользовались в России «огромной популярностью» (и автор знал об этом), «вызывали пристальный интерес в среде Пушкина и его друзей»³⁰.

А Бальзак именно в то время возымел идею организовать особую партию интеллектуалов, с печатными органами, где можно было бы публиковать и собственные сочинения. И предлагал назвать это сообщество «партией интеллигентов» (*le parti des intelligentiels*)³¹. Еще 23 августа 1835 г. он

писал Э.Ганской, что «такое название мало располагает к шуткам, но к подобной партии лестно будет принадлежать», и издания эти «объединят серьезные способные умы» («reunir les intelligences saerieuusement capables»)³².

Однако, придуманное Бальзаком слово во французском языке не привилось; укрепилось другое — «intellectuels»; и там вообще отсутствует такое слово собирательного значения³³. Слово «интеллигенция» пришло во французский язык, — а также и в английский — позднее из России: во французском словаре «Nouveau Larousse universelle» оно («intelligensia») названо русским словом, обозначающим класс интеллектуалов данной страны («mot russe, classe des intellectuels dans une pays donne»)³⁴.

Видимо, сходно с представлением Жуковского понимание французского слова «haut intelligence» декабристом Александром Федоровичем фон дер Бригеном. В письме супруге и дочери из Кургана на французском языке от 27 января 1844 г. он пишет, что «чувствительность, эта гармония человеческой души» должна быть поддержана «воспитанием воли и характера, морали, которая должна включать в себя доброжелательность, снисходительность — качества, без которых невозможно быть интеллигентом» («vetre de tout haute intelligence»)³⁵. (Вероятно, более точный перевод: «быть интеллигентным» — от слова «интеллигентность», или даже быть человеком «высокого ума»).

Герой войн с Наполеоном отставной полковник Бриген был знаком с Жуковским еще по Петербургу. Их связывала общая дружба с декабристом Н.И.Тургеневым, за которого неустанно и бесстрашно хлопотал Жуковский³⁶. Оба — люди высокой нравственности и доброты, редкостной образованности (оба — и полиглоты!) и трудолюбия. Они переписывались в годы пребывания декабриста в Сибири, в 1837 г. встречались, когда Жуковский, сопровождая цесаревича, был в Кургане. Бриген переводит с нескольких языков сочинения историков и философов³⁷. В письме от 1 июня 1846 г. Жуковский воспевал

труд как «благотворителя души человеческой, очарователя и животворителя настоящего и целителя будущего»³⁸. По его предложению Бриген стал переводить для печати «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря, и свой перевод посвящает Жуковскому. Об этом узнаем — из цитированного письма: «Перевод... намереваюсь посвятить Жуковскому, которого вы любите как поэта, а я, восхищаясь его гением, люблю еще более как человека». Когда Бриген узнал о замужестве дочери Марии в сентябре 1845 г., он послал ей письмо Жуковского от 18 июня 1845 г. (ответ на письмо Бригена), сопровождая это такими словами: «Пусть оно заменит свадебный подарок. Прошу вас сохранить его как воспоминание о столь памятном времени для вас лично, для меня, для всего нашего семейства. Это документ, значение которого вы в состоянии оценить и, я уверен, что вы прочтете его с удовольствием. В нем полностью проявляется доброе сердце и прекрасная душа Жуковского»³⁹. Быть может, встретившись с Бригеном в 1837 г. и вспоминая их общего друга Николая Тургенева, о жизни которого в зарубежье узнавали от его брата Александра, Жуковский употребил в разговоре и слово «интеллигенция»?

Зная образ жизни Жуковского и лиц близкого ему окружения, можно полагать, что слово «интеллигенция» в том же значении, что и в дневнике, могло произноситься — и в кабинетах и салонах того же времени. А в 1836 г. темой разговора было «Философическое письмо» П.Я.Чаадаева, с упоминания которого ученый начала XX в., начнет книгу об истории русской интеллигенции⁴⁰. П.А.Вяземский как раз в статье 1836 г. заметил, что в «спорах в гостиных в разговорах русских гораздо более ума, нежели в русских журнальных статьях. Вообще ум наш натуры изустной, а не письменной»⁴¹. Близость литературного произведения и устной, особенно ораторской, речи ощущали современники (П.Я.Чаадаев утверждал даже, что «всякое художественное произведение есть ораторская речь или проповедь»), отмечают ученые фи-

тологи, изучавшие как раз литературу и язык, «ораторскую культуру» первой половины XIX в.⁴²

В беседах 1836 г. мог принимать участие и А.С.Пушкин. Жуковский и А.Тургенев тогда особенно часто общались с ним, нарочито обсуждая проблемы, отвлекавшие его болезненное внимание от семейной драмы, буквально навязывая Пушкину занятия в сфере научного творчества — перевод и изучение «Слова о полку Игореве»⁴³.

Это все, конечно, предположения, догадки, и при том разной степени вероятности. Однако, несомненно то, что слово «интеллигенция» уже в 1836 г. было написано в русскоязычном тексте и в понимании, близком к ставшему позднее общепризнанным.

Неясно пока и то был ли именно Жуковский изобретателем этого русского слова и получило ли слово «интеллигенция» в собирательном смысле тогда же распространение. Написанное самим Жуковским, А.И.Тургеневым, П.А.Вяземским, П.А.Плетневым, семьей Карамзиных и посетителями их салона 1830-х гг. лексикографами еще слабо изучено. Упоминалось уже об употреблении лицами этого круга князьями П.А.Вяземским и В.Ф.Одоевским слова: «интеллигенция» в значении разумного постижения «действительности» еще в середине 1860-х гг. Но ведь Боборыкин употреблял и в таком значении это слово даже в 1875 г.⁴⁴ Возможно, что слово «интеллигенция» как социокультурный термин осталось тогда — в 1830-е гг. — достоянием лишь одной, сравнительно замкнутой «группы» высшего света («beau monde») — наиболее «интеллигентной, тонко и критически развитой» (если пользоваться определением И.А.Гончарова в заметках 1874 г.)⁴⁵.

Однако, показательно то, что и Л.Н.Толстой, характеризуя в «Войне и мире» высшее столичное общество, употребляет именно в таком смысле термин «интеллигенция» и мыслит нравственными категориями Жуковского и Бригена. Слово это использовано писателем при

определении впечатления сверстника Жуковского графа Пьера Безухова о посетителях салона фрейлины Шерер, куда «приехала высшая знать Петербурга, люди самые разнородные по возрастам и характерам, но одинаковые по обществу, в каком все жили». Возвратившийся из-за границы Пьер «знал, что тут собрана вся интеллигенция Петербурга», и он «все боялся пропустить умные разговоры, которые он может услышать. Глядя на уверенные и изящные выражения лиц, собранных здесь, он все ждал чего-нибудь особенно умного...»⁴⁶.

Граф Л.Н.Толстой – аристократ по происхождению и воспитанию мог и знать о давнем бытовании слова «интеллигенция» в словаре столичного beau monde. И уж несомненно учитывал возможное восприятие текста его романа современным читателем. В первой публикации первой части романа под названием «Тысяча восемьсот пятый год» в 1865 г. указанного места нет. Оно появляется в отдельном издании 1868–1869 гг.⁴⁷ Для поселившегося в Западной Европе и оторванного от каждодневной русской разговорной речи И.С.Тургенева слово «интеллигенция» представляется в 1869 г. новинкой, для Л.Н.Толстого же настолько утвердившимся в сознании, что его допустимо применять для типологической характеристики явлений не только визуально наблюдаемых, но и начала столетия – «допожарных» времен. При этом, учитывая распространение слова «интеллигенция» преимущественно в социокультурном плане и для обозначения достаточно больших сообществ, Толстой противопоставляет этой массе истинного «интеллигента» Пьера, «несвоейственного месту» собрания гостей Анны Павловны и вызвавшего потому «страх» хозяйки салона («страшный для нее молодой человек»): «Хотя действительно Пьер был несколько больше всех других мужчин в комнате, но этот страх мог относиться только к тому умному и вместе с тем робкому, наблюдательному и естественному взгляду, отличавшему его от всех в этой гостиной»⁴⁸.

Таким образом, 1860-е гг. — время не возникновения в русском литературном языке слова «интеллигенция», а его второго рождения и существенного изменения и расширения первоначального значения термина. Слово «интеллигенция» вошло в русский язык на четверть века ранее и было в словаре лиц пушкинского круга.

-
- 1 Лихачев Д.С. Об интеллигенции. СПб., 1997. С. 77.
 - 2 Там же. С. 6, 7.
 - 3 Боровой Л. Путь слова. Очерки и разыскания. Изд. 3-е. М., 1974. С. 275 — 291. («Интеллигент, интеллигенция, интеллидженсия»).
 - 4 Виноградов В.В. История слов. М., 1994. С. 227-229 («Интеллигенция»).
 - 5 Панфилов А.К. О слове «Интеллигенция» // Вопросы языкознания и русского языка. Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И.Ленина. № 358. М., 1970. С. 362-363; *Он же*. Еще о слове ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ // Функционирование архаических и новых элементов. М., 1986. С. 84-87.
 - 6 Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М.;Л., 1965. С. 144-149 («Интеллигент, интеллигентный, интеллигенция»).
 - 7 Бельчиков Ю.А. К истории слов «интеллигенция», «интеллигент» // Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика В.В.Виноградова. М., 1995. С. 62-69.
 - 8 Шмидт С.О. Откуда взялась «интеллигенция»? Слово, пришедшее из круга поэта // Литературная газета. 1996. 5 июня. № 23 (5605); *Он же*. Этапы «биографии» слова «интеллигенция» // Судьба российской интеллигенции: Материалы научной дискуссии 23 мая 1996 года. С.-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов. СПб., 1996. С. 45-56.
 - 9 Алексеев М. К истории слова «нигилизм» // Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928. С. 413.
 - 10 См.: Муратов А.Б. Боборыкин П.Д. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 286-290.
 - 11 Боборыкин П.Д. Русская интеллигенция // Русская мысль. 1904. № 12. С. 80-81; *Он же*. Подгнившие «вехи» // В защиту интеллигенции. Сб. статей. М. 1909. С. 29.
 - 12 Виноградов В.В. Указ. соч. С. 227.
 - 13 Сорокин Ю.С. Указ. соч. С. 149.
 - 14 Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 228.
 - 15 Сорокин Ю.С. Указ. соч. С. 147.
 - 16 Виноградов В.В. Указ. соч. С. 227.
 - 17 Там же. С. 228.
 - 18 Сорокин Ю.С. Указ. соч. С. 149.

- 19 *Герцен А.И.* Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 19. М., 1960. С. 194. См. об этом замечания: *Сорокин Ю.С.* Указ. соч. С. 148. Прим. 243.
- 20 Большая советская энциклопедия. Изд. 1-е. Т. 28. М., 1937. Стб. 608 (статья «Интеллигенция»).
- 21 См.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 23.
- 22 «Пошлая сказка об убийстве Годуновым царевича Димитрия». Письма Н.М.Павлова С.Д.Шереметеву в 1898–1901 гг. (Подг. к печ. Л.И.Шохин) // Источник. (Приложение к журналу «Родина»). 1996. № 1 (20). С. 13.
- 23 *Жуковский В.А.* Из дневников 1827–1840 годов // Наше наследие. № 32. М., 1994. С. 46.
- 24 *Шмидт С.О.* Пушкин и Карамзин // Николай Михайлович Карамзин. Юбилей 1991 года. Сб. научн. трудов. М., 1992. С. 87.
- 25 *Шмидт С.О.* Подвиг наставничества. В.А.Жуковский – наставник наследника царского престола // Русское подвижничество. Сб. к 90-летию академика Д.С.Лихачева. М., 1996. С. 187–221.
- 26 См.: *Шмидт С.О.* Общественное самосознание noblesse russe в XVI – первой трети XIX в. // Noblesse. àEtat et Sociàetàe en Russie XVIe – dàebut de XIXe siàecle: Cahiers du monde russe et soviàetique. Vol. XXXIV. (1-2). Paris, 1993. P. 23 и след.
- 27 *Виноградов В.В.* Указ. соч. С.228, 229.
- 28 *Сорокин Ю.С.* Указ. соч. С. 147.
- 29 *Осват А.Л.* Александр Тургенев и его поприще // *Тургенев А.* Политическая проза. М., 1989. С. 9-10.
- 30 *Гроссман Л.П.* Бальзак в России // Литературное наследство. Т. 31-32. М., 1937. С. 321 и след.
- 31 *Pierrot R.* Honoràe de Balzac. P., 1994. P. 274.
- 32 *Balzac H. de* // Les lettres àa madame Hanska. P., 1990. V. 1. P. 265. (Этими сведениями я обязан любезности В.А.Мильчиной).
- 33 *Боровой Л.* Указ. соч. С. 288–289.
- 34 Nouveau Larousse universelle. V. 2. P., 1969. P. 31.
- 35 *Бриген А.Ф.* Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986. С. 172; ОР ИРЛИ. Ф. 2572. Л. 9.
- 36 См.: *Самовер Н.В.* «Не могу покорить себя ни Булгариним, ни даже Бенкендорфу...» Диалог В.А.Жуковского с Николаем I в 1830 году // Лица: биографический альманах. Вып. 6. М.; СПб., 1995. С. 87–110.
- 37 *Тальская О.С.* О переводческой деятельности декабристов в Сибири // Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977. С. 82–84.
- 38 *Жуковский В.А.* Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. М.; Л., 1960. С. 656.
- 39 *Бриген А.Ф.* Указ. соч. С. 199–200.
- 40 *Овсянко-Куликовский Д.Н.* Избранные работы. В 2-х т. Т. 2. М., 1989. С. 4.
- 41 Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Второй том. СПб., 1836. С. 289. См. также: *Лот-*

- ман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 29 и след.
- 42 Михайлова Н.И. Роман «Евгений Онегин» и ораторская культура первой трети XIX в. // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XIII. Л., 1989. С. 45.
- 43 Шмидт С.О. А.С.Пушкин о «Слове о полку Игореве» // Древности славян и Руси. Сб. к 80-летию академика Б.А.Рыбакова. М., 1988. С. 173-174; *Он же*. Перед дуэлью. «Слово о полку Игореве» — спутник последних месяцев жизни поэта // Неделя. 1989. № 32. С. 14.
- 44 Сорокин Ю.С. Указ. соч. С. 147. Прим. 240.
- 45 Гончаров И.А. Собр. соч. В 8-ми т. Т. 8. М., 1955. С. 178.
- 46 Толстой Л.Н. Собр. соч. В 14-ти т. Т. 4. М., 1951. С. 11,14.
- 47 Толстой Л.Н. Полное собр. соч. Т. 9. М., 1937. С. 368.
- 48 Толстой Л.Н. Собр. соч. В 14-ти т. Т. 4. С. 14, 18.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

И.А.Курляндский:

Термин «интеллигенция», понятие «интеллигенция» распространялись в ретроспективе. Но можно ли так говорить о Курбском или Максиме Греке, Рублеве?

С.О.Шмидт:

Был ли распространен термин с середины XIX в. я не знаю. Но в современной литературе, например, Романов, Лихачев называют даже предшественника Курбского Даниила Заточника интеллигентом Древней Руси. На языке образованнейших, скажем, петербургских ученых термин «интеллигенция» применим даже к более раннему времени. В моих работах я использую этот термин, например, в докладе в МГУ на международной конференции «Средневековые признаки в новом государственном строе» я употребил этот термин, ссылаясь на современную его трактовку. Мы говорим о греческой интеллигенции, римской, когда этого термина не существовало.

А.Н.Сахаров:

Как к этому понятию относились те, кто не являлся интеллигенцией в России, до революции и после революции?

С.О.Шмидт:

Как замечал Достоевский, о чем писали рядовые публицисты, интеллигент — это образованный человек. «Интеллигенция» по Далю — образованный слой, чаще всего высокопоставленный, более богатый слой общества. Потом, после революции, ее просто низвели до прослойки, когда она потеряла какой-то нравственный элемент, а стала только социально-профессиональным элементом: не рабочим классом, не крестьянством, а служащими умственного труда.

Я сознательно уклонился от характеристики этого явления, ибо думаю что вопрос об интеллигенции — один из самых видных вопросов истории нашего общественного сознания, отношения к ней в нашей политической истории. Я хочу обратить внимание на то, что вопреки широко распространенным представлениям слово родилось до Боборыкина и первоначально имело другой смысл. «Интеллигенция», «интеллигент» в представлении Жуковского и, очевидно, ему подобных, — это декабристы, аристократы, которые имели высокую европейскую образованность, высокое нравственное начало.

Н.Е.Бекмаханова:

Как-то не затронута тема этого термина и народов России. Например, я могу привести переписку Чокана Валиханова, где эта терминология присутствует.

С.О.Шмидт:

Это очень важно, но это уже 50–60-е гг., когда этот термин присутствовал и у Никитенко, и у Тургенева, и у Гончарова, и у Толстого, и у других. Тогда он был даже у Ключевского, который в дневнике писал об этом. Однако меня

очень удивило, что специалисты не встречали термина у молодого Герцена, он появился у Герцена-эмигранта.

И.А.Курляндский:

Как вы думаете, образованные и талантливые деятели большевистской партии — Ленин, Бухарин, Троцкий и другие — они являются интеллигентами в том смысле, в котором вы об этом говорили?

С.С.Шмидт:

Вопрос несколько отклоняется от темы моего сообщения. Людей, которые названы вами, я отношу к интеллигенции. Другое дело, что понятие о нравственности очень растяжимо, и нужно думать о том, у кого больше нравственности. Но это совсем другой вопрос. Тема истории интеллигенции как общественного явления и фактора общественного сознания людей второй половины XIX—XX в. выходит за хронологические рамки моего доклада.

Добавлю, что книга о которой я говорил, «Судьба российской интеллигенции» (СПб., 1996) вышла всего тысячным тиражом, это была дискуссия, в которой приняли участие и Лихачев, и Карлов, и Моисеев, и Раушенбах, и Кожин, и Гранин, и Бестужев-Лада, и протоиерей Сайко, и Шмидт.

С.М.Кашианов:

Во-первых, доклад С.О.Шмидта — блестящее, очень интересное исследование.

Не отклоняясь от терминологической стороны дела, не углубляясь в общий вопрос о том, что такое интеллигенция, я хотел бы сказать, что докладчик занялся иностранным по происхождению термином, ставшим специфически русским и вошедшим потом уже в иностранные языки, также как слово «археография». Вроде бы, оно иностранного происхождения, но вместе с тем за границей никто не называет науку об источниках археографией.

Вторая причина — более серьезная. В 60-х гг. мне в одном французском журнале попала статья Кончаловского об интеллигенции. Он связывает происхождение слова «интеллигенция» с Белинским, Вы об этом не упомянули.

И о понятии самой интеллигенции. Она не понималась как класс профессиональных деятелей с хорошим образованием, а понималась как группа людей, например, как Владимир Ленский «с душою чисто геттингенской, т.е. профессионально не слишком подготовленных, но интеллигентно мыслящих. То есть он противопоставлял их западной, хорошо обученной профессиональной интеллигенции. Насколько это подтверждается другими толкователями терминов, я не знаю.

А.Н.Сахаров:

Нам остается поблагодарить Сигурда Оттовича за доклад. Он вызвал немало эмоций, размышлений, таких, которые сразу невозможно осознать, поскольку тема острая и связана с проблемами — интеллигенция и народ, интеллигенция до и после революции. Интересна и проблема советской интеллигенции, вождистской интеллигенции. Доклад будет содействовать дальнейшим поискам, раздумьям в этой острейшей области отечественной истории, когда интеллигенция ратовала за народ, и когда народ говорил «очкарики», «паршивая интеллигенция». Что скрывается за этим интересным феноменом? Интересно, был ли такой феномен в Западной Европе?

Мы этим не занимались, но нам, особенно центрам, которые занимаются проблемами истории культуры, имеет смысл еще раз на современном уровне научных знаний вернуться к этим острейшим проблемам общественного бытия XIX—XX вв. как на примере России, так и на примере Западной Европы.

С.О.Шмидт:

Что касается перспективы нашей работы, то мне думается, что наша задача, сейчас, когда появляется боль-

шая литература с трактовкой слова «интеллигенция» в заголовках конференций, в заголовках заседаний, в заголовках книг, надо заняться этим, потому что филологи более или менее точно проследили хронологию употребления этого термина и выявили довольно большое количество самых разнообразных памятников прошлого (это и классика, и публицистика, и газеты, и т.д), где он употребляется. Видимо нам стоит определить, почему и в каких сферах он появлялся и с чем это связано; когда стали появляться термины сельская, рабочая интеллигенция и другие. Это одна из конкретных задач, которой могли бы заняться в нашем институте.

ФРАНКО ВЕНТУРИ И СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НАРОДНИЧЕСТВА*

У книги Ф.Вентури «Русское народничество», всемирно известной, переведенной на основные европейские языки, в России — своя, особая судьба. Она появилась здесь в середине 1950-х гг. в переломный период истории страны. После смерти И.В.Сталина серьезные изменения в общественной жизни коснулись и исторической науки. Стало возможным после долгого перерыва заниматься исследованием народничества. В этой обстановке появление труда Ф.Вентури в центральных библиотеках Москвы и Ленинграда, ее положительные оценки в печати воспринимались как событие не только научной, но и общественной жизни.

Книга итальянского историка была едва ли не первым произведением «буржуазной» литературы, которое можно выписать по общему каталогу и читать в общем зале библиотеки, а не в «спецхране», где обычно сосредотачивались работы зарубежных авторов. Журнал «Вопросы истории» напечатал положительный отзыв об исследовании Ф.Вентури, легализовав тем самым использование ее советскими историками. Автор отзыва С.А.Покровский называл работу Ф.Вентури серьезной, отмечая «внимательное изучение» итальянским историком литературы из библиотек Москвы и Ленинграда и его «глубокий интерес к теме»¹.

Между тем идейные и методологические расхождения Ф.Вентури с советской историографией народничества, основанной на ленинской концепции, были достаточно серьезными. С.А.Покровский отметил немало «ошибок» рецензируемой книги, что явно противоречило ее общей

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 27 февраля 1997 г.

благожелательной оценке. По сути концепция Ф.Вентури была близка той, что изобличалась в трудах англо-американских «фальсификаторов» истории. Ф.Вентури делал вывод, что в период 1860–80-х гг. были заложены многие традиции революционной борьбы последующего периода, созданы идейные предпосылки, родилась та психология, сформировались те типы борцов, которые подготовили революцию 1917 г.²

Однако итальянский историк не только не был причислен к «фальсификаторам», но по-своему даже противопоставлен им, будучи отнесен к представителям «прогрессивной общественности стран мира»³. Имя Франко Вентури чуть было не появилось в новом издании Истории КПСС среди имен тех зарубежных историков, которые «проявляют известное стремление к объективному освещению исторических явлений».

Как один из авторов первого тома этого издания, призванного пересмотреть некоторые идеи Краткого курса истории ВКП(б), я участвовала в его обсуждении и хорошо помню, что имя Ф.Вентури было названо в Предисловии к тому именно в этом контексте. Однако в окончательном варианте ссылка на Ф.Вентури была снята — ее не сочли возможным оставить даже с оговорками о «серьезных ошибках»⁴.

Этот эпизод симптоматичен и раскрывает как двойственное отношение к итальянскому историку тех, кто в те годы «курировал» историческую науку, так и непоследовательность перемен в ней. С одной стороны необходимо было продемонстрировать готовность советской науки выйти из той изоляции, в которой она находилась в период сталинизма. С другой стороны официальная идеология по-прежнему претендовала на монополию, объявляя марксизм «единственно верным» учением.

Характерно в этом смысле заключение С.А.Покровского, явно вступавшее в противоречие с его оценкой труда Ф.Вентури как серьезного научного исследования: «Ошибки и пробелы в работе Вентури в значительной мере объясня-

ются тем, что он прошел мимо замечательных трудов В.И.Ленина, без глубокого изучения которых невозможно правильно понять сущность и развитие народничества»⁵.

Упреки в непонимании классовой сущности народничества, которая раскрыта в произведениях В.И.Ленина, как обязательные, повторены в отзывах на книгу Ф.Вентури советских исследователей народничества⁶. Однако критикуя Ф.Вентури за его идейную позицию, советская историография признавала серьезное научное значение его труда.

Положение не изменилось даже после выхода английского перевода книги Ф.Вентури о русском народничестве, который сделал ее более доступной для советских исследователей⁷.

Предисловие И.Берлина в весьма резкой и прямолинейной форме проясняло концепцию исследования Ф.Вентури, его поисков истоков русского революционного процесса. Если Ф.Вентури ненавязчиво, намеками, хотя и с достаточной последовательностью подводил к выводу об общих тенденциях революционного движения 70—80-х гг. XIX в. и последующего периода, то И.Берлин открыто, почти в публицистичной форме, подчеркнул идейную и психологическую общность между большевиками и революционными народниками.

В советской историографии произошло своеобразное отторжение предисловия И.Берлина от самой книги. Разумеется, И.Берлин, был отнесен к фальсификаторам истории, а его концепция была объявлена ложной. Случалось, вступительную статью И.Берлина советские историки разбирали отдельно, как самостоятельное произведение, не упоминая о ее внутренней связи с книгой Ф.Вентури⁸. Встречались и попытки противопоставить предисловие И.Берлина содержанию книги итальянского историка⁹.

Естественно, что сам Ф.Вентури не мог не задаваться вопросом, каким образом его книга, по сути противостоящая советской историографии, была ею одобрена в целом и притом «в годы войны, в том числе и культурной». (1, XXXIII). Его объяснение этому вряд ли можно

принять, но оно многое раскрывает во внутреннем мире этой уникальной личности — ученого по призванию. Ф.Вентури убежден, что «история смогла преодолеть конфликты между противоположными идеологическими и политическими системами и противопоставить им поле, на котором могли бы сойтись русские, избавившиеся от испытаний сталинизма и западные деятели, перенесшие остаточные явления периода холодной войны». (1, ХХХІІІ). Вера итальянского историка в силу и могущество научной мысли, способной противостоять идейным запретам, безгранична.

Но в реальной действительности все было значительно сложнее. Избавление от «испытаний сталинизма» шло медленно и многотрудно, было непоследовательным и не полным. Соответственно и политика в области науки оставалась двойственной. Допустив в этой области некоторые «ослабления», КПСС, называвшая себя руководящей и направляющей силой общества, по-прежнему бдительно следила за чистотой марксистской идеологии, оберегая ее от чуждых влияний.

Л.Шапиرو в рецензии на английское издание книги Ф.Вентури недаром отметил, что в целом в советской историографии было высказано так много упреков и претензий в адрес итальянского исследователя, что одобрение его труда можно признать весьма условным.

И все же ряд обстоятельств определили особое отношение к книге Ф.Вентури о народничестве в советской исторической науке. Это и характер его исследования — академического, не политизированного, отличающегося объективностью. Основательность и аргументированность изложения, его спокойный, умеренный тон выгодно отличали работу Ф.Вентури от многих англо-американских исследований о революционном движении в России с их ярко выраженной тенденциозностью. Л.Шапиро обращал внимание, что «намеки» Ф.Вентури на преемственность большевизма и заговорщиков 1860–80-х гг. не могли быть одобрены в советской литературе. Но это были в

основном, именно намеки в отличие от четких выводов англо-американских историков о «корнях большевизма». Вентури шел от конкретного исторического материала, не имея заранее заготовленной схемы. Он более стремился подвести читателя к собственным размышлениям, чем предлагать ему готовые заключения.

Было отмечено в советской историографии и особое отношение Ф.Вентури к революционерам и либералам — отличное от утвердившегося в англо-американской историографии. Итальянский историк писал о русских революционерах с огромным увлечением. Менее всего он был их обличителем, хотя ему ясны были заблуждения этих людей, их фанатизм, способность преступить нравственные нормы. Но он остро чувствовал готовность революционных народников к самопожертвованию во имя социалистического идеала, их стремление защищать интересы крестьянства, естественным заступником которого они себя осознавали. «Что-то вызывало во мне немалое восхищение и восторг перед тем поколением революционеров», — признавался этот либерал по убеждениям (1, XV). Отношение Ф.Вентури к революционному народничеству отлично от господствовавшего в советской литературе 1950—70-х гг. с ее утверждением примата революционности перед реформизмом. Но оно также далеко от нынешнего стремления многих наших современных историков и публицистов увидеть в революционном движении сплошную бесовщину. В книге итальянского историка в революционной борьбе самым тесным образом сплелись добро и зло, высокие идеалы и, порой, самые низменные средства их достижения — как это и было в реальной действительности.

Российских либералов Ф.Вентури не жалует, признавая их активность в период подготовки крестьянской реформы, он говорит об их нерешительности, неспособности к натиску на власть, что в определенной мере способствовало росту революционного движения. Л.Шапиро не без оснований отмечал, что характеристика россий-

ского либерализма Ф.Вентури сыграла свою роль в доброжелательном отношении к его книге. (1, XXXXIV).

Думается, хотя эти черты исследования Ф.Вентури многое объясняют в благожелательном к нему отношении советской историографии, главным же, что определило это отношение, был новый микроклимат в советской исторической науке, попытка освежить здесь обстановку, расширить возможности исследования общественного движения XIX в. Народничество перестало быть запретной темой и стало интенсивно изучаться.

Перевод книги Ф.Вентури на русский язык весьма способствовал бы ускорению этого процесса. С.А.Покровский признал книгу Ф.Вентури «наиболее солидным исследованием о народничестве, появившимся в западной литературе»¹⁰, скромно умолчав, что и в советской литературе нет исследования такого масштаба. Перечень сюжетов книги итальянского историка занял в рецензии «Вопросов истории» солидное место, а ведь многие из них вообще не были разработаны советскими исследователями по причине существовавшей регламентации и запретов.

Вопрос о переводе ставился в самых высоких сферах, но был решен отрицательно. Отдел науки ЦК КПСС вообще не был заинтересован в форсированном изучении запретной долгие годы темы народничества, как, впрочем, и в распространении исследования зарубежного историка, не являвшегося марксистом.

Ф.Вентури скупое, но достаточно красноречиво говорит о том, что заставило его обратиться к теме русского народничества и посвятить ей многие годы жизни. Он свидетельствует, что желание изучить историю революционного движения в России возникло у него еще в 1930-е гг., когда, по его словам, «начался длительный период умалчивания о народничестве». В то время, когда «все побуждало к тому, чтобы выяснить корни социалистических воззрений и нигилистических переворотов», был предан забвению целый период революционного движения в России, способный многое объ-

яснить не только в истории России и ее современности, но и способствовать пониманию процессов, происходивших в XX в. в других странах (1,1-4).

Однако в определении запрета на изучение народничества Ф.Вентури, на мой взгляд, слишком доверился суждениям, распространенным в советской литературе. В согласии с ними он объясняет этот запрет волей И.В.Сталина, не желавшего никаких упоминаний о революционерах, «способных воспользоваться бомбой или револьвером, совершать внезапные нападения». В подтверждение этого Ф.Вентури цитирует опубликованный в советской печати документ, где воспроизводились слова И.В.Сталина: «Если мы на народовольцах будем воспитывать наших людей, то воспитаем террористов» (1, XI).

Но ведь воспитывать «наших людей» не дозволялось и на примере участников «хождения в народ». Изымалось из исследования и легальное (либеральное) народничество с его программой поддержки крестьянского хозяйства и кустарных промыслов. Причины изъятия от изучения громадной полосы общественного движения пореформенной России (70–90-е гг.) не ограничиваются страхом перед возрождением террористических традиций. Разумеется, в пору массового террора «сверху» проблема террора против «верхов» становилась весьма опасной для обсуждения. И все же, думается, не только она определила отношение к народничеству в советской исторической науке. Стремление ограничить интенсивное и бурное исследование народнического движения, начавшееся после 1917 г. с открытием царских архивов, сказалось еще до убийства Кирова в самом начале 30-х гг.

Оно было связано с той революцией «сверху» (сплошной коллективизацией крестьянских хозяйств), которая ломала и крушила традиционные устои крестьянской жизни, отстаивавшиеся народниками. В частности, именно в период коллективизации была ликвидирована община, сохранению которой народническая идеология

придавала решающее значение в своем обосновании возможности некапиталистического развития России.

С начала 30-х гг. в партийной печати (журналы «Пролетарская революция», «Борьба классов») началась борьба с «идеализацией народничества», под видом которой шло неуклонное утеснение и вытеснение народнической темы из науки и публицистики¹¹.

Краткий курс истории ВКП(б), где народничество предстает исключительно как враг марксизма, окончательно определил невозможность объективного исследования этой темы.

Ф.Вентури приступал к изучению ее, потрясенный тем пренебрежением, с которым народничество было вырвано из истории освободительного движения России.

Итальянский историк чувствовал себя свободным от обязательных для советских историков ленинских «указаний». Он, например, заметил, что высказывания В.И.Ленина о Герцене и Чернышевском для него характеризуют лишь самого Ленина, но совсем не этих деятелей. Он свободно пересматривает датировку Лениным первой революционной ситуации в России (1859–61 гг.), доказывая ее несостоятельность. Именно после реформы, по его мнению, в стране обострились социальные и политические противоречия, а восстание в Польше в 1863 г. было своеобразной кульминацией революционного кризиса. В устных выступлениях советских историков не раз проскальзывали подобные же размышления, но в печати они появиться не могли.

Внимательно используя все, что было сделано в советской литературе 20–30-х гг. Ф.Вентури ощущал себя свободным от ее политических стереотипов и идеологических наслоений. Второе издание книги (Torino, 1972, J.Einaudi editore) показало, как сильно продвинулся итальянский историк в исследовании народничества, изучение которого в СССР оставалось в его поле зрения. Во вступительной статье к книге автор предстает серьезным и глубоким историографом темы, дав анализ ее пробле-

матики в СССР и других странах. Поражают характеристики, данные Ф.Вентури советским исследователям: он очень точно сумел определить «кто есть кто» в нашей науке. Он выделил (еще в первом издании книги) Бориса Павловича Козьмина среди исследователей народничества, быстро заметил А.И.Володина в многочисленном отряде герценоведов 60-х гг. Ф.Вентури назвал редактора моей книги «Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х гг.» (М., 1969) и автора предисловия к ней «одним из самых проницательных советских ученых», а ведь вряд ли ему были известны иные работы М.Я.Гефтера (1, ХСVI). А иронические реплики Ф.Вентури насчет «откровений М.В.Нечкиной» и «ленинской одержимости Н.Н.Новиковой» (1, LXXX) усиливают впечатление, что итальянский историк не просто читал наши работы, а хорошо знает нашу среду, ее нравы, излюбленные приемы полемики.

Будучи в самом начале 70-х гг. в Москве, Ф.Вентури посетил Институт истории СССР АН СССР, где встретился с историками общественного движения XIX в. За неимением подходящей сервировки для приема дорогого гостя, мы решили стилизовать встречу под нелегальную вечеринку народников-бакунистов. Расставили граненые стаканы грубого стекла — для водки, черный хлеб и колбаса были в основе закуски. Ф.Вентури охотно принял условия игры, но сумел повернуть разговор во время застолья в серьезном направлении. Он расспрашивал о наших планах, о текущих занятиях. О себе рассказывал скупое. «Похвастался», в частности, своей библиотекой, единственной по его словам «русской библиотекой в Турине». Сказал, что купил мою книгу в Париже. Мне и сейчас стыдно, как вспомню это — что своевременно ее не послала ему. Мы были знакомы со времени конференции в Риме в 1967 г. итальянских и советских историков. Начав читать его книгу «Русское народничество» в библиотеке В.И.Ленина, я вскоре получила ее в подарок от отца: он привез ее из Италии. Но времена были дру-

гие. О желании послать что-либо за границу надо было поставить в известность начальство и получить его разрешение, а все это было достаточно тягостно.

Как уже говорилось, в понимании кардинальных проблем народничества Ф.Вентури серьезно расходился с советской историографией. История народничества для итальянского историка как бы уподобляется истории человеческой жизни. Он стремится проследить ее от зарождения, детства и молодости до зрелости и старения. Ф.Вентури подходит к народничеству как к единому, цельному по своей природе течению социалистической мысли, в основе которого — вера в возможность некапиталистического развития. Герцен и Чернышевский рассматриваются как родоначальники народнической идеологии, которой суждено развиваться и изменяться, не теряя своих основных типовых признаков.

Казалось бы, Ф.Вентури здесь близок к В.И.Ленину. Однако Ленин противоречив в своих высказываниях о народниках, подчиняя их политическим требованиям. Объявив Герцена и Чернышевского основоположниками народничества, он противопоставил революционеров 1860-х гг. последующему поколению народников. С.А.Покровский видит изъян работы Ф.Вентури в том, что тот не проводит «четкой грани» между шестидесятниками и революционерами 70-х гг., исходя из ленинской концепции народничества. Рецензент сожалеет, что итальянский исследователь не показал, как в 70–80-е гг. народничество сделало шаг назад от Чернышевского и Герцена¹².

Спорить с этой «установкой» стало возможно лишь в 1960-е гг., но и тогда дискуссии продолжали сдерживаться ленинским высказыванием о «прибавке» народничества к наследству 60-х гг., занижившим ценность этого наследства.

Иронизируя над разделением деятелей пореформенного освободительного движения на плохих и хороших, Ф.Вентури верно понял причины этого разделения. Характеризуя народничество 70–90-х гг. как течение мелкобуржуазное, чуждое и враждебное марксизму, приверженцы

пролетарской идеологии не могли отрешиться от всякой революционной традиции. «Социализм в одной стране не мог завершиться тем, чтобы не потребовалось объяснить, каковы были истоки социализма в этой стране. Окостенение марксизма потребовало, чтобы в стране циркулировала другая и даже лучше, более старая кровь» (1, XIII).

Народничество в книге Ф.Вентури развивается противоречиво, зигзагообразно, но по восходящей линии. «Действительно ли в этом смысле “Народная воля” является шагом назад по сравнению с Герценом?» — вопрошает он, полемизируя не только с советской историографией, но и с А.Гершенкроном. Ф.Вентури считает, что народовольцы значительно более глубоко осознают социально-экономические процессы в стране, а главное роль в них государства, чем шестидесятники (1, XXI).

Революционеры 1860-х гг. изображены Ф.Вентури иначе, чем в советской литературе. На мой взгляд, страницы, посвященные Герцену и Чернышевскому едва ли не лучшие в книге «Русское народничество». Чувствуется, что Герцен — один из наиболее симпатичных Вентури русских деятелей. Нельзя не заметить его огромного уважения и к Чернышевскому.

Герцен показан в идейных поисках, а не в колебаниях от демократии к либерализму, как принято было вслед за В.И.Лениным в советской историографии. Он ищет возможность безреволюционного пути к социализму. Только к концу 1980-х гг. советские исследователи (первым — А.И.Володин.) смогли заговорить об этих поисках Герцена, как сильной стороне его мировоззрения, а не слабости¹³. А сейчас, увлекшись пересмотром ленинских оценок, многие из них относят Герцена к либералам. Но Герцен у Ф.Вентури «умеет быть революционером». Он не отвергает революционного насилия как крайнего средства борьбы, но стремится его избежать. Автор останавливается и на других чертах, отличающих Герцена от либералов, показывая и точки соприкосновения с ними.

Родоначальник «крестьянского социализма», приверженец общины, Герцен как и они придавал особое значение свободе личности.

Ф.Вентури видит в мировоззрении Герцена черты западника и славянофила одновременно. Это вызвало возражение рецензента «Вопросов истории», посчитавшего, что итальянский историк «напрасно преувеличил влияние славянофилов на Герцена» и к тому же не показал их реакционности¹⁴.

Однако и в решении проблемы соотношения славянофильства и народничества Ф.Вентури опередил советскую историографию на многие десятилетия. В противоположность старой русской либеральной историографии, советские историки вслед за Лениным устойчиво трактовали народничество и славянофильство как течения классово чуждые, отрицая всякую близость между ними. Когда в 1958 г. на IV Международном конгрессе славистов французский ученый А.Гранжир в своем докладе попытался показать сходство «романтизма славянофилов и народничества», повторив ряд доводов Ф.Вентури, с его критикой выступили видные советские исследователи (С.А.Макашин, Ю.Г.Оксман, Б.Ф.Егоров)¹⁵. Только сейчас проблема народничества и славянофильства стала пересматриваться¹⁶.

Разбор книги Ф.Вентури «Русское народничество» осуществлялся в «Вопросах истории» традиционным для советской критики способом. С.А.Покровский поучает итальянского историка как надо писать о народничестве, напоминая ленинские цитаты и не заботясь об иной аргументации.

Так, с ходу отвергается вывод об анархистских тенденциях во взглядах Герцена, на которых останавливается Ф.Вентури (1, 56). По словам рецензента, «Герцен даже в период “духовного кризиса” не проповедовал анархизм¹⁷». Но ведь у Ф.Вентури и речи не было о проповеди анархизма, типа бакунистской. Итальянский историк писал об общественном идеале Герцена, мечтавшем о безгосударственном устройстве в будущем.

Столь же бездоказательно отвергалось и наблюдение об отношении Герцена к якобинству. Ф.Вентури показывает, что русскому демократу и социалисту были чужды заговорщические и террористические тенденции якобинцев, да и диктатуру как форму правления, вводящую новый социальный порядок, он считал неприемлемой. По утверждению С.Д.Покровского, Герцен был сторонником «революционной диктатуры народа»¹⁸. Но Вентури опирается на герценовские тексты, а его рецензент ни подкрепляет свой тезис никаким конкретным высказыванием Герцена.

С.А.Покровскому представлялось, что Ф.Вентури преувеличил разногласия между Чернышевским и Герценом. В советской литературе принято было считать революционную демократию 60-х гг. монолитной и сплоченной. Вождем ее считаются Чернышевский, а его верным, хотя и колеблющимся, соратником был признан Герцен, за последовательность которого Чернышевский успешно боролся. Для Вентури Чернышевский и Герцен прежде всего оригинальные мыслители, далеко не во всем сходные. В их подпольную деятельность с целью создания единой революционной организации итальянский историк не верит: у него нет фактов.

В центре внимания Вентури публицистика «Современника» и «Колокола».

Н.Г.Чернышевский в книге о русском народничестве не зовет к топору, но ясно ощущает его занесенным над страной. Автор показывает, что усилия Чернышевского направлены на то, чтобы убедить власть пойти на уступки, «исправить» крестьянскую реформу и тем самым не допустить социального взрыва.

«Письма без адреса» Чернышевского, обращенные к императору, в советской литературе использовались исключительно для того, чтобы показать, как К.Маркс изучал итоги реформы 1861 г. по сведениям, собранным Чернышевским. Вентури обратился к «Письмам без адреса», для характеристики самого их автора, для которого крестьянская революция — угроза гибели культуры и цивилизации.

Чернышевский, в понимании Вентури, делает ставку на реформу, а не на революцию. Как и Герцену ему ясны преимущества мирного, ненасильственного решения социального вопроса. Но его обращения к власти столь же бесплодны, как и у Герцена. Надо ли говорить, что сама мысль о подобной позиции Чернышевского была решительно осуждена в «Вопросах истории». Чернышевский в советской литературе 30–70-х гг. одержим мыслью о крестьянской революции, он стремится ее приблизить, содействовать ей, участвовать в ней. Чернышевский в книге Ф.Вентури мечтает о крепком, независимом от помещиков самостоятельном крестьянстве, хозяйничающем на своей земле.

Вентури привычно опирается на конкретные положения из публицистики редактора «Современника». Его советский критик не привел ни одного высказывания Чернышевского в поддержку своих опровержений. В изучении Чернышевского Ф.Вентури поставил ряд проблем, к которым только сейчас историческая мысль в России начинает обращаться, заново исследуя наследие великого мыслителя. Немало нового внес Ф.Вентури и в герценоведение, стремясь учесть все то, что было сделано здесь советскими исследователями. А вот в изучении движения народников 70–80-е гг. ему в ряде случаев пришлось быть «первопроходцем».

Если в рассказе о «Молодой России» и кружке П.Г.Зайчневского итальянский ученый мог обратиться к небольшой, но емкой и содержательной монографии Б.П.Козьмина¹⁹, то первая советская монография об ишутинцах, которым Вентури посвятил более двух печатных листов, вышла лишь в середине 1960-х гг.²⁰. Тогда же появились исследования Б.С.Итенберга о «хождении в народ», С.С.Волка о «Народной воле» — книги об идеологах народничества. Ничего этого в распоряжении Ф.Вентури не было, когда он начинал и заканчивал свою работу. Советскую литературу 1960-х гг. т. он смог использовать лишь во 2-м издании «Русского народни-

чества». А до той поры начатое в ней в 30-х гг. изучение народничества оставалось незавершенным, будучи насильственно прерванным.

Бакунин интересовал советских исследователей 40–50-х гг. исключительно как враг марксизма, развернувший против него борьбу в Интернационале. Ф.Вентури показал его одним из вдохновителей и идеологов «хождения в народ», влияние которого было преобладающим в народнической среде 70-х гг. В советских работах 1960-х гг. о бакунизме утвердилась именно эта точка зрения и попытки пересмотреть ее, «изъять» Бакунина из революционно-народнического движения, как это было в 40–50-е гг., уже терпели неудачу²¹.

Естественно, что советскому биографу П.Л.Лаврову показалось, что Ф.Вентури недооценил его роль в народничестве²². И все же думается более прав Вентури, когда не считает эту роль особо значимой, поскольку не видит прямых последователей Лаврова в русской революционной среде. Советский исследователь оспаривает и мнение Вентури о том, что «социалистические идеи Лаврова побуждали к более спокойной перспективе и вели к ожиданию социальных перемен». Б.С.Итенберг настаивает на том, что Лавров «активно действовал в революционной борьбе, строя планы коренных социальных преобразований»²³. Но итальянский автор обратил внимание на сложность и длительность подготовки революции в программе Лаврова, который тем самым отодвигал ее в самое отдаленное будущее.

Возможно, упрек С.С.Волка, посчитавшего, что Вентури «сводит всю деятельность “Народной воли” к террору», небезоснователен²⁴. Но Ф.Вентури не располагал тем обилием документов об организационной и пропагандистской работе народовольцев, которые были в поле зрения советского историка. Наибольшее внимание Ф.Вентури в рассказе о движении 70–80-х гг. уделил П.Н.Ткачеву. Успешное исследование этого идеолога народничества, начатое Б.П.Козьминым, было грубо обор-

вано в 30-е гг., как и издание его сочинений. Именно эта фигура привлекла внимание и критика книги «Русское народничество» С.А.Покровского. Ко времени появления его отзыва в «Вопросах истории», труд Вентури уже был отрецензирован А.Гершенкроном, который четко обозначил «зловещую преемственность большевизма» от наиболее отрицательных черт народничества, сконцентрированных в программе и тактике Ткачева. Именно в его идеях, утверждал американский исследователь под впечатлением книги Вентури, лежит «Ключ к большевизму»²⁵.

С.А.Покровский подверг критике прежде всего тезис о сочетании во взглядах Ткачева бланкизма и марксизма, по его словам, повторенный Ф.Вентури вслед «за устаревшими работами советских историков». (Разумеется, имелся ввиду Б.П.Козьмин, высказавший такую точку зрения в 20–30-е гг.). Однако она оказывалась не столь устаревшей: разрабатывается сейчас в российской историографии²⁶.

Е.Л.Рудницкая недавно верно подметила, что «революционное начало в мировоззрении Ткачева взрывало законосообразность, историческую закономерность, экономическую обусловленность социалистической революции, из которой исходил марксизм»²⁷. Но столь же верно и наблюдение Вентури, что сама идея «захвата власти» для Ткачева прямо вытекала из марксистского тезиса о примате экономики, преобразить которую «сверху» — путем декретирования — и значило изменить общество в духе социальной справедливости.

С иронией и некоторой долей сочувствия смотрел Ф.Вентури на советских историков народничества, связанных по рукам ленинскими оценками и характеристиками этого движения.

Не считаться с ними, а тем более оспаривать их никто и позволить себе не мог.

Думается, Ф.Вентури поначалу, скорее интуитивно, чем осознанно воспринимал значимость темы народничества. Она открывалась ему постепенно, в ходе исследования. Его притягивала ее неизученность, постигать от-

тенки народнической мысли, перипетии борьбы революционеров-народников заставляла «бескорыстная любознательность», присущая истинному ученому. По словам Ирэн Кюри именно эта «бескорыстная любознательность» является подлинным двигателем научного прогресса, причиной всех важных научных открытий²⁸. Исследование народничества оказалось плодотворным и перспективным. Изучая его, итальянский историк глубже познакомился и с русской культурой и внутренней политикой самодержавной империи. Сосредоточив свое внимание на анализе революционного движения 1860–80-х гг., он не выпускал из поля зрения и проблемы самодержавного государства. Ф.Вентури считал, что сотрудничество власти с обществом в период подготовки реформ сделало возможным освобождение крестьян и последующие изменения местного управления и суда. Но сотрудничество это оказалось временным эпизодом. Надежды представителей либерально-демократической интеллигенции на союз власти и общества рухнули довольно быстро. Реформы затягивались, проводились непоследовательно, оставались незавершенными. В этом Ф.Вентури видит главную причину общественного недовольства. Самодержавие оказалось неспособным пойти навстречу насущным потребностям народа, ущемив с этой целью привилегии дворянства. Политика власти по-своему способствовала росту революционных настроений. Ответственность за социальные и политические потрясения страны итальянский исследователь возлагает таким образом не только на революционеров, но и на самодержавие. Объективный анализ Ф.Вентури российской действительности полезно напомнить тем историкам и публицистам наших дней, которые винят в катаклизмах, пережитых Россией исключительно революционеров и склонны идеализировать самодержавную власть.

У Ф.Вентури был свой взгляд на русское народничество, не характерный для зарубежной историографии. Если большинству англо-американских исследователей при-

сущее восприятие народничества как явления самобытного, уникального, то Венгури, не упуская из виду специфику этого движения, особое внимание уделял его общности с революционными и социалистическими течениями в Европе. Он и рассматривает русское народничество как часть социалистического общеевропейского движения. Историк убежден, что опыт революционной борьбы народников общезначим, важен не только для России.

Подводя итоги исследованию, Ф.Вентури заключал, что в русском народничестве «концентрируется демократический опыт и скрывается связь между народными массами и интеллигенцией» (1, ХСУИ).

В отсталой («запоздалой», по выражению историка С.М.Соловьева) стране народническая интеллигенция поставила ряд кардинальных проблем, и сейчас сохраняющих свою актуальность: власть и народ, народ и интеллигенция, роль государства в период реформ, демократия и социализм. В их решении народническая мысль оказалась не только на европейском уровне, но порой и опережала европейскую социалистическую мысль 1860–1880-х гг.

Ф.Вентури создал целую школу своих последователей в изучении русского народничества. В этой области сейчас работает плеяда даровитых итальянских историков — его сын Антонелло Вентури, Этторе Чинелла, Джульетта Лами, Джузеппе Мазоере и ряд других исследователей из Рима, Милана, Неаполя, Пизы, Турина. Между тем в нашей исторической науке тема народничества разрабатывается не столь интенсивно как этого требует ее важность и актуальность. Хотя вышли серьезные исследования о легальном (либеральном) народничестве Б.П.Балуева, В.В.Зверева, у нас до сих пор еще не появилось обобщающего труда, равного по масштабам работе итальянского историка. Книга Ф.Вентури в этом смысле является и живым укором историкам общественного движения в России и своеобразным призывом к более активному освоению опыта крестьянской демократии — положительного и отрицательного, столь важного для

современности. «История не делается когда смотрят только вперед, — предупреждал Ф.Вентури, — она делается, когда смотрят вперед и назад одновременно» (1, XXIII-XXIV).

-
- ¹ *Покровский С.А.* Франко Вентури. Русское народничество // Вопросы истории. 1955. № 8. С. 176.
 - ² *Venture F.* Il populismo russo. Torino, 1952. Vol. P. XV-XVI. Далее книга Ф.Вентури цитируется в тексте по изданию Torino, 1972, с указанием тома и страницы.
 - ³ Вопросы истории. 1955. № 8. С. 176.
 - ⁴ Утверждая, что работы буржуазных ученых, изучающих революционное прошлое России, лишены «познавательной ценности», редакция делала исключение для «отдельных историков», хотя и несвободных от «серьезных ошибок». Среди них первоначально фигурировал и Ф.Вентури. В окончательном тексте осталось упоминание лишь Р.Киндерслея и И.Марбини. (История КПСС. Т. 1. М., 1964. С. 11).
 - ⁵ Вопросы истории. 1955. № 8. С. 179.
 - ⁶ Так, рассказывая об «интересных наблюдениях» Ф.Вентури о развитии народничества, Э.С.Виленская отмечает, соответствующую требованиям времени «классовую ограниченность» итальянского историка, для которого «вопрос о социальной основе движения» ... остается за пределами проблем исследования. (*Виленская Э.С.* Революционное подполье 1860-х годов. М., 1965. С. 25). Упрек в непонимании классовой природы революционного движения сделала и М.В.Нечкина в рецензии на работу Ф.Вентури «Движение декабристов и братья Поджио» (Torino, 1956). Она посчитала, что понять декабризм без произведений В.И.Ленина невозможно (Вопросы истории. 1958. № 3).
 - ⁷ Пользуясь английским изданием, советские историки порой забывали об оригинале и вели отсчет идеям Ф.Вентури именно с 1960 г. Так Н.М.Пирумова обращала внимание, что Ф.Вентури еще в 1960 г. отмечал влияние на С.Г.Нечаева марксизма, ссылаясь при этом на Нью-йоркское издание: (*Venturi F.* Roots of Revolution. N.-Y., 1960). *Пирумова Н.М.* Социальная доктрина М.А.Бакунина. М., 1990. С. 15, 19.
 - ⁸ Так, автор обзора англо-американской литературы о революционном движении России в общем русле нашей литературы отрицательно оценивает поиски И.Берлиным «генетических корней» революции 1917 г. в движении народничества 1860–80-х гг. Но при этом никаких претензий к Ф.Вентури не высказывается (*Сухотина Л.Г.* Проблемы русской революционной демократии в современной английской и американской буржуазной историографии. Томск, 1983. С. 8).

- 9 Отнеся работу Ф.Вентури о народничестве к «серьезным академическим трудам», советские исследователи революционного движения одновременно причислили И.Берлина к фальсификаторам истории, обвинив в антикоммунизме. Отмечалось, что именно «объективизм исходной концепции исследования» Вентури в немалой степени способствовал «симбиозу» И.Берлина и Ф.Вентури (*Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Революционная традиция в России. М., 1986. С. 6).
- 10 Вопросы истории. 1955. № 8. С. 176; С.С.Волк, назвав книгу Ф.Вентури «наиболее солидным зарубежным трудом» о русском общественном движении XIX в., также забыл упомянуть, что и для советской литературы этот труд — «самый фундаментальный» «наиболее капитальный» (*Волк С.С.* Народная воля. М., 1965. С. 31).
- 11 См., например: *Панкратова А.М.* Борьба за победу и историческая наука в СССР // Борьба классов. 1934. № 2. С. 21.
- 12 Вопросы истории. 1958. № 8. С. 176, 178.
- 13 *Володин А.И.* А.И.Герцен и Запад // Литературное наследство. Т. 96.
- 14 Вопросы истории. 1955. № 8. С. 176-177.
- 15 Материалы IV Международного конгресса славистов. М., 1958.
- 16 *Итенберг Б.С.* Славянофилы, западники, народники. (Историографическое наблюдение) // Историографический сборник. Вып. 16. Саратов, 1994.
- 17 Вопросы истории. 1955. № 8. С. 177.
- 18 Там же.
- 19 *Козьмин Б.П.* П.Г.Зайцевский и «Молодая Россия». М., 1932. С. 173.
- 20 Посвятив изучению «ишутинцев» несколько лет и написав о них книгу, Э.С.Виленская нашла в очерке Ф.Вентури об этом народническом кружке лишь «некоторые неточности», которые объяснила «недостаточным знанием русского языка» и тем самым со своей стороны допустила «неточность» (*Виленская Э.С.* Указ. соч. С. 25).
- 21 Такую попытку предпринял Р.В.Филиппов, основываясь исключительно на ленинских цитатах (*Филиппов Р.В.* По поводу одной историографической тенденции // Вопросы истории КПСС. 1984. № 6.).
- 22 *Итенберг Б.С.* П.Л.Лавров в русском революционном движении. М., 1988. С. 28.
- 23 Там же.
- 24 *Волк С.С.* Указ. соч. С. 32
- 25 American Historical Review, 1953. Okt. Vol.LIX. № 1. P. 130.
- 26 См.: *Твардовская В.А., Итенберг Б.С.* Ф.Энгельс и П.Ткачев. Спор и согласие // Новая и новейшая история. 1995. № 6.
- 27 *Рудницкая Е.Л.* Русский бланкизм. Петр Ткачев. М., 1992. С. 203.
- 28 *Кюри Э.* Семья Кюри и радиоактивность. М., 1965. С. 71.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

С.М.Каишанов:

Вы можете дать краткую биографическую справку о Франко Вентури?

В.А.Твардовская:

Конференция, состоявшаяся в Турине в ноябре 1996 г. была посвящена второй годовщине со дня смерти Вентури. Так торжественно отмечали эту дату в Италии. У нас, по-моему, не отмечают так 50- или 100-летние юбилеи наших крупных историков.

Я разговаривала с его сыном — Антонелло. Меня интересовала, в частности, библиотека Ф.Вентури, о которой он рассказывал здесь, в Москве как о крупнейшей русской библиотеке в Италии. Оказалось, что она уже расчленена. Часть ушла в центр, в Рим, поскольку там были уникальные вещи, которых нет и в наших центральных библиотеках.

В 30-е гг., в молодости, Франко Вентури прожил несколько лет в Москве. Его первая жена — русская. Это тоже способствовало его приобщению к русской культуре, к русской литературе, истории. Потом он стал крупнейшим историком Италии. Сам он — сын очень крупного историка, почитаемого в Италии, изучавшего историю XVII—XVIII вв. Его сын Антонелло тоже историк, который занимается народничеством, но поздним, в основном эсерами.

В.Ф.Антонов:

Докладчиком поставлена и довольно основательно изложена очень интересная, важная проблема. Я хотел бы, чтобы это выступление сыграло реанимационную роль в нашем отношении к народничеству.

Изучение народничества — это не просто написание ряда книг по основным народническим организациям. Во всех этих книгах (я не говорю о методологической

стороне) обнаруживается крупный, серьезный, фундаментальный недостаток, даже фактического материала.

Что такое изучить то или иное явление? На примере изучения декабристов М.В.Нечкиной и другими историками мы имеем все основания сказать: изучение персоналий декабристов показало несравненно более богатую историю, чем можно было проследить только по документам следствия. Мы этой работы не проделали по отношению к народничеству.

Есть отдельные монографии, но мы не изучили многие проблемы. Мы народничества не знаем, какой была первая пятерка «Земли и воли», которую мы считали страшно революционной, как они ставили вопрос об историческом насилии? Нет, они стояли на других позициях. Что это за время, как его квалифицировать? Это господство революционного народничества или зарождение его?

Вентури считал народничество концентрированным опытом демократии. Есть и другая сторона вопроса — практический опыт этой демократии. Народничество зародилось, если иметь в виду безусловного по исторической роли и значению основоположника Александра Ивановича Герцена, как реформистско-анархо-федералистское движение. Герцен — стопроцентный анархист, антигосударственник. Он дал нам образец того, как должна быть устроена политическая демократия в будущей федералистской демократической России.

Герцен создал более демократичную систему демократического федералистского правового государства, чем мы сейчас пытаемся строить. Это очень важно. Он полагал, что во главе исполнительной власти (а он не отрицал как анархист высших органов управления — не власти, а управления) может быть оставлен Александр Николаевич Романов. Со всем не «с топором» он хотел переделать Россию.

У нас утвердилось мнение, что вторым основателем является Чернышевский. Но я уточню: он взял концепцию Герцена — и федералистскую, и общинную концепцию. Но у них были расхождения. Если Герцен полагал,

что устройство Федерации должно быть осуществлено с помощью Земского собора, то есть с представителями народа, то Чернышевский считал, что это должно произойти под руководством самодержавного правителя Александра II. Через значительное время, когда у него сформировалось прочное историческое убеждение, он вернулся к своему студенческому идеалу, связанному с представлением об абсолютной монархии как предназначенной самой судьбой осуществить историческую миссию — цивилизовать, развить народ, и когда он поднимется в уровень со всем развитым меньшинством, тогда монархия, исполнив свою историческую миссию, уйдет с исторической арены, сопровождаемая ликованием всего народа. Вот каким был тогда его идеал. Но он быстро от этого ушел. В 1848 г. он написал об этом, а в 1850 г. это уже осудил.

Сейчас, когда я глубоко изучаю Чернышевского, я замечаю возврат к этой идее. В эпоху крестьянской реформы он все-таки полагал, когда у него, собственно, и сложились прочные исторические взгляды, что сам Александр II, а не Земский собор, должен осуществить эти преобразования.

Второй вопрос — насчет экономической основы этой демократии. Или вопрос об общине. Мы часто смотрим на общину как на нечто такое, что мешало историческому прогрессу. Есть и другая точка зрения, что община тогда соперничала и довольно успешно с хуторским хозяйством, даже его превосходила в своих экономических достижениях.

Я абсолютно не согласен с тем, что Герцен создал теорию общинного социализма. Никакой теории общинного социализма у Герцена нет. У него есть приобщенность к идеалам социализма, к когорте социалистов своей эпохи, но нет никакой теории общинного социализма. Он исходил из идеи, что социализм осуществится, но в каждой стране он будет иметь свое особенное проявление.

Он, будучи русским социалистом, в условиях конца 40-х — начала 50-х гг., искал, где же все-таки может быть

приложен социализм как наивысшее достижение европейской мысли. Нашел он опять же общину. Он хотел построить российский социализм, не произведя никакой экономической ломки, никаких революционных потрясений. Надо было освободить только общину с землей. И он бил царя во множестве замечаний, статей, прямых писем к нему: «Освободите только с землей!». Никаких колебаний у него здесь не было, потому что он знал, что Александр не хотел освобождать крестьян с землей. Вот он и просил его, и грозил ему в этих письмах, убеждал, учил его, чтобы он освободил крестьян с землей.

Герцен первоначально осудил реформу, но когда пошли реформы 1864–1865 гг. в политической сфере, он встал на сторону Александра II. Тогда он и стал говорить, что его можно оставить во главе государства, во главе исполнительной власти — правда, проведя через Земский собор. С 1865 г. он стал думать, что его программа в России начала осуществляться. Он стал говорить, что 19 февраля 1861 г. было началом осуществления социализма.

Возникает вопрос, что бы изменилось в России к худшему, если бы этой общине дали возможность развиваться, но развиваться, цивилизуя ее, соединяя с западной наукой?

Более обстоятельное знакомство с «Письмами из деревни» Энгельгардта, когда он говорил, не связывая все это с Герценом, а наблюдая как это происходило в жизни, что это могло быть базисом развития, что общину можно было поднять до цивилизованного уровня экономического хозяйствования, тут уже нет никаких вопросов. Это практик доказывал: община могла жить. Он показал, что община после реформы и община 80-х гг. — это разные вещи, это совсем другие организации при других условиях, возможностях и уровне их хозяйствования.

Если бы мы оставили после революции кооперированную общину или общину, внутри которой развивалась кооперация, на которую первоначально хотел делать ставку Ленин,

если бы ее оставили на все последующие годы до наших дней, то не было бы необходимости в коллективизации.

Б.С.Итенберг:

Я с Франко Вентури был знаком, и мы с ним неоднократно встречались здесь, и в 1967 г в Италии на конференции. Он тогда немножко отошел от народничества. Я же, возглавляя изучение народничества, пытался содействовать переводу работы Франко Вентури на русский язык. Но это, конечно, была совершенная утопия. Я с ним тогда поспорил с ортодоксальных марксистских позиций и начал упрекать насчет Ленина. Он мне говорил: «Ленина я упоминаю только один раз — в названии библиотеки имени Ленина. Больше я его имени не упоминаю».

Он восхищался полным собранием сочинений Герцена, фундаментальным собранием, и комментариями к нему и говорил, что только так нужно издавать работы.

Я.Н.Шапов:

Скажите, пожалуйста, как обстоит дело с переводом этой книги на русский язык?

В.А.Твардовская:

Я хорошо помню, что вопрос о переводе книги Вентури ставился, и ставился на самом «верху», но это не прошло, да и не могло пройти. (Я.Н.Шапов: сейчас?) Сейчас это уже не новинка. В докладе у меня был акцент на несделанное и на отставание нами в области изучения, а в Турине у меня в докладе в основном показано, что мы сделали. Мы во многих проблемах уже опередили Вентури. Его книга сейчас не столь необходима (на русском языке), тем более что молодежь может свободно пользоваться английским изданием.

Я.Н.Шапов:

Но у нас есть серия «Памятники исторической мысли». Почему нужно переводить только новинки? Это же классическое произведение.

В.А.Твардовская:

Я обеими руками «за», но я в это плохо верю. У нас еще не издаются новые, очень ценные работы. В свое время велись переговоры, потому что все понимали, как это будет полезно. Ведь у нас в 60-е гг. начиналось интенсивное, массированное продвижение в области народнической темы. Вот тогда это было ко времени, а сейчас это уже не столь остро необходимо: ведь книга 1952-го г. издания.

К.Ф. Шаццло:

Мне хотелось бы высказать несколько соображений относительно причин — почему и когда было свернуто изучение народничества. Свертывание изучения народничества началось, по-моему, не в начале 30-х гг., а в середине 20-х, по двум причинам. Во-первых, потому, что большевизм как абсолютно «правильное» идеологическое, теоретическое, политическое и прочее «ическое» учение, — не терпел никаких иных, и народничество было чужеродным телом, которое, естественно, считалось антинаучным, и нечего его было изучать. Вторая причина заключалась в том, что в самом Сталине было очень много от эсеровщины, от эсеров, начиная со швыряния бомб на площади в Тбилиси (правда, он сам их не швырял, для этого он был слишком хитер и умен).

А.П.Корелин:

Я бы обратил внимание на следующее обстоятельство. Мы, видимо, допустили ошибку, свернув исследования по народнической проблематике. Правда, в этом повинны не только мы. Оказалось, что это общая тенденция. Вместе с тем, я бы отметил и позитивные сдвиги в изучении истории общественного движения и общественной мысли. Мы стали смотреть на эту тему значительно шире. Сейчас мы занимаемся историей и либерализма, и консерватизма, т.е. тех направлений, которым в сравнительно недавнем прошлом не уделялось должного внима-

ния. В результате спектр исследовательской проблематики стал значительно шире и насыщеннее, а само народничество заняло в общественном движении исторически обусловленное место. В результате четче обозначились и пробелы, искажения в изучении народнической темы, и исследовательские задачи и подходы.

В связи с этим я бы отметил и то обстоятельство, что Институт далеко не в полной мере выполняет свои координационные функции как головное учреждение в области изучения отечественной истории. В частности, в центре «История России в XIX в.» были созданы исследовательские группы по важнейшим исследовательским, проблемным направлениям. При этом предполагалось, что каждая группа будет работать в какой-то мере автономно, при этом ориентируясь не только на своих сотрудников, но и выполняя определенные координационные функции в исследовании своей проблематики. По некоторым направлениям мы вышли на этот уровень, но, к сожалению, не по изучению общественного движения. Так что перед нами, действительно, стоят насущнейшие задачи.

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ: ЗАМЫСЕЛ И ВОПЛОЩЕНИЕ*

В пореформенной России организацию городского общественного управления определяли законы, принятые в 1862, 1870, 1892 и 1917 гг.¹ В дореволюционной и советской литературе изучение городских реформ за редким исключением² ограничивалось освещением истории подготовки и сравнительным анализом законов, в основном, Городовых положений 1870 и 1892 гг. Что касается вопросов практического воплощения этих законов и их влияния на жизнь русских городов, то они разработаны очень слабо. Объясняется это, прежде всего, тем, что проблема самоуправления была слишком злободневна для русского общества и слишком политизирована в советское время, чтобы стать предметом беспристрастного изучения. Поэтому в большинстве работ о городских реформах прослеживается стремление доказать недемократичный характер преобразований, их отставание от уровня социально-экономического развития русских городов.³

Доклад посвящен проблеме реализации законов, определявших в пореформенный период организацию городского общественного управления. Воплощение в жизнь Городовых положений 1862, 1870, 1892 и 1917 гг. рассмотрено на конкретно-историческом материале, что дает возможность судить об эффективности этих законов и определить в какой степени они соответствовали уровню развития русских городов и готовности общества принять и оценить городские реформы. Выводы доклада основаны на результатах исследований И.И. Дитяткина, А.А. Кизеветтера, Б.В. Златоустовского, В.А. Нардовой и

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 25 июня 1998 г.

моих собственных, полученных в процессе работы над этой темой⁴.

Городское самоуправление в России берет свое начало с «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи», которую чаще называли Жалованной грамотой городам или Городовым положением 1785 г. По определению И.И.Дитятина, этот документ стал «краеугольным камнем» русского городского законодательства⁵. Принятие этого закона — первая попытка правительства изменить характер общественного управления на началах всеобщности и самостоятельности выборных учреждений. В 1785 г., наряду с традиционными для общественных учреждений XVIII в. торгово-промышленными слоями населения, избирательные права получили дворяне, чиновники и лица с высшим образованием. Такого широкого представительства не знало не только предшествующее, но и последующее законодательство.

Но законодателям XVIII в. не удалось изменить состав городского самоуправления. До 1860-х гг. бесплатная выборная служба рассматривалась обществом как очередная повинность, как ни чем не компенсируемая трата сил и времени, от которой были освобождены привилегированные сословия. Попытка разрушить подобные стереотипы и привлечь к участию в городских делах все слои населения не увенчалась успехом. Как в Москве, так и в других городах России органы самоуправления по-прежнему состояли из купцов, мещан и ремесленников. По мнению А.А.Кизеветтера, главная причина неудачи, постигнувшей городскую политику Екатерины II, заключалась в резкой обособленности и антагонизме сословий, которые не могли устранить составители новых законов, так как «не росчерком пера, а медленной социальной эволюцией совершается демократизация общества»⁶.

Жалованная грамота городам впервые в русском законодательстве признала город самоуправляющейся единицей, имевшей свою, независимую от государства, сферу деятельности. Но и это положение не получило прак-

тического осуществления. В XVIII в. города фактически не имели собственных источников доходов, и их бюджет формировался в основном за счет поступлений из государственной казны, поэтому финансовая база для хозяйственной деятельности была очень узкой. Вопреки закону, предоставлявшему городам право самостоятельно распоряжаться своими средствами, они расходовались только с ведома генерал-губернатора и нередко на цели, очень далекие от интересов и потребностей городского населения. Закон 1785 г., европейский по своему характеру, явно не отвечал уровню развития русских городов, поэтому остался лишь теоретическим памятником законодательной мысли. Созданное им городское самоуправление не получило должного развития ни в XVIII, ни в первой половине XIX в. В конечном счете оно было полностью подчинено органам государственной власти, превратившись в их низшее исполнительное звено.

В начале 1820-х гг. правительство приступило к разработке нового городского закона. К середине 1840-х гг. было подготовлено несколько проектов, но ни один из них не получил одобрения ни Государственного совета, ни представителей купечества и дворянства, участвовавших в их обсуждении. В первой половине XIX в. идея всесословности городского самоуправления еще не находила поддержки общества, которое признало участие дворян в городских выборах «противоестественным», а сам проект «слепым подражанием Франции и Англии».⁷ Идея всесословности, провозглашенная Екатериной II, к этому времени была настолько забыта, что Н.А.Милютину, автору одного из проектов городского закона, в специальной записке пришлось доказывать, что дворяне еще в 1785 г. получили право участвовать в городских выборах.

Именно проект Н.А.Милютина, в подготовке которого приняли участие такие деятели, как В.И.Даль, Ю.Ф.Самарин, И.С.Аксаков, в 1846 г. получил силу закона и был введен в С-Петербурге. «Положение об общественном управлении С-Петербурга» было второй, более

осторожной, попыткой реорганизации общественного управления на началах всесословности. В отличие от Жалованной грамоты городам, Положение вводило имущественный ценз и четко выдерживало сословный принцип в организации органов самоуправления. В Петербургской думе были представлены разные сословия, включая дворян и разночинцев, но они были разобщены и неравноправны. Однако, несмотря на очевидные отступления от начал, заложенных в законе 1785 г., Положение 1846 г. было радикальным для своего времени. Именно из-за этой реформы главный ее создатель Н.А.Милютин получил репутацию «красного»⁸. Не случайно поэтому, когда в 1859 г. в Москве встал вопрос о необходимости реорганизовать городское общественное управление и был создан специальный Комитет, то в качестве образца он взял петербургское Положение.

Но условия жизни Москвы начала 1860-х гг. внесли заметные коррективы в закон 1846 г., и утвержденное в 1862 г. «Положение об общественном управлении города Москвы» заметно отличалось от своего предшественника. И главное отличие заключалось в избирательной системе.

По решению «Комиссии для введения нового общественного управления в Москве» статус избирателя, наряду с потомственными дворянами, чиновниками и торгово-промышленными группами населения (купцы, мещане, ремесленники), получили в Москве домовладельцы из крестьян, отставных солдат и духовенства. Они входили в состав 2-й курии («личные дворяне и др.»), которая по своему характеру была уже не сословной, а владельческой. В 1860-е гг. число крестьян среди избирателей постоянно росло: если в 1863 г. крестьянином был каждый 8-й, то в 1869 г. почти каждый 4-й избиратель курии «личные дворяне и др.» Изучение избирательных кампаний позволило выявить серьезные отличия как в организации избирательных собраний, представлявших, за исключением 2-й курии, сословные корпорации, члены которых до этого практически не имели точек соприкос-

новения, так и в отношении к выборной службе представителей разных сословий. При той разобщенности и сословной замкнутости, которыми отличалось городское общество 1860-х гг., неизбежным этапом в процессе формирования гражданского общества должен был стать довольно длительный и болезненный период «узнавания и притирания» разных сословий.

По закону 1862 г. выборы были двухстепенными: каждое из пяти собраний избирало 100 выборных, а те, уже из своей среды, избирали по 35 гласных Думы. Сравнительный анализ состава выборных и гласных позволяет заключить, что в 60-е гг. органы городского самоуправления стояли высоко в общественном мнении и включали лучшие силы московского общества. Наряду с представителями известных купеческих фамилий (В.Д.Аксенов, С.В.Алексеев, И.А.Лямин, Н.А.Найденев, П.М.Рябушинский, К.Т.Солдатенков и многие другие) в их работе участвовали представители аристократии, ученые, писатели и общественные деятели. Достаточно назвать государственного деятеля князя В.А.Черкасского, археолога графа А.С.Уварова, переводчика К.Х.Кетчера, историка М.П.Погодина, юриста С.И.Баршева, этнографа В.А.Дашкова, писателей и публицистов И.С.Аксакова, М.Н.Каткова, А.И.Кошелева, П.Ф. и Ю.Ф.Самариных, чтобы составить представление о Московской думе 1860-х гг. Изучение сведений об участии гласных в заседаниях Думы и их влиянии на городские дела показало, что при равном представительстве в Думе всех сословий руководство городским хозяйством находилось в руках дворян и чиновников, представлявших собой наиболее образованную и наиболее подготовленную к этому часть гласных. Дворяне задавали тон всему городскому самоуправлению, выступая инициаторами многих хозяйственных начинаний; именно из их среды вышли самые авторитетные московские гласные 1860-х гг. Однако причиной тому была не система выборов, а недостаточный уровень общего развития большей части населения России и Москвы в частности.

Положение 1862 г., в котором начала закона 1846 г. получили дальнейшее развитие, по своему характеру было законом переходного периода. Его избирательная система была разработана с учетом особенностей русских, а не европейских городов, поэтому в отличие от Городового положения 1785 г. реализация этого закона привела к желаемым результатам. В России именно всесословные учреждения должны были стать промежуточным звеном, способным обеспечить плавный и сравнительно безболезненный переход от жестко регламентированного сословного общества к гражданскому. Но опыт Московской городской думы остался невостребованным. Вопреки замыслу законодателей 1860-х гг. в городах России было введено Городовое положение 1870 г.

По новому закону основанием для получения избирательных прав был уже не сословный, а налоговый принцип, по которому признавался сам факт уплаты городских сборов, а не их величина. «Кто не платит местных налогов, тот не должен иметь права голоса в расходах»⁹, — отмечал доктор государственного права Б.Н.Чичерин. Однако налоговый принцип был выдержан не последовательно. Круг избирателей ограничивался плательщиками сборов с недвижимой собственности и торгово-промышленных документов. В их число не вошли горожане, платившие налоги с лошадей, экипажей и собак; не получили избирательных прав квартиронаниматели, чернорабочие и другие плательщики косвенных налогов. В 1872–1889 гг. в Москве насчитывалось от 17,4 тыс. до 23,6 тыс. избирателей, что составляло около 3% всех москвичей. Избирательные кампании 1870–1880-х гг. свидетельствовали об откровенном равнодушии избирателей к своим правам: в выборах участвовала лишь ничтожная их часть, в среднем не превышавшая 0,13% всего населения столицы.

Не была выдержана до конца и идея о пропорциональном распределении прав и обязанностей между избирателями: кто больше платит в городской бюджет, тот имеет больше прав в его распределении. Обеспечить

«соразмерное» представительство прав и обязанностей различных имущественных групп избирателей должны были имущественные курии, заимствованные из немецкого законодательства. По статье 24 Городового положения все избиратели делились на три части, таким образом, чтобы каждая из них уплачивала 1/3 часть общей суммы городских сборов. Неравные по численности курии, объединявшие крупных, средних и мелких налогоплательщиков, избирали равное число: по 60 из 180 гласных Московской думы. Однако принцип соразмерного представительства нарушался статьей 36-й этого закона, разрешавшей куриям избирать в своих собраниях любого избирателя независимо от его имущественного положения.

Для изучения состава Московской городской думы как учреждения, возникшего в результате проведения буржуазных реформ, первостепенное значение имеет вопрос о соотношении в нем представителей различных сословных групп.

Введение Городового положения 1870 г., провозгласившего в организации самоуправления принцип бессословности, на практике привело к преобладанию среди гласных торгующей части населения, преимущественно купечества. Но «купеческий» характер Московской думы определился не сразу. Выборы 1872 г. принесли победу интеллигенции и дворянам, получившим более половины мест в Думе. Преобладание гласных из привилегированных слоев населения объяснялось прежде всего позицией избирателей второй и третьей курий, отдавших свои голоса в основном чиновникам, ученым, врачам, присяжным поверенным и другим представителям интеллигенции.

Но уже в 1876 г. состав гласных резко изменился: все три курии отдали явное предпочтение почетным гражданам и купцам. В результате около 80% гласных оказались представителями одного сословия — купечества. Никогда в общественном управлении Москвы его позиции не были столь прочны, как в 1876—1880 гг., никогда

Московская дума столь откровенно не отстаивала интересы одного сословия, как в эти годы.

Выборы 1880 г. уравнили позиции интеллигенции и купечества, получивших в Думе соответственно 65 и 66 мест. Это была вторая и последняя победа интеллигенции на городских выборах, организованных по Городовому положению 1870 г. С 1881 г. в общественной жизни столицы активную роль начинают играть гласные из мещан, ремесленников и крестьян, входивших в 3-ю имущественную курию. В результате выборов 1884 г. их число еще более возросло и составило почти $\frac{1}{3}$ состава Думы. Эти изменения в составе московских гласных отражали общие тенденции, характерные для городского самоуправления всей России. Так, около 46% гласных 613 городов (13 тыс. из 28 тыс. чел.) принадлежали к низшим городским сословиям¹⁰.

Наметившаяся в 1880-е гг. тенденция к быстрому увеличению числа гласных из представителей низших городских сословий была нарушена выборами 1889 г., последними по Положению 1870 г. Для их проведения избиратели самого многочисленного 3-го избирательного собрания были разделены на девять территориальных участков. Такой порядок способствовал более четкой организации выборов, что привлекло к баллотировочным ящикам большее число избирателей и, в конечном счете, благоприятно сказалось на их результатах. В 1889 г. число гласных из мещан, ремесленников и крестьян сократилось в 2 раза, а число гласных из интеллигенции и прежде всего из купечества возросло.

Таким образом, несмотря на действие одного и того же закона, на каждом выборах состав городских гласных резко менялся, и каждые четыре года Москва получала новую Думу, совершенно не похожую на предшествующую. Представляется, что причину тому следует искать не столько в организации городского общественного управления, сколько в процессах, происходивших в социальной структуре населения пореформенного города.

Введение внесословных учреждений, соединивших в своих собраниях разнородные элементы общества, различные по воспитанию и образованию, привело на первых порах не к объединению, а к разделению их на сословно-профессиональные группы.

Современники отмечали непримиримый и резкий разлад между купечеством и мещанами, который проявлялся не только на городских выборах, но и в заседаниях Думы. В 1880-е гг. конкуренцию купеческому большинству создавала не интеллигенция, а гласные из мещан, ремесленников и крестьян. Параллельно с размежеванием на различные сословные и профессиональные группы гласных шел процесс консолидации внутри этих групп. Сословные группировки, сформировавшиеся к концу рассматриваемого периода, имели свои программы, своих лидеров и по характеру были близки к сословным партиям.

В этой связи возникает закономерный вопрос о влиянии на состав Думы куриальной избирательной системы, в основу которой был положен имущественный, а не сословный принцип. В 1880-е гг. благодаря статье 36 закона, гласные из разных имущественных курий были представлены неравномерно: крупные налогоплательщики составляли только 3-8% всех гласных, средние — 31-34%, а число мелких достигало 61-63% состава Думы. Представители 3-й курии избирались в каждом собрании, при этом определяющее значение имела сословная принадлежность будущего гласного. Так, более половины всех гласных из дворян, чиновников и вообще интеллигенции избирались 1-м собранием, 2-е собрание отдавало голоса за лиц купеческого звания, а гласные из мещан, ремесленников и крестьян избирались 3-м собранием. Вероятно, именно этим и объяснялось то обстоятельство, что понятие «третий разряд» связывалось только с гласными из низших городских сословий, хотя к 3-му имущественному разряду принадлежали многие представители интеллигенции и купечества.

Статья 36, нарушая замкнутость курий, давала каждой из них возможность выработать собственные критерии

отбора гласных. И избиратели каждой курии отдавали предпочтение сословному принципу, выбирая близких себе по воспитанию и образованию гласных. В результате по составу избранных гласных 1-я курия была в значительной степени «дворянско-интеллигентской» (насколько это было возможно при существовании налогового ценза), 2-я — «купеческой» и 3-я — «мещанско-цехово-крестьянской».

Итак, Московская дума 1870—1880-х гг., созданная в ходе реализации Городового положения 1870 г., во многом была еще сословной. Принципы отбора гласных, ее состав, характер группировок, их взаимоотношения — все это носило отпечаток привычного для русского общества деления по сословному признаку. Изменения, произошедшие в составе Думы за 20 лет действия закона 1870 г., являются наглядной иллюстрацией процесса приспособления новых принципов организации городского самоуправления к условиям российской жизни. Имущественные курии, введенные по образцу избирательной системы ряда европейских государств, в Москве к концу 1880-х гг. приобрели откровенно сословный характер, способствуя не столько созданию единого городского общества, объединенного общими экономическими задачами, сколько консолидации сословных групп и во многом формированию сословного самосознания.

В начале 1870-х гг. дворянство еще традиционно удерживало свои позиции в Думе, но приоритет этого сословия привычно основывался на понятии «барин», а не «интеллигент». В середине 1870-х гг. Дума по численному представительству становится купеческой. Однако индифферентность этих гласных позволяла представителям низших городских сословий, менее образованным и менее других сословий подготовленным к этой роли, оказывать значительное влияние на городские дела.

Ситуация, сложившаяся в городском самоуправлении, вызывала тревогу и у общества, и у правительства. Опытные деятели городского управления приходят к выводу о том, что отказ от сословного характера городских выбо-

ров и введение Положения 1870 г. были преждевременными. Правительство же ищет выход в разработке новых принципов организации городского самоуправления и находит его в введении нового городского закона.

Городовое положение 1892 г. неразрывно связано в литературе с понятием «контрреформа». Это понятие, возникнув на страницах периодической печати, перешло оттуда на страницы исторических работ, и в конечном счете дало название целому периоду русской истории. Вывод о реакционном характере Положения 1892 г. был основан на сравнительном анализе законов 1870 и 1892 гг. Ограничение самостоятельности органов городского общественного управления, введение имущественного ценза, резкое сокращение числа городских избирателей — все это давало основания заключить, что по сравнению с предшествовавшим законом Положение 1892 г. было шагом назад, сделанным в результате изменения внутривластного курса правительства Александра III. Однако изучение состояния городского общественного управления столицы показало, что в 1870—1880-е гг. оно действительно нуждалось в реорганизации, и Городовое положение 1892 г. в значительной степени устраняло недостатки в городском самоуправлении.

Вопрос о необходимости пересмотра Городового положения 1870 г. возник не в 1890-е и даже не в 1880-е гг. — в столицах он стал актуальным уже после первых четырех лет действия закона. С начала 1880-х гг. необходимость пересмотра городского общественного управления стала признаваться и в правительственных кругах. Об этом свидетельствуют и материалы сенаторских ревизий и деятельность Особой комиссии для составления проектов местного управления под председательством М.С.Каханова, и попытки пересмотра избирательного закона, предпринимавшиеся Хозяйственным департаментом Министерства внутренних дел в 1882—1888 гг. Все эти годы критики Городового положения 1870 г. обращали внимание на одни и те же недостатки этого закона и предлага-

ли одни и те же способы их исправления. Суть их сводилась к следующему: отказ от имущественных курий и проведение выборов по территориальным участкам; исключение из числа избирателей приказчиков и мелких торговцев путем введения имущественного ценза; предоставление избирательных прав квартиронанимателям. И даже идея возрождения сословной избирательной системы, предложенная в 1880-х гг. А.Д.Пазухиным, имела приверженцев еще в 1870-х гг. Таким образом, подготовке Городового положения 1892 г. предшествовала большая законотворческая работа. В основу этого закона были положены материалы Кахановской комиссии, «Отзывы» (1883) и «Мнения» губернаторов (1890), составленные с участием представителей общественных учреждений. Однако инициатором пересмотра Городового положения 1870 г. выступило не правительство, а общество. Как заметил историк Д.Д.Семенов, «в 20-летие между изданием городских положений 1870 и 1892 годов избирательная городская система, можно сказать, почти не сходилась со столбцов печати»¹¹.

В этом законе нет ни одной принципиально важной статьи, необходимость введения которой не признавалась бы как обществом, так и городскими думами еще в 1870-е гг.

Городовое положение 1892 г., в отличие от своего предшественника, подчинило надзору губернатора и губернского присутствия не только законность, но и правильность действий общественного управления (ст. 11). Усилился надзор администрации за хозяйственной деятельностью общественных учреждений, но он положил конец злоупотреблениям, имевшим место даже в столичных городских думах. В данном случае не обошлось и без влияния европейского законодательства, в значительной степени пересмотревшего свой взгляд на отношения между общественными и государственными учреждениями и признававшего необходимость установления более тесных связей между обществом и государством.

Л.А.Велихов, бывший гласный Петроградской думы и автор работ по истории городского самоуправления, отмечал, что в России правительственный надзор за деятельностью общественных учреждений отрицался во всех его формах. Сам он, как сторонник государственной теории самоуправления, считал, что нельзя «безоговорочно отрицать легальность и целесообразность правительственного надзора и контроля над действиями городского самоуправления, так как последнее... составляет, в сущности, часть общегосударственной власти и, следовательно, едва ли может действовать вполне самостоятельно и независимо...»¹².

Неприятие общественными учреждениями надзора со стороны администрации было во многом проявлением общего противостояния общества и правительства, наблюдавшегося с конца XIX в., т.е. объяснялось более глубокими причинами, чем действие Городового положения 1892 г.

Новое Городовое положение внесло существенные изменения в городскую избирательную систему. Прежде всего, было упразднено деление избирателей на курии, что имело положительное значение (немецкое законодательство плохо прижилось на русской почве и не принесло желаемых результатов). При многочисленности избирателей выборы проводились по территориальным участкам (ст. 34). Вместо налогового ценза был введен имущественный ценз, существовавший в Москве в 1860-е гг. По статье 24 нового закона избирательные права в столицах получили лица и товарищества, уплачивавшие оценочный сбор с недвижимого имущества стоимостью не менее 3 тыс. руб. Занятие торговлей уже не было автоматически связано с получением статуса городского избирателя. В столицах избирательные права сохранили только купцы 1-й гильдии. Введение имущественного ценза сократило число избирателей в 3,5 раза (с 23,6 тыс. до 6,2 тыс. чел.), но соотношение числа участников выборов с общей численностью населения Москвы осталось прежним; иными словами, статус изби-

рателя утратили те, кто в выборах не участвовал. Введение имущественного ценза сказалось прежде всего на численности избирателей из крестьян и ямщиков: по сравнению с выборами 1880 г. их удельный вес среди избирателей сократился более чем в два раза (с 25 до 12%). Именно эта категория москвичей в большинстве своем не имела недвижимой собственности в черте города и платила налоги с торговли и промыслов. Однако в 1904 г., т.е. через 10 лет после введения Положения 1892 г., сословный состав избирателей мало чем отличался от состава в 1880 г. По-прежнему среди московских избирателей преобладали слои населения, занятые в торговле и промышленности, но это была уже более оседлая его часть, связанная с городом владением недвижимой собственностью. Практически не изменилось и соотношение сословных групп населения, призванных к участию в городских делах. Зато активность их заметно возросла. Начиная с 1893 г. безусловным лидером были купцы и почетные граждане: в выборах 1904 г. участвовало более 36% всех избирателей этой группы. Это обстоятельство явилось следствием возмставшей роли этой части населения не только в экономической, но и в общественной жизни страны.

Из числа избирателей были исключены квартиронаниматели, уплачивавшие торгово-промышленные сборы, но вместо них не были включены квартиронаниматели, занятые в сфере умственного труда, и служащие, хотя такая замена одной части избирателей другой обсуждалась на разных уровнях. Вопреки ожиданиям общества, квартиронаниматели не получили избирательных прав, однако им была предоставлена возможность участвовать в выборах по доверенностям от учреждений, обществ и предприятий, владевших недвижимой собственностью в Москве. Как отмечал Н.И.Астров, если по Городовому положению 1870 г. для участия в выборах интеллигенция приобретала приказчиьи свидетельства, то по Положению 1892 г. она

широко использовала доверенности от приютов, обществ, благотворительных и прочих учреждений¹³.

Состав Московской думы 1893–1916 гг. выгодно отличался от состава 1870–1880-х гг. Заметно увеличилось число лиц с высшим образованием, выросла их активность и заинтересованность в городских делах. В результате выборов 1893 г. число гласных с высшим образованием возросло с 20 до 35,7%, а на выборах 1912 г. превысило 47% от общего их числа. С 1890-х гг. тон в Думе задавала интеллигенция. Интерес к общественной деятельности был вызван как новой избирательной системой, предусмотренной Положением 1892 г., так и характерным для этого периода разочарованием образованной части русского общества в государственной службе. Приток лиц с высшим образованием, с одной стороны, способствовал профессионализации общественной деятельности, а с другой — заметно усилил оппозиционность Думы по отношению к правительству.

В последние годы существования цензовой Думы возросли ответственность и заинтересованность гласных в городских делах. В предвоенные годы и особенно в годы войны, когда Москва стала центральным пунктом по эвакуации больных и раненых воинов, общественная работа, бесплатная и безвозмездная, требовала от гласных настоящей самоотдачи. Можно сказать, что в последние годы существования органов городского самоуправления общество в своем отношении к ним и в своем участии в их деятельности достигло максимума.

Таким образом, Городовым положением 1892 г. была изменена избирательная система, сужены пределы самостоятельности органов городского общественного управления, усилен контроль администрации за их деятельностью. Эти изменения были продиктованы жизнью, но они еще не дают оснований для противопоставления законов 1870 и 1892 гг. Новое Городовое положение наследовало от своего предшественника основные его черты: выборный характер органов общественного управления,

его полномочия и задачи, организацию общественного управления. Закон 1892 г. был необходимым и вполне закономерным звеном в развитии городского самоуправления в России.

Постановления Временного правительства 15 апреля и 9 июня 1917 г. ввели принципиально новые начала в организацию городского самоуправления. Характерными его чертами были: всеобщее избирательное право, оплата труда гласных и полная самостоятельность городских общественных учреждений. Введение этих кардинальных изменений по времени совпали с периодом экономической и политической нестабильности в стране и в конечном итоге оказалось пагубным для городского хозяйства Москвы.

Дума 1917 г. в своем обновленном составе, не имевшем опыта городской работы и связанным партийной дисциплиной, полностью утратила преемственность с прежним городским самоуправлением Москвы и превратилась в очередную политическую трибуну для партийных ораторов. Самый демократичный состав гласных Думы ввел оплату общественного труда. Представляется, что это решение нанесло ощутимый удар по самой идее общественной деятельности: служба на благо общества стала источником существования.

Негативные процессы, наметившиеся в городском хозяйстве столицы в последние годы существования цензовой Думы, в полной мере проявились в деятельности Думы 1917 г., созданной Временным правительством. На фоне общего экономического кризиса в стране неопытность нового состава гласных, популистская политика социалистов-революционеров, составлявших большинство в Думе, привели городское хозяйство к полному экономическому и финансовому краху. К моменту юридической ликвидации Думы она успела ликвидировать себя экономически, так как городская касса к этому времени была пустой.

Более 130 лет прошло между принятием законов 1785 и 1917 гг. Идея Екатерины II о широком участии населения в городском самоуправлении, заложенная в Жалованной грамоте городам, была, наконец, реализована в постановлении Временного правительства, провозгласившем всеобщее избирательное право. Но время для ее осуществления было выбрано неудачно. Поэтому осуществление этой идеи привело к вырождению основных начал городского самоуправления, а затем и полному его уничтожению.

Очевидно, что изменения в организации и деятельности Московской городской думы в значительной степени были вызваны законодательской деятельностью правительства. Каждое городовое положение представляло собой новую ступень в развитии общественного управления, открывая следующий этап в жизни города. Но иногда эти ступени оказывались слишком крутыми: составленные по европейским образцам законы не всегда отвечали условиям жизни российских городов и уровню развития городского общества.

Следует заметить, что заимствование основных начал из европейских законов было характерной особенностью русского законодательства, и в этом отношении XIX в. мало чем отличался от предыдущего столетия. Так, и во времена Петра I, по образному выражению В.О.Ключевского, правительство напоминало расчетливую мать, которая «шьет своим маленьким детям платье шире и длиннее их роста: подрастут — и будет впору»¹⁴. Законами «на вырост» были и Жалованная грамота городам 1785 г., и Городовое положение 1870 г., и муниципальные постановления Временного правительства 1917 г. Не удивительно поэтому, что заложенные в них начала или не осуществлялись на практике, или приводили к неожиданным для законодателей результатам. Тем не менее идея городского самоуправления, провозглашенная в 1785 г., оказала благотворное влияние на развитие русских городов. Красноречивым свидетельством тому служит городское хозяйство Москвы, которое, несмотря на удачи или неудачи законодателей, постоянно развивалось

и совершенствовалось. Но темпы его развития в разные годы были не одинаковы.

Сравнивая различные периоды в истории московского самоуправления, можно сказать, что наиболее результативными для городского хозяйства были последние 25 лет существования Московской думы, когда действовало Городовое положение 1892 г. Именно в эти годы состав московских гласных отличался особенно высокой степенью профессионализма, а городское хозяйство развивалось небывалыми для предыдущего периода темпами.

Очевидно также, что перемены в московском общественном управлении объяснялись не только законотворческой деятельностью правительства – в немалой степени они были следствием общих процессов, происходивших в экономике и социальной структуре пореформенной России. Социально-экономическое развитие городов создавало предпосылки для реализации городских законов XVIII-XX вв. и в конечном итоге определяло степень их воплощения в жизнь. Именно социально-экономический фактор корректировал законодательные инициативы правительства, не только нейтрализуя действие статей, не отвечавших условиям жизни городов, но даже, несмотря на просчеты законодателей, обеспечивая их поступательное развитие.

-
- ¹ ПСЗ-2. Т. 37. Отд. 1. № 38076; Т. 45. Отд. 1. № 48498; ПСЗ-3. Т. 12. № 8708; Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 163-184; Вып. 2. 5 мая – 24 июля 1917 г. Ч. 1. Пг., 1918. С. 444-480.
 - ² *Щепкин М.П.* Опыты изучения общественного хозяйства и управления городов. Ч. 1-2. М., 1882-1884; *Шрейдер Г.И.* Наше городское общественное управление. Этюды, очерки, заметки. Т. 1. СПб., 1902; *Нардова В.А.* Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX в. СПб., 1994.
 - ³ *Головачев А.А.* Десять лет реформ. СПб., 1872; *Семенов Д.Д.* Городское самоуправление. Очерки и опыты. СПб., 1901; *Богданов А.А.* Городское самоуправление в России. М., 1906; *Немировский А.О.* Реформа городского самоуправления. СПб., 1911; *Горловский М.А.* История Городового положения 1870 г. в

- России // Ученые записки. Уральский гос. университет им. А.М. Горького. Вып. 5. Общественные науки. Свердловск, 1948; и др.
- 4 *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России. Т. 1. СПб., 1875; Т. 2. Ярославль, 1877; *Кизеветтер А.А.* Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М., 1909; *Златоустовский Б.В.* Городское самоуправление // История Москвы. Т. 4. М., 1954; *Нардова В.А.* Самоуправление и городские думы в России в конце XIX – начале XX в. СПб., 1994; *Писарькова Л.Ф.* Социальный состав городских гласных накануне контрреформы 1892 года // История СССР. 1989. № 6; *она же.* Московская городская дума: 1863–1917. М., 1998.
 - 5 *Дитятин И.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 50.
 - 6 *Кизеветтер А.А.* Исторические очерки. М., 1912. С. 465.
 - 7 Подробнее см.: *Дитятин И.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 376-399; *он же.* Статьи по истории русского права. СПб., 1894. С. 131-134.
 - 8 *Кизеветтер А.А.* 40-е и 60-е гг. XIX в. в истории городского самоуправления // Русские ведомости. 1913. № 83. С. 4.
 - 9 *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Т. 3. М., 1898. С. 501.
 - 10 *Писарькова Л.Ф.* Социальный состав городских гласных накануне контрреформы 1892 года // История СССР. 1989. № 6. С.153.
 - 11 *Семенов Д.Д.* Расширение городского представительства // Русская мысль. 1897. № 10. Разд. IX. С. 50.
 - 12 *Велихов Л.А.* Основы городского хозяйства. М.;Л., 1928. С. 298-299.
 - 13 ГАРФ. Ф. 5913 (Н.И.Астров). Оп. 1. Д. 36. Л. 8 об.
 - 14 *Ключевский В.О.* Русская история // Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 3. М., 1993. С. 45.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

К.Ф.Шаццло:

Первый вопрос. Чем вы объясняете, что в начале введения контрреформы городского положения общество никак на это не прореагировало, и только в конце XIX в. оказалось, что стали появляться какие-то оппозиционные высказывания? Ваше указание на то, что тут проявилось общее настроение, общее недовольство, конфликт общества и власти, мне кажется не очень убедительным. Тут должны были быть какие-то другие причины. Ни с того ни с сего начинается реформа городского положе-

ния, ни с того ни с сего возникает какое-то недовольство? Скажем, в земстве это неудовольствие выразилось сразу: в январе 1864 г. провели земскую реформу, а уже в 1865 г. Петербургскую городскую Думу наказали.

Второй вопрос. Почему все-таки различные характеры проявились в земстве, где возникло определенное течение, и в думах, где сам либерализм не проявлялся?

Третий вопрос. Реформы, которые рассчитаны «на вырост», по выражению Ключевского, на мой взгляд, не являются недостатком. Надо создавать такие реформы, которые бы предусматривали возможность будущих изменений, то есть «на вырост» должны проводиться все реформы. Иначе они сразу же придут в столкновение с реальностью.

Еще один вопрос. Вы говорите, что в 1917 г. было неудачное время для реформ в Думе. Как это понять? Вообще этот год был неудачным для всего, так как началась вакханалия, народная стихия. Какую реформу ни проводи, она была бы явно неудачной. Почему же эта реформа не была контрреформой, она была как бы продолжением реформ Александра II?

В.М.Хевролина:

Вы говорили о том, что реформу 1892 г. нельзя считать контрреформой. А можете ли вы сказать, насколько усилился контроль со стороны правительства и администрации за органами самоуправления? Был ли он только в хозяйственной части или и в других областях жизни?

Второе. Вы подчеркнули, что работу вели на общественных началах выбранные лица. Не считаете ли вы, что само положение власти, городской думы давало им больше привилегий, чем если бы они за это получали какое-то жалование?

В.А.Кучкин:

Первый вопрос. Как обстояло дело с собственностью города и были ли на этой почве какие-то коллизии с властями?

Далее. Вы говорите о городских реформах и положениях. Существовали курии. Как соотносятся курии и население города? Сколько жителей города могло участвовать в выборах и сколько не участвовало вообще?

Ваши данные главным образом относятся к Москве. А как обстояло дело, например, в городах Средней Азии, которая входила в состав Российской империи, на Кавказе? Вы немножко сказали о западных губерниях и Прибалтике. А как было в Финляндии и Польше?

В.А.Твардовская:

В чем проявлялось участие общества в подготовке положений 1892 г.? В печати явно не было бурной дискуссии, как перед другими реформами.

Ю.А.Тихонов:

Предусматривали ли рассмотренные вами положения и законы участие городских органов в сборе государственных залогов?

Л.Ф.Писарькова:

Первый вопрос: Почему только в конце века стали появляться оппозиционные высказывания? Появились они раньше. Если земство стали критиковать в 60-е, то городское самоуправление – с конца 1870-х гг. Городское самоуправление 70-х гг. подвергалось критике, пока не было разработано новое городское положение 1892 г. В качестве способа изменения Положения 1870 г. и устранения его недостатков предлагалось введение имущественного ценза, предлагались те меры, которые нашли свое воплощение в Положении 1892 г., поэтому сначала общество было довольно. Критика этого закона связана не только с самим законом, а вызвана общей обстановкой в стране, противостоянием общества и власти, между которыми образовалась пропасть, как писал Леонтович. Он прав. Именно со второй половины 90-х гг. образовалась пропасть между обществом и властью.

К.Ф.Шацлло:

Может быть, недостаток в том и заключался, что не «на вырост» Положение 1892 г. было создано?

Л.Ф.Писарькова:

Этот закон, на мой взгляд, как раз соответствовал уровню развития общества. «На вырост» — это Жалованная грамота городам, провозгласившая сословность, до которого общество не доросло, это Положение 1870 г., положившее в основу избирательной системы имущественный принцип. Когда в разобщенном на сословия обществе вводится имущественный принцип, то это выливается в стремление избрать себе подобных: по духу, по образованию, по ментальности. Закон делит общество на имущественные группы, а внутри этих групп формируются сословные группы. Когда общество было разделено на сословия, каждое сословие жило своей жизнью. Где сталкивались их представители? Ямщик вез барина, и вдруг они в одном заседании: один со своим косным языком, а другой с красивой речью; разница в воспитании, в одежде, в речи. Все это на первых порах не способствовало объединению, образованию гражданского общества.

На мой взгляд, нужно было Положение 60-х гг. распространить на всю Россию лет на 20, до конца 80-х гг. и таким образом признать наличие сословий. Если бы законодатели признали существование сословий, то процесс консолидации и образования гражданского общества прошел быстрее.

Почему плохо «на вырост»? Потому что ходить в этой одежде неудобно. Когда изучаешь законодательство, то видишь, как правительство путем законодательных актов пытается исправить ситуацию, часто не учитывая, что ее нельзя исправить просто принятием очередного закона, хотя бы и очень прогрессивного, необходимого.

Почему такое обширное законодательство в России? Мне кажется, по той причине, что принимали закон, а потом начинали его приспособливать к условиям россий-

ской действительности. Положение 1892 г. как раз и было тем законом, который заставила принять сама жизнь. Городское хозяйство усложнилось, но оно топталось на месте, пока преобладали люди низших сословий, которым не хватало грамотности, образованности. Поэтому Положение 1892 г. назвать контрреформой трудно.

Следующий вопрос: почему 1917 г. неудачен для города? Если бы состав Думы, который был избран в 1917 г., действовал в других условиях, в нормальной экономической и политической ситуации, в стабильный период развития страны, то и в этом случае маловероятно, что его деятельность имела хорошие последствия для города. Избраны были люди, не имеющие практического опыта, не знающие городского хозяйства. Все это накладывалось на сложную ситуацию в стране. На заседаниях Московской Думы постоянно принимались воззвания, обращения к народу, а дело стояло. Такая Дума не могла бы работать даже в условиях стабильности.

Вопрос об усилении контроля за деятельностью Думы.

Был установлен контроль не только за законностью действий общественных органов, но и за их целесообразностью. Например, если выпускался какой-то заем и он был слишком велик для города, то правительство могло его запретить. Были конфликты и при строительстве. Был, например, конфликт в Москве по поводу проведения трамвая через Красную площадь, конфликт из-за строительства здания Музея изобразительных искусств на Волхонке. Дума выступала против, не давала землю под строительство.

Контроль в 1890-е гг., конечно, усилился, это безусловно, но в 70-е гг. бесконтрольность оказывала пагубное влияние на хозяйство.

Иногда эти конфликты рассматривались Сенатом, Сенат решал их или в пользу города, или в пользу администрации.

Вопрос о безвозмездности труда гласных. Городское общество прошло большой путь, начиная от того момента, когда образованные слои старались избежать участия в общественной работе, и кончая тем, что на каждое ме-

сто в городской думе была масса претендентов, велись избирательные кампании, агитация, партийная борьба. В XX в. Дума должна была проводить по закону не больше 24-х собраний в год, но Московская дума устраивала собрания с продолжением, и заседала 2-3 дня подряд, т.е. заседаний было в 2-3 раза больше. Но посещаемость была высокая. Работали гласные в комиссиях, не получая за это ни копейки. Гласными были не только состоятельные люди, но и крестьяне, и ремесленники. Это была служба общественная, служба на благо города. Гордились, стремились быть избранными в Московскую думу. Наверное, было желание принести пользу, потому что никаких материальных благ за это человек не имел. Это было признанием авторитета человека, это была честь. Многие династии из поколения в поколение заседали в Думе — Бахрушины, Третьяковы, Морозовы. Это было уже дело чести рода.

Вопрос о собственности города. Русские города с конца 80-х гг. встали на путь муниципализации. Это была особенность развития хозяйства русских городов. Брали деньги взаймы у частных лиц, за рубежом, выпускали городские акции и на эти деньги строили городские предприятия, которые становились источником доходов. Москва была одним из самых крупных собственников. Я бы даже назвала Думу коллективным предпринимателем. Она имела свою скотобойню как доходное предприятие, электростанцию; электрический трамвай также был собственностью города. Москва строила свои народные училища, городские больницы, где лечили и учили бесплатно, в отличие от больниц, которые перешли к городу из других ведомств. Таким образом перед Первой мировой войной города встали на новый путь, который городские деятели назвали «созидательным периодом в истории городского самоуправления».

Какими были отношения с властями? Правительство поощряло путь муниципализации, был принят специальный указ о том, чтобы города не стремились прибегать к

помощи концессионеров. В Москве, скажем, концессионным способом было построено газовое освещение. Водопровод почти во всех русских городах был построен концессионерами. Конкой в Москве вначале владели концессионеры, и город с трудом ее выкупил. Это был неудачный путь, поэтому правительство поощряло создание собственного хозяйства.

Вопрос о соотношении курий с численностью населения. Несмотря на то, что в 70-е гг. право участия в выборах получили все плательщики налогов, тем не менее избирательное право имел не очень большой процент населения. Почему? Во-первых, существовал возрастной ценз. Существовал ценз оседлости. Для больших городов при большой миграции населения это было существенно. Не получали избирательных прав плательщики косвенных налогов — профессора, квартирнаниматели, даже мировые судьи, которые платили по 40 руб. в год за право приобретения свидетельства. Не получили этого права владельцы лошадей, экипажей, собак хотя они и платили соответствующие налоги. Торгово-промышленные налоги и налог с недвижимости — вот два налога, которые давали право на участие в выборах.

Вопрос о рабочих в составе Думы. Рабочих не было. В Москве в конце 80-х гг. насчитывалось 23 тыс. избирателей, а население в это время составляло порядка 800 тыс. А из этих 23 тыс. чел. участие в выборах принимали от 3 до 8%.

Наибольшую активность проявляло дворянство, купечество, хотя и среди них число участников выборов было небольшим. И совсем ничтожный процент составляли крестьяне, мещане.

Вопрос об участии общества в подготовке городского положения 1892 г. В отчетах губернаторов 90-х гг. отмечалось, что это Положение обсуждалось с привлечением представителей общественности. Прежде всего приглашались городские деятели, обычно в этом участвовал городской голова.

И последний вопрос — об участии в сборе налогов.

Если взять XVIII в. или более ранний период, то функции городских выборных учреждений сводились к сбору налогов. В XX в. город собирал налоги с купеческих свидетельств. Государственная пошлина шла в казну, а городу оставались только сборы с купеческих свидетельств, в размере 10-15% от государственной пошлины.

В.М.Хевролина:

Доклад очень интересный. Автор считает, что избрание в Думу было почетно и что горожан привлекала деятельность на благо города, к этому стремились, этого добивались. Безусловно, отчасти это имело место. Здесь были названы такие имена, как Бахрушин, Морозов, Алексеев.

Однако надо учитывать, что лоббирование шло страшное, и стремились попасть в городскую думу часто именно для того, чтобы приобрести авторитет и пополнить свои капиталы за счет этого: прокладка трамвайных путей, строительство каких-то общественных зданий, продажа земель в пользу каких-то определенных лиц — это же важно!

В.А.Твардовская:

Очень интересный, содержательный, насыщенный богатым конкретным материалом доклад показывает, что эволюция городского самоуправления рассматривается по восходящей линии от Положения 1870 г. к Положению 1892 г., которое автор отказывается считать контрреформой. На мой взгляд, здесь особых оснований отказываться от оценки в нашей старой литературе нет. Автор считает недостатком первого Положения, относящегося к реформам 60–70-х гг., городского Положения 1862–70 гг. то, что они были сделаны как бы «на вырост». Здесь то сравнение, которое она от Ключевского приводит, — о платье «на вырост» — имеет определенный смысл. Оно, может быть, сидит плохо и выглядит как-то неуклюже, и несколько неудобно, но его не надо часто менять, оно дает какой-то срок его поносить... Мне кажется, закон

всегда должен быть немножко «на вырост», а не вовсе в уровень с общественным развитием. Тогда у общества не будет той планки, до которой оно должно развиваться, имея в виду эти законы, законоположения.

Да, в обществе и в печати говорили, что общество не совсем было готово и к земской, и к городской реформам, а на это отвечали (в частности, в либеральной публицистике), что подготовиться к самоуправлению можно только в деле. Отторгая определенную часть населения от участия в самоуправлении, в выборах, исключая из числа избирателей, делали шаг назад. Гражданскому обществу нужно двигаться только приобщаясь к самоуправлению, пусть медленно, постепенно и очень неровно, но не будучи отторгнутым от него. Только в деле можно было научиться общественной самодеятельности и самоуправлению, к которому раньше общество не могло быть приучено.

Тут задавался вопрос, почему не было критики Положения 1892 г. в печати, почему она началась только в конце XIX в. Это объясняется отнюдь не тем, что общество приняло это положение, а именно теми общественными, в частности, цензурными условиями, которые существовали в царствование Александра III. Все общественные вопросы, Земское положение, даже юбилей крестьянской реформы было запрещено обсуждать в печати. Что же говорить о только что принятых законах? Это просто было исключено цензурой, но как только появились какие-то послабления, а в начале нового царствования какое-то общественное оживление было, началось обсуждение вопросов, нерешенных этим царствованием, тогда общественная реакция и получила свое проявление.

И. В. Поткина:

То, чем я занимаюсь, как-то перекликается с тем, что делает автор доклада. Мне приходилось заниматься конкретными городскими предприятиями. Рассмотренная в докладе эволюция в законодательстве очень хорошо про-

слеживается на примере развития конкретных предприятий — например, строительства скотобойни. В 60–70-е гг. санитарная обстановка в городе была очень сложной. Этот вопрос был решен только в конце XIX в., когда совершенно другие силы пришли к управлению городской Думой.

Что касается альтруизма, не городская Дума реализовывала интересы купеческого сословия. У них был свой Биржевой комитет, там можно четко проследить, как конкретный предприниматель пытался через этот комитет реализовать какие-то свои конкретные устремления.

С Думой обстояло дело по-другому. Те люди, фамилии которых здесь прозвучали, занимались подобными вопросами, но у себя на местах, там, где были их фабрики. Благоустройство фабричного поселка входило в их обязанность. Здесь они были членами биржевых комитетов, в том числе московского комитета. Помощь городу, в котором они жили, они понимали как свой долг. Здесь альтруизм — это, пожалуй, то, что больше всего ими двигало.

Наблюдения, сделанные докладчиком, совпадают с теми конкретными явлениями, которые встречаешь, когда занимаешься предпринимательством, хозяйством, они сопряжены с этими конкретными делами, пусть не очень громкими, интересными, как общественное и политическое движение. Но без этого город жить не может.

Ю.А.Тихонов:

Спасибо вам, Любовь Федоровна, за знание дела и стремление поднять новые вопросы, не обходя острые углы. Ваш доклад вызвал много вопросов, это свидетельствует о том, что доклад был интересным и творческим.

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ
И ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗРЕНИЕ
В РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА.
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ
В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА***

Исторически в России, как и в других государствах Европы, отношение государства к обездоленным прошло три этапа. На первом этапе господствует личная благотворительность ко всем нуждающимся без исключения, проявляющаяся в форме милостыни. На втором этапе преобладает государственная репрессия как мера борьбы против нищенства. И наконец, на третьем этапе, определяющим моментом становится сознание общественного долга. На первых двух этапах ростки общественной благотворительности слабы и главным образом проявляются в церковной сфере (через подаяния прихожан; врачевание и призрение в монастырях). Широким общественным движением, набирающим силу, благотворительность становится на третьем этапе. Хронологически этот этап совпадает с наступлением Нового времени, в период которого благотворительность получает мощную идейную подпитку в виде гуманистических воззрений, выработанных европейским Просвещением. Нравственным венцом эволюции процесса благотворительности является соединение усилий трех сил, а именно, отдельных лиц, общества и государства, соответственно в формах частной благотворительности, общественного призрения и государственной системы социального обеспечения. Необходимо отметить, что благотворительность и призрение как явления, основывающиеся на духовном и душевном по-

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 8 января 1998 г.

буждении, в первую очередь, милосердии, не всегда имели желанные социальные и экономические последствия из-за легкой своей доступности злоупотреблению. Ярко и образно сказал об этом В.О.Ключевский: благотворительность «чиста в своем источнике, но легко поддается порче в своем течении. Здесь она против воли благотворителей и может разойтись с требованиями общественного блага и порядка»¹.

Методологическая ориентация данного исследования отчасти заложена в его названии. История благотворительности и общественного призрения в России имеет колоссальную литературу соответствующего периода. Содержащая большой объем разнородных данных эта литература весьма ценна как источник, но очень редко может быть использована, как первичный аналитический материал.

Для освоения столь значительного объема информации мы прибегли к известной степени формализации отдельных пластов явления. В качестве основной структурной единицы, приемлемой для изучения, нами выделены так называемые «институты помощи бедным». Сюда мы включаем различные организации, общества, комитеты и проч. Но при этом не ставится задача описания деятельности каждого учреждения (их на рубеже XIX—XX вв. было около 11 тыс.), а представляется целесообразным выделить типологически характерные для каждого исторического периода институты.

Что касается историографического аспекта проблемы, то генезис и особенности функционирования российской самобытной модели благотворительности не являлись предметом специального изучения в отечественной историографии вплоть до начала 1990-х гг. Приоритет в постановке проблемы изучения российской благотворительности принадлежит, как это ни парадоксально, американским исследователям-русистам. Причины такого положения и результаты работы американских ученых были подробно проанализированы в нашей недавней статье³.

Особо следует здесь упомянуть обстоятельные исследования А.Линденмайер, изданные в 1982–1993 гг.⁴ и осветившие следующие аспекты темы: политика царского правительства по отношению к самодеятельным объединениям (на примере частных благотворительных организаций); городские участковые попечительства о бедных в Москве; дома трудолюбия. Надо отметить работу Дж.Брэдли «Московский работный дом и реформа городского призрения в России»⁵, опубликованную в 1982 г. Анализ зарубежной литературы свидетельствует о глубокой проработке американскими коллегами некоторых частных аспектов истории русской благотворительности. Фрагментарность этих исследований очевидна и закономерна, поскольку изучение находится в начальной стадии.

1. Устройство Приказов общественного призрения в царствование Екатерины II

В России призрение обездоленных впервые получило определенный характер задач государственного управления с изданием «Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г.»⁶

Следует заметить, что на протяжении первых двенадцати лет своего царствования (до 1775 г.), императрицей Екатериной II было издано немало указов, касающихся дела призрения: об учреждении в Москве «общим подаянием» Воспитательного дома для приносимых детей с больницей для сирых и неимущих (1763); об учреждении Воспитательного дома в Петербурге (1772); о петербургских увечных, празднующихся, безумных, престарелых (1770–1775)⁷. Но эти распоряжения не были связаны единым планом. Законодательство Екатерины II продолжало борьбу с профессиональным нищенством, но суровость репрессивных мер заметно снизилась по сравнению с прежним временем, и в частности, было отменено «нешадное битье» нищих⁸.

«Учреждение о губерниях» положило начало организации общественного призрения, которая сохранялась в Российской Империи до введения земских установлений в период Великих Реформ, а в неземских губерниях просуществовала до наступления советского времени. Здесь нелишне вспомнить, что «устойчивость екатерининских административных учреждений свидетельствует о том, что они были возведены на прочном социальном фундаменте и если не всеми, то по крайней мере некоторыми своими сторонами соответствовали условиям текущего исторического момента»⁹.

На несколько десятилетий определившее структуру местного управления «Учреждение о губерниях» предполагало создание в каждой губернии, помимо судебных, двух типов административных учреждений, а именно казенной палаты и приказа общественного призрения.

Приказ общественного призрения действовал под председательством губернатора. В Приказе заседали два заседателя от верхнего земского суда, два — от губернского магистрата и два от верхней расправы (в губерниях, где она полагалась). Кроме того, Приказ мог призывать в свои заседания, в случае надобности, дворянского предводителя и городского голову (выборного руководителя купеческой корпорации). Как видим, формально в Приказах присутствовали представители сословий.

Статья 380 «Учреждения о губерниях» очертила круг внимания местных властей к нуждающимся. Сюда вошло, помимо «попечения о народных школах», также «установление и надзирание» сиротских домов, госпиталей и больниц, богаделен, домов для сумасшедших, работных и смирительных домов. Очевидно, что столь широко намеченные обязанности Приказов — от народного образования до усмирения людей «непотребного и невоздержного житья» — не зря дали повод исследователям отметить, что эти обязанности были «не связаны между собою какою-либо общею мыслью»¹⁰.

Значительные заботы о местном благоустройстве предполагали и значительные средства. По статье 382 предписывалось отпускать Приказам по 15 тыс. руб. из доходов соответствующих губерний. Эта сумма должна была явиться основным капиталом, причем деньги эти можно было отдавать за узаконенные проценты на верные заклады, но только на заложенные имения той губернии, где находился Приказ. (Подобные финансовые операции Приказов в качестве кредитных учреждений прекратились только в 1860 г., при Александре II, и взамен доходов по этой статье Приказам стали отпускать 850 тыс. руб. в год из государственного казначейства¹¹). Кстати, некоторые исследователи объясняли мысль императрицы приурочить кредитное дело к призрению бедных влиянием народного воззрения, по которому «всякая лихва, процент — дело греховное и поэтому, если и разрешаемое, то лишь с богоугодной, благотворительной целью»¹².

В результате, к 1810 г. капиталы Приказов составляли 6 млн. руб., а к 1825 г. — до 25 млн. руб.¹³ Накануне же земской реформы сумма эта выросла почти до 100 млн. руб. (99.486.687 руб. на 1 января 1862 г.)¹⁴. В 1861 г. в подведомственных 55 губернским Приказам 768 благотворительных заведений (сюда входили: 519 больниц, 44 дома умалишенных, 64 учебно-воспитательных заведения, то есть сиротские и воспитательные дома, училища детей канцелярских служащих, фельдшерские школы, 111 богаделен и инвалидных домов, 30 смиренных и рабочих домов) призревалося 181.553 чел. В другие годы число пациентов было большим. Кроме того, ежегодно оказывались многочисленные денежные пособия разным лицам и учреждениям¹⁵.

Капиталы Приказов помимо процентов на первоначальные 15-тысячные вклады включили также благотворительные частные пожертвования. В пользу Приказов были также предоставлены: «хозяйственные доходы» (как плата за призрение в заведениях, доходы с оброчных статей), процент от продажи игральных карт, пенные и

штрафные деньги по приговорам присутственных мест, апелляционные деньги по неправым апелляциям, прием судебных вкладов, с удержанием в пользу Приказов определенного процента¹⁶, и проч. В необходимых случаях Приказам помогали деньгами города.

Существенную роль в развитии филантропии в России сыграло дозволение использовать «доброхотные подаяния» (содержалось в статье 392 «Учреждения о губерниях», гласившей: «Буде же случится, что частный человек, или какое-то общество или город или селение захотят установить которое-нибудь из вышеописанных учреждений или к установленным прибавить пожелают своим иждивением, то приказ общественного призрения не чинит в том никому препятствия»¹⁷). В результате, в столицах и в провинции возникли заведения, многие из которых целиком были созданы и содержались на частные средства, как например, больница на 56 кроватей на средства купцов Киселевых в Шуе.

И. и Д.Киселевы в 1836 г. выразили желание построить больницу в память о своем деде-первогильдейце, о чем довели до Высочайшего сведения в 1837 г. и тогда же получили разрешение начать стройку. Строительство завершилось в 1844 г., и Киселевыми был представлен в Министерство внутренних дел проект положения о больнице. В 1844 г. положение удостоилось Высочайшего утверждения, и в 1845 г. больница была открыта. Устройство и оборудование больницы обошлось благотворителям без малого в 1 млн. руб. (982 тыс. руб. асс.). Комитет Министров, приняв во внимание, что пожертвование Киселевых выходит из ряда обыкновенных, пожаловал братьев орденами Св.Анны третьей степени¹⁸.

Оценивая «приказный» период в истории русского призрения, следует сказать, что, безусловно, возникновение (по мысли и почину императрицы) государственных учреждений, призванных заботиться об обездоленных, было бы невозможным без качественных перемен в самих жизненных условиях русского общества во второй

половине XVIII в., и прежде всего, фактического образования местных дворянских обществ¹⁹. Однако, признавая, что в создании Приказов выразился прогрессивный для своего времени взгляд на призрение как отрасль государственного управления, тем не менее, надо согласиться с тем, что Приказы представляли собой «центральные для губернии управления благотворительными заведениями, а не учреждения, ведающие все дела призрения в жизни»²⁰. Они следовали бюрократическому стилю и для населения были, в лучшем случае, малодоступны. «В учреждении их проявилось высшее развитие идеи призрения, как отрасли государственного управления, заменившей собой идею благотворительности в религиозно-нравственных целях — для спасения души благотворителя»²¹.

Деятельность Приказов, первоначально контролируемая выборными от сословий, в первой половине XIX в. постепенно эволюционировала в сторону бюрократизации. Перейдя всецело в руки чиновников, Приказы общественного призрения снискали печальную славу из-за царящей там атмосферы хищений, особенно при заготовке продовольствия и одежды для призреваемых.

Но эта оценка касается несовершенств самой системы управления призрением. Если же обратиться к собственно заведениям, то заслуги законодательства Екатерины II велики именно во внедрении специализации, которой прежде не существовало, и заведения, как бы они ни назывались (больницы, сиротские приюты, богадельни) наполнялись и взрослыми, и детьми, и больными, и здоровыми, умалишенными, сиротами, калеками. Екатерининские законоположения положили этому конец и повлияли на устройство чистых типов филантропических заведений, в распорядке жизни и практической деятельности которых были заложены нормы, изменяемые и улучшаемые затем на протяжении последующего столетия.

2. Создание светских благотворительных обществ в первой четверти XIX в.

Главнейшей тенденцией исторического развития благотворительности в России было усиление общественно-го, самодеятельного начала. Новым явлением стало возникновение в первой четверти XIX в. первых благотворительных обществ, учрежденных под контролем государства частными лицами. В одном из официальных изданий было отмечено, что «правительство в период царствования Императора Александра I много сделало по части общественного призрения; но оно, при всем старании, едва ли могло в значительной степени удовлетворить потребностям и нуждам народа, если бы оно не нашло содействия в духе того же самого народа, привыкшего, по религиозным своим убеждениям, считать благотворительность одною из первых обязанностей»²².

В 1802 г. было образовано «Филантропическое общество» в Петербурге. Открытие его было закреплено законом²³, гласившим, в частности, в духе модной в то время сентиментальности: «Растроганну быть наружным и весьма часто обманчивым видом нищеты и убожества не есть еще благодеяние. Надлежит искать несчастных в самом жилище их — в сей обители плача и страдания. Ласковым обращением, спасительными советами, словом: всеми нравственными и физическими способами стараться облегчить судьбу их; вот в чем состоит истинное благодеяние»²⁴. В 1816 г. это общество получило стройную организацию под названием «Императорское Человеколюбивое общество»²⁵. Первоначально оно состояло из двух комитетов (попечительного и медико-филантропического), занимавшихся рассмотрением прошений о помощи, поступивших на имя Государя. По уставу попечительного комитета его задача заключалась: «В отыскании бедных, большею частию в отдаленных и не проезжих местах города живущих, в разведывании о

состоянии и поведении их и в составлении не только денежного подаяния, но и других пособий, особенно большим необходимым»²⁶. Вскоре был устроен третий комитет для издания «Журнала Императорского Человеколюбивого общества» (выходил в 1817–1826 гг.) – первого в России специального периодического органа для обсуждения дел благотворительности.

Главная финансовая поддержка Человеколюбивому обществу проистекала из казны. Всемиловнейше жаловались 100 тыс. руб. ежегодно: 30 тыс. медико-филантропическому комитету, 70 тыс. – попечительному²⁷. К 1913 г. Человеколюбивое общество объединяло 274 благотворительных заведений в 37 губерниях. Общая сумма капиталов составляла более 32 млн. руб., а годовой бюджет за 1912 г. исчислялся в 3,5 млн. руб.²⁸

Кроме Человеколюбивого общества, под влиянием гуманистических идей, лицами из образованного дворянства были образованы (в течение 1807–1824 гг.) в разных городах Империи – попечительные о бедных комитеты (в Казани, Воронеже, Уфе и Слуцке), общественные кассы взаимопомощи (в Саратове, Петербурге, Дерпте), местные благотворительные общества в различных формах (в Вильне, Новогрудке, Харькове, Ревеле, Брест-Литовске, Пернове, Якобштадте, Дерпте, Гродно)²⁹.

Отечественная война 1812 г., всколыхнувшая русское национальное самосознание, вызвала целое движение по организации помощи воинам. В рамках его, в 1813 г. было предпринято издание газеты «Русский инвалид», при которой образовался значительный благотворительный фонд из частных пожертвований (к концу 1813 г. капитал его составлял 115 тыс. руб., а через год – до 300 тыс. руб.³⁰), а также учрежден особый «Комитет 18 августа 1814 года» для помощи изувеченным генералам и офицерам³¹.

Число отдельных благотворительных заведений, созданных на частные средства было в дореформенный период незначительно. Тем не менее, уже начало XIX в. отмечено очень крупными пожертвованиями на благо-

творительность. В их числе: устройство графом Шереметевым в Москве Странноприимного дома на 100 чел. с больницей на 50 чел., на что было затрачено 2,5 млн. руб. (1803); устройство помещиком Лутовиновым у себя в Мценском уезде Орловской губ. больницы с аптекой и лабораторией (1806); пожертвование коллежским советником Злобиным 40 тыс.рублей на учреждение больницы для бурлаков (1808)³² и др.

Таким образом, к началу XIX столетия опеределенно относится возникновение частной благотворительности в светских ее формах. Как же реагировали власти на это новшество? Даже при внешне благосклонном отношении, подобные самодетельные устремления вызывали настороженность, так что даже исключалась возможность их широкого развития. Запретительные тенденции в отношении общественной инициативы отразились в законодательной регламентации, в частности в положении Комитета министров 4 октября 1817 г. «О правилах употребления пожертвований, вступающих на устройство заведений для призрения неимущих»³³.

Для учреждения благотворительных обществ требовалось каждый раз Высочайшее соизволение, а для открытия заведения надо было полностью обеспечить его основным капиталом. Вследствие этого устраивать благотворительные заведения было невероятно дорого и потому доступно только очень богатым людям, действовавшим в расчете только на свои возможности. Даже для принятия пожертвования следовало предварительно получить справку о нравственных качествах жертвователя³⁴. В результате, наблюдалось не только медленное развитие частной благотворительности, но «местами даже упадок ее, наблюдавшийся особенно за время реакции во второй четверти текущего столетия (XIX — *Авт.*). Некоторые, из возникших при императоре Александре I, частные общества закрылись... и уже не возобновлялись»³⁵.

Эта регрессивная тенденция была следствием правительственной опеки даже над мельчайшими проявления-

ми общественной жизни. Порой совершенно благонамеренные деяния вызвали подозрение властей. Доходило до трагикомических ситуаций. Например, широко стал известен случай, когда сердобольный офицер был привлечен к ответственности за то, что без разрешения начальства приютил нескольких бездомных детей.

3. Учреждения Императрицы Марии – благотворение под Высочайшим покровительством

Сдерживание гражданской инициативы в Николаевское царствование привело к возобладанию государственного начала в деле помощи бедным, что выразилось в активности Ведомства учреждений Императрицы Марии. Это особое благотворительное придворное ведомство начало свою деятельность в 1797 г., когда московский и петербургский Воспитательные дома со всеми их заведениями перешли под личное покровительство супруги Павла I императрицы Марии Федоровны³⁶, а с 1828 г. получило название «Ведомство учреждений Императрицы Марии» (ВУИМ). Заведения Ведомства содержались на счет личных средств Государыни (около 50%), казенной субсидии и частных пожертвований. Еще одним источником было особое обеспечение, например, обороты Ссудной и Сохранной казны. В 1798 г. в дополнение к вышеуказанному, было введено в пользу Воспитательных домов право взимания 10%-ных сборов с увеселений и театров, и картонная монополия³⁷.

Законодательство Николаевской эпохи уделило значительное внимание учреждениям императрицы Марии. На следующий день после кончины своей матери, 25 октября 1828 г., Николай I издал указ о порядке управления заведениями, состоявшими под попечением покойной Государыни. Именно этим указом заведения получили наименование «Учреждений императрицы Марии» и бы-

ла учреждена особая должность статс-секретаря по делам управления УИМ (им являлся с 1828 по 1842 г. Г.И.Вилламов³⁸). При издании этого и последующих указов Николай Павлович руководствовался духовным завещанием Марии Федоровны (вскрытым 4 декабря 1828 г. и содержащим подробные указания, кому из императорской семьи что поручается в деле благотворительности) и подчеркивал, что он исполняет ее волю. Одним из четырех указов устанавливался особый «мариинский» знак отличия для награждения лиц, «кои одушевляясь любовью к бедным и страждущим, посвящают все свои силы, способности и все время жизни облегчению участи злополучных или нравственному образованию сиротствующего юношества»³⁹.

Хотя после смерти Марии Федоровны (с 1828 по 1840 г.) в структуре УИМ открылось еще 30 заведений, однако, «прежней кипучей и живой деятельности, вдохновляемой непосредственно покойной императрицей, уже не замечается. Она как бы замирает...»⁴⁰. Это объяснялось тем, что бюрократы УИМ много занимались усовершенствованием внутренних порядков по канцелярии, утверждением уставов заведений, урегулированием штатов и прочими канцелярскими занятиями, и меньше внимания уделяли собственно делу призрения. Но с 1850-х гг. наблюдался новый подъем.

Благодаря личному покровительству и участию членов августейшей фамилии (после смерти Марии Федоровны ведомство последовательно возглавляли — при Николае I и Александре I императрица Александра Феодоровна, при Александре II императрица Мария Александровна, при Александре III и Николае II императрица Мария Федоровна) на протяжении 120 лет существования ВУИМ заняло выдающееся место в истории русского общественного призрения. Его деятельность, начавшись с попечения о воспитательных домах и институтах благородных девиц, распространилась на нуждающихся всех видов: детей, стариков, калек. Помощь осуществлялась предоставлением пропитания, проживания, обучения или денежного посо-

бия (последнее выдавалось на руки или вносилось в виде платы за обучение, признание, лечение).

Число заведений постоянно увеличивалось (1828 г. — 39, 1854 г. — 236, 1902 г. — более 1000). Сумма капиталов составляла к 1 января 1905 г. более 128 млн. руб., а ежегодный бюджет в начале XX в. исчислялся не менее 24 млн. руб.⁴¹

4. Комитеты для разбора и признания просящих милостыни

Наиболее существенным фактом в сфере признания в Николаевскую эпоху следует признать устройство в столицах совершенно нового типа филантропических учреждений. В 1830-е гг. в Петербурге (1837)⁴², а спустя год в Москве (1838)⁴³ возникли «Комитеты для разбора и признания просящих милостыни», кратко называемые также «Комитеты о нищих». Учрежденные по сенатским указам «в виде опыта» комитеты получили временные положения и правила, очерчивающие круг их действий. Как водится, эти «временные» комитеты прожили много дольше, чем многие постоянные учреждения.

В ведение Комитетов о нищих были переданы рабочие дома, в которых содержались задержанные за нищенство. В задачи комитетов входили меры профилактического характера, а именно, так называемый, «разбор» нищих. Местной полиции вменялось в обязанность препровождать в комитет просящих на улице милостыню. В комитете разбирали нищих от бродяг, и последних отправляли для наказания в специальные учреждения. Нищих же квалифицировали по четырем группам, и в зависимости от обстоятельств каждого случая, либо оказывали помощь (лицам, случайно впадшим в нужду), либо прибегали к принудительному труду и высылке по этапу на родину (эти меры применялись для нищих-профессионалов⁴⁴). В последующее десятилетие комитеты о

нищих возникли также в губерниях и уездах, но большой роли не сыграли. В 1855 г. из 63 губернских комитетов действовало 12, а из 360 уездных — только 7⁴⁵.

По сути, комитеты явились попыткой государства, совершенно не справлявшегося с огромным количеством нищих, обратиться к содействию общества. Эти подконтрольные государству институты мыслились как новая форма учреждения, где бюрократические усилия сочетались бы с финансовым и личным участием добровольных деятелей, отдающих делу и деньги и труд. В состав столичных комитетов вошли лица из дворянства, купечества и духовенства, снискавшие себе авторитет благотворительностью, например, в Петербурге купцы: почетный гражданин А.Сергеев, коммерции советник К.Новиков, первогильдец В.Жуков.

Возглавлялись комитеты дворянами, зарекомендовавшими себя ранее на государственной службе и склонными «к общественной пользе». В Москве устройство комитета было возложено на Степана Дмитриевича Нечаева, участвовавшего ранее в декабристском движении, а после, не понеся наказания, дослужившегося до должности обер-прокурора Святейшего Синода⁴⁶. Оставшись вдовцом с четырьмя детьми на руках, Нечаев в 1836 г. переехал жить в Москву. Учитывая его большие государственные способности, ему предложили место сенатора в одном из московских департаментов Сената. Здесь «любовь к занятиям и честолюбие заставили его искать для себя какого-либо самостоятельного места, на котором он мог бы отличиться»⁴⁷. Таким делом стал Комитет по разбору и призрению нищих, тем более, что дело не было для Нечаева внове — в 1820-х гг. он служил чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе кн. Д.В.Голицыне, и деятельность его была по благотворительной части⁴⁸.

По воспоминаниям сотрудника комитета графа М.В.Толстого, ежедневно из полиции в комитет приводили от 100 до 300 нищих (а иногда и до 1000)⁴⁹. При энергичном руководителе, каким был Нечаев, работа ки-

пела. На каждого нищего составлялась бумага, в соответствии с которой, после резолюции Нечаева, в тот же вечер решалась дальнейшая судьба попавших в комитет из полиции людей. Кого-то распределяли по больницам и богадельням, других высылали на родину, или направляли в губернское правление (беспаспортных и беглых).

Благодаря изобретательности и обходительности Нечаева московскому комитету уже в течение первых лет удалось скопить значительную сумму из единовременных пожертвований и ежегодных взносов дворян и купцов. Крупные вклады в комитет были сделаны богатым и бездетным стариком секунд-майором Ахлебаевым. Вот как это происходило: «Нечаев поехал к нему в Хамовники, прямо из Сената, в мундире и ленте, и так умел растрогать его своим красноречием, что старик расплакался и тут же вручил гостю 5 тыс. руб асс., а по смерти своей (вскоре затем последовавшей) завещал комитету свой дом с большим количеством земли и до десяти тыс. руб. На эти деньги, с продажей лишней земли устроена была Ахлебаевская богадельня, в которую переведено было значительное число увечных призреваемых из Работного дома»⁵⁰.

Немалые деньги удалось добыть Нечаеву и от золотопромышленника П.В.Голубкова. Все суммы вписывались казначеем комитета в специальную книгу, по которой ежемесячно отчитывались о приходе и расходе денег.

Комитеты не ограничивались только той деятельностью, которая им предписывалась сверху. Ярким эпизодом истории московского комитета стало устройство столов для бедных во время голода 1839–1840 гг. В этот период Нечаев привлек к работе Комитета московских купцов-первогильдейцев: хлебо-торговца В.В.Страхова, хлопчатобумажных фабрикантов братьев А.В. и Г.В.Чижовых, коммерции-советника галантерейщика В.И.Розенштрауха (кстати, голландца по происхождению), торговца ситцем В.М.Блохина, торговца мясом В.А.Розонова, торговца экипажными принадлежностями Д.Г.Евдокимова и др. Причем, купцы Блохин и Розенштраух входили в число шести членов комитета (наряду с московским;

военным генерал-губернатором кн. Д.В.Голицыным, самим сенатором С.Д.Нечаевым и двумя представителями дворянства — А.С.Талызиным и Н.И.Орловым). Почти все агенты комитета, в количестве 17 человек, представляли купеческое сословие⁵¹. Они-то и стали учреждать «бесплатные трапезы» на собственные средства, не требуя от комитета никакого пособия.

Первый из семи столов был открыт в Замоскворечье 11 октября 1839 г. Организовал его Б.В.Страхов, не жалевший ни своей муки, ни своих денег. Ежедневно там выдавалось бесплатно по 300 порций из щей с фунтом мяса, каши с маслом и фунта хлеба, испеченного из ржаной муки пополам с картофелем. Вскоре на пожертвования открылось еще шесть столов, всего на 1650 обедающих в день, в том числе, в бедных частях города (в Рогожской, в Сущеве и у Серпуховских ворот). Таким образом, ежедневно раздавалось неимущим около двух тысяч обедов, которые кормили на деле еще большее количество людей, ведь многие бедняки уносили еду в своей посуде домочадцам. При устройстве столов купцы жертвовали съестные припасы (муку, гречневую крупу, говядину, рыбу, калачи и др.), посуду, мебель, скатерти. На свои деньги арендовали и помещения для приготовления и раздачи еды. Обеденные столы действовали ежедневно с 11 до 2 часов дня. Сотрудники и агенты «Комитета о просящих милостыни» по очереди дежурили при каждом пункте бесплатных обедов. Отметим, что большинство обедающих получали месячные билеты на бесплатное питание в Комитете по свидетельствам от приходских священников о своей бедности. Всего, по статистике Комитета, голодной зимой 1839—1840 гг. была роздана 469761 порция. На столы израсходовано около 28 тыс. руб.сер.

Это было очень крупное благотворительное дело, и не случайно декабрист, поэт Федор Глинка, присутствовавший при открытии Замоскворецкого стола, вскоре выразил свой восторг перед этим благодеянием в сочинении под красноречивым названием «Обед, какого не бывало»⁵².

Что же касается Комитета о нищих, то интенсивный период деятельности его продолжался до 1860 г., пока им руководил Нечаев. После смерти Нечаева, в отсутствие умелого руководителя, деятельность Комитета бюрократизируется и становится вялой. К тому же, после глубоких общественных и административных реформ 1860-х гг. комитеты о нищих фактически оказались за рамками новой системы местного самоуправления.

Деятельность комитетов была знаменательна как отражение запросов и возможностей в сфере общественного призрения. Но она не имела надлежащего значения по нескольким обстоятельствам.

Во-первых, средства комитетов были ничтожны в сравнении с задачами решаемого ими дела. Средства эти складывались: из пожертвований частных лиц, из кружечного сбора и ежегодной субсидии в 25 тыс. руб. асс. от адрес-конторы и городской думы. Вдобавок к этому, до 1847 г. ежегодно выделялось 47,5 тыс. руб. из средств Человеколюбивого общества⁵³. Во-вторых, комитеты (где люди вроде Нечаева были скорее исключением, чем правилом) «были слишком бюрократически организованы, чтобы иметь в себе дух живой инициативы, горячей преданности делу и применения помощи к лицам и обстоятельствам, без чего немислимо открытое призрение и предотвращение нищенства»⁵⁴. В третьих, глубокие общественные и административные реформы 1860-х гг. никак не коснулись старой организации комитетов, и в результате, последние стали показательным примером общественного анахронизма.

В 1885 г. устарелость обоих столичных комитетов была признана Комитетом министром и было рекомендовано передать дела о нищих городским управлениям. Однако, представители комитетов не спешили складывать свои полномочия и заявили о желании продолжать деятельность, если городские управления пожелают их субсидировать. Министр внутренних дел предоставил столичным думам решить вопрос самостоятельно. В результате в Пе-

тербурге предпочли выдавать комитету пособие в необходимом размере, отказавшись взять дела о нищих в свои руки. В Москве (после решения городской думы перейти к новой организации призрения), в 1893 г. постановлением Комитета министров «О призрении нищих в Москве и Санкт-Петербурге»⁵⁵. Комитет о нищих был упразднен. Основным аргументом его несостоятельности послужила в городской думе статистика деятельности комитета: «Если в прежние годы число нищих, подвергавшихся разбору и призрению в Комитете превосходило 3000, то за последнее [время] оно пало ниже 1000, а в 1888 оно составляло лишь 811, а в 1889 сошло на 463, то есть сошло на количество, ничтожное сравнительно с тем, которое прогуливалось и кормилось по улицам Москвы»⁵⁶. Летом 1893 г. город принял имущество Комитета о нищих, куда входили: Работный дом с Долгоруковским ремесленным училищем, и село Тихвинское, где находились богадельня, больница и училище. Капиталы Комитета о нищих по ревизии 1893 г. составили более 161 тыс. руб.⁵⁷

В основу новой организации призрения в Москве (через несколько лет ей последовал и Петербург) были положены небольшие городские единицы — участковые попечительства о бедных. С началом их действий городское общественное управление получило право закрыть работный дом — этот намного переживший свое время атрибут «патриархального» периода московской городской жизни.

5. «Устав общественного призрения» 1857 года.

Тормозящая роль сословного принципа.

Переход общественного призрения в компетенцию Министерства внутренних дел

Созданные до 1861 г. законы, касающиеся общественного призрения и несущие на себе неизгладимую печать периода исключительного торжества государственных (а не общественных или частных) приоритетов

в этой сфере, были сгруппированы в Уставе общественного призрения 1857 г.⁵⁸

Уже скоро сложилась парадоксальная, но привычная для русской жизни ситуация — Устав никак не стыковался с принципами земского и городского общественного самоуправления. Первоначально на это несоответствие не было обращено особого внимания — общество было захвачено глобальными реформами и дело призрения казалось второстепенным, его проблемы как бы должны были разрешиться сами собой в ходе более крупных преобразований. Однако, устав не был упразднен еще несколько десятилетий.

Архаизм, обращенность во вчерашний день, в Уставе 1857 г. проявились прежде всего в провозглашении принципа сословной помощи. Этот разлад законодательства с течением общественного развития еще более усилился после 1861 г., потому что редакционные комиссии поставили меры общественного призрения в ряд обязательных повинностей. Каждое сельское или волостное общество было обязано осуществлять «призрение престарелых, дряхлых и увечных членов общества, не могущих трудом приобретать пропитание, у которых нет родственников, или же у которых родственники не в состоянии содержать их; призрение круглых сирот»⁵⁹, для чего предусматривалось образование у бывших помещичьих крестьян особых мирских капиталов (по желанию общины, они могли заменяться ежегодным сбором).

Сама по себе идея мирской помощи была разумной и во многом учитывала особенности крестьянского быта и традиции «помочей» сельчан друг другу в тяжелые моменты. Но в 1860-е гг. и позже принцип сословности в призрении уже не отвечал потребностям времени. Сельские и волостные общества чаще всего, из-за мизерности средств, были бессильны в борьбе с нуждой. Лишь купечество могло нормально наладить сословное призрение. В Москве, в начале 1880-х гг. из общего числа призреваемых в закрытых заведениях (6900 чел.) основную мас-

су составляли лица из мещанского и ремесленного сословий — около 64%, на втором месте шли лица военного звания — более 18%, крестьян было не менее 8%, дворян менее 3%, а меньше всего купцов — 0,3%⁶⁰.

Тем не менее, несмотря на неизменность сословного принципа, на десятилетие, последовавшее после крестьянской реформы 1861 г., пришлось существенные изменения в законодательном оформлении помощи бедным, связанные прежде всего с реформированием всего строя общественной жизни.

Во-первых, в 1862 г. старый стеснительный порядок открытия благотворительных обществ и заведений был изменен, и все дела, относящиеся к благотворительности и общественному призрению, были переданы в компетенцию Министерства внутренних дел. Во-вторых, в 1864 г. с введением земских учреждений, в 34 губерниях закрылись Приказы общественного призрения, а их обязанности по призрению бедных перешли к земствам. В-третьих, с изданием Городового положения 1870 г. общественное призрение было введено в сферу действия городских общественных управлений.

Из законоположений «второго ряда» следует отметить положение о приходских попечительствах при православных церквях (1864) и закон 1866 г., возлагавший на владельцев крупных предприятий обязанность устраивать больницы при фабриках и заводах⁶¹.

Принятие этих актов имело важные последствия. Был изменен прежний, с Высочайшего соизволения, — порядок открытия благотворительных обществ и заведений (признававшийся современниками весьма стеснительным, потому что к 1862 г. на всем обширном пространстве Империи действовало всего около сотни филантропических обществ). Вследствие сокращения «бюрократического маршрута», по которому следовало пройти документам о пожертвовании или открытии учреждений, «уже в первый месяц по передаче дела в МВД открылось 9 новых обществ»⁶², в последующие десятилетия

число тех и других стало динамично возрастать, и в результате составило в 1901 г. 4754 благотворительных заведения и 6268 благотворительных общества в городах и сельской местности.

Динамика открытия новых заведений и обществ⁶³

<i>Годы открытия действий</i>	<i>Заведения в городах</i>	<i>Заведения вне городов</i>	<i>Общества в городах</i>	<i>Общества вне городов</i>
до 1801	14	2	82	65
1801–1825	58	1	104	36
1826–1855	163	2	398	133
1856–1860	30	1	78	42
1861–1865	73	6	126	79
1866–1870	178	14	224	85
1871–1875	185	14	246	94
1876–1880	319	37	261	97
1881–1885	359	179	357	126
1886–1890	267	124	318	139
1891–1895	576	249	665	334
1896–1900	1048	337	849	372
1901	217	57	182	106
Год не указан	168	76	435	235
<i>Итого</i>	3655	1099	4325	1943

Порядок, установленный в 1862 г., оставался неизменным в течение 35 лет, пока не перестал совершенно удовлетворять запросам жизни.

6. Общественное признание и благотворительность в деятельности земских и городских органов самоуправления

Важнейшей вехой в истории русской благотворительности в пореформенный период стал переход дел помощи бедным к земским и городским органам. Жизнь показала, что дело надо ставить на новое основание, ибо

правительству было не под силу сдерживать растущую волну обездоленных. Число же последних увеличивалось очень быстро, в первую очередь вследствие пауперизации и пролетаризации крестьянства — разоренные крестьяне, вынужденные искать заработка в городах и других промышленных центрах, часто не находили его, и опускались «на дно», давая наибольший процент деклассированного населения⁶⁴.

Основные благотворительные фонды земств и городов были составлены из капиталов бывших Приказов общественного призрения. Будучи неприкосновенными, эти капиталы прежде не расходовались на текущие нужды, на это могли идти только проценты с них. От Приказов перешла и значительная недвижимость, но подавляющее большинство построек было в обветшалом состоянии, требовало срочного ремонта.

Деятели местного самоуправления проявили большую осмотрительность в расходовании средств и распоряжении недвижимостью. Они не только не уменьшили неприкосновенные капиталы, но напротив увеличили их. В 1869 г. земствам 28 губерний было выдано до 6,5 млн. руб., а в 1890 г. капиталы составляли более 8,5 млн. руб., причем в некоторых губерниях капиталы возросли значительно. Вдобавок к этим деньгам земства образовали самостоятельно пенсионный и эмеритальный капиталы, чем увеличили постоянные средства общественного призрения еще на 2 млн. руб.⁶⁵

Благодаря стараниям земских и городских деятелей сильно возросло как число заведений для помощи различным категориям нуждающихся, так и количество лиц, которым была оказана помощь. Если в 1861 г. было в 55 губерниях 768 заведений, то по данным 1891 г. — 4500 заведений только в 44 губерниях. В 1891 г. в 28 земских губерниях призревалось в заведениях (без медицинских) 1 млн. 72146 чел., в то время как в 16 неземских только 60552 чел.⁶⁶

Земствам много удалось сделать в области общественного призрения, но, как известно, наступление самодер-

жавия на земство не позволило реализовать имеющиеся потенции. Как писал А.А.Кизеветтер: «С уничтожением крепостного права и всеобщим обновлением нашего государственного быта настала, казалось, пора для утверждения местного самоуправления на твердых началах правильного правопорядка. Но весенние побеги преобразовательной эпохи были сильно попорчены внезапными заморозками прежде, чем они успели принести все свои плоды»⁶⁷. Земская деятельность развивалась во многом вопреки правительственному политическому течению — на энтузиазме активных земцев и зачастую на добровольные частные пожертвования. К примеру, от крестьянина Булатова перед Первой мировой войной в дар Подольскому губернскому земству через Главное управление землеустройства поступило два имения (свыше 900 десятин земли) стоимостью полмиллиона руб. — на устройство средних сельскохозяйственных училищ⁶⁸.

Необходимость участия общественных сил, и в первую очередь, интеллигенции, в деле помощи обездоленным не подвергалась сомнению. Это было учтено составителями земских положений, но однако им «не удалось создать определенные законодательные нормы для осуществления общественного призрения в руках земских учреждений, как не удалось избавиться и от тормозящего дело принципа сословности в призрении»⁶⁹. Ни Земское, ни Городовое положения, давая самые общие формулировки, не обеспечивали участия общественных сил и не указывали на источники, из которых надо было брать средства на призрение. Общественное призрение не было включено в перечень обязательных расходов, и такая двусмысленная ситуация (просуществовавшая не одно десятилетие) даже послужила основанием для толкования в Сенате, что устройство общественного призрения не обязанность, а всего лишь право местного самоуправления.

Тем не менее, правовая незащищенность этой сферы деятельности не стала непреодолимой помехой. Расходы на общественное призрение и народное здравие явились

существенными статьями расхода необязательного бюджета земств. Например, в 1890 г. было истрачено соответственно 2,8 млн. руб. (9,78%) и свыше 10 млн. руб. (36,3%) — в совокупности свыше 13 млн. руб., что составило около 46% всего необязательного бюджета⁷⁰.

То же наблюдалось в городах, где только с 1898 г. в отчетах о денежных оборотах городских касс твердо устанавливались отдельные графы расходов на общественное призрение, а также на народное образование, на медицинскую, санитарную и ветеринарную части. Тем не менее, самодеятельность крупнейших городов (особенно Москвы, Петербурга, Риги и Одессы) достигла того, что в них дело помощи обездоленным было поставлено с размахом, поражая значительным количеством больниц, богаделен, приютов и других заведений, оборудованных первоклассным медицинским оборудованием. Основными источниками финансирования сферы народного образования, здравоохранения и общественного призрения явились пожертвования крупных предпринимателей, сильные группы которых сложились в ведущих русских промышленных центрах. К примеру, в московский городской бюджет ежегодно поступали от частных лиц значительные суммы. С 1890 г. они составляли не менее 1 млн. руб. в год (и не менее 10% по отношению ко всей городской смете). Рекордными стали 1900, 1901 и 1914 гг., когда Московскому городскому общественному управлению от благотворителей поступило соответственно 3,6, 9,1 и 5,6 млн. руб.⁷¹ Роль дворянских пожертвований на рубеже веков становится незначительной, и одновременно происходит расширение спектра благотворителей по социальному происхождению — среди жертвователей на муниципальные нужды появляются крестьяне и мещане. Крупнейшие — миллионные и многотысячные — пожертвования были характерной чертой благотворительности в Москве. Одиннадцать человек (А.В.Алексеева, В.А. и А.А.Бахрушины, Н.И.Боев, Ф.Я.Ермаков, А.И.Коншина, А.К.Медведникова, К.Т.Солдатенков, Г.Г.Солодовников, К.В.Третьяков, П.М.Третьяков) пожертвовали на муниципальную благотворитель-

ность более миллиона рублей каждый. Реализация пожертвований, употребленных по решению Московской городской думы на постройку больниц, школ, приютов для детей и престарелых, происходила в муниципальных рамках очень эффективно, занимая от одного года до шести лет⁷².

Не везде дело обстояло столь благополучно — в половине из 755 городов у Российской Империи тратилось на призрение менее 100 руб. в год. Тем не менее, деятельность «активных» городов и земств имела тенденцию к саморазвитию. Усилиями общественности и средствами частных пожертвований она компенсировала неразвитость государственных форм призрения.

В 1894 г. открыли свои действия в Москве городские участковые попечительства о бедных. Они представляли собой новую форму организации благотворительности, в основу которой были положены принципы децентрализации и индивидуализации помощи (впервые успешно примененные в Эльберфельде, в Германии, почему и сама такая система призрения получила название «эльберфельдской») — то есть каждый отдельный случай нужды подвергался тщательному рассмотрению⁷³. Вся территория Москвы охватывалась действиями 29 попечительств, которые оказывали помощь беднейшим жителям своего участка денежным пособием, одеждой, топливом, устройством небольших домов для престарелых и детских приютов. Этот институт благотворительности оказался настолько целесообразным, что циркуляр МВД от 31 марта 1899 г. рекомендовал распространить опыт Москвы в других городах.

7. Попытка реформы законодательства в 1890-е годы

Статистика благотворительности показывает возникновение в последней четверти XIX в. большого числа благотворительных общественных и частных заведений

разных типов. Хотя деятелями общественного и частного призрения число этих заведений и обществ (более десяти тысяч) признавалось совершенно недостаточным, тем не менее, оно было велико, в силу обширности самого русского государства. Однако, функционирование этих учреждений и к концу XIX в. продолжало регулироваться уставом 1857 г.

Необходимость реформы законодательства о благотворительности при столь интенсивном развитии практической стороны дела была очевидна, и в 1890-х гг. на правительственном уровне была предпринята попытка выработки новых законоположений. Показательно, что так называемая «Комиссия К.К.Грота» (работавшая в 1892–1896 гг.) была создана после сильнейшего голода 1891–1892 гг., когда организация помощи много проиграла из-за отсутствия благотворительных органов на местах.

Эта комиссия (в ней работало 17 чел. — крупных чиновников, земских и городских деятелей⁷⁴) на основе большого количества аналитических материалов, включая местные сводки о состоянии благотворительности, разработала основные принципы новых юридических норм в данной сфере и представила к рассмотрению три проекта организации благотворительности в России. Энергично заседая, комиссия смогла выработать так называемые «основания будущей организации дела призрения в России», причем «основания» создавались в расчете на земские губернии, «в которых уже введен тот порядок управления, который со временем, вполне или частью, вероятно будет распространен и на прочие части России», как писал К.К.Грот в записке министру внутренних дел И.Л.Горемыкину в январе 1896 г.⁷⁵

Жаркая полемика, разворачивавшаяся в заседаниях «Комиссии Грота» была очень плодотворной⁷⁶. Удалось прийти к единому мнению относительно сфер деятельности частной благотворительности и общественного призрения; был определен круг лиц, которые по закону должны будут иметь право на призрение (старики, дети,

инвалиды, а также безработные и тунеядцы, но последние с требованием исполнения тяжелой работы). Поскольку существующее законодательство в земском положении 1864, а затем 1890 гг., не создало мелкой земской единицы, то важным методическим достижением явилось определение территориально-административной единицы призрения, а именно, сословного участкового попечительства. В сельской местности такое попечительство совпадало бы с волостью, а в городах должно было охватывать территорию с населением приблизительно в 10 тыс. чел. Безусловно, введение такой единицы в законодательство относилось не только к делу общественного призрения, а имело отношение к постановке вопроса о местном самоуправлении вообще.

Однако попытка реформирования законодательства не удалась, главным образом из-за противоречия между сословным принципом благотворительной помощи (лежавшим в основе западноевропейских образцов благотворительности) и существовавшим в России сословно-иерархическим строем, при котором официально признавалось в качестве основного оказание помощи каждому нуждающемуся в рамках своего же сословия, то есть крестьянину — общиной, мещанину — мещанским обществом и т.д. Хотя на завершающем этапе работы комиссии в 1895—1896 гг. (работа комиссии сошла на нет, когда, незадолго до смерти, тяжелобольной К.К.Грот фактически отошел от дел, а затем получил освобождение от председательства) забрезжила перспектива в создании проекта нового положения об общественном призрении, где главная роль отводилась бы земским и городским учреждениям, но предусматривалось гибкое взаимодействие с ними «прочно сложившихся сословных организаций»⁷⁷.

В 1898 г. хозяйственный департамент МВД, где служала часть членов комиссии, подготовил проект изменений и дополнений действующих законов об общественном призрении и благотворительности. Но этот проект не обратился в закон и даже не стал предметом обсужде-

ния в Государственном Совете. Таким образом, коренное преобразование законодательства в сфере помощи бедным было отложено, как показало время, уже навсегда. Однако действующее законодательство не оставалось неизменным. Еще 10 июня 1897 г. МВД был утвержден «Примерный устав обществ пособия бедным»⁷⁸. Утверждение устава снимало прерогативу министра внутренних дел в разрешении на открытие новых благотворительных обществ. Право «без предварительного сношения с министром внутренних дел, разрешать своей властью: а) учреждение благотворительных обществ пособия бедным, если они принимают примерный устав...; б) заменять действующие уставы обществ, по ходатайству последних примерным уставом» было предоставлено губернаторам⁷⁹.

8. Помощь бедным в конце XIX – начале XX века: правительственная политика и общественные инициативы. Роль всероссийских съездов

Период последнего царствования характеризовался как консолидацией общественных сил в деле помощи бедным, так и осмысленной правительственной политикой. Обе тенденции проявлялись в ситуации возрастания «клубка проблем»: по оценкам специалистов «число необходимо нуждающихся в помощи» составляло в России к 1915 г. 8 млн.чел.⁸⁰

Характерно, что логическим началом этого периода стал царский указ от 24 марта 1897 г., которым Николай II, обратил внимание «на постоянно увеличивающееся количество всеподданнейших подношений в виде образцов в драгоценных окладах, ценных блюд и многих других предметов». Указом было постановлено подобные «подношения как обществами и учреждениями, так и частными лицами ... отклонять, с допущением, в виде единственной формы материального подношения к под-

ножию Престола, лишь пожертвований от своего достатка на благотворительные и всякие другие общепользные учреждения и притом преимущественно местные»⁸¹. Этим указом были отменены дорогостоящие подношения, которыми сопровождался каждый выход Николая II и членов его семьи к подданным. Типичными для подношений были: иконы старого и нового письма в драгоценных окладах, огромные резные из дерева или кованые из ценного металла блюда и солонки для «хлеба-соли», шкатулки художественной работы и т.п. Все эти предметы стоили подносящим (от имени города, или, например, от купеческого сословия) больших денег. Указ отменил старую, освященную временем традицию, «осовременив» строгий этикет. Но и в этом случае, скорее закон отразил веяния времени, уже захватившие общество, нежели сыграл решающую роль в создании новой ситуации.

Участие в делах благотворительности и покровительству общественному призрению в период последнего царствования придавалось серьезное значение — это было демонстрацией и реализацией бесспорно положительных качеств монарха и его семьи, как с христианской, так и с гражданской точек зрения. Не случайно, когда более сотни (особенно распространившихся с начала 1880-х гг.) домов трудолюбия были объединены в 1895 г. под эгидой «Попечительства о домах трудолюбия и работных домах» (вскоре переименованного в «Попечительство о трудовой помощи»), то покровительство ему (по восшествии на престол) стала оказывать молодая императрица Александра Федоровна. В.И.Герье вообще считал, что эта отрасль призрения была специально устроена для молодой государыни⁸², поскольку ВУИМ оставалось под попечением вдовствовавшей императрицы Марии Федоровны.

Что касается высшего заведования общественным призрением, то законом 22 марта 1904 г., внесенным в Устав общественного призрения, было подтверждено, что оно принадлежит МВД и «сосредоточено в Главном

управлении по делам местного хозяйства по Отделу народного здоровья и общественного призрения»⁸³.

Еще одним примером «отклика» правительственных сфер на запросы общественного развития надо признать Высочайший указ от 31 мая 1913 г. Этим указом крупная сумма в 1 млн. 10 тыс. руб. (собранные петербургскими и московскими коммерческими банками в 1913 г. и переданная в распоряжение царской семьи в ознаменование трехсотлетия Дома Романовых) поступила на нужды учрежденного в тот же год Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества, принятого под покровительство императрицы Александры Федоровны. Указом отмечалось, что «наблюдаемая в Империи высокая смертность и болезненность детей, особенно в младенческом возрасте, наносит неисчислимый вред государству, уменьшая население количественно и ослабляя его физические качества. ... Слабое развитие здравых понятий и правильных навыков в деле ухода за младенцами и их питания, отсутствие необходимой помощи матерям и рождаемым, суть, по свидетельству опыта, главные причины ежегодной гибели многих младенцев»⁸⁴. Общественным силам было предложено участвовать в деятельности попечительства, и в частности, в создании в Петербурге специального научно-лечебного института для приема матерей и младенцев.

Период рубежа XIX—XX вв., характеризующийся прежде всего возникновением по инициативе общественных сил значительного числа благотворительных заведений и организаций, был отмечен «кристаллизацией» теоретических вопросов благотворительности в публицистике и специальной литературе. Одним из стимулов к этому послужило участие русских деятелей с докладами в международных и российских конгрессах по вопросам благотворительности, среди которых особо важный состоялся во время Парижской всемирной выставки 1900 г. Первый российский съезд (он был посвящен призрению бедных детей) состоялся в Москве в 1886 г. Два последующих

были организованы созданным в 1909 г. «Всероссийским союзом учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению» (сразу заявившим в программном положении, что будет существовать не ради «слияния и подчинения» органов общественного и частного призрения, а во имя идеи объединения всех сил благотворительности на основе добровольности)⁸⁵.

Наряду с координацией съездов (оба состоялись в Петербурге в 1910 и 1914 гг.), Союз на деле стал серьезным консультативным и посредническим органом. Он вел большую статистическую и информационную работу, а с 1912 г. начал издание ежемесячника «Общественная и частная благотворительность в России», с 1913 г. преобразованного в журнал «Призрение и благотворительность в России».

Несмотря на то, что на съездах представители наиболее передовых институтов благотворительности (то есть земских и городских, реализующих принцип гражданской самодеятельности) не преобладали численно, их роль была весомой и даже преобладающей. На I съезде земцы (из 12 губерний) представили 9 докладов из 26, прочитанных в главной секции «Общественное призрение», и ввели дискуссию в русло обсуждения вопросов об устранении несообразностей законодательства (прежде всего, кто, кем и на какие средства должен призреваться обязательно) и энергичного ведения дел на месте. Относительно финансирования была принята резолюция о том, что в России «недостает системы местных налогов, без создания коей органы местного управления никогда не получают источников достаточных средств для удовлетворения местных потребностей»⁸⁶. По мнению активистов благотворительного движения, I съезд повлиял на позицию центрального правительства, хотя не возымел желаемого действия на практическую сторону дела (распылению конструктивного духа, по их мнению, помешала слишком широкая программа съезда).

II съезд был созван непосредственно по инициативе земств и городов. Вначале его намечалось провести осе-

нию 1912 г., но почин натолкнулся на нерешительность центральной администрации. Но после Гигиенической выставки 1913 г., продемонстрировавшей авторитет и живую деятельность многих городов и земств по призрению подкидышей, МВД само вызвалось способствовать проведению съезда. Съезд, в результате, стал удивительным случаем, когда чиновники центрального ведомства способствовали благоприятному течению дела и фактически выступили единомышленниками с активистами гражданской инициативы (а председателем съезда стал сам министр Н.А.Маклаков⁸⁷). В центр обсуждения была поставлена одна ключевая проблема – о призрении детей, но она обсуждалась в 1-й секции, а 2-я секция занялась вопросами призрения всех остальных нетрудоспособных (калек, престарелых и пр.).

Анализ состава участников съезда показал следующее: из 236 чел. земцы составили более 36% участников (86 чел.), а вместе с представителями городского самоуправления (24 чел.) – половину участников. Съезд стал престижным государственным мероприятием, куда прибыли 11 председателей губернских земских управ⁸⁸, 31 член губернских земских управ из 22 губерний, 9 председателей и 5 членов уездных земских управ из 12 губерний, врачи и педагоги местных благотворительных заведений, а также 15 губернских предводителей дворянства, 2 губернатора, 3 члена Государственной Думы и 5 членов Государственного Совета. Были представлены 40 чиновников центральных министерств и всероссийских благотворительных обществ (ВУИМ, Российское общество Красного Креста, Попечительство о трудовой помощи. Императорское Человеколюбивое общество и др.), 25 представителей от местных филантропических обществ (неземского подчинения). В дискуссиях приняли участие 15 известных русских ученых, главным образом, юристов и врачей (С.В.Бахрушин, Е.С.Боришпольский, Б.Б.Веселовский, А.А.Владимиров, В.А.Гаген, В.М.Грибовский, В.Ф.Держужинский, А.И.Елистратов и др.)⁸⁹.

Съезд проходил с большим воодушевлением и очень интенсивно — в некоторые дни проводилось по три заседания, начинавшихся утром и заканчивавшихся к ночи. Шел живой обмен практическими достижениями, и особенно новыми идеями и веяниями благотворительного движения, шедшего в самых противоположных концах Империи. За шесть дней был заслушан 51 доклад, причем из 29 докладов, представленных на съезд деятелями местного самоуправления, 11 являлись коллективными и выражали мнения губернских и уездных земских управ и городских дум из российской провинции.

Заслугой съезда надо считать постановление, которым устанавливались категории лиц, подлежащих обязательному призрению («неблагополучные» дети, калеки и престарелые, хронические больные). Во-вторых, была констатирована безотлагательная (но постепенная, без радикализма) необходимость пересмотра законодательства путем перехода к безусловному обязательному призрению. Концепция общественного призрения, выработанная на съезде, была построена в расчете на скорое введение в российской провинции мелкой земской волостной единицы⁹⁰. В-третьих, была поставлена ближайшая практическая задача для самоуправления — немедленное образование земских и городских участковых попечительств о бедных, по примеру устроенных с 1908 г. Московской губернской земской управой. (При этом, съезд просил правительство субсидировать открывающиеся попечительства).

Положительный заряд единения, созданный съездом 1914 года (его большой гражданский пафос и земский характер не вызывал сомнений у современников⁹¹), проявился с началом Первой мировой войны, когда в течение нескольких дней был создан Всероссийский земский союз, объединивший усилия земств в деле помощи раненым и беженцам. Это тяжелое время отчетливо вскрыло гражданский потенциал благотворительного движения.

* * *

Картина институционального развития, представленная в нашем исследовании позволяет сделать следующие выводы, которые, на наш взгляд заслуживают внимания именно в ракурсе соотношения развития черт гражданского общества и собственно роста благотворительного движения.

Политические традиции России были таковы, что государство тратило большие средства на содержание административных и полицейских органов, а также многочисленную и дорогостоящую армию, а решение вопросов, кратко выражаясь, благоустройства (например, городов) стремилось переложить на плечи своих подданных, обрекая все сословия, кроме дворянского (которое выполняло стержневую административную функцию), немалыми обязанностями «вскладчину» финансировать необходимые объекты, включая сюда больницы и заведения социальной защиты.

Эта практика не была изобретена в России, и на определенных исторических этапах существовала в разных странах, но для России, где жизненный уровень населения был очень низким, потребовалось более полувека, прежде чем сфера помощи бедным получила добровольные финансовые поступления от так называемых «жертвователей». Лишь со второй половины XIX в., после того, как сформировались мощные группы предпринимателей и созрели предпосылки для благоприятного реформирования законодательства в сфере социального обеспечения (от запретительного к регистрационному), — сложился слой «благотворителей», жертвовавших «от достатка», а не под угрозой взыскания.

В первой половине XIX в. сфера помощи бедным была выделена как государственная обязанность, но лишь по отношению к городским, «вольным» жителям. При этом, крестьянское население находилось фактически за пределами досягаемости социальной помощи, да и само предпочитало в тяжелые моменты обращаться к помощи

традиционных институтов (не к заведениям общественного призрения — а к «помочам» сельской общины, не к врачам — а к знахарям). Была разрешена находившаяся под жестким административным контролем деятельность ограниченного числа добровольных благотворительных организаций, где активную роль играли дворяне и незначительная часть купечества.

Со второй половины XIX в., а именно с 1862 г., ситуация начала меняться. Дело помощи бедным перешло в компетенцию МВД и сосредоточивалось в Главном управлении по делам местного хозяйства по Отделу народного здоровья и общественного призрения. Действия этой главной инстанции, где подобрался штат знающих специалистов, носили регламентирующий и разрешительный характер. На уровне центральной администрации были выработаны «примерные уставы» для разных типов учреждений социальной помощи, введен регистрационный характер открытия заведений и обществ.

Помимо МВД, к которому было причислено более половины российских благотворительных заведений, широкую помощь нуждающиеся получали через Ведомство учреждений Императрицы Марии, Императорское Человечколюбивое общество, Российское общество Красного Креста, Попечительство о трудовой помощи, а также городские и земские учреждения, Приказы общественного призрения, церковно-приходские попечительства и сословные общества (крестьянские, мещанские, купеческие, ремесленные).

Получение законодательных гарантий стимулировало развитие сферы общественного призрения, и нехватка государственного финансирования компенсировалась общественной активностью добровольных организаций и участием в их деятельности отдельных граждан. Гражданская активность дала возможность самодеятельным объединениям, какими являлись благотворительные общества, осуществлять общественный контроль за расхода-

нием средств и направлять эти средства на помощь истинно нуждающимся.

Число заведений интенсивно росло, но одновременно, вследствие бурных социально-экономических перемен, происходящих в России (пауперизация и пролетаризация крестьянства, размывание сословной структуры, динамичная урбанизация), росло и число нуждающихся в помощи граждан.

Положительную роль сыграло выведение ряда учреждений из сферы государственной — в сферу муниципальной юрисдикции. Этот процесс проистекал на фоне укрепления самостоятельности городских бюджетов и получения городскими думами возможности проводить гибкую политику расходования как основных, так и специальных благотворительных фондов. Значительная материальная поддержка направлялась туда, где была к тому самая насущная потребность, и в программах депутатского корпуса городских дум на каждое четырехлетие были выделены в разные периоды приоритетные области для помощи бедным слоям граждан (например, в Москве, народное образование в 1880—1890-е, здравоохранение в 1890-е, решение проблемы жилищной нужды в 1900-е гг., и т.п.).

Весьма позитивным, на наш взгляд, моментом явилось то, что в период модернизации сферы социальной помощи во второй половине XIX в. не были разрушены ранее существовавшие ведомства (ВУИМ, Человеколюбивое общество и проч.), ибо принадлежащие им заведения тоже приносили ощутимую пользу и к тому же постепенно воспринимали новые, выработанные жизнью принципы помощи обездоленным.

Можно утверждать, что структура, механизм и параметры сменяющих друг друга во времени или действовавших параллельно институтов помощи бедным являлись своеобразным индикатором тенденций общественно-политического развития Российской Империи. Немаловажно здесь и то, что до 1906 г. (до принятия Времен-

ных правил об обществах, союзах и собраниях) благотворительные общества, в отличие от многих самодеятельных организаций, имели официальный статус. Инициаторами возникновения разных типов институтов были различные силы: само государство, общественные группы, отдельные частные лица. При этом ряд институтов (например придворное Ведомство учреждений Императрицы Марии или Императорское Человеколюбивое Общество) существовали более столетия, переживая не слишком значительные взлеты и падения, другие же возникали, сменяя устаревшие (как например, участковые попечительства о бедных сменили полицейско-репрессивные органы по вылавливанию нищих), третьи имели бурное начало, но быстро угасали, растеряв источники финансирования или доверие рядовых активистов.

Как мы видим, большую часть XIX — начала XX в. сфера общественного призрения и благотворительности представляла собой арену соперничества между государством, пытавшимся контролировать (сначала очень жестко, но потом более гибко) развитие системы помощи бедным, не имея сбалансированного для данных нужд бюджета, — и общественной инициативой, пожелавшей внести свою лепту, но все время сдерживаемой законодательными и административными барьерами.

Однако, в контексте этих не очень благоприятных обстоятельств, ростки гражданской сознательности, поддерживаемые разумными и квалифицированными чиновниками, давали свои плоды и способствовали хоть и замедленному, но стойкому формированию всероссийской системы помощи бедным и нетрудоспособным. Очень продуктивным в этом смысле стал этап развития, начавшийся с последней четверти XIX в. Наибольшую реализацию положительные качества гражданской самодеятельности получили в области местного самоуправления, а именно, под юрисдикцией муниципальных и земских органов при контролирующей функции Главного управления по делам местного хозяйства МВД.

-
- ¹ *Ключевский В.О.* Добрые люди Древней Руси. Сергиев Посад, 1892. С. 10.
 - ² Ценный исследовательский материал об отдельных благотворителях представлен в монографии А.Н.Боханова «Коллекционеры и меценаты в России» (М., 1989). В книге профессора медицины П.В.Власова «Обитель милосердия» (М., 1991) дан популярный очерк благотворительных заведений Москвы. Проблема в целом поставлена в статье Я.Н.Шапова «Благотворительность в дореволюционной России: национальный опыт и вклад в цивилизацию» (Россия в XX веке. Историки мира спорят. М. 1994. С. 84-88). См. также ряд статей Г.Н.Ульяновой, опубликованных в 1989–1997 гг.
 - ³ *Ульянова Г.Н.* Новейшая американская историография российской благотворительности // Отечественная история. 1995. № 1. С. 108-118.
 - ⁴ *Lindenmeyr. A.* Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh, 1990. P. 1-64; *Она же.* A Russian Experiment in Voluntarism: The Municipal Guardianships of the Poor, 1894–1914 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* B. 30. Wiesbaden 1982, 1982. S. 429-451; *Она же.* Charity and the Problem of Unemployment: Industrial Homes in Late Imperial Russia, in *Russian Review.* 45 (1), 1986. January. P. 1-22; *Она же.* The Ethos of Charity in Imperial Russia, in *Journal of Social History.* 23 (4). 1990 summer. P. 679-694; *Она же.* Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих Реформ // *Великие Реформы в России.* М., 1992. С. 283-300.
 - ⁵ *Bradley J.* The Moscow Workhouse and Urban Welfare Reform in Russia, in *Russian Review.* Vol. 41. № 4 (october 1982). P. 427-444. Выводы этой статьи изложены в книге того же автора: *Muzhik and Muscovite. Urbanization in Late Imperial Russia.* Berkeley, 1985. P. 267-270, 311-317.
 - ⁶ ПСЗ I. Т. XX (1775). № 14392.
 - ⁷ См.: ПСЗ I. Т. XVI. № 11661, 11674, 11699, 11701, 11844, 11908, 12033 и др.
 - ⁸ *Максимов Е.Д.* Общественная помощь нуждающимся в историческом ее развитии в России // *Благотворительность в России.* Т. I. СПб., 1907. С. 33.
 - ⁹ *Кизеветтер А.А.* Местное самоуправление в России. Изд. 2-е. Пг., 1917. С. 91.
 - ¹⁰ *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. Ч. III. Органы местного управления // *Собр. соч.* Изд. 2-е. Т. IX. СПб., 1908. С. 117.
 - ¹¹ *Дерюжинский В.Ф.* Заметки об общественном призрении. М., 1897. С. 80.
 - ¹² *Максимов Е.Д.* Общественная помощь нуждающимся. С. 36-37.

- 13 *Георгиевский П.И.* Призрение бедных и благотворительность. СПб., 1894. С. 28.
- 14 *Мушинский К.* Устройство общественного призрения в России. СПб., 1862. Приложение. Ведомость I.
- 15 Там же. С. 56-58.
- 16 Там же. С. 59-60. См. также: ПСЗ I. Т. XXVI. № 20348; Т. XXVII. № 20808; Т. XXVIII. № 21274; Т. XXXV. № 27210-27212; Т. XL. № 30025; и др.
- 17 Все законоположения (указания, указы, правила и предписания), касающиеся деятельности Приказов общественного призрения в 1775–1817 гг. были опубликованы в сочинении начальника отделения, а затем директора Хозяйственного департамента: *Стога А.Д.* Об общественном призрении в России. Ч. II. [СПб.], 1818.
- 18 См.: Подробное обозрение благотворительных действий Приказов общественного призрения // Журнал Министерства внутренних дел. 1856. Ч. XVI. Кн. 3. Отд. 2. С. 146-162.
- 19 См.: *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. Ч. III. С. 103.
- 20 *Максимов Е.Д.* Общественная помощь нуждающимся. С. 35.
- 21 Там же. С. 36.
- 22 Историческое обозрение мер правительства по устройству общественного призрения в России. СПб., б.г. С. 159. (Брошюра представляет собой отдельное издание текста из номеров «Правительственного вестника» за 1874 г.).
- 23 ПСЗ I. Т. XXVII. № 20266.
- 24 Там же. См. также: *Герье В.И.* Забытый рескрипт // Русские ведомости. 1900. 23 января. № 23.
- 25 ПСЗ I. Т. XXXIII (1815–1816). № 26357.
- 26 Цит. по: Журнал Императорского Человеколюбивого общества. 1817. № IV. Октябрь. С. 12.
- 27 ПСЗ I. Т. XXXIII (1815–1816). № 26357. Пункт 21.
- 28 Трудовая помощь. 1914. № 1. С. 78.
- 29 Историческое обозрение мер правительства по устройству общественного призрения. С. 169-170.
- 30 *Максимов Е.Д.* Очерки частной благотворительности в России // Трудовая помощь. 1897. № 1. С. 60-61.
- 31 ПСЗ I. Т. XXXII (1812–1814). № 25642.
- 32 *Максимов Е.Д.* Очерки частной благотворительности в России. С. 63.
- 33 Видимо не случайно, положение было распечатано не в год принятия (оно сообщалось особо гражданским губернаторам), а в 1825 г. См.: ПСЗ I. Т. XL (1825). № 27076а (Приложение к т. XL. С. 108-109).
- 34 См.: ПСЗ I. Т. XXXIII (1815–1816). № 26061. (О непринятии от порочных людей пожертвований и о ненаграждении их за оные).
- 35 *Максимов Е.Д.* Очерки частной благотворительности в России. С. 65.
- 36 ПСЗ I. Т. XXIV. № 17952.

- 37 См.: Благотворительная Россия: история государственной, общественной и частной благотворительности в России. СПб., 1901. Т. I. Вып. 1. С. 10.
- 38 Там же. Ч. 2. С. 11-12.
- 39 Там же. С. 16.
- 40 Там же. С. 19.
- 41 Благотворительность в России. СПб., 1907. Т. I. Разд. III. С. 5-6.
- 42 ПСЗ II. Т. XII (1837). № 10811.
- 43 Там же. Т. XIII (1838). № 11514.
- 44 См.: *Максимов Е.Д.* Общественная помощь нуждающимся. С. 45.
- 45 Там же.
- 46 О С.Д.Нечаеве см.: *Мухина С.Л.* Безвестные декабристы (П.Д.Черевин, С.Д.Нечаев) // Ист. записки. М., 1975. Т. 95. С.Д.Нечаев являлся отцом известного мецената, жертвователя на московский Музей изящных искусств Ю.С.Нечаева-Мальцева. См.: *Демская А.* Москва обязана ему музеем // Огонек. 1992. № 20-21.
- 47 См.: Воспоминания гр. М.В.Толстого // Русский архив. 1881. Кн. 2. С. 98.
- 48 Он, в частности, занимался устройством Дома трудолюбия, а затем глазной больницы, и был в обоих заведениях и казначеем, и секретарем, и президентом. См.: Письма митрополита Филарета к С.Д.Нечаеву // Русский архив. 1893. Кн. I. С. 42.
- 49 См.: Воспоминания гр. М.В.Толстого. С. 98-101.
- 50 Там же. С. 100.
- 51 Деятельность комитета описана по изданиям: О действиях Комитета, учрежденного в Москве для разбора и призрения просящих милостыни в 1839 г. М., 1840; Отчет комитета, Высочайше учрежденного в Москве для разбора и призрения просящих милостыни за (1840—1842, 1844, 1846—1848, 1879, 1884). М., 1841—1888.
- 52 *Глинка Ф.* Обед, какого не бывало. (Данный по поводу Московского комитета для призрения просящих милостыню). М., 1839.
- 53 См.: *Максимов Е.Д.* Общественная помощь нуждающимся. С. 45.
- 54 *Дерюжинский В.Ф.* Заметки об общественном призрении. С. 89.
- 55 ПСЗ III. Т. XIII (1893). № 9291.
- 56 *Герье В.И.* Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 70 (Герье). Карт. 32. Ед.хр. 6. Л. 40.
- 57 ЦИАМ Ф. 179. Оп. 54. Д. 251. Л. 18-21, 46-51.
- 58 Свод законов Российской Империи. Т. XIII.
- 59 ПСЗ II. Т. XXXVI. Отд. 1. № 36657. (Высочайше утвержденное общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости). Разд. III. Гл. II. § 179.
- 60 Подсчитано по: Сборник сведений по общественной благотворительности в России. СПб., 1880—1884. Т. 2. Статистические сведения по общественному призрению Москвы, собранные для совета Императорского Человеколюбивого обще-

- ства Центральным статистическим комитетом. СПб., 1883. С 150.
- 61 См.: *Алексеевский В.П.* Справочная книга для фабрикантов, заводчиков и владельцев промышленных заведений. М., 1898. С. 228, 233, 236, 244 и др.
- 62 *Максимов Е.Д.* Очерки частной благотворительности в России. С. 65.
- 63 Подсчеты сделаны с использованием данных из: Благотворительность в России. Т. I. С. XIV.
- 64 См., например: *Нифонтов А.С.* Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. (по материалам переписей населения г. Москвы в 70–90-х гг. XIX в.) // Ист. записки. Т. 54. М., 1957. С. 239-250; *Рындзюнский П.Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. М., 1983.
- 65 *Дерюжинский В.Ф.* Заметки об общественном призрении. С. 84-85.
- 66 Там же. С. 85-86.
- 67 *Кизеветтер А.А.* Местное самоуправление в России. С. 118.
- 68 Трудовая помощь. 1915. № 10.
- 69 См.: *Максимов Е.Д.* Общественная помощь нуждающимся. С. 51.
- 70 *Дерюжинский В.Ф.* Заметки об общественном призрении. С.82-83.
- 71 Подсчитано по: Городские учреждения, основанные на пожертвования, и капиталы, пожертвованные Московскому городскому общественному управлению в 1863–1904 гг. М., 1906.
- 72 См.: *Ульянова Г.Н.* Роль частных пожертвований в муниципальном финансировании московских благотворительных организаций (конец XIX – начало XX в.) // Форум. Некоммерческие организации: Правовое регулирование. Выпуск благотворительной организации «World Learning». Москва-Вашингтон, 1995, зима. С. 9-10.
- 73 Подробно функции и деятельность участковых попечительств освещены в статье: *Ульянова Г.Н.* Участковые попечительства в России // Вестник благотворительности. 1995. № 2 (март-апрель). С. 14-15; № 3 (май-июнь). С. 12-13.
- 74 В том числе, кроме самого К.К.Грота: директор Хозяйственного департамента МВД А.И.Кабат; директор Медицинского департамента МВД Л.Ф.Рагозин; директор департамента таможенных сборов МФ Н.П.Забугин; старший чиновник кодификационного отдела при Государственном Совете П.А.Харитонов; начальники отделов Хозяйственного департамента МВД Н.Ф.Бреверн и И.О.Фесенко; товарищ главного военно-морского прокурора барон О.Буксгевден; директор канцелярии по управлению детскими приютами Д.В.Князев; помощник главного попечителя Императорского Человеколюбивого общества А.Н.Маркович; председатель петербургской губернской земской управы В.П.Марков; председатель петербургской городской комиссии по народному образованию М.М.Стасюлевич; профессор Петербургского универ-

- ситета П.И.Георгиевский; редактор журнала «Детская помощь» про-тоиерей Г.П.Смирнов-Платонов; чиновник, «состоящий за обер-прокурорским столом» С.М.Латышев (в качестве делопроизводителя), а также вошедшие позже профессор Московского университета, председатель московской городской Комиссии о пользах и нуждах общественных В.И.Герье и известный публицист, чиновник МВД Е.Д.Максимов.
- 75 Цит. по: К.К.Грот как государственный и общественный деятель. Пг., 1915. С. 437.
- 76 Деятельность комиссии подробно изложена: *Сперанский С.* Труды правительственной комиссии по реформе действующего законодательства о призрении бедных. Историко-критический обзор // Вестник благотворительности. 1897. № 3.
- 77 Вестник благотворительности. 1897. № 1. С. 34.
- 78 Устав опубликован: Вестник благотворительности. 1897. № 9.
- 79 Циркуляр хозяйственного департамента МВД губернаторам 16 июня 1897 г. за № 5/398 // Вестник благотворительности. 1897. № 9. С. 3.
- 80 *Ганзен П.* Советы и указания работникам в области благотворения // Трудовая помощь. 1915. № 9. С. 311.
- 81 Все попытки обнаружить распубликованный закон в ПСЗ III (в томах за 1897 и последующие годы), пока оказались безуспешными. Поэтому приведено по: Вестник благотворительности. 1897. № 5. Официальный отдел. С. 5.
- 82 *Герье В.И.* Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 70 (Герье). Карт. 2. Ед.хр.6. Л. 44.
- 83 ПСЗ III. Т. XXIV (1904). № 24253 (Высочайше утвержденные положения о Совете и Главном управлении по делам местного хозяйства в составе МВД). Статьи 24, 25, 31.
- 84 ПСЗ III. Т. XXXIII (1913). № 39446.
- 85 Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8-13 марта 1910 г. СПб., 1910. С. 2.
- 86 Там же. С. 186.
- 87 См.: Положение о съезде по общественному призрению // Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11-16 мая 1914 г. Пг., 1914. Т. I. С. XVIII-XX.
- 88 Из Астрахани, Екатеринослава, Курска, Новгорода, Оренбурга, Пензы, Петербурга, Рязани, Твери, Харькова, Херсона.
- 89 Подсчитано по: Список участников съезда // Труды съезда по общественному призрению... 11-16 мая 1914 г. Т. I. С. XXI-XXXV.
- 90 См.: *Ди-Сеньи Н.К.* Ближайшая реформа общественного призрения // Общественная и частная благотворительность в России. 1912. № 5-6. С. 1-2.
- 91 См.: *Веселовский Б.Б.* Съезд по общественному призрению // Русское слово. 1914. № 107.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

К.Ф.Шацлло:

У меня два вопроса. Вы рассматриваете рост благотворительных обществ как положительный элемент, свидетельствующий о положительных качествах в русском обществе. Но почему упускается, что это является также свидетельством резкой поляризации в российском обществе, что если помощь нищим со стороны общества возросла, то это не значит, что все хорошо. Это означает другое: что растет число нищих, больных, хворых и т.д., нуждающихся в помощи. Эта сторона за общим «розовым» цветом несколько затушевывается. Это первый вопрос.

Второе. Вы положительно без оговорки оцениваете вмешательство правительства в деятельность обществ. Но я, например, точно знаю, что голод 1891 г. вызвал, с одной стороны, массовое желание помощи голодающим, а с другой – желающие оказать эту помощь пришли в резкое столкновение с правительственным бюрократическим аппаратом, что послужило, кстати, всплеску либерализма в России, потому что чиновники не хотели, чтобы помощь шла помимо них. Они сначала вообще отрицали, что голод есть, потом стали пытаться все взять в свои руки.

Вы говорите, что добровольному обществу давалось звание императорского, и оно сразу же повышало свой статус. Но вместе с тем Вы упускаете из вида другое: это давало право вмешиваться в деятельность общества куда больше, чем в деятельность любого другого. Например, Вольное экономическое общество в начале XX в. было лишено этого звания в виде наказания за то, что там существовали Комитет грамотности, потом Комитет по экономическим вопросам, и что тут картина сложнее.

Г.Н.Ульянова:

Все эти точки зрения присутствуют в моих рукописных текстах. В своих работах я даю цифру на 1913 г. – 8

млн. нуждающихся. Это официальные данные. Значит, столько людей нуждалось в помощи, причем нуждающиеся в помощи — это инвалиды, дети, старики. Это основные три категории, которые требовали социальной помощи, то есть люди неработоспособные. Сам факт, что в обществе и в правительстве был поднят вопрос о нуждающихся, — очень важен.

Второй вопрос — Вольное экономическое общество. Статус и деятельность добровольных обществ (в т.ч. ученых) я рассматриваю в другой работе, потому что это не совсем благотворительность. То же касается Комитета грамотности. Но это, повторю, за рамками моего доклада.

Насчет голода 1891 г. Я не касаюсь этой темы, поскольку ее историография очень обширна. У нас в Москве написано несколько диссертаций. У американца Ричарда Роббинса вышла книжка по голоду в России 15 лет назад.

В.Я.Гросул:

У меня два вопроса. Первый. Есть ли возможность хотя бы приблизительно определить, какой процент купцов участвовал в благотворительном движении?

Второй вопрос. Очень интересные материалы вы даете по Одессе. Действительно, третий город Российской империи, чрезвычайно богатый. Поначалу там шла ожесточенная схватка армянского, еврейского и греческого капитала. Вначале греки держали основные суммы. Есть ли возможность проследить по этапам в XIX в. эти материалы по схватке? Она еще в полной мере не изучена и не описана. Вы же со своей стороны подошли к очень интересным проблемам.

Г.Н. Ульянова:

Первый вопрос о купечестве. Здесь надо рассматривать два вопроса. Первый — это участие в финансировании социальной сферы. На мой взгляд, в последней четверти XIX в. для Москвы 90% финансирования шло за

счет купечества. Дворянство в основной массе уже оскудело, у них не было денег, самим бы только прожить.

Роль купечества в пореформенный период бесспорна. От 60 до 80% больниц, школ, богаделен по разным городам поддерживалось за счет добровольных пожертвованных купечества.

Второе — участие личным трудом: попечительство, помощь. Тут действовала интеллигенция. У них денег не было, но они ходили, помогали бедным, участвовали как деятели, как активисты. Купцы тоже участвовали в патронате, но они, конечно, больше участвовали деньгами.

Второй вопрос. Конечно, можно изучить Одессу, но я надеюсь, что это начнут делать на Украине. На это нужно время. Но я попробую по Одессе поработать в сравнительном аспекте, когда буду делать следующую монографию «Государство и благотворительность в России». Материал интереснейший.

Я.Н. Шапов:

Вы из дореволюционной историографии называли Ключевского. А были ли до революции работы, аналогичные Вашей, т.е. изучение благотворительности в России на всем протяжении изучения истории дореволюционного времени?

Г.Н. Ульянова:

Да, было несколько таких работ. Они, конечно, выполнялись не по современным меркам: очень часто в этих работах нет сносок. Поэтому их трудно использовать. Выдающимся исследователем-публицистом был Е.Максимов, сотрудник Министерства внутренних дел. Он написал и про городские управления, и про сословия в деле помощи бедным. У него огромный материал.

По поводу историографии: под патронатом Александры Федоровны была установлена премия за сочинения в области благотворительности. Тогда появилось очень много литературы. В частности, профессор Георгиевский из Петербурга, который до этого занимался историей финансов, напи-

сал большую работу по истории российской благотворительности. Однако, когда я пользуюсь этой и другими работами, приходится все время идентифицировать источники. Таким образом, сложность использования этой историографии в том, что приходится все время атрибутировать данные, выяснять, откуда взяты сведения.

Вопрос из зала:

У меня вопрос, который отчасти корреспондируется с вопросом К. Ф. Шацило

Из вашего доклада следует, что по мере развития капитализма в России бурным и пышным цветом расцвела благотворительность. И это, наверное, действительно так. Поэтому возникает следующий вопрос. Корнелий Федорович говорит, что в начале века был рост пауперизации, количества бедных и т.д. Но, с другой стороны, если растут внесударственные частные благотворительные общества, значит, появляется все больше людей со средствами и с приличными средствами, которые необходимы для того, чтобы оказывать такую благотворительную помощь.

Мне приходилось этим делом заниматься. И количество благотворителей априори значительно больше, чем количество, допустим, «денежных мешков» в стране, которые появляются в связи с развитием экономики. Это надо бы тоже проинтерпретировать специально и посмотреть, не скрываются ли за этой лавинообразной благотворительностью какие-то другие вещи типа, допустим, просто обычных провинциальных интеллигентских посиделок, когда под видом Комитета по оказанию помощи собираются люди, которым хочется друг с другом общаться и при этом друг друга согреть каким-то теплом действительного или мнимого участия, то есть что на самом деле, картина может быть совершенно другой?

Г. Н. Ульянова:

Я здесь противоречий не вижу. Во-первых, конечно, помощь неимущим стала в какой-то момент истории мо-

дой — «модой» в хорошем смысле слова. Это было веяние. Теория малых дел — она тоже, в общем-то, шла в этом русле. Все движение вдохновлялось мыслью, что надо помочь и т.п. Этот вопрос надо рассматривать в русле социологических концепций взаимоотношения «богатство — бедность». Как известно, сейчас в социологии существует 5-6 концепций — как примирить общественные интересы, примирить богатство и бедность, сюда входит и марксистский взгляд, по которому в результате революции должно произойти перераспределение, или либеральный — что должны быть какие-то более мягкие пути, и т.д. Однако, я не считаю, что вот эти общества взаимопомощи — «интеллигентские посиделки». Там действительно имела место реальная огромная помощь малоимущим.

В.А. Кучкин:

У меня есть несколько вопросов. Первый вопрос: получали ли какие-нибудь социальные льготы люди, которые занимались благотворительностью?

Второй вопрос — относительно населения, которое получало эту помощь. Делаете ли вы подсчеты, которые должны основываться на количестве народонаселения, о количестве обездоленных людей, и есть ли у вас такие подсчеты по разным периодам, а не только накануне 1914 г.?

Затем такие вопросы. Подсчитывали ли вы, во что помощь обходилась благотворителю: сколько такой «денежный мешок» получал прибыли и какую часть он тратил на благотворительность? Какая часть бюджета, городского или государственного, шла на благотворительность?

И последний вопрос. Люди, которые стояли во главе попечительских советов и т.д. и т.п. «грели на этом руки» или нет?

Г.Н. Ульянова:

По первому вопросу. У А.Н. Боханова в его монографии «Крупная буржуазия России» есть глава, где он рассматривает вопрос, как буржуа за какие-то пожертвования

получали чины, звания, ордена. (*В.А.Кучкин*: Во всяком случае, это государством поощрялось?). Да, государством поощрялось, если филантроп жертвовал государственным ведомствам, а если он жертвовал муниципалитету или земству, то он ничего не получал. (*В.А. Кучкин*: А звание Почетного гражданина?). Почетного гражданина? Во всеподданнейших докладах министра внутренних дел содержится целый ряд заявлений, и благотворитель мог получить звание почетного гражданина какого-то города за вклад в его развитие. В общем, это было моральное поощрение. Но на рубеже XIX–XX вв. резко возрос удельный вес пожертвований именно общественному самоуправлению, и люди знали, что они ничего не получают, но больница, например, будет носить имя жертвователя.

Теперь о количестве людей, которым нужно оказать помощь. Это чрезвычайно трудная проблема. Пока, я могу сказать приблизительно. Даже о количестве нищих у нас данные неопределенные. Так, перепись 1897-го г. дает 400 тыс. чел. нищих по России. Очевидно, что их было намного больше. Были данные сенаторских ревизий. Они давали 800 тыс. чел. Деятели начала XX в. сравнивали Россию с Западом. Например, в западных странах, в развитых странах (Франция Германия) нищих было от 5 до 12%. Этот вопрос надо разрабатывать далее.

Вы задали вопрос о соотношении благотворительных пожертвований с государственными выдачами и т.д.

В начале века расходы местного самоуправления на социальную сферу имели огромное значение. Я смотрела цифры по региональным центрам. От 30 до 40% муниципального бюджета городов шло на социальную сферу, т.е. на школы, больницы, богадельни. Больше были расходы только на полицейскую часть, т.е. на поддержание порядка.

В.А. Кучкин:

Это не благотворительная деятельность — школы и больницы.

Г.Н.Ульянова:

Я сказала – на социальную сферу.

В.А.Кучкин:

А вот сколько на благотворительность шло?

Г.Н. Ульянова:

Давайте разберемся в статусе финансов. Были деньги муниципального бюджета, поступавшие из казны. Благотворительность – это то, что шло кроме бюджетного финансирования. Для Москвы я отчасти сделала подсчеты по благотворительным фондам. Но для каждого города это, конечно, очень кропотливое дело, хотя какие-то общие данные я даю: сколько на социальную сферу шло из пожертвований и сколько – из бюджета. Сколько капиталов благотворительных? В Петербурге было 120 млн. руб. благотворительных капиталов вообще. Каждый год огромные проценты получали с этого. Сравните это с городским бюджетом, который был 35 млн. руб. на начало века. Таким образом, пожертвования – это колоссальные деньги. Трудно сейчас себе представить, но в общем-то, это та степень развития, которая и по мировым меркам считалась очень большой.

В.А. Кучкин:

А сколько, например, из своего кошелька жертвовал на благотворительность купец?

Г.Н. Ульянова:

Купец из своего капитала на благотворительность мог жертвовать по-разному. Я рассматривала в своей предыдущей работе такие вопросы, как личные обстоятельства.

Очень важен показатель бездетности. Если человек бездетный или у него нет наследников по мужской линии, то он мог по наследству 50%, 80% пожертвовать, или даже все, что имел. Он мог это пожертвовать разным ведомствам. У нас в Москве были такие. Вот, кстати, один из предков Я.Н.Щапова не имел детей, он пожерт-

вовал все свое имущество до копейки на благотворительность в Москве. Если же у купца были внуки, которые могли продолжать семейное дело, то там уже шел другой счет.

Вот поэтому очень важна проблема семейно-брачного статуса жертвователя, который надо обязательно рассматривать, а также смотреть как у купца шло дело, как его фирма развивалась, какая была экономическая ситуация — могло его предприятие или не могло отчислять на филантропию. И отношение к рабочим важно. У Бахрушиных, у самых великих благотворителей Москвы, на фабрике был самый низкий уровень охраны труда. Там рабочие работали по колено в воде. У Третьякова — ужасные условия труда. Все это очень разноликая и неоднозначная картина. От культурного уровня фабриканта зависело то, как он вел дела. Заводчик мог построить школу, а мог и не построить ее. Но его не всегда понимали. На него могли давить другие фабриканты: «Зачем ты школу построил? К тебе все наши рабочие перебежали». И благотворитель уже начинал метаться.

В.А. Кучкин:

И последнее — относительно злоупотреблений попечителей.

Г.Н. Ульянова

Размах злоупотреблений зависит от того, существует механизм общественного контроля или не существует. Как показывают московские данные и данные других городов, на муниципальном уровне, на уровне сословных корпораций механизм общественного контроля существовал, и не только за благотворительностью. К примеру, известно из документов, что если у купца сын-пьяница, то он на сына подает в свое купеческое общество. Ему стыдно, конечно, но куда денешься, если сын все проматывает, пропивает. Он просит наложить опеку. На сына накладывают опеку. Сын не дееспособен, не

может семейными средствами распоряжаться. И вот этот отработанный механизм уже действовал и дальше в отношении благотворительных учреждений. Потому на этом уровне практически хищений не могло быть.

А в государственных учреждениях воровство, конечно, имелось: туда некоторые люди и шли работать для того, чтобы руки нагреть. Это Гоголь в «Ревизоре» все описал.

А.Н. Боханов:

У меня два маленьких вопроса. Во-первых, вы специально обошли молчанием крупнейшие благотворительные организации и ведомственные учреждения? (Г.Н. Ульянова: Не специально).

Второй вопрос. Вы корреспондируете поток благотворительных пожертвований с православной этикой и моралью?

Г.Н. Ульянова:

Да, конечно.

Я.Н. Шапов:

Доклад очень интересен, он обращает внимание на ту тему, которая у нас не разрабатывалась. Считалось неприличным этим делом заниматься, потому что, действительно, после революции штампом общественного сознания было то, что капиталистическая система не давала равенства людей перед трудом, не давала равных возможностей, и ликвидация благотворительной системы является условием нового образца пути, поскольку социалистический образ жизни, социализм как способ существования должен ликвидировать и бедность, и богатство, и все должны получать социальную защиту от общества, а в наших условиях — от государства — по своему труду, что вся эта благотворительность — прошлое, не достойное того, чтобы о нем даже вспоминать. Единственное, что у нас было, это МОПР. Действительно, мы должны были собирать деньги и помогать международному коммунистическому движению.

По поводу Е.Д.Максимова — человек написал не одну книгу, специально посвященную истории благотворительности в России, в частности в раннее время. Максимов сделал ряд интересных наблюдений. В первом сборнике «Россия в XX веке» есть моя статья об истории благотворительности в России, где я Максимова оцениваю довольно высоко. Прежде всего речь идет о периодизации. Ваша периодизация имеет право на существование, но внутри есть еще другие этапы. Дело в том, что в Древней России, в старой России был разный взгляд на благотворительность. У Владимира Мономаха взгляд на благотворительность был такой: благотворительность — это способ попасть в рай для человека, который оказывает эту благотворительность, причем все равно кому. Каждый князь, каждый боярин обязан из того, что он имеет десятину, отдавать на бедных, потому что это путь спасения... Эта концепция существовала безраздельно до середины XVI в., до «Стоглава». В «Стоглаве» предлагается уже другое — избирательность. Говорится том, что есть бедные, которые не хотят работать, и их нужно заставлять это делать, а помогать деньгами, помогать материально надо только тем, кто не может работать. Вот это переворот в христианском сознании человека: одним надо помогать, а другим надо обеспечивать возможность работы. Одни должны сами зарабатывать, их надо заставлять это делать, а другим надо помогать. Это середина XVI в. очень важный этап. Затем XVIII в. Уже Максимов говорил, что у нас было три этапа благотворительности. Первый этап — это государственная благотворительность, когда государство, особенно в XVIII в. создавало целую систему благотворительных учреждений — знаменитые богоугодные заведения, как у Гоголя в «Ревизоре», когда в каждом уездном городке было учреждение, которое ведало бедными, больными и т.п., и выдавались государственные средства. Был организован Воспитательный дом для спасения незаконнорожденных детей — «срамных младенцев». Там были окошки, закрытые занавес-

кой, куда каждая незамужняя мать могла принести и положить ребенка, чтобы никто ее не видел. Она имела право отдать такого ребенка в Воспитательный дом, чтобы его воспитывали на государственные средства. Эти дети воспитывались в деревне. Нанимались рожавшие в это время женщины, кормилицы. Им передавали детей и государство платило за то, что они этих детей у себя в деревне в своих избах вскармливали.

К сожалению, государство в XIX в. не смогло справиться с таким огромным количеством бедных. И тогда, с конца XVIII в. выступает общественность — Человеколюбивое общество, Ведомство учреждений императрицы Марии и т.д. Для России, как показывает Максимов, лучшим способом оказывается соединение государственной помощи (не отказ от нее) и общественной помощи. Государство само не могло справиться: общественные, буржуазные, и чисто дворянские организации, причем национальные, конфессиональные и т.д. к революции практически обеспечивали в значительной степени помощь бедным, больным, не имеющим средств.

Нужно показывать и значение этой помощи, и большее внимание, которое уделялось ей в российском обществе, и вторую сторону — рост пауперизации, обнищания. Если раньше у нас обращалось внимание только на одну сторону, то сейчас мы увлеклись другой стороной. Надо обратить внимание и на то, и на другое, и тогда у нас будет объективная картина.

А. П. Корелин:

Мы не случайно остановились на этой теме. Проблема очень интересная, многоаспектная и самое главное — актуальная.

Если говорить коротко об этапах, которые прошла благотворительность, то это фактически на разных этапах способность или неспособность государства обеспечить социальную защиту своих граждан.

Те или иные уклоны в ту или в другую сторону говорят о силе государства или о его слабости. Конечно, и о том материальном богатстве, которое государство имеет в своем распоряжении, и как оно им распоряжается.

В сложной сегодняшней ситуации опыт изучения прошлого может подсказать, какие пути возможны для решения этой проблемы. Действительно, на каком-то этапе надо обращаться к общественности, потому что сейчас не только недееспособные убогие и несчастные дети и старики, но и вполне работоспособные люди оказываются выбитыми из жизненной колеи, и им как-то надо помочь устраиваться в жизни. Здесь при том или ином стечении обстоятельств, при том или ином материальном и культурном уровне общества возможны различные пути.

Г.Н. Ульянова:

Все поднятые вопросы очень полезны для дальнейшего изучения. Когда работаешь за письменным столом, то «варишься в собственном соку». И если предоставляется возможность выйти на аудиторию, послушать мнение других людей и узнать их взгляды на проблему, то это очень помогает, дает новые стимулы в работе.

РОССИЙСКАЯ БУРЖУАЗИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ПОПЫТКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ*

На рубеже XIX–XX вв. российский предпринимательский класс не имел какой-либо политической организации. В интересах экономической модернизации страны самодержавный режим допускал объединение предпринимателей в представительных и совещательных организациях, таких как биржевые комитеты или советы торговли и мануфактур, однако уровень их компетенции был жестко ограничен вопросами торгово-промышленной политики. Правительство нуждалось в профессиональной экспертизе деловых кругов, но на протяжении всего пореформенного периода крайне настороженно относилось к инициативе предпринимателей, опасаясь их объединенной оппозиции в экономической и политической сферах¹.

Толчком к политической активизации буржуазии послужили события революции 1905–1907 гг., под влиянием которых возник ряд политических объединений и партий, представлявших предпринимательский класс, а также оформилась общероссийская представительная организация в лице Совета съездов представителей промышленности и торговли как инструмент воздействия на экономическую политику правительства². Стремление создать единую политическую организацию торгово-промышленных кругов в этот период не увенчалось успехом, не в последнюю очередь из-за противодействия абсолютистского режима, а также ввиду соперничества за пальму первенства между различными группами предпринимателей, прежде всего петербургских и московских. Тем не менее, тенденция эта не исчезла и обрела свое

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 17 июня 1997 г.

воплощение уже после февральской революции во Всероссийском союзе торговли и промышленности, созданном московской группой.

В историографии вопрос о соотношении консолидирующих и дезинтеграционных факторов в среде российской буржуазии начала XX в. относится к числу дискуссионных. Автор фундаментальной монографии о купцах и предпринимателях в царской России А.Рибер подчеркивает уникальность российской исторической модели, делает акцент на нарастании в буржуазной среде начала XX в. процессов фрагментации, фракционности и распада³. Советской историографии, имеющей в своем активе ряд превосходно документированных работ⁴, процесс политического оживления буржуазии все же мешал объективно оценить идеологический ярлык «контрреволюционеров», советские исследователи объективно не могли отрешиться от взгляда на объект своего исследования «с той стороны баррикад». Общим местом поэтому стало разоблачение несостоятельности претензий буржуазии на гегемонию в общественном движении, подчеркивание ее слабости, политической раздробленности, склонности к компромиссу с царским режимом и т.д. Вместе с тем, в последние годы в отечественной историографии появились работы, в которых социальная организация российской буржуазии рассматривается как однотипная с европейской, а акцент при объяснении исторического поражения делового класса в 1917 г. делается не столько на его внутренней слабости, сколько на общеисторических условиях, парализовавших частнопредпринимательскую систему и предопределивших победу социалистической альтернативы⁵.

В предлагаемой статье автором ставится достаточно локальная задача проследить соотношение интеграционных и дезинтеграционных процессов внутри российского предпринимательского класса в политической области, ставшей главной ареной общественной активности буржуазии страны в начале XX в. В центре нашего внимания

будет группа так называемых «молодых» московских капиталистов, ставших одним из основных консолидирующих центров предпринимательского слоя. Источниковую базу работы обеспечили как накопленный в историографии фактический материал, так и прежде всего собственные архивные изыскания автора.

До начала XX в. в политическом отношении буржуазия была индифферентна и, как правило, не выходила за рамки социальной роли «верноподданных купцов», восприимчивых, правда, к славянофильской идеологии дворянских интеллигентов⁶. Зато в начале 1900-х гг. предпринимательский класс отличался беспрецедентно высокой даже по сравнению с западноевропейскими странами политической активностью, спровоцированной глубоким кризисом самодержавного режима. Рубежом политического самоопределения делового мира стали события «кровавого воскресенья» 1905 г., когда в Петербурге была расстреляна войсками мирная демонстрация рабочих, шедших к Зимнему дворцу с петицией царю. «Охранительные» настроения, ранее господствовавшие в предпринимательской среде, сменились либеральными требованиями реформы государственного строя.

В созданной после трагедии 9 января комиссии министра финансов В.Н.Коковцова по рабочему вопросу участники из деловых кругов высказывали мнения о том, что решение этого острейшего вопроса лежит не в частных уступках рабочим, на чем настаивало правительство, а «в изменении общих политических условий». После рескрипта 18 февраля 1905 г. в центр внимания либеральных предпринимателей выдвигается задача обеспечить их «самостоятельное представительство» в провозглашенной царским указом будущей Государственной думе. 27 июня на совещании инициативной группы петербургских и московских предпринимателей была принята резолюция о созыве «возможно скорее съезда представителей промышленности и торговли для объединения на определенной программе политического и экономиче-

ского содержания и для избрания бюро в виду организации и подготовительных действий по выборам представителей в народное собрание»⁷.

На этом съезде, открывшемся 4 июля 1905 г. в Москве, произошел разрыв между консервативными лидерами старшего поколения во главе с председателем Московского Биржевого комитета Н.А.Найденовым и, как их стали называть, «молодыми», радикально настроенными деятелями нового поколения (П.П.Рябушинский, А.С.Вишняков и др.). Их призывы к введению в стране конституционного строя вызвали негативную реакцию у консервативной части собрания. Под предлогом, что съезд уклоняется от намеченной повестки дня, в которой значился вопрос об участии представителей торговли и промышленности в будущей Думе, Найденов покинул съезд, а помещение биржи, где он проходил, было опечатано по распоряжению московского градоначальника. Тем не менее либеральные промышленники продолжили заседания на частной квартире.

Ими было принято решение о создании Постоянного бюро для созыва периодических совещаний, которое возглавил М.Ф.Норпе, представитель петербургской организации железозаводчиков. В принятой на съезде программе подчеркивалось, что торгово-промышленные деятели, «не видя в существующем государственном порядке должной гарантии для своего имущества, для своей нормальной деятельности и даже для своей жизни, не могут не объединиться на политической программе с целью содействовать установлению в России прочного правопорядка и спокойного течения гражданской и экономической жизни».

Для достижения этих целей предусматривалось «соединение с теми политическими партиями, содействие тем политическим стремлениям и поддержка всеми возможными средствами тех политических факторов, которые заявят себя способными к полному обновлению русской народной жизни»⁸. Прежде всего имелось в виду

земско-либеральное движение, с которым либералов-предпринимателей объединяло общее программное требование — «созыв народного представительства, устроенного по образцу конституционных государств».

Однако с самого начала политическое движение буржуазии оказалось в изоляции: земские либералы не восприняли предпринимателей в качестве союзника по оппозиции, депутация, собравшаяся приветствовать земцев как «соратников на поприще изыскания средств к восстановлению порядка в России мирным путем», не была допущена под формальным предлогом на общеземский съезд. Общероссийскому политическому объединению препятствовали и разногласия между отдельными ее группами относительно конкретных задач и способов действия. Для воздействия на царскую бюрократию некоторые наиболее радикальные политики предлагали даже закрыть свои фабрики, чтобы вызвать массовое рабочее движение против правительства, на что большинство предпринимателей все же не согласилось⁹.

6 августа 1905 г. последовал указ о созыве законодательной Думы, и политическая активность либеральной буржуазии временно пошла на спад. В среде петербургских инициаторов июльского съезда возобладала мысль о создании экономической по характеру организации взамен оставшейся неосуществленной политической. «Политический союз не имел видов на успех, — писал позднее М.Ф.Норпе, — и бюро решило покинуть мысль о политическом союзе и ограничиться исключительно экономической стороной единения». Если раньше группа Норпе и стоявшие за ним влиятельные петербургские круги рассчитывали использовать общероссийскую организацию предпринимателей для отстаивания законодательного характера Думы, то после указа 6 августа переориентировались на создание чисто экономической организации.

После 6 августа, по свидетельству одного из инициаторов новой представительной организации А.А.Вольского, «промышленники и торговцы охладели к полити-

ческой миссии, полагая, что их дело кончилось». Петербургской группой был подготовлен проект положения об общих съездах представителей промышленности и торговли. Организация оформилась в начале 1906 г., провозгласив своей целью «объединение русской промышленности и торговли независимо от политических убеждений их представителей». Создание первой в России общей экономической организации предпринимателей отразило вместе с тем неудачу попыток выработать единую политическую платформу буржуазии в целом¹⁰.

В деловых кругах в тот период верх взяла тенденция провести в Думу как можно больше депутатов от торгово-промышленного мира, приняв для этого «все меры к самому тесному единению фабрикантов, заводчиков и биржевиков». Задачи таких депутатов в будущей Думе должны были быть определены на намеченном на конец августа 1905 г. втором торгово-промышленном съезде, однако обеспокоенные оппозиционной линией либеральных предпринимателей власти запретили его проведение. Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного строя», возвещавший конституционные свободы, в том числе свободу политических союзов, предпринимательские слои встретили восторженно. После издания манифеста возникло сразу несколько партий крупной и средней буржуазии, на характеристике которых остановимся подробнее.

Первой по времени появилась прогрессивно-экономическая партия. Ядром ее являлась группа петербургских фабрикантов, а лидерами стали железозаводчик М.Н.Триполитов и директор Петербургского Международного банка С.С.Хрулев. На учредительном собрании 31 октября 1905 г. лидер партии Триполитов пояснял, что «все соединяются в союзы, сплачиваются за исключением представителей промышленности и торговли», убеждая в жизнеспособности чисто предпринимательского по составу объединения. Раздавались на собрании и более осторожные голоса относительно опасности столь откоро-

венного «буржуазного» характера партии: «Если вы образуете партию прогрессивную или другую, то скажут, что это партия плутократов, капиталистов. Под этим флагом трудно будет что-нибудь сделать, так как капиталистов меньше, чем других»¹¹.

Не обеспечивала широкой поддержки избирателей и программа прогрессивно-экономической партии. Две основные, острейшие проблемы России — аграрный и рабочий вопрос — в ней предлагалось разрешить на путях ликвидации крестьянской общины, но не затрагивая помещичьего землевладения, и с помощью законодательного ограничения рабочего времени женщин и малолетних, но не взрослых мужчин. По составу партия оставалась немногочисленной и чисто предпринимательской: в ней числилось около 3,8 тыс. членов, но на собраниях присутствовало не более 200 чел.

В Москве по почину либеральной части делового мира образовалась умеренно-прогрессивная партия во главе с П.П.Рябушинским и С.И.Четвериковым. «Наша программа, — говорилось в ее воззвании к избирателям, — по многим вопросам сходственна с программой кадетской партии, но по некоторым мы расходимся с ними. Мы решительно против автономии и федерации. По нашему мнению, Россия должна быть целостным организмом. Кроме того, мы иначе относимся к некоторым вопросам рабочего законодательства. Абсолютно нельзя установить у нас 8-часовой рабочий день (программное требование кадетов — *Авт.*), иначе наши предприятия не выдержат иностранной конкуренции...». Вместе с тем, программа умеренно-прогрессивной партии допускала свободу рабочих союзов, собраний и право рабочих на «мирные» стачки. В аграрной части выдвигалось аналогичное кадетскому требованию увеличить крестьянское землевладение «путем отчуждения за счет государства удельных, кабинетских, монастырских и частновладельческих земель»¹².

Группа москвичей во главе с председателем Биржевого комитета Г.А.Крестовниковым сформировала торгово-

промышленную партию, в целом занимавшую более правые позиции, чем умеренно-прогрессивная. Призывая «лиц правопорядка» к единению, создатели ее подчеркивали, что «только на такую мощную партию будет в состоянии опереться правительство в предстоящей ему трудной прогрессивно-созидательной работе»¹³. Идейнными принципами партии являлись полное содействие правительству по проведению в жизнь начал Манифеста 17 октября, сохранение целостности России, предотвращение ее автономизации, на которой настаивали кадеты, протекционизм в промышленной сфере и др. Отвергая требование 8-часового рабочего дня, они в то же время предвещали столыпинскую реформу, выставляя программное положение, что крестьянину нужно не только позволить выйти из общины, но и действительно помочь в обустройстве собственного отдельного хозяйства.

Поясняя столь откровенное название партии – торгово-промышленная, ее идеологи настаивали, что она должна объединять все «торговое сословие», не только хозяев предприятий, но и рабочих и служащих. По своему составу партия, однако, несмотря на усилия расширить социальную базу, оставалась объединением крупных предпринимателей, ввиду своей малочисленности, как и остальные политические образования буржуазии, обреченной на неудачу в предвыборной борьбе. Нередко приказчики вступали в партию «торгового сословия» под прямым давлением работодателей и при первом удобном случае выходили из ее состава.

Если три названные партии объединяли прежде всего верхи делового мира, то созданный в ноябре 1905 г. в Петербурге Всероссийский союз торговли и промышленности отражал интересы заводчиков и коммерсантов средней руки. В воззвании союза к избирателям в Думу провозглашалась важность «экономического содружества торгово-промышленных классов и их служащих» для подготовки «нормальных условий частной и общественной предприимчивости и правильной постановки в на-

шей стране торгового и промышленного дела». Предлагалось обновить «крайне древнее торгово-промышленного законодательство», ослабить налоговый гнет, сократить гипертрофированную казенную сферу экономики («государство не способно само по себе даже в лице своих специальных органов к торгово-промышленной деятельности»). Вместе с тем, в программе даже не упоминались самые большие вопросы российского общества — рабочий и аграрный.

Политическая ориентация союза в целом шла по линии правее кадетов. Лидеры его публично заявляли, что «для торговли и промышленности в партии кадетов делать нечего»¹⁴. Численность союза не превышала 700 чел., а в конце 1905 г. под влиянием конфликта с хозяевами многие служащие покинули его ряды. Объединение это оказалось с самого начала маломощным, территориальный район его деятельности в отличие от других буржуазных партий ограничивался Петербургом.

Заметное место среди политических организаций, созданных буржуазией в конце 1905 г., занимала партия правового порядка, представлявшая правое крыло либеральной оппозиции, недовольное федералистским движением в недрах земско-либерального движения и настаивавшая на «единстве и неделимости России». Предпринимательская в целом по составу, партия требовала установления сильной власти как основного условия «живучести государства» и ограждения дарованных свобод от «насильственного посягательства». В Петербурге, главном центре деятельности партии, ею устраивались народные читальни. Собрания в них стали использоваться для своей агитации социал-демократами, и читальни по распоряжению полиции были вскоре закрыты¹⁵.

Отсутствие единой политической организации, раздробленность сил ослабляли позиции предпринимательских слоев в предвыборной кампании по выборам в I Государственную Думу, состоявшимся в начале 1906 г. Открыто заявленный «капиталистический» характер их требований

отталкивал основную массу избирателей из социальных низов. Немаловажно и то обстоятельство, что в отличие от партий социалистической ориентации, предпринимательские политические объединения не обещали скорого и радикального улучшения жизни рядового россиянина.

Кровавые декабрьские события, отмеченные серией вооруженных восстаний, крупнейшим из которых было московское, вновь усилили центристские тенденции в предпринимательской среде. В разгар боев в Москве торгово-промышленная, умеренно-прогрессивная, партия правового порядка и «Союз 17 октября», о котором речь впереди, выступили с совместным заявлением: «На улицах Москвы льется кровь исполнителей служебного долга, убийства, грабежи и пожары по всей России, гнусные предательские нападения происходят не по воле правительства и не руками его сторонников, а революционерами и их подстрекателями»¹⁶. Прямо обвинив развязавшие вооруженное восстание леворадикальные партии «во лжи и обмане народа», буржуазные политики призвали к сплочению, чтобы сохранить «единую нераздельную Русь с Государем и Государственной Думой».

Неизбежность блокирования родственных партий становилась все очевидней по мере приближения выборов в I Думу. В канун их один из лидеров октябристской партии, В.М.Петрово-Соловово, так характеризовал перспективы отношений с ближайшими политическими союзниками из предпринимательского лагеря: «Все они (предпринимательские партии — *Авт.*) сходятся в главных политических и экономических принципах и различаются или во второстепенных подробностях, или даже в различной формулировке одного и того же положения. Надо надеяться, что в самом непродолжительном времени все они если не сольются в одну общую партию, то между ними будет заключен тесный союз и полное объединение электоральной практики»¹⁷.

К объединению подталкивала и неудачная попытка привлечь на сторону «деловых» партий массового избирателя.

Несмотря на огромное количество воззваний и обращений, масса служащих и рабочих, получивших избирательные права в Думу по закону 11 декабря 1905 г., не пошла за «торгово-промышленными» лозунгами. Электорату ближе оказались программные требования кадетов, прежде всего 8-часовой рабочий день и Учредительное собрание.

31 декабря 1905 г. октябристы объявили о создании предвыборного блока в Москве с торгово-промышленной партией, решив проводить в городе, где торгово-промышленники обладали немалым влиянием, кандидатов только от этих двух партий, не вступая в соглашение с другими. В Петербурге блок был официально оформлен 3 марта 1906 г., когда октябристы вместе с прогрессивно-экономической партией, партией правового порядка и торгово-промышленным союзом образовали объединенный комитет. Однако итоги избирательной кампании в I Государственную Думу против ожидания, оказались крайне неутешительными: партии предпринимателей провели в Думу всего 16 своих представителей, 13 из которых были октябристами, двое представляли умеренных прогрессистов, выступавших вне блоков, и один депутат числился избранным от торгово-промышленной партии, тогда как кадеты имели в Думе 153 депутата.

Предпринимательские партии подвели узкоклассовая социальная ориентация и отсутствие даже элементарного показного демократизма, в чем преуспели кадеты. «Не говорю уже о торгово-промышленной партии, — делился впечатлениями от выборов член Центрального комитета октябристской партии Н.Н.Перцов, — само название которой обличает ее чисто профессиональный состав, но и наш союз (в столицах) сосредоточивался пока исключительно в сфере высшей буржуазии и аналогичных ей элементов местного самоуправления, и решительно не умеет, да и не хочет выйти со своей проповедью «на улицу», на весь честной народ»¹⁸.

Большинство чисто предпринимательских политических союзов после провальных выборов прекратили су-

ществование, частью самоликвидировавшись, частью войдя в состав партии октябристов, которая на время стала единственным выразителем политических интересов предпринимателей¹⁹.

Буржуазия разочаровалась в перспективах получить достаточное влияние в российском парламенте, выступая только от собственного имени. «Фабриканты не верят в возможность проведения в Государственную Думу представителей промышленности при настоящем избирательном законе», — заявлял в печати Триполитов, мотивируя роспуск своей прогрессивно-экономической партии²⁰. Пессимистические настроения овладели после выборов и другими политическими лидерами буржуазии, склонными теперь рассматривать «Союз 17 октября» в качестве единственной политической силы, способной отстаивать интересы торгово-промышленников.

Особое обаяние октябристской партии в деловых кругах придавала фигура ее лидера — А.И.Гучкова, выходца из первостатейного московского купечества, ставшего одним из ведущих политиков предреволюционной России. Окончив историко-филологический факультет Московского университета, где, кстати, учился в одном семинаре с будущим лидером кадетов П.Н.Милюковым, ученой карьере он предпочел общественную. Конституционный монархист по убеждениям, Гучков стоял у истоков «Союза 17 октября», основным лозунгом которого являлось достижение конституционного строя эволюционным путем. Позднее Гучков и его партия стали опорой политического механизма П.А.Столыпина, поддержав в Государственной Думе курс премьер-министра на «успокоение и реформы». Близость к столыпинскому режиму вызвала разочарование в его фигуре среди либеральных предпринимателей, но в 1905—1906 гг. октябризм в лице Гучкова играл роль одного из полюсов притяжения делового мира²¹.

«Союз 17 октября» вместе с примыкавшими к нему партиями и организациями представлял правый фланг

российского либерального лагеря, занимая промежуточное положение в политическом спектре между кадетами и крайне правыми. Как политическое движение октябризм возник и начал организационно оформляться в конце октября — начале ноября 1905 г. на основе правого меньшинства земско-городских съездов. После издания манифеста 17 октября партийное размежевание в либерально-оппозиционном лагере в основном завершилось, выделив две основные политические силы — кадетов и октябристов. Посчитав, что в России созданы необходимые предпосылки для движения по пути конституционной монархии, правое крыло земцев-либералов приступило к созданию собственной политической партии, взяв за ее название дату царского манифеста²².

По своей социальной природе «Союз 17 октября» был в целом партией служилого дворянства и крупной, частично «одворяненной» торгово-промышленной и финансовой буржуазии, хотя союз их отнюдь не был «сердечным соглашением»: многих октябристов-предпринимателей не устраивало, что сильные позиции в партии занимала группа крупных аграриев-латифундистов. Центральное место в программе «Союза 17 октября» занимал вопрос о характере и структуре государственной власти в России. «Российская империя, — говорилось в первом параграфе программы, — есть наследственная конституционная монархия, в которой император, как носитель верховной власти, ограничен постановлениями Основных законов». Выступая за упразднение неограниченного самодержавия, октябристы вместе с тем категорически возражали против введения в стране парламентского строя по западноевропейскому образцу, считая его неприемлемым как с исторической, так и с политической точки зрения. Чересчур лояльная позиция по отношению к правящему режиму в послереволюционный период оттолкнула от октябризма часть радикальных бизнесменов-политиков, но в 1905–1907 гг. октябристы фактически безраздельно выражали мнение предпринимательского мира.

Итак, под влиянием революционной волны 1905 г. российское «третье сословие» сделало резкий скачок в своем классовом самоопределении, выйдя на политическую арену в качестве самостоятельной силы. Именно тогда родилась идея всероссийской партии промышленников и торговцев. Ей не суждено было тогда воплотиться в жизнь ввиду значительной разнородности делового мира страны, сохранившихся у части предпринимателей иллюзий относительно возможности «самореформирования» самодержавия, боязни оказаться лишенными государственной опеки. Во всяком случае новый класс российского общества стал активно искать способы самовыражения в многочисленных экономических и политических организациях. Был накоплен определенный опыт их взаимодействия, опробована тактика коалиций, участия в парламентской борьбе.

Однако сугубо буржуазные по составу и программным требованиям, корпоративные по духу, элитарные по методам деятельности, политические формирования предпринимателей не смогли инициировать мирный поворот России к реформам и модернизации, предотвратить отчуждение государства и общества. Такой исход был предопределен многими факторами, сохранявшимися вплоть до 1917 г., такими как незавершенность процесса складывания «среднего класса», который только и может быть опорой политического центризма, антибуржуазным менталитетом основной части населения страны, нехваткой политического опыта у самой буржуазии и ее лидеров, нежеланием и неумением идти на компромиссы. Правда, события 1905–1907 гг. выявили способность «третьего сословия» к быстрому политическому самообучению, умение извлекать уроки из избирательных неудач. Последующее межреволюционное десятилетие 1907–1916 гг. стало для отечественных предпринимателей хорошей политической школой.

Этот период был отмечен постепенным сдвигом политической ориентации деловых кругов влево от октябриз-

ма. Во главе этого движения стояла группа московских «молодых» бизнесменов-политиков, таких как П.П.Рябушинский, А.И.Коновалов и др., которым все яснее становилась нетерпимость положения, когда обладавшая огромным экономическим потенциалом буржуазия практически не имела влияния на выработку политического курса правительства. Их кредо стала идея Павла Рябушинского, обнародованная в издававшейся им газете «Утро России»: «Буржуазия представляет собой в такой мере развитую экономическую силу, что не только может, но и должна обладать соответствующим политическим влиянием»²³.

По убеждению «молодых» московских капиталистов наступивший XX век должен был стать в истории России веком буржуазии, которой предстояло отвоевать себе подобающее место в общественно-политической жизни. «Буржуазисты», как называли новоявленных адептов частного предпринимательства на российской почве, занимали оппозиционную позицию по отношению к самодержавию, которому следовало, по их мысли, перейти к европейским конституционно-монархическим формам. С другой стороны, рабочим и представителям социальных низов, увлеченным социалистической пропагандой, разъяснялось, что Россия, относительно недавно вступившая на индустриальный путь развития, не готова к социалистическим преобразованиям, что ей, по словам П.П.Рябушинского, предстоит еще пройти «через путь развития частной инициативы».

В период революции 1905–1907 гг. предприниматели в конце концов консолидировались на октябристской платформе, но едва смолкли отзвуки декабрьских восстаний и правительство овладело ситуацией, как октябристская доктрина, базировавшаяся на конституционных принципах манифеста 17 октября, столкнулась с суровой реальностью. В январе 1906 г. на заседании Центрального комитета «Союза 17 октября», в который вошли представители «молодой» группы, в частности П.П.Рябушин-

ский, обсуждалось опубликованное в прессе интервью с председателем Совета министров С.Ю.Витте. Известный мастер политической интриги и автор манифеста 17 октября без обиняков заявил, что «манифестом не внесено никакого изменения в основу нашего государственного строя и что Государь император по-прежнему остается неограниченным владыкою». Лидеры партии, считавшие, что страна вступила в новую, конституционную эру, попытались найти выход в компромиссном толковании заявления Витте. Официальный титул царя «самодержавный», по их мнению, не противоречил манифесту, поскольку-де так именуется монарх, независимый от иностранных властителей²⁴.

Тем не менее, конституционно-монархические иллюзии октябристов постепенно развеивались. «После 17 октября, — оценивал позднее ту эпоху П.П.Рябушинский, — считая, что цель достигнута, буржуазия перешла на сторону правительства. В результате одолело правительство, и началась реакция, сначала стыдливая, а потом откровенная»²⁵. Символом измены конституционным обещаниям он считал политику П.А.Столыпина, преемника Витте на посту премьер-министра. Часть либеральных промышленников с Рябушинским во главе порывает с «Союзом 17 октября и переходит в созданную отколовшимися от партии Гучкова левыми октябристами партию «мирного обновления»²⁶. Возникновение ее осенью 1906 г. отразило реакцию части либеральной общественности на политику А.И.Гучкова, безоговорочно поддержавшего введенные Столыпиным для борьбы с революционным движением военно-полевые суды. «Мирнообновленцы» же и их лидер граф П.А.Гейден отвергали любой вид террора — как революционный, так и правительственный.

Накануне Первой мировой войны возникает новое политическое объединение, идейными вдохновителями которого явились все те же либеральные московские предприниматели. В связи с предвыборной кампанией по выборам в IV Государственную Думу в 1912 г. на смену

угасшей к тому времени «партии мирного обновления» пришла «внепартийная группа прогрессистов». Такое самоназвание приняли участники коалиции, в рамках которой консолидировались промежуточные между кадетами и октябристами либеральные элементы, поставившие целью содействовать «упрочению в России конституционного строя». Прогрессизм стал новым знаменем либеральных предпринимателей, отмежевавшихся от октябризма и стремившихся к консолидации буржуазного класса и его союзников из числа либеральной интеллигенции на новой платформе.

В программу образованной в конце 1912 г. партии прогрессистов были включены требования реформы государственного строя на основе конституционных норм, а именно: отмены положения об усиленной и чрезвычайной охране, устранения произвола административной власти и водворения в жизнь страны правового строя, отмены положения 3 июня 1907 г. о выборах в Государственную Думу с расширением прав народного представительства и др.²⁷

Сутью предложенной прогрессистами модели общественного развития являлось создание сильного правового государства и оптимально функционирующей системы рыночных отношений, проведение комплекса политических и социальных реформ, осуществление активной внешней политики, основным вектором которой должна была стать последовательная защита национальных интересов страны. Политический идеал прогрессистов сводился к конституционно-парламентскому монархическому режиму, основанному на четком разделении трех ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной), независимых друг от друга, но вместе с тем составляющих единую целостную систему правового государства.

Учитывая исторический опыт западноевропейских стран, успешно реализующих модель правового государства и рыночной экономики, прогрессисты предложили собственный национальный вариант экономиче-

ского развития страны, обнародованный на страницах газеты П.П.Рябушинского «Утро России». Теоретики прогрессизма считали, что в условиях капиталистической модернизации должны быть коренным образом изменены приоритеты между секторами экономики, между аграриями и промышленниками. Обращаясь к мировому опыту борьбы между дворянством и буржуазией за политическое господство, прогрессисты подчеркивали, что «вся история доказывает одно. Как только наметилась противоположность интересов между классом землевладельцев и классом торгово-промышленным, знамя прогресса никогда не переходило в лагерь землевладельцев». Отсюда делался практический вывод о том, что одной из главных задач «всех прогрессивных групп российского общества» должна стать борьба с «аграриями и аграрной идеологией», что «дворянину и буржуа нельзя уже стало вместе оставаться на плечах народа: одному из них приходится уходить»²⁸. По существу речь шла о провозглашении новой системы ценностей, в которой приоритетными становились создание рациональной частнопредпринимательской экономики и выделение центральной фигуры общественного прогресса в лице передовых и политически активных слоев торгово-промышленной буржуазии.

Насущной задачей оставалось объединение под знаменем прогрессизма как самого предпринимательского класса, так и всех оппозиционных самодержавию сил для того, чтобы заставить власть соблюдать провозглашенные ею конституционные нормы. Деятельность самой прогрессивной партии вращалась вокруг фракции прогрессистов в Думе. Широкой социальной базы прогрессисты, как и их предшественники – партии чисто буржуазной ориентации, не имели. Памятуя об уроках 1905 г., когда политическое движение буржуазии оказалось в изоляции, лидеры прогрессизма предприняли попытку блокироваться с политическими силами левее октябристов.

Весной 1914 г. по инициативе П.П.Рябушинского и А.И.Коновалова состоялся ряд совещаний прогрессистов

с представителями кадетов, левых октябристов, социалистов-революционеров и социал-демократов (большевиков и меньшевиков), которых рассчитывали использовать в качестве инструмента давления на власть. «Правительство, — пояснял Коновалов перспективы возможного союза, — обнаглело до такой степени, потому что не видит отпора... Но стоит только проявиться двум-трем эксцессам революционного характера, и оно немедленно проявит свою обычную безумную трусость». В планы революционных партий, разумеется, не входило содействие либералам в их противостоянии с правительством. Большевики согласились участвовать в совещаниях в расчете «прощупать» степень левизны либералов и, если удастся, выудить у них средства на подготовку очередного съезда РСДРП. Коновалов обещал им 20 тыс. руб., но после того, как леворадикальные партии в апреле 1914 г. устроили обструкцию кабинету И.Л.Горемыкина в Думе, а либералы их не поддержали, «коноваловская затея», как прозвали ее в левой среде, провалилась и не привела к желанному буржуазией объединению всей антисамодеятельной оппозиции²⁹.

Звездным часом «прогрессизма» и его лидеров из деловой среды стали годы Первой мировой войны. Лозунг национального единения перед лицом внешнего врага на время смягчил противоречия между властью и либерально-буржуазным лагерем. Однако поражения русской армии весной 1915 г. побудили бизнесменов-политиков к активным действиям. В мае 1915 г. на очередном торгово-промышленном съезде в Петрограде П.П.Рябушинский выступил с речью, послужившей толчком к военной мобилизации частной промышленности. Под воздействием этой речи съезд принял решение о создании особых органов мобилизации — военно-промышленных комитетов. Центральный комитет в Петрограде возглавили А.И.Гучков и А.И.Коновалов, деятельностью Московского военно-промышленного комитета, самого крупного после петроградского, заведовал сам Рябушинский³⁰. По-

мимо чисто экономической функции, комитеты стали и новым типом представительных организаций буржуазии, способствуя политической консолидации предпринимательских слоев.

С открытием в июле 1915 г. думской сессии разлад власти и либеральной общественности нарастал с каждым днем. Либеральные промышленники устами П.П.Рябушинского в те дни выражали надежду, что развитие событий вынудит правительство призвать «вышедшую из ученических годов буржуазию на царский высший совет», т.е. включить представителей либеральной оппозиции в состав правительственного кабинета. Однако надежды эти не оправдались. Обращения Московского военно-промышленного комитета в Петроград с требованием «немедленного призыва новых лиц, облеченных доверием страны, в Совет министров» остались без ответа, а в начале сентября 1915 г. Дума была царским указом распущена без назначения сроков новой сессии³¹.

Расчет тогда был сделан на политическое объединение предпринимателей в рамках единой всероссийской организации. В предвоенный период прогрессистам все же не удалось повести за собой массу торгово-промышленников, поскольку большинство продолжало скептически относиться к политическим партиям, предпочитая действовать в привычных рамках профессиональных организаций. Прежде всего это относилось к Совету съездов представителей промышленности и торговли, деятельность которого направляла группа влиятельных, но аполитичных петербургских предпринимателей. События войны сыграли роль катализатора политических амбиций буржуазии, однако из-за полицейских преследований приступить к практической реализации давней идеи всероссийского политического союза лидерам прогрессистов удалось уже после Февральской революции 1917 г.

Революцию в Петрограде либеральные предприниматели встретили восторженно как долгожданное избавление от бездарного «старого режима». Политические лиде-

ры делового мира России с самого начала почувствовали, что революция несет не только антисамодержавный, но и явно выраженный антикапиталистический заряд, как отражение чаяний измученных войной социальных низов, мечтавших о социалистическом «царстве свободы». Надеялись, правда, что активной агитацией и пропагандой удастся лишь массовое движение антибуржуазного запала. К тому же после Февраля осуществилось давнее желание либеральных политиков от бизнеса — создан Всероссийский Торгово-Промышленный союз, первая политическая организация предпринимателей общероссийского масштаба, во главе которой стал П.П.Рябушинский.

Лидер прогрессизма горячо отстаивал идею о преждевременности социализма для России, о предстоящем ей долгом пути развития частной инициативы. «Еще не настал момент думать, — говорил он на Первом съезде торгово-промышленного союза в марте 1917 г. в Москве, — что мы можем все изменить, отняв все у одних и передав другим, это является мечтой, которая лишь многое разрушит и приведет к серьезным затруднениям. Россия в этом отношении еще не подготовлена...»³². Однако историческая драма российской буржуазии заключалась именно в том, что народные низы не желали «подождать с социализмом», а предпринимательский слой был слишком тонок, чтобы предотвратить развитие событий по нежелательному для буржуазии пути.

Торгово-промышленный союз к лету 1917 г. объединял около 500 местных профессиональных союзов и обществ предпринимателей, и его создание стало очередным шагом в ходе политической консолидации буржуазного лагеря³³. В это время руководство союза в лице С.Н.Третьякова, предприняло попытку установить более тесные контакты с петроградскими представительными организациями (Совет съездов представителей промышленности и торговли и Совет съездов биржевой торговли и сельского хозяйства), остававшимися вне союза и претендовавшими на лидерство в политическом сплочении

буржуазного слоя. На состоявшейся в начале июня 1917 г. конференции представителей трех крупнейших организаций был поставлен вопрос о создании единого мощного и авторитетного органа, объединяющего все общероссийские организации торгово-промышленной буржуазии. Переговоры однако зашли в тупик из-за обоюдных амбиций петроградской и московской групп, претендовавших на лидерство в будущей организации. В конечном итоге стали проводиться заседания представителей трех организаций по конкретным вопросам³⁴.

Таким образом было достигнуто если не полное слияние, то фактическая координация деятельности трех ведущих предпринимательских союзов. Буржуазия после Февраля получила в свои руки и государственную власть: в первый состав Временного правительства вошли А.И.Гучков с портфелем военного министра и А.И.Коновалов как министр торговли и промышленности. Однако в период острого национального кризиса лета 1917 г. организационных мер и властных полномочий буржуазии все же оказалось недостаточно, чтобы предотвратить сползание страны в революцию. Июльское вооруженное выступление большевиков в Петрограде показало, что в обществе нарастает волна насилия, которую невозможно остановить мирными, легитимными способами. Политические лидеры предпринимательского класса в этот период делают ставку на генерала Л.Г.Корнилова, вокруг которого консолидируется основная часть либерального лагеря. Устами П.П.Рябушинского они заявляют, что «в целях защиты государства силе можно противопоставить только силу», субсидируют участников готовившегося путча³⁵. После подавления мятежа политики из мира бизнеса уходят в тень, уповая на грядущие выборы в Учредительное собрание. Выборы, впрочем, в очередной раз продемонстрировали непопулярность буржуазии среди основной массы избирателей: в Москве выступившие самостоятельной группой торгово-промышленники полу-

чили всего 0,3% голосов по сравнению с 48% у большевиков и 34% у кадетов³⁶.

Осмысливая в эмиграции причины новой «русской смуты», П.П.Рябушинский писал в 1920 г.: «Многие из нас давно предчувствовали катастрофу, которая теперь потрясает всю Европу, мы понимали роковую неизбежность внутреннего потрясения в России, но мы ошиблись в оценке размаха событий и их глубины, и вместе с нами ошибся весь мир. Русская буржуазия, численно слабая, не в состоянии была выступить в ответственный момент той регулирующей силой, которая помешала бы событиям идти по неверному пути... Вся обстановка прошлого не способствовала нашему объединению, и в наступивший роковой момент стихийная волна жизни перекатилась через всех нас, смяла, размела и разбила»³⁷.

Тем не менее, несмотря на это горькое признание, представляется, что в исторически малый срок, в условиях полицейского преследования со стороны абсолютистского режима, российская буржуазия существенно продвинулась по пути политической консолидации. Основным вектором этого движения стал постепенный сдвиг влево от октябризма к прогрессизму, а роль лидера взяла на себя так называемая «молодая группа» московских капиталистов во главе с П.П.Рябушинским и А.И.Коноваловым. Несмотря на их постоянное соперничество за лидерство с петербургской группой, опиравшейся на представительные экономические организации, тенденция к политическому единению на платформе прогрессизма все же брала верх над «фракционностью», особенно под влиянием таких мощных факторов, как мировая война и Февральская революция. В политической эволюции российского предпринимательского мира начала XX в., на наш взгляд, консолидация, объединение усилий превалировала над «фрагментацией» и политическим дроблением. Историческое поражение российской буржуазии в 1917 г. было обусловлено не столько внутренней ее слабостью и культурной и политической неразвито-

стью, как то подчеркивала советская историография, сколько объективными условиями (незавершенность буржуазных реформ, отсутствие гражданского общества, слишком тонкий «средний класс» общества), которые предприниматели не в силах были изменить.

-
- ¹ См.: *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 127.
 - ² О политических и экономических объединениях предпринимателей в период революции 1905–1907 гг. см.: *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970; *Лаверычев В.Я.* По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967; *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987.
 - ³ Riber A. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapell Hill (N.C.), 1982. P. 423, 426.
 - ⁴ См.: *Черменский Е.Д.* Указ. соч.; *Лаверычев В.Я.* По ту сторону баррикад; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. 1914–1917. Л., 1967; *Он же.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; и др.
 - ⁵ См.: *Боханов А.Н.* Крупная буржуазия России. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1992.
 - ⁶ См.: *Лаверычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861–1900. М., 1974; *Owen Thc.* Capitalism and Politics in Russia. A Social History of the Moscow Merchants, 1855–1905. Cambr. Univ. Press, 1981.
 - ⁷ Цит. по: *Рейхардт В.* Партийные группировки и «представительство интересов» крупного капитала в 1905–1906 гг. // Красная летопись. 1930. № 6 (39). С. 15–16.
 - ⁸ О Съезде 4–6 июля 1905 г. см.: *Лаверычев В.Я.* По ту сторону баррикад. С. 34–40; Центральный Исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 16. Оп. 95. Д. 69. Л. 16–17; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102 (ДП 00). 1905 г. II отд. Д. 999. Ч. 44. Л. 4–6, 10–11, 13, 16–19, 26–28, 40–46.
 - ⁹ ГАРФ. Ф. 102 (ДП 00). 1905 г. II отд. Д. 999. Ч. 44. Л. 23–24.
 - ¹⁰ См.: *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. С. 74–97.
 - ¹¹ Цит. по: *Черменский Е.Д.* Указ. соч. М., 1970. С. 188.
 - ¹² См.: *Иванович В.* Российские партии, союзы и лиги. Сборник программ, уставов и справочных сведений. СПб., 1906. С. 25–27.
 - ¹³ Там же. С. 75–77.
 - ¹⁴ Цит. по: *Сеф С.Е.* Буржуазия в 1905 году. М., 1926. С. 93.
 - ¹⁵ См.: *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С. 191.
 - ¹⁶ Там же. С. 210.

- 17 Цит. по: *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1917 г.). М., 1977. С. 146.
- 18 Цит. по: Общественное движение в России в начале XX в. Т. 3. Кн. 5. СПб., 1914. С. 169.
- 19 Подр. см.: *Петров Ю.А.* «Третье сословие»: вхождение в политику // Полис. Политические исследования. 1993. № 3. С. 176-180.
- 20 Там же. С. 180.
- 21 О Гучкове подр. см.: *Боханов А.Н.* А.И.Гучков // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 79-111.
- 22 О партии октябристов в 1905—1907 гг. см.: *Шелохаев В.В.* Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987; *Октябристы* // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 108-128.
- 23 О П.П.Рябушинском и его «кружке» подр. см.: *West J.* The Rjabushinskij Circle: Russian Industrialists in Search of a Bourgeoisie, 1909—1914 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 32 (1982); *Петров Ю.А.* П.П.Рябушинский // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 112-152.
- 24 Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. Т. I. 1905—1907 гг. М., 1996. С. 45-54.
- 25 Утро России. 1910. 18 мая.
- 26 Подр. о партии «мирного обновления» см.: *Шевырин В.М.* Мирнообновленцы // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С. 25-38.
- 27 О программных требованиях прогрессистов подр. см.: *Шелохаев В.В.* Прогрессисты // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С. 39-59.
- 28 Утро России. 1910. 16 мая.
- 29 О «коноваловской затее» подр. см.: Исторический архив. 1959. № 2. С. 13-14; *Лаверычев В.Я.* По ту сторону баррикад. С. 103-104.
- 30 ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 571. Л. 53-56.
- 31 ГАРФ. Ф. 102 (ДП 00). 1915 г. Д. 343 зс. Т. I. Л. 161-161 об.
- 32 См.: Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве 19-22 марта 1917 г. М., 1918. С. 7-19.
- 33 См.: *Лаверычев В.Я.* По ту сторону баррикад. С. 186.
- 34 Там же. С. 186-188.
- 35 См.: *Лаверычев В.Я.* Русские монополисты и заговор Корнилова // Вопросы истории. 1964. № 4.
- 36 См.: *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976. С. 291, 358.
- 37 См.: Совещание русских торгово-промышленных деятелей в Константинополе. Информационный бюллетень. Ноябрь 1920. С. 1-2.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

В.Я.Гросул:

В докладе речь шла в основном о столичных предпринимателях, о предпринимателях Москвы и Петербурга. А какова была политическая позиция и удельный вес буржуазии, допустим, на губернском уровне? В чем отличие буржуазии губерний от буржуазии Москвы и Петербурга в политическом плане?

Ю.А.Петров:

Различия эти несколько условны, потому что фабрика у предпринимателя была в Костромской губернии, а жил он в Москве. Какой он фабрикант — московский или костромской? Кстати, в Думу Коновалов избирался от Костромской губернии, то есть можно сказать, что это провинциальный фабрикант, но на самом деле, конечно, он столичный. Особенность в том, что то серое купечество — елецкое, ржевское и прочее, которое сидело в уездах, в небольших городах, ориентировалось на фигуры Гучкова, Рябушинского, Коновалова. В массе численно преобладали достаточно серые слои, но политическими, идейными лидерами, которые вели за собой массы, были, конечно, столичные предприниматели, и их влияние обратно пропорционально их численности. Это был небольшой кружок, но его воздействие увеличивалось с помощью прессы («Утро России»), с помощью таких организаций, как Всероссийский торгово-промышленный союз, созданный в феврале 1917 г., которую возглавил Рябушинский. В этот союз весной 1917 г. входило более 300 предпринимательских организаций провинции.

Ю.А.Тихонов:

Вы считаете, что в 17-м году буржуазия пришла к власти. В то же время привели факты: Коновалов уже в

мае вышел в отставку, Рябушинский заявил, что его и раньше преследовали, и теперь. В чем тут дело?

Ю.А.Петров:

Я имел в виду, что она пришла к власти в феврале. Действительно, в первый состав кабинета Львова вошли и Гучков, и Коновалов. Но, мне кажется, надо учитывать внутреннюю эволюцию Временного правительства. От кадетской ориентации оно все более переходило к эсеровской, и приход Керенского вместо Львова обозначил тот рубеж, после которого либеральная буржуазия чувствовала себя во Временном правительстве дискомфортно. Они напрочь не воспринимали Чернова как министра земледелия, а условием своего вхождения в правительство ставили отставку Чернова. Однако Керенский на это не пошел. Тем самым за время с февраля по июль 1917 г. в самом правительстве происходила та подвижка «влево», которая создавала менее благоприятную обстановку для предпринимателей. Объективный процесс социализации страны отражался и на составе правительства. Оно стало менее буржуазным.

Я.Н.Шапов:

Вы говорили, что буржуазия получила власть только в феврале 17-го года. С 1905 г. прошло 12 лет. Почему же она сочла возможным не брать власть, не завоевывать ее своими способами, а ждать, когда два года войны приведут к кризису, когда император откажется от своей власти, и только тогда новая буржуазия смогла взять власть в свои руки?

Конечно, в 1905 г. они еще были молодыми людьми. Почему же все так растянулось и почему все сосредоточилось на времени, когда не только буржуазия почувствовала свою силу, но и радикальные круги России тоже почувствовали возможность организовать борьбу с этой буржуазией, так и не пришедшей к власти? Почему все это так затянулось в России?

Ю.А.Петров:

Причина, по-моему, в абсолютистском режиме. Либеральные предприниматели не были подпольщиками, и тем не менее находились под «колпаком» полиции. В Департаменте полиции есть целое досье на либералов, на либеральных предпринимателей. У каждого была даже кличка, которую давали филеры. У Рябушинского была кличка «Кошелек», у Коновалова – «Краб» (он был несколько медлительный по натуре). Когда Рябушинский в декабре 1916 г. организовал у себя в доме, на Пречистенском бульваре, где сейчас находится Российский Фонд культуры, частное совещание представителей биржевых обществ, об этом сразу же стало известно полиции. К нему явился жандармский полковник, собрал визитки присутствующих и предложил им разойтись.

Попытки выйти на левые партии, заключить союз с ними, о которых я упоминал, отражали стремление создать реальный рычаг давления. Были у них и кое-какие тайные планы, связанные с великим князем Николаем Николаевичем, со смещением Николая II, но дальше разговоров дело не пошло.

Реальный фактор, на который они рассчитывали – это создание массовой опоры либерального движения. Но и здесь им связывал руки режим, который разгонял «рабочие группы» при военно-промышленных комитетах. Правительство видело в деятельности либералов попытку перехватить власть и всячески парализовывало их активность.

Поэтому в условиях полицейского режима, если бы не Февральская революция, могло пройти еще 10 и 15 лет, и ситуация существенно не изменилась, буржуазия оставалась бы в безвластной оппозиции.

С.В.Тютюкин:

Как вам представляются новые подходы к проблеме взаимоотношений между трудом и капиталом в России по контрасту с традиционным, имеющим уже обширную историографию старым марксистским подходом?

Второй вопрос. Есть ли возможность в самом грубом виде определить удельный вес новой формации российской буржуазии, о которой шла речь, в общей массе предпринимательского класса или пока мы обречены оперировать самыми расплывчатыми терминами, не пытаясь их конкретизировать?

Ю.А.Петров:

Я уже говорил, что проблема заключается даже не в том, сколько их было. Вообще таких политических лидеров, как, например, Коновалов, никогда не бывает много. О нем даже Милюков отзывался, как о чрезвычайно умном человеке, которых немного в его партии. Может быть, дело все-таки не в их численности, а в том, каким влиянием они обладали. А влияние, несомненно, было, и весьма существенное.

Безусловно, нужно новое исследование в области отношений труда и капитала. Не все так однозначно, как изображалось в прежней историографии, где положение пролетариата все время ухудшалось, а эксплуатация росла. Конечно, эксплуатация имела место, но нужно по-новому посмотреть на эти вещи, на эволюцию политики предпринимателей от патриархального покровительства к либеральным социальным программам. Новый вектор исследований, связанный с именами таких деятелей, как Коновалов, создавший при своей фабрике целую социальную инфраструктуру, мне кажется, был бы сейчас крайне необходим. У нас есть прекрасная школа историков рабочего класса, но, к сожалению, пока никто этой проблемой — предприниматели и рабочий класс — в новом, постмарксистском направлении не занялся.

В.А.Кучкин:

Относительно труда и капитала. Норма прибыли капиталиста и фонд заработной платы. Есть или нет у Вас такие соотношения? Известно, что во всей Европе, например, 87,5% шло в пользу капиталиста, 12,5% шло на

заработную плату, и рабочий класс Европы на протяжении XIX в. испытывал жестокий гнет. Вопрос заключается вот в чем: из 87,5% прибыли сколько шло на переоборудование, на новую технику?

Второй вопрос. Государство и предпринимательство. Какие налоги должны были платить капиталисты государству и как это зависело от развития производства? Поощрялось ли, например, производство новой техники, что делается в современных западных обществах?

Еще вопрос о юридических отношениях между рабочим классом и предпринимательством. Как это регулировалось правительством и предпринимателями? Относительно 8-ми часового рабочего дня: наша буржуазия выступала против этого. Как это обстояло конкретно?

И еще. Как на рубеже столетий новая буржуазия входила в европейские или азиатские структуры? Россия продвигалась на восточные, отчасти на восточноевропейские, отчасти и на западные рынки. Например, Елисеев. Если вы говорите, что Рябушинский был не только предпринимателем, но и финансистом, входил в структуры банков России, в структуры международных банков, то каким образом правительство влияло на это? Поощряло, срывало доступ и т.д.? Не видите ли вы здесь в чисто житейских экономических отношениях разного рода противоречия, которые приводили к тому, что преследовали людей, которые занимались либеральной деятельностью.

А. Н. Сахаров:

Я с большим интересом выслушал Ваши слова о том, что в Вичуге Коновалов проводил новую социальную политику. Это были зачатки той социальной политики, которую в начале века и особенно активно в 20-е — 30-е гг. вели западные предприниматели и западные правительства. Мы называли это чаще всего созданием рабочей аристократии.

Мне представляется, что линия, начатая в России, у нас практически не была завершена, но была активно

внедрена в Европе, что и укрепило социал-демократию. Насколько эта линия была перспективна в России, в русских условиях? Как это могло повлиять на взаимоотношения пролетариата и буржуазии?

В связи с этим у меня еще один вопрос. Как вы относитесь к такому понятию, что профессиональный рабочий — это не пролетариат, это «средний класс»? Когда в Европе и в Америке маргиналы, так называемые пролетарии XIX в. стали профессионалами в промышленности, стали «средним классом», стали обладателями коттеджей, автомобилей, то на этом социальные проблемы переустройства мира на путях катаклизмов для Европы и Америки закончились.

Не кажется ли опыт Коновалова перспективным, органичным для России? Или это была жалкая попытка копировать западноевропейские тенденции, закончившаяся полнейшим провалом в тех условиях?

Ю.А.Петров:

В тех домах, которые Коновалов строил для рабочих, не было ванн, но бани были. Он тратил очень много из средств своей фирмы на социальную сферу, как сейчас говорят. Было ли это перспективно? Конечно. Если бы таких Коноваловых было в России побольше, то и революции бы не произошло. Пролетариат кончается там, где есть дом, очаг, постоянный нормальный доход, человеческие условия жизни. Это действительно уже не пролетариат, и, собственно, сама идея, кредо Коновалова заключалось в том, чтобы сделать рабочий класс не противником государства, а его опорой, хребтом, а для этого, как он считал, нужно развивать социальные программы.

Я не вижу здесь ничего утопического. Для России это вполне реальная программа. Думаю, что если бы не события 17-го года линия на «капитализм с человеческим лицом» в России возобладала бы. Вы совершенно правы, что западные страны усвоили уроки Октябрьской революции очень хорошо. Они поняли, что надо создать тот

слой в государстве, который бы не строил баррикады, а ходил голосовать и жил в сносных условиях. Так что это прямое влияние русских событий на мировую историю.

Теперь о вопросах В.А.Кучкина. Проценты нормы прибыли и фонда заработной платы, соотношение их в России по памяти я привести не смогу. Но есть хорошая книга Н.А.Ивановой «Промышленность Центральной России в начале XX века». Она считала эти нормы, и получалось так, что процент общих расходов на фонд заработной платы был не так уж мал.

Налоги. Вообще говоря, для предпринимателей дореволюционная Россия была страной благоприятной. Налоги платили несколько, но все они были относительно небольшие. Был налог на основной капитал, налог на прибыль, но не было, пожалуй, главного налога – подоходного. Его приняли только в 1916 г. и не успели толком реализовать до 17-го г. То есть уровень налогов в России не сдерживал предпринимательской инициативы.

О рабочем времени – по закону 1897 г., который действовал в России до революции, рабочий день официально был не более 11,5 часов, что не превышало европейские нормы. Поэтому 8-часовой рабочий день был пределом мечтаний русского рабочего.

О выходе на международную арену русских предпринимателей. Это то, что мы раньше называли экспортом товаров и капитала. Да, он имел место, но, за исключением хлебов, в относительно малых масштабах. Ближайшей ареной экономического воздействия были южные, западные и особенно восточные границы империи. Были попытки вывозить ткани на Балканы (Сербия, Болгария). В Иране (Персии) сбыт русских товаров (мануфактура, сахар) был довольно значительным. И в начале XX в. очень привлекал отечественных промышленников и торговцев район Дальнего Востока – Маньчжурия, Монголия. Туда устраивались специальные экспедиции на деньги предпринимателей, изучались рынки, вывозили туда русские товары, изучали спрос.

Экспорт капитала тоже развивался, но, конечно, в несравнимо меньших объемах по сравнению с теми инвестициями, которые Россия привлекала с Запада. В Россию ввозили капитала гораздо больше, чем вывозили за пределы империи. Внешняя торговля была в основном в руках частных предпринимателей. У Рябушинских был план насыщения европейского рынка русскими сырьевыми товарами: мировая война привела к разрушению Европы, после ее окончания начнется восстановление, большое строительство, и русский лес станет основным строительным материалом. Лес должен стать источником золота для России. Второе — лен, в производстве которого Россия являлась монополистом в Европе. Вся европейская льняная промышленность работала на русском льне. И третье — нефть, по поводу которой они уже поняли, что это очень важная вещь, начали первые разведки на Печоре, в районе Ухты, там, где сейчас действительно открыто и разрабатывается большое месторождение.

Дореволюционные предприниматели были людьми практическими и дальновидными, в том числе с точки зрения общенациональных интересов.

К.Ф. Шацлло:

Я с большим интересом выслушал доклад и хотел бы с научной точки зрения высоко его оценить.

Буквально со студенческих лет у нас сложился определенный стереотип — буржуа и передового рабочего, который идет во главе всего освободительного движения. И с этими стереотипами очень трудно справиться. Много лет тому назад Ю.И. Кирьянов защитил докторскую диссертацию о положении рабочих в России в XX в., где он на основании многочисленных скрупулезных данных однозначно показал, что материальное положение рабочих до мировой войны не ухудшалось, а улучшалось, но вместе с тем увеличился разрыв между тем, что рабочие получали, и их требованиями. Это и вызывало социальную напряженность, а вовсе не абсолютное обнищание,

одичание, о котором говорили мы и наши учителя. Они постоянно показывали нам фотографии, как саночники в шахте на себе тащат на четвереньках уголь и т.д., показывали нам изможденных, оборванных рабочих. Это все, увы, не соответствовало историческим реалиям, и новый подход как раз и должен заключаться в том, чтобы отказаться от старых стереотипов и, не переходя к новым стереотипам, посмотреть: а как же реально все это обстояло.

Доклад Юрия Александровича — это явный шаг вперед по сравнению с нашими прежними представлениями. Разговор о русской сверхприбыли, которую якобы получали русские предприниматели, — не совсем справедлив. Сверхприбыль получали только на выгодных казенных заказах, прежде всего на военных заказах а то, что производилось на широкий спрос, сверхприбыли не приносило. Поэтому проводить социальную широкую политику русские буржуа могли только в тех случаях, если для этого имелись соответствующие средства. Вместе с тем такая социальная политика, бесспорно, велась. Я точно установил, что рабочие судостроительных частных заводов получали заработную плату значительно большую, чем рабочие на казенных судостроительных заводах. Правда, там были детские садики, была государственная пенсия, лечебница, даже казенная церковь. Однако рабочие сплошь и рядом с казенных заводов предпочитали уходить на частные, потому что там они получали гораздо большую заработную плату.

Стремилась ли буржуазия к власти? Почему у нас возникает якобы новое представление о том, что буржуазия только вредила своей оппозиционной деятельностью. Ей ставят в вину то, что она раскачивала корабль самодержавия, а не поддерживала его. Это направление имеет очень долгую историю. Появилось оно еще за рубежом. В.А.Маклаков, написавший три тома «Власть и общественность на закате старой России», обвинял либералов в том, что они не оказали поддержки правительству — царскому, самодержавному правительству, и поэтому

правительство, оказавшееся в вакууме и не имея под собой социальной опоры, было вынуждено уступить в октябре 1905 г. Образовались политические партии — и пошла писать губерния...

Давайте будем реально смотреть, сколько было большевиков, сколько было эсеров. Да вряд ли их было уж так много, чтобы они могли повести за собой массы без соответствующей подготовки этих масс к активным массовым выступлениям. К этому подвела только война, и подвела как раз не к либеральным выступлениям масс, а к революционным, хотя, естественно, были 1905—1907 гг., со своими причинами, которые привели к активному выступлению народа. В конце концов народ действительно является той силой, которая меняет структуру, но в том случае, когда эти структуры (политические, социальные), сами не желают меняться. А самодержавие как раз принадлежало к такому типу структуры, которая начисто отвергала самосовершенствование, самореформирование. Но были ли какие-то признаки того, что времена меняются и что уступать все-таки придется? Да, были. На мой взгляд, эти признаки нельзя искать ни в деятельности фракций в Государственной Думе, потому что там они действительно не очень активно действовали, ни исследуя партийные фонды октябристов и кадетов, потому что там мы ничего не найдем по одной причине: эти партии действовали точно так же, как действуют и сейчас в любой развитой стране политические либеральные партии. Идет избирательная кампания, появляются вокруг нее сторонники и противники различных политических партий, идет активизация политической и общественной деятельности. Кончилась избирательная кампания — и на 4 или 5 лет (в разных странах по-разному) все затихает. Так происходит во всех странах, во всех либеральных партиях. Это не большевистские партии нового типа со строгим членством, которые функционируют независимо от выборов в Думу.

Какова социальная опора нового предпринимательства, нового предпринимателя? Довольно широкая. Я хочу напомнить, что только за 6 лет, с 1890 по 1895 г. Департамент полиции зафиксировал в России более 2100 новых общественных организаций. Конечно, среди них были разные организации, были организации охотников и рыбаков, которые в оппозицию не вступали. Но были и довольно активно действующие в либеральном духе общественные организации. Так что ограничившись только изучением фракций и политических партий, мы не получим представление о том разлитом в обществе либерализме, который и являлся будущей опорой для новых предпринимателей, предпринимателей нового типа.

Почему не произошло перехода власти к либералам, к новой буржуазии? Потому что его практически не могло произойти мирным путем в 1917 г. Война настолько озлобила население, настолько довела его до революционной, так сказать, кондиции, что ничего нельзя было сделать, кроме тех революционных мер, которые пыталось предпринять Временное правительство в социалистическом составе. Но и оно ничего сделать не могло.

Вы помните, что Ленин высмеивал решение Временного правительства. Этим правительством была высказана точка зрения, что «мы возьмем 100 процентов прибыли с этих эксплуататоров». Ленин объяснял, что это чушь, что нельзя отдать 100% прибыли, потому что нужно оставить для развития промышленности, в самом предприятии.

Однако даже еще не большевистские, а леворадикальные правители во Временном правительстве выступали с такими предложениями. Можно было в этих условиях обеспечить нормальное развитие промышленности, деятельность хотя бы таких самых радикально настроенных представителей новой буржуазии? Конечно, нет.

То, что произошло с Россией в 1917 г., к сожалению, никто предвидеть не мог. Может быть, за исключением П.Н.Дурново, который говорил в своих записках, что путь к мировой войне — это полустанок на пути к рево-

люции. Россия проскочит этот полустанок и обязательно произойдет революция. Этого предвидеть не могли, тем более, что надеялись на победу, а победителей не судят. Поэтому царь так упорно настаивал на продолжении войны, ему казалось, что вот-вот придет победа, Германия будет побеждена, и тогда уже все будет в порядке.

Я уверен в том, что причиной революции была абсолютная неуступчивость старого режима и всех его институтов, когда даже в Москве группа самых благонадежных людей собралась организовать Астрономическое общество, Трепов написал письмо генерал-губернатору Сергею Александровичу: «Возражаю. Сейчас-то они все благонадежны, а через год их состав может измениться и они могут выступить против самодержавия»... Ну как в этих условиях можно было существовать?! Конечно, нельзя было! Должен был самореформироваться режим. А если он этого не сделал, то у него был только один путь — путь революционного слома.

Я.Н. Шапов:

Доклад очень интересен, своевременен и отвечает на многие вопросы, многое подтверждает из того, что мы знали — относительно пассивности, слабости русской буржуазии. К сожалению, это действительно получилось так. Мне хотелось обратить внимание на один вопрос, который не прозвучал в докладе. Те деятели буржуазии, которые активно действовали молодыми людьми в начале XX в. так прогрессивно себя вели, предлагали новые решения не только на уровне России, но на своих собственных фабриках, заводах при решении социальных вопросов, не были первым поколением предпринимателей. К этому времени русские предприниматели уже прошли школу. Был пройден период первоначального накопления не только для промышленности вообще, но для каждого из этих торговых домов, промышленных предприятий. Деда — основатели не занимались политической, они собирали деньги, эксплуатировали рабочих по

12 и более часов. Сыновья уже пользовались этим. Сыновья иногда транжирили деньги в Монако, в Биаррице, в других местах. Для того, чтобы получить университетское образование, для того чтобы получить образование в привилегированных учреждениях вроде Практической академии коммерческих наук, нужно было иметь средства. Такие средства у них уже были. Они получили европейское образование, знали языки, читали западноевропейскую литературу. Хотя некоторые из них были старообрядцами, но это были старообрядцы нового поколения. Поэтому говорить о них как о «новых русских» нельзя. «Новые русские» — это те, которые приходят из маргинальных слоев. Сейчас другая эпоха. Поэтому нужно учитывать это обстоятельство, когда мы анализируем возможности политической деятельности русских предпринимателей начала XX в.

С.В. Тютюкин:

Доклад чрезвычайно интересен. Он сделан в подкупающей научной манере приглашения к размышлению, спокойно, без ненужного пафоса, без лозунгов.

По материалам доклада было бы очень полезно в нашем журнале опубликовать тезисы по самым разным аспектам проблемы российского предпринимательства.

Хотелось бы высказать в виде рабочей гипотезы некоторые новые положения, новые суждения по всем затронутым проблемам. В прежней литературе дело представлялось таким образом, что все уступки, на которые шли предприниматели по отношению к рабочим, являлись лишь результатом классовой борьбы. Такой подход, который до сих пор господствует в нашей историографии, с научной точки зрения не может нас сегодня удовлетворить, потому что сама политика буржуазии по рабочему вопросу была гораздо более многоцветной, многогранной. В ней задействованы и определенные морально-этические факторы. Пора уже проститься с представлениями о русском буржуа как о хищном звере, который

только и делает, что пьет кровь из рабочих. Были и определенные религиозные сдерживающие мотивы, особенно той части буржуазии, которая вышла из старообрядческих кругов.

Русская буржуазия уже так или иначе знакоилась с западным опытом, с его основным положением — прежде, чем получать прибыль, нужно создать для рабочих минимум элементарных человеческих условий. И сам факт научно-технического прогресса тоже создавал определенные возможности для того, чтобы улучшать положение рабочих. Проблема выглядит гораздо более сложной, чем она представлялась раньше.

Вероятно, пора проститься с представлениями о том, что русская буржуазия была баснословно, сказочно богата, что это были все один к одному «денежные мешки» огромной величины, и дело только в том, что они по своей темноте, по своему упрямству и по своей жадности никак не хотели делиться. Проблема эта тоже сложнее. В связи с этим встает вопрос о том, что русская буржуазия эволюционировала, что она была весьма неоднородна, и поэтому когда мы оперируем громкими совокупными терминами — «пролетариат», «буржуазия», «помещики», то мы рискуем не приближаться к исторической истине, а ее просто-напросто затемнять.

Сегодняшний доклад представляет собой живое свидетельство наступления какого-то нового этапа. Будем надеяться, что он будет плодотворным. Нужно только отдавать себе отчет в том, что нельзя рассчитывать на получение сенсационных и быстрых результатов, которые в один день перевернут все наши представления. Здесь надо многое просчитывать, надо вновь обращаться к первоисточникам, к документам, и только после этого мы получим адекватное действительности представление.

Ю. А. Петров:

Очень хорошая идея — изучить опыт социальных программ Западной Европы в сравнительном преломле-

нии с Россией. Нам не хватает такой компаративистики. Мы зачастую плохо представляем, что происходило за границами Российской империи. Сравнительное исследование российской и европейской буржуазии — это одно из будущих направлений, которое нужно развивать очень активно.

Предприниматели, о которых шла речь, разумеется, представляли не первое поколение буржуазии. Родоначальники действительно были иными людьми, перед которыми стояла главная задача — создать капитал. В России можно было разбогатеть двумя способами — или быстро, или честно. Если честно, то это, как правило, долго. Обычно первое и второе поколение купеческих династий тратило на накопление всю жизнь, и так было не только в России. И лишь третье поколение, европейски образованное, о котором шла речь в докладе, поднялось до высот цивилизованного бизнеса и активного участия в политической жизни.

Перерастание из грубого, серого мужика-купца в бизнесмена, потом — в интеллигенцию представляет общее явление эволюции российского делового класса. В третьем поколении купцы становятся политиками, а в четвертом — это уже интеллигенция (Станиславский, например, или Николай Вавилов). Эту эволюцию надо учитывать, если мы хотим понять перспективы российской дореволюционной буржуазии. Мы должны иметь в виду, что и политики, и интеллигенты из буржуазии представляли в начале XX в. культурную элиту России, и не их вина, что события в стране лишили этот социальный слой исторического будущего.

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ
АКАДЕМИИ НАУК.
(К 275-летию юбилею РАН)***

История Академии наук неотделима от истории отечественной науки и культуры, велик ее вклад в развитие российской экономики. От этапа к этапу менялись направления и характер работы Академии, расширялся круг исследовательских задач, рос ее научный потенциал. Российские ученые вносили все более возрастающий вклад в развитие отечественной и мировой научной мысли, виднейшие представители отечественной науки входили в состав действительных членов Академии наук во все времена ее истории.

Выдающийся русский естествоиспытатель и историк науки академик В.И.Вернадский еще в канун первой мировой войны в созданных им очерках по истории науки в России отмечал такие ее характерные черты, как непрерывность научного творчества в России с начала XVIII в., неразрывная связь научного творчества и научного образования, определяя научное творчество как часть национальной культуры, единство процессов развития научной мысли, общеобязательность научных результатов. Констатируя это, В.И.Вернадский с грустью отмечал: «История Академии наук не только не написана, она неосознана русским обществом»¹. Этот вывод может быть повторен и сегодня.

Завершается XX век — век мировых войн, социальных потрясений и научно-технического прогресса. Академический юбилей является хорошим поводом, чтобы приступить к подведению его итогов. И это уже делается. В первом номере журнала «Вопросы истории естествознания и техники» за 1999 г. главный ученый секретарь

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 20 мая 1999 г.

РАН академик Н.А.Платэ в юбилейной статье, отвечая на вопрос: «Что дала России Академия наук?», выделяет следующие моменты — формирование отечественного научного сообщества; создание национальной системы образования; исследование, освоение и развитие производительных сил России; превращение самой науки в одну из важнейших производительных сил общества; роль в укреплении обороноспособности и национальной безопасности; участие в государственном строительстве. Кроме того, Н.А.Платэ отмечает роль Академии наук как центра национальной духовно-интеллектуальной культуры и роль в развитии мировой культуры и цивилизации².

Полагаю, что к числу характерных черт истории Академии наук следует отнести роль субъективного фактора в ее организации и деятельности и неразрывную связь истории науки в России с изменчивой государственной политикой. Взаимоотношения государственной бюрократии и Академии наук, как одного из установлений Российского государства, являются важной, практически не исследованной исторической проблемой. Первые статьи и сборники, посвященные таким важным темам, как «наука и власть» и «репрессированная наука» рассматриваются пока лишь на материале, отражающем положение в отдельных отраслях науки, прежде всего в биологии, особенно в генетике, геологии, кибернетике и т.п., или в биографиях пострадавших деятелей науки. Но чиновничество и научное сообщество — это два разных мира.

При всей плодотворной деятельности научных учреждений РАН и ее сотрудников, их реального вклада в разработку практически всех областей знания и передовой технологии, следует признать, что имеется область исследований, которая, к сожалению, разработана весьма слабо, — это история самой Российской Академии наук.

В течение XX в. было предпринято несколько попыток разработки истории Академии наук. Остались незавершенными проект создания истории Академии к 1914 г.— к 25-летию президентства великого князя Кон-

стантина Константиновича, результат деятельности в 1917–1919 гг. под руководством академика А.С.Лаппо-Данилевского комиссии РАН «Русская наука», ставивший целью показать, «что внесено русскою наукою в общую сокровищницу знаний»³. В 1945 г. к 220-летию и в 1974 г. к 250-летию основания АН были подготовлены лишь краткие очерки ее истории. Попытка создания 3-томной истории Академии наук была отмечена выходом в 1958 и 1964-м 2-х томов по дореволюционному периоду, а усилия по завершению 3-го, касающегося советского времени, оказались бесплодными. Причина тому — идеологический диктат правящей партии, насаждение чрезмерной секретности и отсутствие доступа к архивным материалам. Эти обстоятельства наложили отпечаток на характер изложения истории АН в двух вышедших томах.

Историко-научные исследования велись и ведутся главным образом специалистами по истории естествознания и техники. Ими активно занимаются философы и социологи. Но абсолютное большинство их работ посвящено лишь развитию специального знания, а также общетеоретическим и методологическим проблемам развития науки. В них до самого последнего времени практически обходились острые проблемы социальной истории науки, истории взаимоотношений науки и общества. Именно поэтому открывшиеся в начале 1990-х гг. возможности принципиально новых подходов к изучению истории науки и ликвидации «белых пятен» привели лишь к трансформации историко-научных исследований и к появлению значительного количества работ, освещающих проблемы «репрессированной науки» и «русского зарубежья». Реализация же насущных потребностей изучения объективного процесса истории науки в России связана с необходимостью решительного углубления исследований на основе нового архивного материала.

Богатейшие возможности вновь открытых архивов позволяют ввести в научный оборот новые источники, упоминание о которых еще несколько лет назад было под запретом.

Наука в России всегда находилась под контролем государства и поэтому разработка ее истории без широкого использования государственных и бывших партийных архивов не могла увенчаться успехом.

В связи с подготовкой к 275-летию юбилею Академия наук и Федеральная архивная служба приступили к подготовке тематической публикации «Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС», в которой предполагается опубликовать все решения по вопросам деятельности Академии и ее членов со всеми исходными материалами вплоть до 1991 г. Первый том, охватывающий сталинский период — с мая 1922 г. до начала 1953 г. уже находится в производстве.

Одной из важнейших причин слабости разработки историками проблем истории отечественной науки является полное отсутствие соответствующей специализации на исторических факультетах российских университетов. Если на философских факультетах имеются специализации по теоретическим и методологическим проблемам научного знания, а на ряде естественно-технических факультетов читаются курсы по истории соответствующих отраслей, то подобных курсов на исторических факультетах практически нет. Созданная в начале 90-х гг. кафедра истории науки в РГГУ по существу дублирует программу философского факультета и ведет лишь один самостоятельный курс, имеющий странное название «кентавристика», который ведет Даниил Данин. Мне не известно, чтобы там читались курсы историографии или источниковедения истории науки. Историкам за годы советской власти с момента восстановления исторических факультетов рекомендовалось заниматься лишь историей своей науки. Они были отстранены от историко-научных исследований и это является одной из причин весьма значительного количества вопросов, накопившихся по истории Академии наук.

За годы советской власти трижды отмечались академические юбилеи: 200-летие — сентябрь 1925 г. (торжественные заседания 6 сентября в Ленинграде и

11 сентября в Москве), в связи с этим юбилеем Российская Академия наук (это название она носила с марта 1917 г.) постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1925 г. была переименована в Академию наук Союза Советских Социалистических Республик; 220-летие — июнь 1945 г. (торжественные заседания 16-17 июня в Москве и 25-28 июня в Ленинграде) и памятный многим из нас 250-летний юбилей в октябре 1975 г. (торжественные заседания 7 октября в Москве и 10 октября в Ленинграде). Ни один из этих юбилеев XX в. не был связан с академическими традициями, они полностью определялись волюнтаристскими, чисто политическими решениями партии и правительства. Отсюда вопрос о дате основания Академии.

Все помнят дату основания Московского университета — 25 января 1755 г. — «Татьянин день» — день его торжественного открытия. И по сравнению с этим кажутся уже не столь значительными проекты Шувалова и Ломоносова, первый указ сенату от 19 июня 1754 г. и т. п.

Иначе обстоит дело с основанием Академии наук. Оно также не было единовременным актом, а являлось процессом, занявшим два года — 1724 и 1725.

Важнейшими датами формирования Академии наук были 22 января 1724 г., когда Петр I подписал проект положения об учреждении Академии наук и художеств, после чего начался реальный процесс создания Академии; 15 августа 1725 г. — день приема Екатериной I приехавших ученых, положивший начало заседаниям (конференциям) академиков; 12 ноября 1725 г., когда было запротоколировано первое собрание академиков. Номенной указ Екатерины Сенату «о заведении Академии наук и о назначении президентом оной лейб-медика Блюментроста»⁴ был подписан 7 декабря 1725 г., а 27 декабря 1725 г. — состоялось торжественное собрание Академии наук.

В дореволюционный период Санкт-Петербургская Академия наук трижды отмечала свои юбилеи: 50-летие —

29 декабря 1776 г. (в литературе нам не встречалось обоснование того, почему полувековой юбилей Академии наук праздновался в день ее 51-й годовщины); 100-летие — 29 декабря 1826 г. (здесь перенесение на год торжественного юбилейного собрания понятно — смерть императора Александра I и восстание на Сенатской площади в декабре 1825 г.); 150-летие — 29 декабря 1875 г. В течение ста пятидесяти лет — с 1776 г. до принятия устава 1927 г. — 29 декабря ежегодно было днем Академии, днем проведения ее торжественных годовичных собраний, что было закреплено и в академическом уставе⁵.

В связи с подготовкой к 275-летнему юбилею Российской Академии наук вопрос о восстановлении традиционной даты основания отечественной Академии даже не был поставлен.

Значение утвержденного Петром I проекта положения об Академии неоспоримо, это выдающийся государственный акт, «венец» петровских преобразований. Но, говоря современным языком, его подписание являлось лишь подписанием «договора о намерении» и потребовалось еще почти два года, чтобы оно было претворено в жизнь. Надеюсь, что при праздновании 300-летия академические традиции будут восстановлены.

Мы все привыкли к тому, что до революции Академия именовалась как Санкт-Петербургская Императорская Академия наук. Но это название неточно. Это общепринятое ее наименование утвердилось лишь в середине XIX в. и никогда не было закреплено в академическом уставе. По петровскому «Положению» она — «Академия наук и художеств». По «Регламентам» 1749 г. — «Академия наук и художеств в Санкт-Петербурге», а 1803 г. — просто «Академия наук». По Уставу 1836 г. — «Санкт-Петербургская Академия наук». Название Санкт-Петербургская Императорская Академия наук, где «императорская» практически синоним «государственной» вошло в обиход при Николае I после объединения в 1841 г. Академии наук и Российской Академии. Полагаю,

что исторически можно воспользоваться самоназванием, которое использовало новое создающееся научное сообщество в приглашении на свое первое публичное собрание 27 декабря 1725 г., в котором она названа «Академия наук РОССИЙСКАЯ». Поэтому можно говорить об основании Российской Академии наук, которую длительное время называли то «императорской», то «всесоюзной».

С момента своего создания, с первого заключенного контракта с иностранными учеными наука в России всегда находилась в полной зависимости от власти. В зависимости от государственного финансирования, от «высочайшего» благоволения, от расположения разрастающейся бюрократии, всегда являвшейся преградой на пути между наукой и властью, паразитируя на успехах научного творчества.

Непростым было во все времена и приобщение к научной деятельности из-за сословных ограничений, классовых принципов и трудных социальных условий. Развитие науки и рост ее тружеников определялись талантом народа, страстью к познанию и беззаветным служением Отечеству. На всем протяжении истории российской науки среди ее работников не было сколько-нибудь политически, экономически и идеологически независимых от власти деятелей. Нарождавшиеся было в начале XX в., ростки объединений научной общественности и меценатов для независимого научного творчества не получили своего развития и были сметены революцией.

Положение науки и ученых в полной мере зависело от отношения к ним первого лица государства. Известно, что наряду с несомненным вкладом в развитие разработавшихся отраслей знания первые академики в России тратили огромные усилия на обслуживание императорского двора, на словословия и удовлетворение его прихотей.

С утверждением Академии как мирового научного центра, ростом числа академиков, отечественных ученых росло и желание правителей приобщиться к ее свершениям. И у Академии не было иного выхода, как идти

навстречу этим желаниям, что наглядно проявилось в 1776 г. в связи с празднованием 50-летнего юбилея Академии наук. Если до этого времени звания почетных членов присваивались иностранным ученым после окончания их контрактов и возвращения на родину или перехода на административные должности, то в этом году почетными членами стали временщики Екатерины II, «опора трона» — А.А.Вяземский, Г.Г.Орлов, И.И.Панин, Г.А.Потемкин, П.А.Румянцев, А.С.Строганов и др. В состав Академии были впервые введены видные деятели церкви. Почетным членом стал и наследник престола Павел I. Это положило начало неуклонному вхождению царей и членов царской фамилии в состав Академии наук. Эта процедура доходила до абсурда — наследники престола, будущие императоры Александр II и Николай II, утверждались почетными членами в возрасте 8 лет. Изменения произошли и в составе иностранных членов, среди которых наряду с истинными учеными впервые появился и европейский монарх — прусский король Фридрих II. На следующий год почетными членами стали польский король Станислав Понятовский и шведский король Густав III. Почетными членами были и президенты Академии.

В 1826 г. в дни торжественного празднования 100-летия Академии наук почетными членами стали члены царской семьи во главе с Николаем I и влиятельные сановники⁷.

Не избегли этого соблазна и советские правители. В 1939 г. почетным членом АН был избран Сталин, в 1946 г. — Молотов.

По уставу 1805 г. Академия наук была передана в Министерство народного просвещения, подчинена министру и потеряла право непосредственного доклада царю.

XIX в. был веком дальнейшего развития науки, веком, по выражению В.И.Вернадского, «неуклонного роста научного миропонимания»⁸. В его второй половине произошли решительные изменения в составе Академии наук. Если в 1836 г., при утверждении устава АН среди

академиков было 4 русских, 8 русских немецкого происхождения и 11 иностранцев по рождению, то в 1841 г., после объединения с Российской Академией, состоявшей почти целиком из деятелей русской словесности и писателей, это соотношение резко изменилось 22-9-13, а к 1914 г. составило 34-2-3. По свидетельству Вернадского, последний академик — иностранец по месту рождения был выбран в 1884 г. и то это был давно уже русский подданный, востоковед Радлов⁹.

После падения в 1917 г. самодержавия Академия сама пересмотрела ряд положений устава, приняла решение о переименовании в Российскую, впервые избрала своего президента — академика А.П.Карпинского. Этим, как правило, сведения о 1917 г. и ограничиваются. Но именно в этот год Академия провела огромную работу по комплектованию Архива войны и революции, разработала программу сборника «Русская наука», приступила к созданию академических научно-исследовательских институтов¹⁰. Но академическая автономия продолжалась недолго.

Непосредственное влияние Октябрьской революции на развитие Академии наук в течение длительного времени явно преувеличивалось. Замалчивалось резкое осуждение произошедших перемен как на двух экстраординарных Общих собраниях РАН ноября 1917 г., так и на ее Годичном собрании 29 декабря 1917 г.

Чрезмерно преувеличивалось значение ленинского «наброска плана научно-технических работ», не ставшего правительственным документом и не оказавшего влияния на практическую деятельность Академии наук. Он был использован сначала как аргумент в проведении на рубеже 20—30-х гг. политики поддержки только учреждений отделения математических и естественных наук и всяческого ущемления гуманитарных отделений, а в хрущевские времена служил для обоснования политики «восстановления ленинских норм партийной жизни».

Несмотря на обилие литературы по организации науки в первые годы советской власти, влияние ее органов на положение в Академии наук также преувеличено. Из конкретных мероприятий историки могли назвать только финансирование весной 1918 г., поддержку в получении топлива в 1920 г., утверждение «совнаркомовских пайков», да декрет о помощи академику И.П.Павлову 1921 г. И это несопоставимо с тем физическим и моральным ущербом, который был нанесен научным работникам. Что стоит заявление Ленина в письме Горькому от 15 сентября 1919 г. о том, что интеллигенция не является мозгом нации,¹¹ или высылка ученых в 1922 г.

Большинство научных работников, если они не стали партийными функционерами, находилось в оппозиции к советской власти, часто не скрывая своих взглядов. Наиболее четко сформулировал свое отношение к происходящим событиям академик И.П.Павлов, который в письме в Совнарком писал 11 июня 1920 г.: «как стародавний экспериментатор, глубоко убежден, что проделываемый над Россией социальный и политический опыт обречен на неприменную неудачу и ничего в результате, кроме политической и культурной гибели моей Родины, не даст»¹².

Хотя подготовка первого советского устава АН 1927 г. была поручена академической комиссии, он был утвержден на Политбюро в варианте, разработанном комиссией ЦК под руководством В.П.Милютина. При принятии устава из него был исключен пункт об утверждении избранных академиков правительством, но это положение было нарушено при проведении первых же выборов 1928–29 гг., а затем Политбюро не только специально рассматривало предложения по выдвигаемым кандидатурам, но и принимало постановления об утверждении некоторых лиц академиками. Именно на Политбюро в устав был внесен пункт об исключении академиков, если их деятельность направлена во вред СССР¹³, сыгравший роковую роль для многих ученых в 30-е гг.

Радикальная реорганизация была навязана Академии наук партийными и контрольными органами в 1929 г. после обнаружения в Библиотеке и Архиве АН актуальных политических документов, среди которых особое внимание было уделено подлинникам отречений Николая II и Михаила и документов Департамента полиции, которые в свое время были официально переданы Временным правительством на хранение в Академию наук. Вот когда был разгромлен академический архив Мира и революции. Это привело практически и к разгрому всего гуманитарного отделения. Только что назначенный вице-президентом коммунист Г.М.Кржижановский писал 11 декабря 1929 г. в Политбюро: «Считать целесообразным произвести постепенную ликвидацию 2-го отделения Академии наук (отделения гуманитарных наук) путем: а) незамещения впредь освобождающихся за смертью академиков вакансий; б) организационного слияния с другими научными организациями тех учреждений этого отделения, которые за смертью соответствующих академиков лишаются руководства и, наконец, в) немедленной ликвидации в порядке реорганизации структуры и научной работы академии тех его учреждений, которые вообще не представляют собой значительной научной ценности»¹⁴. Эта политика привела к резкой трансформации академического гуманитарного знания.

Одним из наиболее ярких вторжений власти в развитие науки являлся перевод Академии наук из Ленинграда в Москву. Принятие этого шага в 1933 г. было проведено Сталиным и Молотовым без согласия Академии и без какой-либо предварительной подготовки. Научные учреждения были переведены в тесные помещения, мало приспособленные для научной работы¹⁵. Почти через двадцать лет, в декабре 1952 г. заведующий Отделом науки ЦК Ю.А.Жданов писал Сталину, что академические учреждения до сего времени ютятся в мало приспособленных для научной работы помещениях¹⁶.

Огромный ущерб был нанесен международному научному сотрудничеству после того как Политбюро присвоило себе в мае 1934 г. право решать вопросы о поездках за границу не только с позиций политической надежности, но и деловой целесообразности¹⁷. Это привело к прекращению поездок за рубеж математика Н.Н.Лузина, физика А.Ф.Иоффе, биолога Н.И.Вавилова, удержанию в стране П.Л.Капицы, исключению из Академии и лишению советского гражданства В.Н.Ипатьева и А.Е.Чичибабина. А в послевоенные годы международные научные связи были ограничены главным образом лишь контактами с учеными социалистических стран.

Дважды за годы советской власти ставился вопрос о ликвидации Академии наук. Первый раз в 1919 г. — по проектам, разработанным в Научном отделе Наркомпроса. Непременному секретарю РАН академику С.Ф.Ольденбургу пришлось писать в Москву академику П.П.Лазареву, чтобы он сообщил Ленину, что «уничтожение Академии наук опозорит любую власть»¹⁸. Второй раз — Хрущевым в начале 60-х гг. Непослушание Академии по ряду вопросов привело в апреле 1961 г. к его прямой угрозе распустить Академию, но этот конфликт был ликвидирован уходом президента АН СССР академика А.Н.Несмеянова со своего поста. В июне 1964 г. Общее собрание АН СССР после выступлений В.А.Энгельгардта, А.Д.Сахарова и И.Е.Тамма не избрало в члены-корреспонденты лысенковца Н.И.Нуждина. Возмущенный Хрущев на пленуме ЦК КПСС заявил: «Товарищи, для политического руководства, я считаю, у нас достаточно нашей партии и Центрального Комитета, а если Академия наук будет вмешиваться, мы разгоним к чертовой матери Академию наук, потому что Академия наук, если так говорить, нам не нужна, потому что наука должна быть в отраслях производства, там она с большой пользой идет, это нужно было для буржуазного русского государства, потому что этого не было. Сейчас, в социалистических условиях, это изжило себя, это придаток и

проявляет он себя довольно плохо»¹⁹. Лишь снятие Хрущева предотвратило разгон Академии.

Как всем хорошо известно, в 1991 г. Академия наук СССР формально прекратила свое существования и была воссоздана Российская академия наук. И этот процесс уже требует осмысления.

Работа по изучению истории Академии наук не прекращалась. Вместе с тем комиссия по истории Академии наук, находящаяся в составе СПб. филиала ИИЕТ, последние четверть века практически ничем себя не проявила. Требуется, очевидно, пересмотр ее положения и определение практических мер по достойной подготовке к 300-летию Российской Академии наук.

¹ *Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 205.

² *Плато Н.А.* Юбилей Российской академии наук // Вопросы истории естествознания и техники (ВИЕТ). 1999. № 1. С. 511.

³ *Есаков В.Д.* Неосуществленный проект Академии наук // Вестник Российской академии наук. 1997. № 12. С. 1132.

⁴ *ВИЕТ.* 1999. № 1. С. 3.

⁵ Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 109.

⁶ *Комков Г.Д. Левшин Б.В. Семенов Л.К.* Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974. С. 31.

⁷ *Модзалевский Б.Л.* Список членов императорской Академии наук. 1725–1907. СПб., 1908.

⁸ *Вернадский В.И.* Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 186.

⁹ *Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России. С. 245.

¹⁰ *Есаков В.Д.* От Императорской к Российской. Академия наук в 1917 году // Отечественная история. 1994. № 6. С. 120-132.

¹¹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 47-49.

¹² *Есаков В.Д.* И академик Павлов остался в России // Наука и жизнь. 1989. № 9. С. 79.

¹³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 636. Л. 34.

¹⁴ «Осталось еще немало хлама в людском составе». Как начиналось «дело Академии наук» // Источник. 1997. № 4. С. 107.

¹⁵ *Есаков В.Д.* Штаб советской науки меняет адрес // Вестник Российской академии наук. 1997. № 9. С. 840-848.

¹⁶ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 33. Д. 139. Л. 18-19.

¹⁷ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сб. док. М., 1995. С. 70.

¹⁸ Ленин и Академия наук. Сб. док. М., 1969. С. 61.

¹⁹ Афиани В.Ю. Илизаров С.С. «...Мы разгоним к чертовой матери Академию наук» // ВИЕТ. 1999. № 1. С. 168.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

А.Н.Сахаров:

С конца мая и в течение всего 1999 г. проходил юбилейный период Российской Академии наук. 2 или 4 февраля 1724 г. был подписан указ о создании Российской академии наук. Исполнилось 275 лет этого события. Прошли юбилейные заседания в Академии наук, в Кремле. Частью этой огромной работы является заседание нашего Ученого совета, которое проводится по рекомендации Отделения истории Российской Академии наук. До этого Центр по историографии провел «круглый стол», который обсудил вопрос о существовании исторических школ в рамках Академии наук.

Докладчик, наш коллега, доктор наук В.Д.Есаков в последние годы активно работал в архивах, в том числе в архиве Президента, по теме «Документы Политбюро по Российской Академии наук». Там есть материалы принципиальные, сенсационные, имеющие огромный интерес с точки зрения познания истории нашего общества и истории нашей Академии. Владимир Дмитриевич ознакомил нас со своими последними находками, со своими обобщениями.

Расскажите, как в рамках бюджета, установленного Петром I, реально субсидировалась Академия наук.

В.Д.Есаков:

Там все было определено достаточно четко, в отличие, очевидно, от всех иных периодов истории. Послед-

ним пунктом петровского Положения определялось, что весь налог, который получается от присоединенных земель в районе Прибалтики (там перечислены несколько регионов), — весь этот налог идет на обслуживание Академии наук, и никто из этих реальных денег не мог себе забрать ни копейки. Поэтому говорят, что первые годы в Академии были почти райскими условия для приехавших в Россию иностранцев, о которых чрезмерно пеклись. Они были обеспечены сверх всякой меры. Но, увы, уже в елизаветинские годы началась такая сложная жизнь, что Ломоносов, как вы знаете, некоторые месяцы вместо отпускаемых ему денег получал книги из академической типографии.

В этом смысле необычайно повезло сборнику, который сейчас в производстве. Дело в том, что первое решение об Академии наук принималось 11 мая 1922 г. Совершенно непонятно, почему Каменев, Председатель Моссовета, оказавшийся в Санкт-Петербурге, вопреки Зиновьеву привез на Политбюро большой доклад Стеклова. Это 18 страниц текста, записка, которая называется — «Научная работа Российской академии наук в современных условиях». Там все изложено: трудности, которые были в Академии наук в ломоносовские времена и на других этапах, реальное состояние помещений, коллекций на момент принятия первого постановления ЦК. Он отпустил деньги. Но Политбюро предложило поддерживать не структуру академических учреждений, а только те ячейки, которые имеют просветительский характер. Поэтому признание Академии как самозначимой величины в государстве происходит только в 1925 г. в связи с юбилеем, в связи с мировым признанием, в связи с авторитетом Академии. Выяснилось, что было еще одно очень важное обстоятельство. Дело в том, что уже был поставлен вопрос на правительстве о юбилее. В это время в Тифлисе собралась Третья выездная сессия ЦИК СССР. Во время заседания комфракции Рыков в отчете правительства упомянул о готовящемся юбилее. Подня-

лась страшная буча. Представители союзных республик потребовали раздела академических коллекций и библиотек, то есть всего того, что тогда составляло реальные достижения, реальные богатства и основные инструменты в деятельности Академии.

Рыкову пришлось ставить этот вопрос на тайное голосование на фракции. Известна дата. Известно, что это решение было принято. Но было 33 человека против. Сколько было за, я не знаю. К сожалению, обнаружить эти материалы в партийных, государственных архивах на сегодняшний день не удалось. Обнаружение этой стенограммы фракции коммунистов-академиков на третьей сессии ЦИК в Тифлисе о судьбе Академии представляет сейчас особый интерес. Но, надеюсь, что удастся эти материалы найти.

Так что по существу, решение вопроса о превращении Академии наук в союзный орган не только являлось результатом настойчивых претензий Академии о признании ее значимости, но и чрезвычайно сложной внутригосударственной проблемой образования молодых советских республик, входивших в противоречие с идеей централизации, которую, естественно, преследовала центральная власть.

В.Я.Гросул:

История Академии наук — это прежде всего история научных достижений, достижений отечественной науки. Можете ли вы сказать хотя бы в общих чертах, чем занималась Академия наук в 20-е гг. в научном плане? И второй вопрос. Как рос кадровый потенциал Академии наук на протяжении веков?

В.Д.Есаков:

По поводу состояния на 20-е гг. Создано огромное количество работ. Опубликованы сборники «Советская наука в первые годы Советской власти», сборник «Академия наук и Ленин». Там это детальнейшим образом расписано. Причем нужно иметь в виду одно чрезвычайно важное обстоятельство. Все, что делалось в начале

20-х гг., являлось воплощением десятилетиями накопленных планов и разработок предшествующего развития. Когда удалось преодолеть стесняющую махину государственной бюрократии, получить хоть какие-то чрезвычайно скудные средства для разработки этих планов в распоряжение Академии, которые не мог даже посодействовать получить Великий князь, ее президент. Поэтому открывшиеся возможности были чрезвычайно, конечно, важны.

Здесь нужно иметь в виду особенности первых советских бюджетов. По этому поводу почти ничего не написано. Из бюджета до мест доходили в 1917–1920 гг. 37–40%. Но они были столь значительными, потому что не включали в себя содержание армии и военного производства. И поэтому в принципе по бюджету 1918 г. почти до 40% провозглашенной суммы выделялось на развитие просвещения и культуры. Это был совершенно особый период, очень небольшой, но чрезвычайно значимый для завоевания интеллигенции, деятелей науки и культуры. Есть письмо Игоря Евгеньевича Грабаря, который писал брату в 1918 г., что он, десятилетиями занимаясь реставрационными работами, пытался хоть что-нибудь получить, и вот наконец первый раз в его жизни власть дает реальные деньги.

Подобные же вещи есть в заявлении Дмитрия Сергеевича Рождественского, создателя Оптического института, который на первой его годовщине говорил о том, что они от правительства получили деньги, даже, может быть, превышающие их нужды на сегодняшний день. Но все эти периоды академического благополучия были чрезвычайно редки, и у того же Вернадского встречается несколько раз применительно к отдельным периодам горькая фраза о том, что вновь возникает вопрос о выживании Академии. Такие периоды были и в XVIII в., и в XIX в., и в начале XX в., и в наш просвещенный, но не очень обеспеченный век.

Г.Д.Алексеева:

Слушая очень интересный доклад, я еще раз, как историк, пришла к выводу: сколько человек будут писать Историю Академии наук (как, впрочем, и всю нашу историю), столько будет вариантов ее объяснения, толкования, отбора материала.

Дело в том, что есть очень много противоречивых фактов, как все противоречиво в нашей жизни, в нашей науке, в нашем обществе и в нашей истории. И вообще в жизни. Можно, скажем, умолчать о том, что в годы Гражданской войны было создано 10 научно-исследовательских институтов, на которые были отпущены (в годы Гражданской войны!) колоссальные средства; что в 1925 г. академик Стеклов, известный математик, был отправлен с большим количеством золота в Лондон, для того чтобы купить для этих институтов европейский инструментарий.

Тут говорилось, что очень маленькое количество денег было отпущено в 1918 г. На что были отпущены деньги? Согласно архиву Лаппо-Данилевского, были отпущены деньги на издания: «Полное собрание русских летописей», «Письма и бумаги Петра Великого», «Русская Историческая библиотека» и ряд документальных сборников, которые были начаты еще до революции.

Были отпущены средства на первую петроградскую типографию, которая потом стала Монетным двором, для печатания этих ценных изданий.

Можно умолчать о встречах Ленина с академиками Стекловым, Шахматовым, Ольденбургом. Мы до сих пор не знаем, о чем они говорили, что просили у государства. Но после этого Комиссии по изучению естественных производительных сил страны, по изучению племенного состава населения России получили средства. Они созданы были в 1917 г., но деятельность развернули в 1918–1920 гг.

По вопросу о ликвидации Академии наук были различные точки зрения. Были проекты левацкой группы интеллигенции в Петрограде. И, в частности, Покровский поддерживал эти проекты, но Ленин заявил: «Во-

круг Академии перестаньте озорничать. Перестаньте! Она останется нашим национальным достоянием, и нечего кричать о ее роспуске».

Но дело в том, что эти дискуссии у нас в науке совершенно не изучены. Со времени создания коммунистической академии в сознании наших ученых бытуют два тезиса: раз есть Академия общественных наук, т.е. по общественным наукам, то давайте вот эту академию превратим в академию естественных и технических наук, т.е. как бы в стране будет две академии, не универсальная одна, как было до революции, а будет две академии. Это проходит через все 20-е и 30-е гг., вплоть до Хрущева, который сказал, что к «чертовой матери эту Академию, она никому не нужна!».

Этот факт должен звучать как показатель невежественного отношения к традициям русской науки, а не как факт, который типичен для советской власти.

Возьмем сталинский период. Действительно, с площадью было очень плохо. Я смотрела письма 30-х гг., когда все выглядело совершенно ужасно, потому что их перевели в Москву, но в старые здания, в особняки, в которых ничего не было устроено, а ведь переезжало оборудование. Кстати сказать, процесс перевода был очень долгим. Но после войны сразу же стал застраиваться Ленинский проспект прекрасными зданиями, с прекрасными условиями.

Нам пора кончать с легендой о том, что за границу уехали лучшие умы. Не уехали лучшие умы Академии наук. Они остались в России, стали служить русской науке.

Здесь очень много проблем. Одна из них, с которой мы до сих пор не разобрались, это конец 20-х — начало 30-х гг. — знаменитое «академическое» дело.

Другая проблема — история создания фонда Архива Академии Наук конца XIX — начала XX в. Кстати сказать, архив стали создавать не в 1917 г., а гораздо раньше. Даже буржуазные ученые прекрасно понимали, что есть разница между освободительным и революционным

движением, чего многие наши историки не понимают до сих пор. Они стали создавать архив истории освободительного движения. После февраля 1917 г. у академиков появилась идея создания музея освободительного движения. Они предложили использовать для этого музея весь архив Шахматова. А что такое архив Шахматова? Мы с Н.Эйдельманом пробовали это изучать. Архив стал создаваться до революции в рамках Академии наук как конспиративное учреждение, куда большевики, меньшевики, эсеры присылали все свои протоколы и прочую документацию. Причем устраивала все это Крупская с помощью академиков, по договоренности с семьей Книповича. И Шахматов все это принимал, поддерживал и реализовывал. Поэтому не случайно именно Шахматов пошел к Ленину в составе делегации для того, чтобы просить сохранить архивы, дать средства на их сохранность, на то, чтобы они не были уничтожены.

По радио сообщили, что нашли Лицейскую библиотеку; каким образом она попала в Екатеринбург? Почему Ленин отдал приказ всю библиотеку, в которую ходил Пушкин, издания, которые он читал, отправить в Екатеринбург? Грамотный историк знает причины этого. При наступлении на Петроград все архивные документы, в том числе Лицейская библиотека, были эвакуированы на Урал. Мы имеем колоссальную переписку по этому делу, когда по просьбе Срезневского и главных архивистов Академии наук потом это все возвращалось при активном участии Ленина.

Когда мы изучаем историю Академии наук, нужно все факты брать в расчет, абсолютно все! Зарплаты академиков в сталинское время. Хорошо, их не выпускали. Но почему их не выпускали на выезд? Это объясняет история ряда академиков с руководством ЦК КПСС. Современные историки должны считаться с тем, что в развитии Академии наук еще много таких фактов, которые составляют до сих пор государственную тайну. В истории Академии наук есть много таких страниц, которых мы

никогда не сможем до конца прочитать. Но что мы можем изучить — это, как изучалась история в Академии наук. Мы можем изучить, как партия и правительство руководили Академией наук.

Три элемента, с моей точки зрения, составляют гордость нашей национальной науки как до революции, так и после революции. Это, во-первых, удивительное бескорыстие наших крупных ученых. Вы знаете пример с Крыловым. Когда нужны были деньги для того, чтобы сделать снаряды французского образца (там нужен какой-то металл — молибден, вольфрам), и когда он пришел просить у Царского правительства деньги во время Первой мировой войны, ему сказали, что денег нет. Тогда Крылов вынул из кармана 500 золотых и сказал: «Будь проклята та страна, которая заставляет умирать своих солдат, когда они стреляют из пушки, и снаряд разрывается прямо в дуле этой пушки!..». Вот положение Академии.

А сколько сделали академики в годы Великой Отечественной войны. Пройти мимо этой страницы истории вообще нельзя, потому что это фантастическая страница, начиная от академика Иоффе и его котелков, которые грелись на костре на огне — и в результате работала радиостанция!

Вторая черта — это удивительная преданность своему сообществу. Конечно, были доносы (например, доносы Лепешинской). Но это были единичные факты. Основные же факты — это безграничная преданность тому, что человек делает.

И третья. Если вы возьмете все записки, которые ученые пишут царскому правительству, советскому правительству: мы работаем во имя России, ее будущего, ее прогресса. Мы все патриоты. Это очень важная черта русских ученых. Да, их не выпускали. Но многие из них и не хотели ехать. Я хорошо знаю историю семьи Чижевского. Это человек, который должен был в 1926 г. открывать Конгресс астрофизиков. Он вообще никуда ехать не хотел! У него была возможность уехать, когда его отпустили после 1956 г. Он заявил: «Никуда я не поеду! Я

только здесь могу написать свои книжки...». Это очень важно. А среди тех, кто уехал, было очень немного ученых. Самым великим из них, действительно нашим национальным гением в гуманитарных науках, был Ростовцев. Самым великим в области изобретательства был Сикорский. Но он уехал совсем по другим мотивам. А основная масса — это были патриоты, они остались в России. Они жили, заваривали, как писал Ольденбург, морковный чай, ели сухари, сидели в холодном помещении в годы Гражданской войны. То же самое делали ленинградцы во время блокады. И я считаю, мы, историки, должны своими работами (я не люблю высокопарные слова, но здесь скажу) пропеть гимн русской науке и русским ученым, которые были не интеллигентами, а интеллектуалами. Это очень большая разница, потому что они все время старались дистанцироваться от политики, и этим оставили себе блестящий памятник в истории нашей культуры и науки.

Ю.А.Поляков:

Но идеализировать тоже не надо.

Г.Д.Алексеева:

Нельзя. Я согласна.

Н.В.Синицына:

В.Д.Есаков, который сделал сегодня доклад, и Г.Д.Алексеева, которая сделала по существу содоклад, принадлежат к числу представителей той отрасли знания, которая имеет не так много адептов у нас и которую в западной науке называют эпистемиологией — наукой о науке. У нас такое название, к сожалению, не принято, хотя об этом можно только сожалеть. У меня возникли два соображения, которыми я позволю себе очень кратко поделиться.

Это размышление о том, на каком этапе развития науки находимся мы сегодня и на пороге какого этапа развития науки мы стоим, каков будет характер науки будущего. Хотя это, может быть, немножко смело — делать какие-то прогнозы.

Докладчик говорил о том, что сейчас происходят колоссальные открытия в архивах. Действительно, открывается, то, о чем мы не подозревали раньше, чего мы не знали, и это очень важно.

Г.Д.Алексеева говорила о тех различиях, которые часто проявляются в оценке исторических фактов. Это происходит, вероятно, от того, что сейчас исчезла методологическая зашоренность, когда мы все были в русле одной методологии и должны были давать одни и те же оценки всему, что мы изучаем. Действительно возник какой-то мировоззренческий кризис, когда все получили свободу слова, и журналисты, и историки, и писатели, и литераторы, и архивисты — все считают себя вправе давать какие-то оценки. Отсутствие крупных методологических работ, это тоже характерная черта нашего этапа науки. И, наверное, надо об этом как-то подумать, потому что архивные открытия, очень важные и конкретные исследования очень важны. Я отнюдь не призываю к тому, что должна быть какая-то единая методология, я не призываю к мировоззренческому единству. Но тем не менее даже поиски объединяющей национальной идеи не только в исторической науке, но и в общенациональном масштабе, — это все звенья одной цепи.

Теперь второе. Когда Владимир Дмитриевич говорил о проекте Лаппо-Данилевского он специально подчеркивал, какое большое значение в этом проекте придавалось изучению истории тех отраслей знания, которые связаны с изучением духовных основ жизни. Он даже включал в свои проекты изучение истории богословской науки. Это действительно очень важно, именно этого направления в развитии науки в течение семидесяти лет после революции фактически не было, оно отсутствовало. Создание в Академии наук Научного центра по изучению истории религии и церкви и затем создание Центра в Институте, которым руководит Я.Н.Щапов, — это тоже определенный и закономерный этап именно в истории развития науки, он отражает и определенные общественные по-

требности, осознание значения духовных основ жизни, которые в той методологии, которой мы все следовали раньше, объявлялись вторичными.

В 1998 г. мне выпала честь выступить с краткой речью на присуждении премии митрополита Макария, который, кстати, тоже был действительным членом Академии наук. Там я позволила себе в присутствии Президента Академии наук и Святейшего Патриарха Алексия II высказать определенный прогноз о том, чем же будет наука XXI в. Я думаю, что это будет комплексная наука о человеке во всех его составляющих, в которой изучение духовных основ жизни будет играть не последнюю роль.

А. Н. Сахаров:

Я тоже хочу сказать несколько слов в связи с тем, что мне пришлось в последнее время в рамках празднования юбилея заниматься этими материалами совместно с Владимиром Дмитриевичем и с Галиной Дмитриевной, участвовать в комиссии по подготовке юбилейных материалов. И что меня всегда удивляло в подходе к XX в.? Владимир Дмитриевич говорил о репрессиях, высылках, насилии, Политбюро, насильном переводе в Москву, — все это правильно. Все это отражало сущность того государства, которое пришло к власти после 1917 г., и тех людей, которые пришли к власти. Для них Академия была абсолютно чуждым явлением. Это нормально. Это был старый строй, это были старые люди, сформировавшиеся в старых условиях, и для новой волны, конечно, это все было рудиментом. Одновременно власть прекрасно понимала, что существовать без знаний, без технологии, без науки невозможно. Отсюда то, о чем говорила Галина Дмитриевна, — о тех действительно впечатляющих подходах новой власти к развитию Академии наук. Было и то, было и это. И старая Академия, конечно, в принципе новую власть не принимала, хотя оставалась патриотически настроенной по отношению к России, что не подлежит сомнению.

За годы советской власти эта власть воспитала новую Академию, новых ученых. Старые умирали или смиря-

лись, или шли на плаху, сменялись сотнями и тысячами новых людей, которые в юном возрасте получили образование, в среднем возрасте вошли в систему науки и в зрелом возрасте стали основой советской академической науки.

Как судить, когда мы говорим о том, что Политбюро приняло решение — вдвое увеличить состав Академии наук, плохо это или хорошо? С одной стороны плохо, потому что рекрутируются мало подготовленные люди, преданные режиму, и убирают практически старые академические слои. С другой стороны, эти люди рано или поздно, особенно талантливые, адаптируются в системе Академии, становятся новым слоем советской академической науки. Хорошо это или плохо? Наверное, хорошо.

Все те достижения, о которых мы с гордостью говорим применительно к советской науке, исторически связаны как раз с этими людьми. Ведь, как вы помните, Черепнин, Рыбаков, Тихомиров и наиболее молодые академики, доктора наук, сформировались в условиях уже нового государства, нового режима, новой системы. Эти люди были преданы системе. Тогда в Академии осудили Андрея Дмитриевича Сахарова, но сегодня наше академическое сообщество очень гордится тем, что не дали Сахарова на заклятие, что Академия проголосовала против исключения академика Сахарова из своих рядов.

Ю.А.Поляков:

Такого голосования не было.

А.Н.Сахаров:

Было предложение, но оно не прошло. Но мы мало говорим о том, что огромное число советских академиков настаивали на исключении Сахарова из состава Академии. Это нормально, потому что Академия была многослойной. В течение десятилетий Академия преобразилась и состояла из людей новой эпохи.

Говорят, что эти люди связаны были с репрессиями, с доносами и т.д. Это справедливое замечание Владимира Дмитриевича. Часть эти людей из корыстных соображе-

ний продали своих коллег, в том числе и историков, и мы это знаем примерно, кто, кого и когда. Но многие искренне считали, что это враги, что их надо уничтожать, потому что были люди другого типа.

Поэтому я думаю, что все сводить к Политбюро, к Молотову, к Жданову — было бы неправильно, потому что речь идет о сдвигах в социальных слоях общества и о сдвигах в социальных слоях самой Академии. Я думаю, что историки должны эти сдвиги понимать и как-то проникать в эти явления.

Очень легко сказать, что Сталин приказал, Жданов исполнил — и сорок человек расстреляли... А что происходило в это время в самой Академии, как ее люди модифицировались? Вот еще один вопрос, с этим связанный. Именно в рамках этого нового поколения началось диссидентское движение. Ведь Сахаров был академическим диссидентом, являясь уже человеком новой сталинской эпохи. Он был всем обеспечен: он был и Герой, у него были «вертушка», «кормушка», машина. И Харитон, и все остальные такого же уровня: блестяще эти люди были обеспечены материально. Однако в рамках уже этого нового интеллектуального слоя, воспитанного советской системой, началось мощное демократическое, гуманистическое диссидентское движение. Это тоже была Академия!

Эти явления достойны пера историка. Но мы об этом вообще не говорим. Мы говорим только о примитивных вещах, о поверхностных явлениях, хотя это суть жизни общества и суть жизни нашей Академии. И если описать наш Институт (мы пытались это сделать, но не та была пора), то все эти тенденции мы могли бы пропустить через судьбы наших ученых, которые отражали реальную жизнь и советского общества, и академической системы.

И последнее — относительно бюджета. Я вам недаром вопрос задал. Как администратор я интересовался, как же снабжали Академию до революции. Плохо снабжали. Неплатежи начались с 30–40-х гг. XVIII в., и архивы завалены просьбами академиков: заплатите, голодаем! Жрать нечего...

Не покупают оборудование, не дают зарплату, нет того, другого, пятого, десятого... Так было и в XVIII в., и в XIX в. Были колебания: то восполняли долги, то опять не платили — и т.д. Все это перешло и на период советской власти, которая активно поддерживала военно-промышленный комплекс, все то, что было надо режиму. И это было совершенно нормально. Конечно, в разных условиях жили, скажем, академик, который занимался атомной промышленностью, ракетостроением, и скромный историк.

Это были, конечно, совершенно неспособные явления в рамках той же Академии наук. Так что бюджетная система — она тоже досталась нам от старого строя.

Кстати, мы очень много говорим насчет отношения ЦК, отношения Политбюро, обкомов, горкомов к системе науки, Академии. Конечно, это все выглядит ужасно. Но мы знаем, что и до революции в Академии было назначенчество. Было невероятно распространено подавление инакомыслия. И академический консерватизм, и угодничество, и лизоблюдство перед властью держащими. Было и многое другое. Это все тоже было тогда свойственно отношениям власти и науки. Скажем, власть сказала, что Менделеева не надо выбирать — Академия его не выбирает. А это мировая величина. Или другой пример: Мечников — 30 лет его в Академию не пускали. Мечникова! Забелина в Академию не пускали, потому что тоже он был кому-то неуютен... Ведь это же была страшная система! И притом XIX в. — это же были великие свершения в Академии, великие достижения! Там и Чебышев, там и Ковалевский, и Мечников, и тот же Менделеев, и другие. Это же величие российской науки, при том совершенно диком состоянии Академии и отношении Академии и власти, которое существовало.

Отношения Академии и власти — это система цивилизационная. Это не система, которая начинается с 1917 г. и тогда же кончается. Это общая система отношений интеллекта и власти как такового. Вот о чем надо говорить.

Я думаю, что это будет нашим вкладом и в систему юбилейных торжеств в целом.

В.Д.Есаков:

Я благодарю аудиторию за реакцию на сделанный доклад. Готовя его, я исходил прежде всего из того, чтобы донести до вашего сведения новую информацию, а не ту, которую можно прочитать практически всюду. Поэтому я сосредоточил внимание на тех вещах, которые вдруг приоткрывают как-то новый имидж сюжетов.

Я хотел обратить внимание на то, что мы имеем огромную литературу, созданную в специфических условиях, что появляющийся сейчас, попадающий в наше распоряжение материал находится в определенном противоречии или существенно добавляет и иногда трансформирует имеющиеся точки зрения.

Поэтому пафос моего выступления был направлен на то, чтобы привлечь внимание всех, чем бы они ни занимались, еще раз призвать — идите в архивы!

Самое главное. Мне хотелось бы обратить внимание на следующее. Нельзя допускать, чтобы историков всячески отталкивали от решения проблем развития науки. Пользуясь специфической особенностью развития знаний, огромное количество «творцов историко-научных работ» несут такую историческую ахинею, что в принципе оставлять их без должного внимания со стороны профессиональных историков, наверное, просто нельзя. Особенность и беда вышедших томов «Истории Академии наук» (двух и третьего, не вышедшего) состояла в том, что историки к написанию и обобщению этой работы не были подпущены.

А.Н.Сахаров:

Как там был монополизм, так этот монополизм до сих пор и остается. Разрешите мне поблагодарить Владимира Дмитриевича за интересный доклад, который дал нам возможность подумать над некоторыми проблемами, связанными с историей Академии наук в год ее юбилея.

«ВЕСЬ МИР ПРОТИВ НАС»: ЗАПАД ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА 1930-Х ГОДОВ*

«Россия и Запад», «Россия и Европа» – темы, занимающие важнейшее место в истории русской общественной мысли последних столетий. Начиная с П.Я.Чаадаева и Н.М.Карамзина, практически все русские мыслители так или иначе высказывались по этому поводу. Впрочем, эта же проблема стояла и перед мыслителями времен Киевской Руси, московского периода (вспомним хотя бы историю Флорентийской унии), Смутного времени, XVII в. ... Были разработаны обстоятельные и иногда весьма оригинальные концепции – знаменитая теория Н.Я.Данилевского о «культурно-исторических типах», удачно развитая О.Шпенглером, П.Сорокиным, А.Тойнби.

Но если взять конкретно-историческую сторону проблемы, то, как формировались образы Запада и Европы в различные эпохи в разных социальных слоях и группах российского общества, окажется, что работ, основанных не на толковании мифов, а на объективном анализе источников, почти нет. Они стали появляться лишь в последние годы, когда многие исследователи (историки, филологи, культурологи) с разных сторон начали подходить к этой проблематике. А ведь представления о Западе, существовавшие как в массовом сознании, так и в сознании политической и интеллектуальной элиты страны, во многом определяли внешнюю и внутреннюю политику, реакцию общества на различные события и выбор того или иного пути в годы кризисов, которыми так богата отечественная история.

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 26 февраля 1998 г.

Как уже неоднократно отмечалось, общественное сознание советской эпохи отличалось повышенной мифологичностью, и в полном соответствии с особенностями этого типа сознания внешний мир воспринимался как опасная, неосвоенная, «темная зона», отделенная четкой границей от мира «своего», привычного, освоенного. Не случайно образ границы (в первую очередь, конечно, в обыденном смысле) являлся важной составляющей массового сознания тех лет.

Актуальность этого образа на рациональном уровне подкреплялась как пропагандистскими стереотипами о враждебности «капиталистического окружения» вообще, так и повседневной необходимостью «держатъ границу на замке» — не только для «входа», но и для «выхода». И все же сакральный характер государственной границы как грани двух, абсолютно различных, миров, явственно прослеживается не только в массовом сознании, но и в сознании представителей политической элиты. Так, в черновых записях видного партийного деятеля А.С.Шербакова о поездке в Европу в 1935 г. описание переезда границы сопровождается следующей фразой: «Разница огромная, разница во всем, в большом и малом»¹. Подобных примеров можно привести много.

Это ощущение подкреплялось все возрастающей закрытостью советского общества, которая, не являясь, конечно, абсолютной, в 1930-е гг. достигла все же достаточно высокого уровня.

Представления о внешнем мире, как известно, складываются на основе нескольких информационных блоков. Один из них — «историософский» — предполагает наличие сведений об истории и культуре того или иного государства. Здесь возможности для самостоятельного получения и освоения достаточно объективной информации сохранялись. Классическая культура Запада не только не запрещалась, но даже, хотя и с существенными изъятиями, активно пропагандировалась; сохранялись музеи, библиотеки, использовалась литература, вышед-

шая до революции и в первые послереволюционные годы. Фрагментарность массовых представлений об истории, политических традициях, миропонимании, свойственном иным культурам, в какой-то степени компенсировала художественная литература.

Второй важнейший блок — «политико-информационный» — составляют сведения о политической, социальной, культурной современной жизни других стран. Именно эти сведения должны были играть определяющую роль в создании адекватной картины современного мира. Однако оба основных канала получения информации, относящейся к данному блоку, а именно система образования и средства массовой коммуникации, находились под жестким политико-идеологическим контролем.

Альтернативных каналов получения информации почти не существовало. Лишь незначительная часть «политически благонадежных» советских граждан могла выезжать за рубеж, причем как правило речь шла о служебных командировках. Частные поездки были строго ограничены; так, например, для членов ВКП(б) требовалось получить последовательно разрешение партийной ячейки, затем уездного или районного комитета, губернского комитета и в качестве окончательной инстанции — одного из 9 крупнейших обкомов, ЦК компартии союзной республики или ЦК ВКП(б).

С другой стороны, в 20-30-х гг. СССР посетили всего 100 тыс. иностранцев, т.е. примерно 5 тыс. чел. в год. При этом принимались меры, чтобы ограничить общение с ними не только рядовых советских граждан, но и тех, кто должен был заниматься иностранцами «по долгу службы». К началу 30-х гг. в СССР находилось примерно 20-30 тыс. иностранных специалистов и рабочих, а также политэмигрантов. Но их круг общения был ограничен, к тому же они концентрировались в нескольких крупных промышленных центрах и в масштабах страны не могли служить достаточно существенным источником альтернативной информации. Таким образом, официальная про-

паганда, независимо от того как оценивали потребители ее достоверность, оставалась для большинства населения основным источником сведений о внешнем мире.

Сейчас принято говорить о трех основных социальных группах, по-разному воспринимающих внешнеполитическую информацию. Это — политическая и интеллектуальная элиты и массы. Деление основано на двух критериях — уровне доступа к информации, зависящем как от возможности, так и желания получать ее, и способности данной страты влиять на формирование внешнеполитических представлений в обществе в целом.

При всей условности этого деления, его можно принять за основу, хотя и с одной существенной оговоркой. Если политическую и интеллектуальную элиты выделить не так уж трудно — здесь критерием служит роль представителей этих страт в процессе принятия решений, и они отличаются определенной степенью гомогенности, то «массы» распадаются на множество самых различных социальных групп и слоев. По отношению к внешнеполитической информации, однако, можно выделить лишь одну группу — ту часть общества, которая проявляет в той или иной форме политическую активность. Эту неустойчивую, с размытыми границами группу условно определить как «общественность». В нее входят люди, не принадлежащие ни к политической, ни к интеллектуальной элитам, которые в силу различных обстоятельств имеют как определенные возможности доступа к внешнеполитической информации и стремление их использовать, так и некоторое влияние на формирование общественного мнения. Это — низовые функционеры политических партий и движений (в СССР — низший слой функционеров ВКП/б/), общественных организаций, профсоюзов), часть интеллигенции, из которой формировались кадры пропагандистов, и т.д.

Разные социальные группы, помимо прочего, различаются уровнем мифологизации своих представлений о внешнем мире. Как правило, политическая, и в еще

большей степени интеллектуальная элиты в целом отличаются рациональным подходом, в то время как «общественность» и массы в основном используют готовые стереотипы. В советском обществе, однако, картина была несколько иной. Уровень мифологизации был высок во всех стратах, в частности и в политическом руководстве. Зато прагматизм, вообще характерный для политических элит других стран, вызывал у советских представителей критические оценки. Так, видный советский дипломат А.Я.Аросев, после приема у леди Астор в Англии в июле 1935 г., записал в дневнике: «Они делают политику без крупницы идеи, как повар варит суп и сообщает, какие лучше специи положить»².

Люди, пришедшие к власти в 1917 г., были выходцами из различных слоев общества, в том числе из тех, которые обычно не участвуют в формировании политической элиты. Они принесли с собой устоявшиеся представления и стереотипы, характерные для этих слоев, сохраняя при этом старые связи и контакты, испытывая определенное влияние привычной социальной среды.

У той части большевистской элиты, которая прошла эмиграцию, представления о Западе были достаточно разносторонними и адекватными, хотя и у них существовала определенная аберрация восприятия, связанная с наличием «центральной идеи» — идеи революции, часто заставлявшей принимать желаемое за действительное.

Но в 1930-х гг. именно эта часть большевиков оказалась вытесненной из высших эшелонов партии. Старые большевики как таковые еще могли занимать те или иные высокие посты (например, В.М.Молотов). Но бывших политэмигрантов не было ни в Политбюро, ни на ключевых постах в правительстве. Единственным и вполне объяснимым исключением был М.М.Литвинов. Более того, в декабре 1931 г. в беседе с немецким писателем Э.Людвигом Сталин (сделав, правда, исключение для Ленина) заявил, что большевики, не уезжавшие в эмиграцию, «конечно, имели возможность принести больше

пользы для революции, чем находившиеся за границей эмигранты», и добавил, что из 70 членов ЦК не более трех-четырёх жили в эмиграции. Впрочем, по его мнению, «пребывание за границей вовсе не имеет решающего значения для изучения европейской экономики, техники, кадров рабочего движения, литературы всякого рода...»³.

Сущностной характеристикой советской политической элиты 1930-х гг. было в лучшем случае недоверие к внешнему миру. Так, К.Е.Ворошилов на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 г. заявил: «Весь мир против нас», и добавил, имея в виду «классовых врагов», — «количественно — это все, что не СССР, качественно — это все то, что не коммунист...»⁴.

Постепенно уже сам факт пребывания за границей стал рассматриваться как порочащий человека. На встрече с руководством Института мирового хозяйства и мировой политики председатель КПК, впоследствии нарком внутренних дел Н.И.Ежов «сказал, что не доверяет политэмигрантам и побывавшим за границей»⁵. Выступая на февральско-мартовском пленуме ЦК, Л.М.Каганович, имея в виду вернувшихся в СССР, многократно проверенных сотрудников КВЖД, говорил: «Конечно, плохо, неправильно делать заключение, что все приехавшие — плохие люди, но, к сожалению, страшно много шпионов среди них»⁶.

Новое поколение политических лидеров, выдвинувшееся в годы гражданской войны, уже в начале своей карьеры приобрело «устойчивый конфронтационный стереотип массовой психологии, не подвергавший сомнению факт военной угрозы стране, а потому — необходимости военной организации и дисциплины во всех социальных структурах»⁷. Можно привести этому множество примеров, но ограничимся одним. В 1921 г. М.Н.Тухачевский писал В.И.Ленину о так называемой «милиционной системе» и делал вывод: «нам никакого дела нет до того, какая армия выгоднее в мирное время, так как такого времени у нас не будет»⁸.

На первых порах большевики субъективно выступали как убежденные западники, однако та же историческая

логика, которая в условиях господства традиционного сознания вела к окончательной догматизации и мифологизации марксистского учения, способствовала росту ксенофобии, ставшей на несколько десятилетий существенной характеристикой советской политической культуры. Антиизоляционистская доминанта главенствует в начале становления советского общества и вновь проявляется на последнем этапе его существования. Изоляционизм же доминирует на протяжении большей части советского этапа отечественной истории, а во времена «холодной войны» достигает своего пика.

Для нового поколения советской политической элиты не было свойственно стремление к всемирным масштабам, как у их предшественников 1920-х гг.; напротив, они предпочитали концентрироваться на конкретных, сиюминутных проблемах. В качестве примера можно привести отрывок из письма Г.В.Чичерина И.В.Сталину в июне 1929 г.: «Афганские посланники много лет настойчиво доказывали, что Аманулла не удержится без надежных частей, для которых нужны наши субсидии. А политбюро — глухая стена. Мало того, когда речь шла об одном только шоссе, т.Калинин заявил, что надо сначала провести шоссе в Московской губернии. Мировой стык между СССР и британской империей казался ему менее важным, чем Коломна и Бронницы. Вот национальная ограниченность. Проморгали, проморгали. А какой козырь давала в руки история!»⁹.

У этого поколения лидеров общие представления о внешнем мире сводились к нескольким марксистским формулам и общим стереотипам. Тот же Чичерин так характеризовал их: «Буддийские деревянные мельницы молитв, то есть механически пережевывающие заученные мнимореволюционные формулы товарищи...»¹⁰.

«Выдвиженцы» 1930-х гг. не были обременены ни теоретическими знаниями, ни общим образованием, ни представлениями о реальном мире. С декабря 1934 по февраль 1941 г. в составе Политбюро ЦК ВКП(б) не бы-

ло ни одного человека с законченным высшим образованием. Еще более разительная картина открывалась на других уровнях управления. По данным ЦК, в 1937 г. среди секретарей обкомов высшее образование имели 15,7%, низшее 70,4%; у секретарей окружкомов соответственно — 16,1 и 77,4%; у секретарей горкомов — 9,7 и 60,6%; райкомов — 12,1 и 80,3%. Высшее руководство отдавало себе отчет в том, что необходима ускоренная подготовка кадров, однако упор при этом делался отнюдь не на профессиональное обучение. Например, в июне 1930 г. Секретариат ЦК утвердил положение об организации годичных курсов для подготовки руководящих работников Наркомата иностранных дел. При этом от кандидатов требовался партстаж не менее 10 лет, желательно — рабочее происхождение и опыт руководящей партийно-советской работы областного масштаба. Образование или знание иностранных языков в расчет вообще не принимались.

При этом по сравнению с первыми послереволюционными годами заметно снизилась доля получивших гуманитарное, юридическое, экономическое образование. Большинство представители нового поколения руководства имели техническое (28,3%), военное (25%), партийное (15%) образование. Незнание Запада для этого поколения руководителей считалось само собой разумеющимся.

Постепенно складывалась система, ограничивающая доступ даже для многих членов Политбюро к механизму принятия важнейших внешнеполитических решений и информации.

Сохранилась дневниковая запись М.И.Калинина об одном из заседаний Политбюро в августе 1920 г., на котором обсуждался вопрос об очередном британском ультиматуме советскому правительству по поводу войны с Польшей. Характерен как состав участников заседания, так и общая атмосфера. Присутствовали члены Политбюро Л.Д.Троцкий, который вел заседание, Н.Н.Крестинский, кандидаты в члены Политбюро Н.И.Бухарин,

Г.Е.Зиновьев и сам Калинин, а также нарком иностранных дел Г.В.Чичерин, его заместитель Л.М.Карахан и К.Радек. Велась оживленная дискуссия, Троцкий редактировал текст ноты английскому правительству, Зиновьев, под его диктовку, записывал, а Радек возражал всем остальным по поводу возможной позиции Англии¹¹.

В 30-е гг. ситуация кардинально изменилась. Известно, что в апреле 1937 г. Политбюро по инициативе Сталина опросом приняло важнейшее постановление «О подготовке вопросов для Политбюро ЦК ВКП(б)»:

1. В целях подготовки для Политбюро, а в случае особой срочности — и для разрешения — вопросов секретного характера, в том числе и вопросов внешней политики, создать при Политбюро ЦК ВКП(б) постоянную комиссию в составе т.т. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича Л. и Ежова. 2. В целях успешной подготовки для Политбюро срочных текущих вопросов хозяйственного характера создать при Политбюро ЦК ВКП(б) постоянную комиссию в составе тт. Молотова, Сталина, Чубаря, Микояна и Кагановича Л.»¹².

Как отмечает О.В.Хлевнюк, с большой долей вероятности можно предположить, что после репрессий в Политбюро комиссии, созданные в апреле 1937 г., фактически объединились и действовали как «пятерка»: Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян¹³. Факт реального существования руководящей группы подтверждают и более поздние свидетельства Молотова. Он подчеркивал, что «материалы по тому или иному делу рассылались членам Политбюро. Перед войной получали разведданные»¹⁴. Впрочем, судя по мемуарам Н.С.Хрущева, он, будучи членом Политбюро и руководителем крупнейшей, притом пограничной союзной республики — Украины — практически не интересовался происходящим за границами СССР, а всю информацию черпал не столько из разведданных, сколько из обзоров западной прессы или разговоров с коллегами по Политбюро, определявшими внешнюю политику. Наряду с другими

«избранными» Хрущев в свое время получил книгу Гитлера «Майн Кампф», переведенную «для служебного пользования», однако «не мог ее читать, потому что меня буквально выворачивало; не мог спокойно смотреть на такие бредни, мне стало противно, не хватало терпения, и я ее бросил недочитавши»¹⁵.

Как писал сам Хрущев, в 1930-е гг. «придерживались такого правила — говорить человеку только то, что его касается. Тут дело государственное, поэтому чем меньше об этом люди знают, тем лучше»¹⁶. И если, скажем, нарком иностранных дел М.М.Литвинов, выступая на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 г. высоко оценил внешнеполитическую информацию, которую НКВД поставлял руководству НКВД, то другой нарком, Н.Г.Кузнецов, применительно к событиям 1939 г. вспоминал, что «наступление наших войск на Польшу и переход границы после нападения немцев на Польшу в сентябре 1939 года произошли даже без извещения меня об этом... Я с возмущением заявил об этом Молотову, сказав, что если мне не доверяют, то я не могу быть на этой должности. Он в ответ предложил мне читать сообщения ТАСС, которые приказал посылать мне с этого дня. Но разве это дело — наркому Военно-Морского Флота узнавать о крупных военных и политических (особенно военных) событиях, которые его касаются, из иностранных источников?!»¹⁷.

Впрочем, и те члены Политбюро, которые входили в пресловутую «пятерку», имели весьма приблизительные представления о Западе.

Известны многочисленные высказывания, в том числе Чичерина и Литвинова, о том, что Запада не знал Сталин. Как вспоминал позднее Хрущев, к моменту смерти Сталина из высшего руководства «только Молотов был приобщен к контактам с представителями капиталистических государств»¹⁸. Но в 30-е гг. и Молотов отнюдь не был знатоком Запада. Напротив, как писал в Берлин весной 1940 г. немецкий посол фон Шуленбург, «Молотов, который пока никогда не был за границей, испы-

тывает большие затруднения при общении с иностранцами». То, что Молотов «ни в коем случае не является специалистом по внешней политике», говорил и советский представитель в Берлине летом 1939 г.¹⁹

Существенную роль играло то, что подавляющее большинство лиц, входивших в политическую элиту 1930-х гг., в том числе и в состав высшего политического руководства, не владело иностранными языками и, следовательно, не могло использовать иностранную прессу или сообщения радио.

В 20-е гг., впрочем, эти источники в какой-то степени заменяла эмигрантская пресса, издающаяся на русском языке. В 1926 г. информационный отдел ОГПУ направил письмо за подписью заместителя председателя ОГПУ Г.Г.Ягоды на имя секретаря ЦК Молотова, в котором приводились следующие данные. Только через НКВД в СССР выписывалось 1134 экземпляра эмигрантской прессы. Например, «Социалистический вестник» выписывали 240-300 ведомств и лиц. К тому же большинство командированных за границу также покупали его (по сведениям ОГПУ — до 500 экз.) В письме утверждалось, что ряд заграничных белоэмигрантских изданий вообще существовал только благодаря их распространению в СССР по завышенным расценкам. Предлагалось издать секретный циркуляр с запрещением членам партии покупать эти издания, создать комиссию для установления порядка ознакомления с ними, а количество выписываемой в СССР эмигрантской прессы сократить до 25 экз.

Вскоре, в январе 1927 г., подписка на белоэмигрантскую прессу была запрещена. Вместо нее в крупнейшие парткомы было решено рассылать специальные обзоры, подготовленные информационным отделом ЦК, причем число парткомов, имеющих право получать такие обзоры, постоянно сокращалось. Постепенно подобные обзоры и сводки «для служебного пользования» стали получать все большее распространение, однако их содержание зачастую мало чем отличалось от материалов, публикуемых советской прессой.

Все это вело к тому, что представления о Западе в том числе и у наиболее информированной части советской политической элиты, становились все более далекими от реальности. Любые сообщения иностранной прессы, почерпнутые в основном из вышеупомянутых обзоров, воспринимались через призму господствующих стереотипов. Даже личные впечатления подвергались их воздействию. А.С.Щербаков, возглавлявший в качестве секретаря Союза писателей советскую делегацию на Международном писательском конгрессе в 1935 г., в своих заметках подчеркивал одно и то же — «Ни одного трактора и автомобиля на дорогах Польши... Вена умирающий город... Вена — как паук сосет соки маленькой страны и все же не хватает. И Вена теряет свое прошлое величие, увядает и умирает... Дух революции не убит, мы его чувствовали на каждом шагу... Эти люди (безработные в Вене — Авт.) озлоблены... они ждут не дождутся подходящего случая взяться за оружие»²⁰. В черновых, не предназначенных для печати записях председателя Всесоюзного общества культурной связи с заграницей А.Я.Аросева о поездке в Англию можно найти утверждение, что положение рабочих там ужаснее, чем во времена Энгельса, а шотландцы — представители угнетенной нации.

Конечно, мифологизацию внешнеполитических представлений советской политической элиты не стоит преувеличивать. Так, несмотря на заверения советской пропаганды о приближающейся победе революции в странах Запада, охваченных тяжелым кризисом, советское руководство все более испытывало скептицизм относительно ее ближайших перспектив.

Еще в 1932 г. М.И.Калинин оптимистично утверждал: «Стабилизация (капитализма — Авт.) оказалась короче, чем можно было ожидать: накопление революционной энергии идет бешеным темпом и события как разбушевавшаяся волна вновь одно набегают на другое». Однако в марте 1934 г. тот же Калинин, выступая перед делегацией иностранных рабочих, заявил буквально следующее:

«Можете рассказать и то, что я вам сейчас рассказал открыто перед всеми. Калинин сказал, что им (пролетариям Запада — Авт.) не хочется ставить свои головы на баррикады, им хочется миром завоевать власть, как-нибудь обойти буржуазию»²¹.

В ожидании задерживающейся мировой революции приходилось сосредоточиться на внутренних проблемах. Но в этой ситуации будущая война оказывалась уже не потенциальной возможностью для расширения революции, а реальной опасностью для режима. Уже в июле 1930 г., во время встречи с делегацией трудящихся г. Луганска, К.Е.Ворошилов говорил: «Наше правительство и партия считают, что войну нам начинать в настоящий момент, и нам именно начинать — совершенно невозможно. Это было бы, во-первых, нарушением всей нашей принципиальной установки в отношении наших международных дел, с одной стороны, а с другой стороны это было бы незаслуженным подарком для капиталистов... Если война сочинится большая, тогда вообще наша пятилетка полетит вверх тормашками и, кроме того, мы можем развязать руки тем силам, которые стремятся войну организовать и которых мы парализовали на протяжении многих лет»²².

Подобных высказываний много. Конечно, их можно расценивать как обычную пропаганду, но, судя по всему, опасения, что «пятилетка полетит вверх тормашками», да и сам советский режим в результате войны может пасть, были достаточно искренними. В «сводках о настроениях» конца 1920-х гг. постоянно отмечались распространенные высказывания типа «Ничего не пожалею, последнюю корову отдам, лишь бы уничтожить эту проклятую власть... Мы дождемся того момента, когда будет война и когда дадут нам в руки винтовки, тогда власть будет в наших руках»²³. Очевидной была и военная слабость СССР. Не случайно как российские, так и зарубежные исследователи, изучающие знаменитые «военные тревоги» конца 1920-х гг., приходят к выводу, что в них, по-

мимо прочего, отразились реальные настроения советского руководства.

По воспоминаниям Кагановича, никто иной как Сталин внес в резолюцию объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) в октябре 1927 г. «О директивах по составлению пятилетнего плана» следующий пункт: «Учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств на пролетарское государство, необходимо при разработке пятилетнего плана уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время»²⁴.

Опасность войны подчеркивалась постоянно. В черновых тезисах М.И.Калинина о международном положении в 1928 г. содержится любопытная фраза: «Вслед за моральной изоляцией идет подготовка (далее зачеркнуто: «к прямой войне» — Авт.) если не к прямой войне, то по крайней мере к экономической блокаде»²⁵.

Иногда начало будущей войны рисовалось советским лидерам во всех подробностях. В черновых записях С.М.Кирова, посвященных процессу «Промпартии», содержится следующее утверждение: «30 год. Интервенция должна была начаться выступлением Румынии под предлогом придирки, например, к пограничному инциденту с последующим формальным объявлением войны Польшей и выступлением лимитрофов... Англия должна была поддержать интервенцию своим флотом: а) на Черном море, имея целью отрезать кавказ[ские] нефтяные месторождения и б) в Финском заливе в операциях против Ленинграда»²⁶.

Пожалуй, говоря о менталитете советского руководства тех лет, трудно найти более удачную формулировку, чем та, что содержится в одном из неопубликованных выступлений М.И.Калинина в ноябре 1934 г.: «Вот, товарищи, зарубите себе на носу, что пролетарии Советского Союза находятся в осажденной крепости, а в соот-

ветствии с этим и режим Советского Союза должен соответствовать крепостному режиму»²⁷.

Вместе с тем к середине 1930-х гг. советское руководство, в отличие от широких масс населения, уже отказалось от иллюзий относительно поддержки западного пролетариата в случае войны против СССР.

Если в 1930 г., в обстановке мирового экономического кризиса С.М.Киров записывал: «Союзники наши вне СССР с каждым днем увеличиваются ибо видят пример и выход в социалистической революции», то уже в 1933 г. в черновых записях М.И.Калинина содержится следующее любопытное признание: «пролетарии Запада нас поддерживают, но слабо». Еще более откровенно он высказался в ноябре 1934 г.: «Товарищи, я не знаю, ведь вы же разумные люди, ведь вы же должны понять, что против Советского Союза ошетинился весь буржуазный мир... Ведь мы же не можем надеяться, что вы нас поддержите. Что вы нам сочувствуете, что вы, так сказать, морально будете поддерживать — в этом я не сомневаюсь, но ведь ваше моральное сочувствие имеет очень малое значение...»²⁸.

Необходимо отметить, что и Калинин, и многие другие представители советского высшего руководства, даже после прихода к власти в Германии Гитлера, видели основного противника именно в Англии.

Вообще Англия занимала особое место в представлениях о мире большинства сталинского руководства. Она, как правило, упоминалась чаще других европейских государств. На декабрьском пленуме ЦК 1936 г. Сталин подчеркивал, что оппозиция планировала «восстановить частную инициативу в промышленности и открыть ворота иностранному капиталу, особенно английскому». Характерна оговорка, которую сделал на том же пленуме нарком внутренних дел Н.И.Ежов, говоря о связях Каменева с французским послом: «они пытались вести переговоры с английскими (имелось в виду «французскими» — Авт.) правительственными кругами»²⁹. По свидетельству Ф.Ф.Раскольникова, Молотов в 1935 г. заявил ему

«твердым, не допускающим возражения тоном»: «Наш главный враг — Англия»³⁰.

Другими словами для большинства советских лидеров Англия в 20-30-е гг. играла примерно ту же роль, что США после второй мировой войны. Известно высказывание Сталина в марте 1935 г. в беседе с лордом-хранителем печати А.Иденом о том, что если бы «этот маленький остров сказал Германии: не дам тебе ни денег, ни сырья, ни металла — мир в Европе был бы обеспечен»³¹. По мнению Калинина, высказанному им в ноябре 1936 г., Англии достаточно было «шевелинуть пальцем сочувствия» республиканской Испании, как положение там изменилось бы к лучшему³².

Подобное отношение к Англии было, с одной стороны, традиционным. О том, что Англия является не только сильнейшей мировой державой, но и главным, извечным врагом России, можно было прочесть в статьях К.П.Победоносцева, мемуарах С.Ю.Витте и А.П.Извольского. В.И.Ленин в марте 1917 г. писал, что «злейшего врага хуже английских империалистов русская пролетарская революция не имеет»³³. С другой стороны, опыт первых лет Советской власти, особенно гражданской войны, окончательно убедил советское руководство в том, что Англия является их главным противником на международной арене. Это представление в полной мере перешло и в 30-е гг. Впрочем, наиболее откровенно и явно антианглийские настроения проявлялись в высказываниях советского руководства уже в 1939—41 гг.

Если внимательно изучить выступления, статьи, беседы советских лидеров того времени, складывается впечатление, что чем больше внимания уделяли они политике Англии, ее роли в подготовке войны против СССР, чем сильнее проявлялась их склонность видеть «руку Лондона» во всех мировых и европейских кризисах, тем равнодушнее они относились к фашистской опасности, зачастую (до 1933 г.) просто не упоминая о ней, а после 1933 г., даже говоря об агрессивной политике Гитлера,

по-прежнему особо выделяли позицию Англии. Так, председатель ВЦСПС Н.М.Шверник, выступая на пленуме Исполнительного комитета международного движения за мир в марте 1938 г. заявил: «При прямом попустительстве ряда правительств демократических государств, являющихся членами Лиги Наций и даже при непосредственной поддержке британского правительства (курсив мой — Авт.), на глазах всего цивилизованного человечества германские, итальянские и японские захватчики совершают злодейские дела»³⁴. Текст этого выступления был позднее собственноручно исправлен и рекомендован к печати секретарем ЦК А.А.Ждановым. Еще более афористично выразил подобную мысль в мае 1936 г. М.И.Калинин: «Сила фашизма не в Берлине, сила фашизма не в Риме, сила фашизма в Лондоне и даже не в самом Лондоне, а в пяти лондонских банках»³⁵.

С другой стороны, те советские лидеры, кто не склонен был особо подчеркивать негативную роль Англии, оказались более восприимчивы к угрозе фашизма. Пример — С.М.Киров, в речах и выступлениях которого в 1930-1934 гг. Англия (в различном контексте) упоминается гораздо реже, чем США или даже Франция. Зато еще в июле 1930 г. в речи, посвященной итогам XVI съезда ВКП(б), он утверждал: «...накануне фашистского переворота Германия, фактически уже попавшая под фашистскую диктатуру в последнее время»³⁶. Конечно, было бы явным преувеличением говорить о наличии фракций в Политбюро или даже различных внешнеполитических ориентациях советских лидеров, но определенные нюансы в их восприятии Запада несомненно существовали.

Массовые репрессии, обрушившиеся на политическую элиту в конце 30-х гг., привели к дальнейшему снижению ее интеллектуального потенциала. Как отмечал в своем дневнике по поводу XVIII съезда партии весной 1939 г. выдающийся русский ученый В.И.Вернадский, «люди думают по трафаретам. Говорят, что нужно. Может быть, цензуравали? — но бездарность и при ее наличии. Это за-

ставляет сомневаться в будущем большевистской партии. Во что она превратится?». И далее: «Резкое падение духовной силы коммунистической партии, ее явно более низкое умственное, моральное и идейное положение в окружающей среде, чем средний уровень моей среды — в ее широком проявлении — создает чувство неуверенности в прочности создавшегося положения»³⁷.

Снижение общего уровня советской политической элиты шло параллельно с ростом международной напряженности. Не соответствующие реальности внешнеполитические стереотипы, сформировавшиеся в конце 20-х — 30-е гг., в полной мере проявили себя в кризисной ситуации 1939—1941 гг. и стали одной из важных причин внешнеполитических просчетов советского руководства.

В некотором отношении интеллектуальная элита находилась, с точки зрения доступа к информации, даже в лучшем положении, чем политическая. Играло роль знание языков, позволявшее читать иностранную прессу и слушать радио. Так, в дневниках академика В.И.Вернадского постоянно содержатся упоминания о прочитанных им материалах западной прессы. «Получая каждый день кучу иностранных газет (а владею английским, немецким и французским, начал изучать испанский и итальянский), ясно вижу, как обостряется международная обстановка», — записывал в своем дневнике «красный профессор» А.Г.Соловьев, представитель уже нового поколения интеллектуальной элиты, работавший в 30-х гг. в Институте мирового хозяйства и мировой политики³⁸.

Важное значение имела и привычка к аналитическому мышлению, тем более что значительную часть интеллектуальной элиты составляли представители старой интеллигенции, имевшие, как правило, солидное образование, большой запас знаний, представлений, внешнеполитических стереотипов, проверенных в свое время и личным опытом. Конечно, постепенно эти знания и представления устаревали, теряли связь с реальностью, а новая информация не всегда была адекватной.

Обычно именно интеллектуальная элита вырабатывает основные представления о внешнем мире, которые затем воспринимаются, адаптируются и используются политической элитой. В советской истории, однако, происходил скорее обратный процесс — интеллектуалы вынуждены были перенимать представления и установки политического руководства, причем часто — под сильным нажимом. Есть свидетельства, что многие представители старой интеллигенции сохраняли достаточно ясный и критический взгляд на мир; впрочем на них также сказывалось огромное воздействие революции.

Выше цитировались критические оценки, содержащиеся в дневнике В.И.Вернадского. Но и он, анализируя происходящее, приходил к выводу, что «идейно и Франция, и Англия также мало выражают демократию, как и СССР, и, может быть, до известной степени Германия... Свободы мысли и личности больше у западных демократий — но социалистическое (и анархическое) отрицание правильности собственности на орудия производства не может быть отрицаемо в реальной демократии»³⁹. Р.Куллэ, впоследствии репрессированный, записал в дневнике в июне 1932 г.: «Если сопоставить то, чего *хотят* большевики, с тем, чего хотят идеологи буржуазного мира, и особенно белоэмиграция, то двух мнений быть не может относительно исторического оправдания большевиков...». (Впрочем, далее Куллэ добавляет, что «в действительности у наших насильников все выходит гораздо хуже, вульгарнее, циничнее и грубее, чем у буржуазных жандармов»)⁴⁰.

Подобные высказывания в определенной мере подкреплялись реальностью. 30-е гг. были не лучшими для стран Запада; заметно ухудшилось положение интеллигенции или, используя западный термин, «лиц свободных профессий». В сложном положении оказалась наука. А.Я.Аросев, посетивший Англию одновременно с академиком И.П.Павловым, писал, что на последнего произвела большое впечатление безработица среди английских уче-

ных. Нельзя не отметить, что исследования самого Павлова в СССР получали приоритетное финансирование.

Если даже такой представитель старой интеллигенции как Вернадский, в свое время видный деятель кадетской партии и член Государственного совета в 1906–1911 гг., осознавая наличие в СССР «полицейского режима и террора», одновременно подчеркивал, что «в идеологии положительное здесь», что в «демократиях оно (т.е. положительное — Авт.) проявляется не в тех группах, которые ведут и делают политику»⁴¹, то в еще большей степени подобные взгляды были характерны для нового поколения интеллектуальной элиты, сформировавшегося уже после революции.

В качестве примера можно привести известного советского писателя Вс.Вишневого. Он, как и Вернадский, имел возможность регулярно читать иностранную прессу и слушать радио, в его записных книжках содержатся многочисленные рассуждения о международной ситуации и перспективах ее развития. Порой Вишневский приходит к интересным и неожиданным выводам, но характерно для него и иное. «Все время читаю иностранную прессу, книги о Европе. Хочется как можно глубже войти в суть европ[ейской] войны, разобраться в шансах сторон, наметить возможные варианты». И тут же: «Курс ВКП(б) на стр. 317 дает освещение причин войны... Насильственные захваты указаны в Курсе ВКП(б)... Последние речи Молотова в новой обстановке, после изучения ряда документов и пр., дают указания на встречную агрессию со стороны Англии и Франции. Война эта — схватка главных конкурирующих мировых держав» (запись от 4 апреля 1940 г.)⁴².

Как уже отмечалось, для мифологизированного сознания вообще характерен глобальный взгляд на мир. Вот как видит ближайшее будущее Вишневский: «Классический мир «демократий» безусловно разрушается. Может быть, так и нужно: соединяются, централизуясь, огромные коллективы наций, размалывая «феодалное»

дробление на мелкие страны. Еще шаг, останется 4-5 главнейших систем, еще шаг и в новых великих битвах исчезнут две, три; еще шаг (век, два) и мир станет универсальной организацией». С этой точки зрения гибель 10 млн. людей в первой мировой войне для Вишневого «ничтожная плата за сдвиги, за прогресс, за уничтожение неск[ольких] империй, за Октябрь, за прояснение сознания у народа» (запись от 17 апреля 1940 г.)⁴³.

Было бы упрощением сводить подобное восприятие мира к результатам воздействия марксистской идеологии. Конечно, она приучала мыслить «глобально», «всемирно-исторически», но приведенные рассуждения находятся, скорее, в русле своеобразной утопической геополитики. Сам Вишневский пишет об этом так: «Конечно, нам только кажется, что идет борьба классов. Идет и общечеловеческая сложная эволюция: это механизация, централизация общества, атеизация и пр. Мы хотим добиться решения гл[авных] проблем по своему образцу» (запись от 30 апреля 1940 г.)⁴⁴.

Представители и старого, и нового поколения интеллектуальной элиты сходились во взглядах там, где речь шла о государственных интересах России (СССР). Так, присоединение западных областей Украины и Белоруссии в 1939 г. одни рассматривали как возможность распространения социализма на новые территории, другие же — как восстановление законных границ и интересов России. В.И.Вернадский, в частности, записывал в октябре 1939 г.: «...политика Сталина-Молотова реальная, и мне кажется правильной государственно русской»⁴⁵.

Другой объединяющей темой была, несомненно, антифашистская, и в меньшей степени антинемецкая. Жива еще была память о первой мировой войне, о германской интервенции 1918 г. Даже те, кто не являлся сторонником сталинской системы, рассматривали ее как меньшее зло по сравнению с гитлеровской. Это было характерно для значительной части западной элиты, это было характерно и для советского общества. Политическое руковод-

ство учитывало и использовало эти настроения; так, Н.И.Бухарин в заявлении для участников февральско-мартовского Пленума ЦК 1937 г. подчеркивал, что он «в свое время (говоря с глазу на глаз) сагитировал академика Ивана Петровича Павлова прежде всего на нашей внешней политике (и в значительной степени на антифашистских антигерманских тонах)»⁴⁶.

Вопрос о существовании в СССР 1930-х гг. «общественного мнения» — вопрос по меньшей мере дискуссионный. Правда, советское руководство, Сталин, в частности, любило порой сослаться на него в ходе международных переговоров, но, тем не менее, правильнее было бы говорить не об «общественном мнении», которое не могло сформироваться там, где не было условий для свободной дискуссии хотя бы в ограниченных рамках, а в лучшем случае об «общественных настроениях». И все же общественность не могла не реагировать на происходящее в мире.

Слой «общественности», включавший в себя и большую часть интеллигенции, лишенной доступа к альтернативным источникам информации, и слой низших партийных функционеров, и различного рода «актив», служили своеобразным связующим звеном между политическим руководством и массами, инструментом «массовой мобилизации». Уровень подготовки большинства представителей данной страты был невысок. Так, по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., среди руководителей районного и городского звена высшее образование имели 4%, а среднее 42,3%; среди различных категорий интеллигенции высшее образование имели от 15,4% (писатели, журналисты, редакторы) до 5,1% («прочие работники искусства»). Особняком стояли научные работники и преподаватели вузов, среди которых высшее образование имели 84,2%. Зато выделялась категория «пропагандистов», в которой среднее образование имели 49%, а высшее — 7,8%.

Как правило, основной вклад этой страты в формирование представлений о внешнем мире заключался в дальнейшем упрощении и без того уже упрощенных стереотипов. Именно они на бесчисленных митингах и собраниях составляли стандартные резолюции на международные темы, которые оказывались так разительно схожи в разных частях страны. Однако массы, которые по своему социальному статусу и образу жизни мало отличались от этого слоя, именно у него заимствовали большую часть своих внешнеполитических представлений.

Одним из самых распространенных стереотипов было представление о «враждебном капиталистическом окружении». Как вспоминал К.М.Симонов, «мы были предвоенным поколением, мы знали, что предстоит война. Сначала она рисовалась как война вообще с капиталистическим миром — в какой форме, в какой коалиции, трудно было предсказать; нам угрожали даже непосредственные соседи...»⁴⁷.

Представление о постоянной внешней угрозе порой трансформировалось в своеобразную ксенофобию. Тот же Симонов в поэме «Ледовое побоище», написанной в 1937 и опубликованной в начале 1938 г., так (устаами Александра Невского) сформулировал отношение к иностранцам (в данном случае немцам):

*Они влезают к нам под кровлю,
За каждым прячутся кустом,
Где не с мечами — там с торговлей,
Где не с торговлей — там с крестом»⁴⁸.*

Иностранцы, посетившие СССР, постоянно отмечали у своих собеседников преувеличенные представления о масштабе революционных настроений, остроте социально-экономического кризиса в капиталистических странах. Иногда особенности советского быта как бы проецировались на жизнь других стран. Так, А.Кестлеру во время его пребывания в Москве задали вопрос: «Когда вы ушли из буржуазной прессы, отобрали ли у вас продуктовую карточку и выселили ли вас из вашей комна-

ты?». Были и другие вопросы, в частности, «сколько в среднем французских рабочих семей погибает ежедневно от голода а) в сельской местности и б) в городах?»⁴⁹.

Но наряду с этим сохранялись и противоположные, столь же упрощенные стереотипы — представление о Западе как о счастливом, богатом мире, где решены все проблемы. Этот позитивный образ существовал в разных слоях общества. Академик И.П.Павлов в 1934 г. писал председателю Совнаркома В.М.Молотову, что «могучий англосаксонский отдел», то есть США и Англия, «воплотит-таки в жизнь ядро социализма: лозунг — труд как первую обязанность и главное достоинство человека и как основу человеческих отношений, обеспечивающую соответствующее существование каждого, — и достигнет этого с сохранением всех дорогих, стоивших больших жертв и большого времени, приобретений культурного человечества»⁵⁰. И на бытовом уровне существовали устойчивые стереотипы о высоком уровне жизни на Западе. Например, в сентябре 1935 г. некий советский инженер в беседе с иностранным корреспондентом (по свидетельству переводчика ВОКС) доказывал, что «за границей, очевидно, очень хорошо живется и все баснословно дешево, т.к. наши русские, едущие туда в командировку и приезжающие обратно, все прекрасно одеты и даже привозят с собой велосипед и патефон!»⁵¹. О том, что отношение многих к США было позитивным и граничило с восхищением, ссылаясь на личные впечатления, писал Ф.Баргхорн, работавший в те годы в посольстве США в СССР. Но этот позитивный образ Запада тускнел и терял свою притягательность, по крайней мере, в предвоенные годы, по мере воздействия пропаганды, стабилизации внутреннего положения и относительного роста уровня жизни, наконец, просто смены поколений.

Подавляющее большинство населения страны принимало чисто пассивное участие в формировании внешнеполитических стереотипов — за ними, в сущности, оставалось лишь неосознанное право выбора между различ-

ными мифологемами. Одни из них прочно укоренились в массовом сознании, другие не оказывали на него никакого (или почти никакого) воздействия. Значительная часть населения имела о внешнем мире лишь самое отдаленное представление. Нелишне напомнить, что к 1939 г. грамотных в стране было 81,2%, лиц со средним образованием — 7,8%, с высшим — 0,6%.

Усилия режима по политизации и просвещению масс приносили свои плоды, но, как говорил в 1936 г. командующий Белорусским военным округом И.П.Уборевич, значительную часть новобранцев последнего призыва составляли люди, «которые не знают, кто такой Сталин, кто такой Гитлер, где Запад, где Восток, что такое социализм»⁵². Вместе с тем многие источники отмечали даже в самых глухих деревнях реальный, хотя зачастую неудовлетворенный, интерес к международным событиям.

Подводя итоги, можно заметить, что на данном этапе речь может идти лишь об основных тенденциях в формировании внешнеполитических стереотипов. Если в США уже в 1935 г., в Великобритании в 1937-м, во Франции — в 1939-м начали работу институты Гэллапа, проводившие регулярные опросы общественного мнения, в том числе и по вопросам внешней политики, в СССР ничего подобного не было. Сводки «о настроениях», составленные ОГПУ или партийными органами, представляли собой достаточно случайные выборки, не дающие сколь-нибудь убедительной статистики, да и объективность их порой вызывает сомнения. Тем не менее можно прийти к выводу, что в сознании советского общества 30-х гг. складывалась неадекватная в целом картина внешнего мира, в первую очередь Запада. Наиболее заметным искажением являлась распространенная во всех слоях советского общества недооценка уровня западной цивилизации, привлекательности ее ценностей, потенциальной способности капитализма к трансформации. Явно переоценивалась как степень готовности народных масс к

революции, так и степень враждебности правящих кругов Запада к СССР.

Одновременно сохраняла свою привлекательность идея технического прогресса по западному образцу. Промышленная технология в широком смысле и все вырастающие из ее внедрения элементы культуры и образа жизни наделяются высшим сакральным статусом. Традиционный для массового сознания негативный образ Запада расслаивается, и из него выделяется актуальная ценность — технология.

Новый, переосмысленный образ технологии выражается в широком спектре явлений культуры, искусства, образа жизни. Детский журнал печатал на обложке фотографии немецких генераторов с указанием их мощности и завода-изготовителя. Массовым тиражом была издана книга И.Ильфа и Е.Петрова «Одноэтажная Америка», снабженная массой фотографий и пронизанная своеобразным технологическим энтузиазмом.

Короче говоря, Запад оставался многоликим, причем его разные, иногда прямо противоположные, ипостаси сосуществовали не только в общественном сознании, но и в сознании отдельных людей.

К концу 1930-х гг. большинство населения в той или иной степени восприняло стереотипы официальной пропаганды. Как вспоминал Л.К.Шкаренков, служивший в 1940—1941 гг. в РККА, «я был в курсе всех международных событий, давал их оценки, которые вроде бы и самостоятельны, но не расходятся с основными положениями официальной пропаганды»⁵³. О том же писал и В.М.Зензинов, опубликовавший в 1944 г. несколько сотен писем, найденных у убитых в Финляндии в 1939—1940 гг. красноармейцев: «Все советское население было искренне убеждено, что нападающей стороной явилась Финляндия, натравленная на Советский Союз империалистическими правительствами Англии и Франции, и что Советский Союз только оборонялся. Так думала Красная Армия и так думало все советское население»⁵⁴.

Официальная пропаганда, несомненно, оказывала заметное влияние на массовое сознание, а растущая изоляция общества, все в большей степени сопровождавшаяся ростом подозрительности и шпиономании, сокращала возможности получения объективной информации. Но все же в массовом сознании по-прежнему сохранялись различные, иногда прямо противоположные представления о Западе, и хотя картина мира в целом и Запада в частности сохраняла мифологический характер, она отнюдь не копировала официальные стереотипы.

И в политическом руководстве, и в массах в новом контексте достаточно быстро воспроизводился традиционный изоляционизм. Запад в первую очередь воспринимался как источник угрозы – военной, экономической, в меньшей степени идеологической. Весь спектр изоляционистских и антизападных настроений был хорошо знаком советской политической элите, которая одновременно и подчинялась им, и использовала их. Временами пропаганда раздувала антизападные настроения, временами они приглушались. Политика балансирования между отдельными странами и силовыми блоками Европы, изменения в соотношении сил в мире, а иногда – логика внутривластной борьбы вели к тому, что образ врага являлся изменчивым. В 20–30-е гг. в этой роли выступал английский империализм. Затем эта роль переходит к немецкому фашизму, а после войны – к Соединенным Штатам Америки.

¹ РГАСПИ. Ф.88. Оп.1. Д.467. Л. 1.

² Цит. по: *Аросева Н.А.* След на земле. М., 1987. С. 232.

³ *Сталин И.В.* Соч. М., 1955. Т.13. С. 121.

⁴ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 15.

⁵ *Соловьев А.Г.* Тетради красного профессора. 1912–1941 гг. // Неизвестная Россия. XX век. Кн. IV. М., 1994. С. 178.

⁶ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1993. № 9. С.26-27.

- 7 *Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 31.
- 8 Кронштадтская трагедия 1921 года // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 28.
- 9 *Соколов В.В.* Неизвестный Г.В.Чичерин // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 14.
- 10 Там же.
- 11 РГАСПИ. Ф.78. Оп.1. Д. 669. Бл. 1. Л. 1-1 об.
- 12 Сталинское Политбюро в 30-е годы... Сборник документов. М., 1995. С. 55.
- 13 *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 237-239.
- 14 *Чуев Ф.И.* Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф.Чуева. М., 1991. С. 390,391,416.
- 15 Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 80.
- 16 Там же. № 3. С. 70.
- 17 *Кузнецов Н.Г.* Крутые повороты. Из записок адмирала. М., 1995. С. 47.
- 18 Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 76.
- 19 Цит.по: *Розанов Г.Л.* Сталин-Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений. 1939–1941 гг. М., 1991. С. 143.
- 20 РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 467. Л. 3-4.
- 21 Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 468. Бл. 3. Л. 40; Д. 481. Л. 24.
- 22 Там же. Ф. 74. Оп. 1. Д. 106. Л. 35,37.
- 23 Там же. Ф.17. Оп.32. Д.176. Л.2.
- 24 *Каганович Л.М.* Памятные записки. М., 1996. С. 400. Полный текст резолюции см.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М., 1984. С. 214-232.
- 25 РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 468. Бл. 9. Л. 4.
- 26 Там же. Ф. 80. Оп. 14. Д. 16. Л. 4.
- 27 Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 508. Л. 11.
- 28 Там же. Ф. 80. Оп. 14. Д. 18. Л. 47; Ф. 78. Оп. 1. Д. 469. Л. 15; Д. 481. Л. 12; Д. 508. Л. 9.
- 29 Фрагменты стенограммы декабрьского пленума ЦК ВКП(б) 1936 года // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 6.
- 30 *Раскольников Ф.Ф.* О времени и о себе. Воспоминания, письма, документы. Л., 1989. С. 484.
- 31 Документы внешней политики СССР. М., 1973. Т. XVIII. С. 250-251.
- 32 РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 561. Л. 21.
- 33 *Ленин В.И.* Полн.собр.соч. Т. 49. С. 418.
- 34 РГАСПИ. Ф.77. Оп.1. Д.858. Л.3.
- 35 Там же. Ф.78. Оп.1. Д.636. Л.73.
- 36 *Киров С.М.* Избранные речи и статьи (1912–1934). М., 1957. С. 511.

- ³⁷ Вернадский В.И. Дневник 1939 г. // Дружба народов. 1992. № 11-12. С. 21-22.
- ³⁸ Соловьев А.Г. Указ.соч. С. 187.
- ³⁹ Вернадский В.И. Указ.соч. С. 32.
- ⁴⁰ Куллэ Р. Мысли и заметки. Дневник 1924–1932 годов // The New Review – Новый журнал. Кн. 189. 1992. С. 285.
- ⁴¹ Вернадский В.И. Указ.соч. С. 26.
- ⁴² РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2077. Л. 30. Подобные ссылки на партийные документы и мнение «вождей» можно найти и в записях А.Г.Соловьева.
- ⁴³ Там же. Л. 45–45 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 46.
- ⁴⁵ Вернадский В.И. Указ.соч. С. 25.
- ⁴⁶ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1992. № 2-3. С. 12.
- ⁴⁷ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В.Сталине. М., 1988. С. 75.
- ⁴⁸ Симонов К.М. Собрание сочинений. М., 1979. Т. 1. С. 367.
- ⁴⁹ The God that Failed. N.Y., 1965. P. 54.
- ⁵⁰ Цит.по: Самойлов В., Виноградов Ю. Иван Павлов и Николай Бухарин. От конфликта к дружбе // Звезда. 1989. № 10. С.112.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 3. Д. 501. Л. 107.
- ⁵² Уборевич И.П. Два очага опасности // Военно-исторический журнал. 1988. № 10. С. 43.
- ⁵³ Шкаренков Л.К. Память о войне // Россия и современный мир. 1995. № 2. С. 260.
- ⁵⁴ Зензинов В.М. Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную армию. 1939–1940. Нью-Йорк, 1944. С. 138.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Г.Д.Алексеева:

Как вы относитесь к таким материалам, как книжка С.Ф.Ольденбурга «Европа на пожарищах войны», статьи академика Ипатьева, вернувшегося в конце 20-х гг. из Америки, где он работал в лаборатории, как опубликованные впечатления советских рабочих, которые ездили в Америку и в Германию, учились там? Как вы относитесь к переводной литературе, которая массовыми тиражами выходила в 20–30-е гг., – например, о Тейлоре, воспоминания Форда?

А. В. Голубев:

Я говорил о картине Запада, об образе Запада в самом широком смысле, прежде всего о политическом руководстве и исключал из этого круга дипломатов и разведчиков, которые профессионально должны были иметь другие представления о Западе.

Литература, о которой вы говорите, существовала. Но я рассматривал то, как «образ Запада» рисовался в советских средствах массовой информации. Эта литература также проходила через сито цензуры. Независимых источников информации почти не существовало.

А. Н. Сахаров:

Как вы оцениваете отношения Советского Союза и Германии в конце 20-х и в начале 30-х гг., примерно до 1935–36 г., когда Германия практически была открытой страной для России? Туда не только ездили, там лечились, работали, обучались. Немцы учились на наших полигонах стрелять из танков, водить самолеты. Были широкие контакты, скажем, между «Мессершмиттом» и нашими военными заводами. Горьковский автозавод строился американскими фордовскими специалистами и т.д. Все это было широко открыто. Далее — конкурсы: шопеновский конкурс, бельгийский конкурс М. Лонг. Победы Флиера, Зака, Оборина на этих конкурсах. Кино, музыканты... Тогда все это было в каком-то ином виде, чем то закрытое впечатление, о котором вы говорили. Как этот широкий спектр укладывается в предложенные Вами несколько жесткие схемы?

Второй вопрос. Вы совершенно правильно говорили насчет образовательного ценза. Этот ценз сегодня поражает. Сейчас опубликована масса материалов об элите, от уровня райкома до ЦК партии. Там действительно не было людей интеллигентных. В период Горбачева в ЦК КПСС не было ни одного выходца из интеллигентной среды. Ни одного. Ноль! До этого, при Хрущеве, был один-два... Но вместе с тем есть и такие примеры: Шоло-

хов — четыре класса образования; Леонов — пять классов образования в гимназии.

Я встретался с Борисом Изаковым. Это один из наших лучших переводчиков. Я его оформлял за границу, работая в ЦК КПСС. Когда он заполнял анкету, я заметил, что в графе образования нет указания об образовании. Я его спросил: «А какое у вас образование? Вы не указали». А он говорит: «А у меня нет образования». Я говорю: «А как же написать». А он говорит: «Напишите самоучка». Он был блестящий журналист, а вообще человек без образования и великолепно знал английский язык. И этот список можно было бы продолжить многократно.

Т.е. картина в этом смысле была более сложной. Вы во многом правы, но мне кажется, что ситуация была гораздо сложнее и разнообразнее, чем кажется сейчас.

Третий вопрос. Сложилась русская традиция отношения к Западу, отношения к Англии. Это не только советская традиция. И в этой связи наши лидеры не восприняли ли они эту русскую традицию как свою родную традицию на своем низком уровне образования?

А.В.Голубев:

Конечно, на самом деле все не было так жестко, как могло показаться. Я привел цифры о количестве иностранных специалистов, которые жили в СССР и т.д. Вы говорили о вернувшихся советских рабочих, и я напомнил о том, что были такие случаи. Но речь-то шла об основном потоке, не об исключениях.

Вы абсолютно правы в том, что действительная картина всегда более сложная, чем ее можно обрисовать несколькими чертами. Я говорил об определяющих тенденциях.

Что касается Германии, да, она была достаточно открытой страной. Но в данном случае речь шла не о Германии, а о советском обществе. Действительно несколько сотен военных прошли обучение в Германии. Не только немцы у нас учились, наше высшее офицерство в конце 20-х — начале 30-х гг. довольно активно училось в Гер-

мании. И Рейхсвер считался стратегическим партнером до конца 20-х гг. Не только в рамках чисто технических отношений, о которых сейчас так много пишут, но и в стратегическом планировании. Но это охватывало узкую группу профессиональных военных.

Если брать другие социальные группы, речь шла об очень узком круге людей, о нескольких десятках, может быть, сотне тысяч, что очень немного для такой огромной страны. Для основной массы населения, непосредственно не связанной с этими контактами, Запад оставался страной неведомой.

Люди, которые ездили туда, делились впечатлениями. Но, в какой-то момент делиться этими впечатлениями стало небезопасно. И опять-таки эта информация распространялась по законам мифологического сознания, иногда принимая совершенно неузнаваемые формы.

Что касается Англии... Действительно, англофобия является своеобразной русской традицией еще с начала XIX, если не с XVIII столетия. Она была когда-то оправдана, а когда-то нет. Когда в 36-м г. считали, что Англия готовится напасть на Советский Союз, — это, на мой взгляд, была оценка совершенно мифологическая. Англия даже в 27-м г. не планировала военного нападения на СССР.

Н.А.Горская:

Я ожидала услышать какую-то периодизацию. Ведь 30-е гг. дали диаметрально противоположное отношение общества к той же Германии. Что касается Англии, то мне представляется, что те высказывания, которые вы приводили, совершенно не отражают настроений интеллигенции.

Я, конечно, была мала в 30-е гг., но воспитывалась в Москве в среде технической интеллигенции. У нас был открытый дом, к нам приходили люди, и я могу сказать, что отношение к Германии до середины 30-х гг., когда там еще не укрепился фашизм, и после — две разные вещи. До 1935 г. это было одно, а вторая половина

30-х — это совсем другое. Недаром, когда наша политика верхов резко изменилась и пошли на альянс с Германией, это было шоком для интеллигенции, поскольку просто был потерян ориентир. Фашизм — это было что-то страшное, против него общественное мнение было уже сформировано к тому моменту, когда мы пошли на замирение с Гитлером.

Второе. Нельзя говорить о мнении России о Западе, базируясь только на том, что писали наши политические боссы или элита, непосредственно их обслуживающая, потому что как в наше время, так и тогда общественное мнение было более широким, более глубоким, и источники, которыми оно питалось, были в те времена тоже достаточно широкими. Не посмотреть на это, не поискать какой-то переписки, каких-то мемуаров гораздо более рядовых людей, которые и создавали мнение в отношении Западе, — это неправильно.

А.В.Голубев:

Я говорил конкретно о настроениях в советском высшем политическом руководстве.

Относительно вопроса о периодизации. Я не говорил отдельно об образе Германии, Франции, Англии, Японии и т.д. С 1935-го г. образ Германии изменился, в том числе как бы наложился на наследство времен Первой мировой войны и на воспоминания о Первой мировой войне. Что касается образа остальных стран, там такого резкого изменения не происходило. На протяжении 30-х гг. прослеживается заметная преемственность от начала до конца. Единственная оговорка: я ограничился началом Второй мировой войны. 1939—1941 гг. — это особая статья.

Я убедился, работая с фондами наших руководителей, что это было не просто культивирование мифа об угрозе войны. Они были на самом деле убеждены в этой угрозе. Это не обязательно относится к каждой пропагандистской кампании к каждому конкретному обвинению в адрес той или иной страны, тех или иных империалист-

тов. Но то, что Запад не просто враждебен, а готов на войну против нас и эта война вполне реальна, в этом они были убеждены. Решалось очень много внутривосточных проблем: мобилизация общества, достижение определенного единства перед лицом врага. Это было очень удобным оружием в борьбе в 20-е гг. против различных оппозиций. Кстати, его использовали не только сторонники Сталина, но и сторонники Троцкого. Они друг друга обвиняли в том, что нарушается единство перед лицом внешнего врага. Но меня больше всего удивляет искренняя убежденность (а это прочитывается во многих документах, и я не верю, что все свои письма, дневники, конспекты и т.д. они фабриковали специально, чтобы произвести впечатление на историков); они искренне верили не просто во враждебность Запада, а в то, что в ближайшее время может быть нападение со стороны Запада и в 20-е, и в 30-е гг., хотя реальной ситуации в мире это не очень соответствовало.

С.М.Кашинов:

У меня небольшое замечание. Мне кажется, что это очень интересный доклад, но здесь лучше ограничиться сначала одной социальной группой, которую вы наиболее подробно рассматривали, потому что другие группы требуют такого же углубленного анализа.

Г.Д.Алексеева:

Я тоже жила в семьях, куда приезжали рабочие из Германии и Соединенных Штатов. Этим рабочих помещали на заводе Лихачева в коммунальные квартиры. Поэтому ваш тезис о том, что они были изолированы и про них ничего не знали, не обоснован. О них знали абсолютно все.

Второе. Мне кажется, что было очень много факторов, которые способствовали созданию «образа врага», с одной стороны, а с другой — образа солидарности с трудящимися массами, образа друзей, товарищей, борцов за одно общее дело. Это два совершенно разные потока.

Была и еще одна сторона. Это пропаганда наших ученых, в том числе историков, взглядов на Запад. Почему я спросила про книжку Ольденбурга. Он был послан Академией наук в 1923 г. в Европу, во все европейские столицы, для того чтобы собрать деньги для наших архивов, для Академии наук и для издания букварей. Это все было в нашей прессе начала 20-х гг. Он вернулся оттуда и написал книжку «Европа на пожарищах войны». Он писал: Европа – поганый мир, куда незачем нам ездить... Я объездил Берлин, Париж, Лондон. Никто не хочет никому помогать. Каждый думает только о том, как выжить и как заработать свои деньги и прожить. Им наплевать на культуру, на нашу русскую культуру.

Когда ученых туда посылали в командировку, иногда думали, что они там останутся. До 20-го гг. ни один там не остался. Они возвращались в голодную бедную страну и строили наши архивы, наши библиотеки, Академию наук, наши институты. И они об этом писали.

Есть еще одна группа очень интересной литературы: как строится образование на Западе; архивы, библиотеки и культурная работа. Эти статьи публиковались систематически на страницах всех наших журналов 20–30-х гг. И все эти ограничения, о которых вы говорили, – идеологические и политические – были только после 1937 г.

А.К.Соколов:

В докладе предложены три модели, три восприятия Запада, Александр Владимирович прав, когда он выделяет основной вектор настроений в той или иной группе. Но о моделях, наверное, говорить в данном случае не стоит. Почему? Три модели: политическая элита, интеллектуальная элита так называемые «массы». На самом деле здесь возникает противоречие. Как специалист по советской истории, я могу сказать, что советское общество того времени было куда более дифференцированным и отношение к Западу было гораздо сложнее.

Доклад носит методологический характер, поэтому нельзя обойтись без объяснения — почему формируется тот или иной вектор или модель. Какие истоки, какие причины для этого?

Ю. С. Борисов:

Тема заслуживает большого внимания потому что у нас очень разные представления, нет четкости в признании некоторых отдельных конкретных фактов. Мы путаемся, противоречим себе, и у всех недостаток фактической информации.

Тема сформулирована очень четко: 30-е гг., образ Запада в России. 30-е гг. — это особый этап. Но ряд фактов приводится по 20-м гг., преимущественно на основе фактических материалов ученых, которые возвращались в 20-х гг.

Второе. Приезжали иностранцы, их наблюдали рабочие, и их было достаточно много. Но в СССР приезжали работать интернационалисты.

Третье. Примерно к 20-м и к 30-м гг. действовало очарование, я бы даже сказал эйфория Октября, которая обрисовала как бы возможности выхода из тупиков, которые реально создавало западное общество того времени, которое из одной мировой войны втягивалось во вторую. Отсюда, вероятно, ожидание опасности войны с обеих сторон. Но она назревала реально. Пропаганда каким-то образом корректировала и искажала какие-то конкретные явления. Но тенденция была очевидна по обе стороны.

Нельзя недоучитывать идеологический фактор, фактор веры, веры в то, что Советской Россией найден какой-то более справедливый путь будущего. Этим было одушевлено советское население независимо от отношения к каким-то деятелям правительства, конкретным лицам, правительству в целом и т.д. Спектр был очень широк. К нам приезжали с Запада интеллектуалы. Многие их заметки в СССР печатали. То есть в целом для западного человека была характерна положительная

оценка. И это в значительной мере корректировало то, о чем вы говорили.

По поводу избранного метода исследования. Я согласен с выделением трех групп: элита политическая, элита интеллектуальная и массовое сознание. Меня поразили некоторые материалы, с которыми я познакомился, об удивительно дремучих представлениях о Западе нашей политической элиты, причем не только того периода. Большевики формировали такую элиту, и другой они не принимали. Отсюда агрессия против интеллигенции.

Мне думается, очень правильно сделан один из акцентов на уровень образования элиты и масс. Я убежден, что с повышением уровня образования большевизм терял опору. Отсюда противоречие, заложенное в природе этого строя, – противоречие между большевизмом и интеллигенцией (интеллигенцией не в первом поколении, не рабфаковцами, которые являлись плотью от плоти рабочего класса и крестьянства), которая восстановила языковую культуру и возможность получать информацию непосредственно и независимо. В целом направление исследования избрано правильно.

А. Н. Сахаров:

Доклад посвящен очень острой теме, и те исследования, которые ведутся в Центре, ведутся, по-моему, более разнообразно и более диалектично, чем обозначено в докладе. Основное направление исследования перспективно. Проблема уровня образования, восприятие мира, не только внешнего, но и восприятия своей интеллигенции, потому что так же относились и к своей интеллигенции, и не только к старой, но и к новой интеллигенции, уже советской интеллигенции. Думаю, что этот вектор расхождения между элитой и нашим развивающимся обществом все более увеличивался и в этом была, наверное, одна из трагедий нашей системы и нашего строя, когда общество перегоняло элиту, перегоняло руковод-

ство. Это относится и к сегодняшнему уровню страны, нашего общества, к сегодняшнему уровню руководства.

Видимо, нужно говорить о том, что в течение десятилетий элита, начиная с 20-х гг., была выше уровня масс, а элита уже последующего сталинского и дальнейшего хрущевского, брежневского, призыва отставала от уровня массы все больше и больше.

А.В.Голубев:

Действительность была многоцветной. В процессе отбора материалов для осмысления она упрощается. В процессе написания любого доклада или статьи она еще более упрощается. Действительно, между 20-ми и 30-ми годами очень большая разница. И рубеж проходит отнюдь не по 1937 г. Рубеж – это конец 20-х гг., 1926, 1927, 1929 гг. За этот период меняется многое. Возрастает степень закрытости. Меняется внешнеполитическая пропаганда. Сужается внешнеполитическая информация.

Ну, и наконец, насчет ученых. Можно назвать не одну фамилию ученых, которые в 20-х гг. остались на Западе.

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К РЕЛИГИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1937 ГОДА*

Среди огромного комплекса разнообразных материалов, собранных переписью 1937 г., особое место принадлежит уникальным данным о религиозности и атеистических воззрениях населения.

Вопрос об отношении населения к религии появился лишь в самой последней редакции переписного листа в канун проведения переписи и был сформулирован следующим образом: «Вопрос номер 5.Религия». Согласно инструкции счетчику следовало опрашивать в данном случае респондентов, начиная с 16-летнего возраста. Респонденту предстояло сначала выразить свое отношение к религии, а затем по самоопределению назвать вероисповедание.

В принципе, требование определить отношение к религии было некорректным с точки зрения правил, принятых в русской статистике, поскольку таило в себе возможность получения от респондента заведомо ложной информации, тем более вероятной в стране, где религия считалась на официальном уровне «пережитком прошлого в сознании отсталых людей». Однако вопрос этот был внесен И.В.Сталиным, который лично редактировал переписной лист в его последнем варианте. Возражать вождю никто из статистиков не осмелился и вопрос остался в переписи.

Респонденты оказались в весьма сложной ситуации. С одной стороны, они опасались разного рода негативных последствий для себя и для своих близких, тем более вероятных в условиях нарастающей волны репрессий. Но это была лишь одна сторона дела. При оценке ответов респондентов необходимо иметь в виду и другой важный момент. Верующие страшились отречься от

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 19 декабря 1996 г.

веры, опасаясь Кары Божьей. Оказавшись перед таким сложным выбором, многие верующие нашли в себе мужество не предавать своих убеждений. Встречалось и немало колеблющихся людей, которые затруднялись определить свое отношение к религии. Некоторые респонденты руководствовались конъюнктурными соображениями.

Несмотря на сложность ситуации, перепись собрала обширную информацию по Союзу в целом, которая нуждается в научном осмыслении. 80% взрослого населения 16 лет и старше ответили на вопрос о религии. Цифровой материал дополняется и апробируется рядом донесений с мест о ходе переписи по вопросу о религии (из нескольких областей Белоруссии и Украины, Московской и Свердловской областей РСФСР) и что особенно ценно — обобщающей такого рода донесения откровенной запиской начальника ЦУНХУ И.А.Кравая, адресованной в ЦК ВКП(б).

Совокупность этих материалов позволяет дать научную оценку достоверности собранной переписью информации и составить демографическую характеристику верующих и неверующих (определить их пол, возраст, грамотность).

Как следует из донесений, перепись в целом была встречена населением доброжелательно. Респонденты, как правило, охотно отвечали на вопросы. Исключением являлся лишь вопрос о религии, который в ряде мест породил волну тревожных слухов.

В Московской области, например, страшились, что на верующих «посыпятся те же кары, что и на раскулаченных». В сельской местности области распространились слухи, что «на верующих будут смотреть как на кулаков, поэтому нужно ничего не отвечать на этот вопрос или вообще избежать переписи». Говорили, что «будут ходить 40 комиссаров и записавшихся верующими будут высылать из районов»¹. Многие опасались, сообщалось в донесении из Свердловской области, что всех верующих «выбросят из колхоза»². Те же страхи мучили население и в Белоруссии. В колхозе «Парижская коммуна» считали,

что тех, кто запишется верующим, вышлют из района в отдаленные места, что верующих «заставят голодать»³.

Мысль о насильственном выселении была широко распространена, причем в некоторых районах ожидали, что верующих вышлют в специальную республику, видимо, по образцу спецпоселений для заключенных в то время. Так, в Толочинском районе БССР были разговоры, что «всех верующих переписут, а потом «вышлют в одно место, живите, мол там себе»⁴. Ждали высылки в спецреспублику в Крупском, Узденском, Плащеничском районах БССР и во многих селах Свердловской области.

Слухи приобретали порой зловещий характер: люди боялись арестов, судебных расследований и даже физического уничтожения. Ждали в момент переписи Варфоломеевской ночи (гг. Уральск, Кишертъ Свердловской области, Киевская область). Это опасение было очень распространенным и упоминалось во всех донесениях. В Бегомльском районе Белоруссии говорили, что «всех тех, кто записался верующим, должны забрать» и даже заклеить. В другом случае священник предупреждал, что «старушек в ночь с 5 на 6 января будут выводить и расстреливать, молодым не будут давать хлеба»⁵. В результате верующие в некоторых селах «закрылись» в домах на целые сутки (Свердловская область).

Преследования верующих могли, по их опасениям, иметь последствия и для членов семей, особенно боялись за судьбу детей, что имело место в то время в связи с репрессиями. Ходил упорный слух, что детей верующих изгонят из школ, взрослых детей уволят с работы⁶.

Распространился страх и чисто религиозного характера. Боялись божьего суда, антихристовой печати. Во многих селах передавали из уст в уста, что «через 15 дней после переписи будет конец света и всех неверующих направят в ад»⁷.

Одним из самых распространенных слухов был слух о возможном повышении налогов и введении нового налога на верующих. Во многих районах Свердловской, Киев-

ской и Московской областей ждали введения нового налога на признавшихся в вере в Бога⁸.

Боялись, однако, записываться и неверующими, в основном из-за напряженной в то время международной обстановки. В Стайковском районе опасались, что «скоро придет Гитлер и будет уничтожать неверующих»⁹.

В этих условиях часть населения решила отказаться отвечать на вопрос о своем отношении к религии. В Лельчицком районе БССР, когда одному респонденту задали этот вопрос, он бросился бежать в лес, а жена зажгла перед иконами свечи и ответа не дала. Некоторые собирались «в бега»: «Возьмем сухари и не придем пока не кончится перепись»¹⁰. Обычно свои отказы отвечать на вопрос о религии респонденты мотивировали тем, что они ответственны только перед богом. Нередко встречались уклончивые ответы: «Пишите, как хотите». Особенно такого рода ответы были характерны для сектантов. Например, в Лепельском районе отказались давать сведения 200-250 человек, так как евангелисты дали обет молчания. Одни не отвечали на вопрос, другие закладывали демонстративно в рот платок. В Чечерском районе Белоруссии баптисты провели агитацию среди женщин и те вообще отказались отвечать на вопросы переписи и по другим пунктам¹¹.

Под влиянием агитации и распространившихся страхов многие респонденты, записавшиеся поначалу как верующие, «передумывали» и объявляли себя неверующими. Так, в Заславльском районе первые дни предварительного заполнения переписных бланков показали, что в некоторых колхозах в число верующих записывались до 90-95% колхозников. Однако имелись случаи, когда некоторые из них по несколько раз обращались к счетчикам с просьбой «исправить их» из «верующего» на «неверующего» и обратно.

Были случаи, когда респонденты стремились не к искреннему признанию, а к получению для себя каких-либо льгот и стремились ответить так, как было выгоднее или безопаснее в тех сложных условиях. В Чаусском рай-

оне, например, считали некоторые, что «неверующим будут отпускать товары из кооперации в первую очередь»¹². В колхозе «Карковка» распространился слух, что «верующих советская власть будет преследовать, а неверующим будет хорошо». В Паричском районе одна женщина «в группе граждан заявила, что запишется верующей, так как, если будет новый переворот, то ей и ее детям будет лучше»¹³.

Встречались и более осторожные ответы: с признанием в вере и заверением в лояльности Советской власти: «В бога верую, Советской власти подчиняюсь»¹⁴. Видимо, этим респондентом руководило желание обезопасить себя от преследования властей (Комаринский район БССР).

Однако в большинстве своем люди стойко и мужественно признавались в своих убеждениях.

В Пермском районе Свердловской области респондент ответил: «Хоть и говорят, что всех верующих будут выгонять со стройки, запишусь верующим». А одна женщина ответила: «Кто его знает, верую я или нет, не знаю, но в душе вот что-то есть, что выше нас, чего-то есть, какая-то сила. Хотя я богу не молюсь, но все же пиши «верующая»¹⁵.

Из Свердловской же области в донесении отмечен факт, когда на одной из строек женщины в общежитии целыми комнатами записывались в верующие.

Из Бешанковичского района БССР сообщалось, что в двух сельсоветах — Островленском и Плисском — записалось верующими около 80% всех жителей, среди которых большинство составляли староверы. Перепись показала большой процент верующих в Рогачевском районе, где активность проявили сектанты¹⁶.

Многие не только признавались в вере, но и отстаивали свое право на отправление религиозных потребностей, возобновление богослужения, возвращение сосланных священнослужителей. Их надежды на успех питала некоторым образом и принятая в 1936 г. новая Конституция СССР. В связи с этим в ряде районов развернулась

агитация такого рода: «По новой Конституции попам дали право голоса, пишете, что вы верующие — возвратят церкви»¹⁷. Надеялись, что государство желает установить точно, «сколько в нашей стране имеется религиозных, чтоб доказать иностранным государствам наличие религиозных и что религия в нашем государстве не притесняется, поэтому следует писаться «православными»¹⁸. Однако и в данном случае людьми руководила надежда на открытие церкви.

Почти повсеместно вопрос об отношении к религии вызывал семейные конфликты. То мать прокляла своего сына из-за того, что тот записался неверующим, то растались супруги, так как их взгляды и убеждения не совпали. Так, в одном из колхозов Свердловской области мать, когда ее сын записался неверующим, сказала: «С сегодняшнего дня ты мне не сын. Я тебя проклянущ!»¹⁹. В другом случае жена после ответа мужа, что он неверующий, заявила: «Если ты неверующий, то сейчас же уходи от меня, я больше с тобой не живу!»²⁰. Поступали сообщения о том, что мужья то в одной семье, то в другой избивали своих жен, если те давали ответы на вопрос о религии, не совпадающие с убеждениями мужа. В одном из колхозов Белоруссии отец избил семнадцатилетнюю дочь за то, что она записалась неверующей, в другой семье разыгрался конфликт из-за того, что дети записались верующими в отличие от отца, заявившего о своих атеистических убеждениях.

Вопрос о религии часто вызывал недоумение у думающих людей. Например, десятник Камгэсстроя удивился: «Неужели есть действительно графа вопроса о религии? К чему это? Какое отношение имеет к нашему строительству?»²¹.

Анализируя полученные переписью данные, нельзя забывать ни о ситуации, в которой респонденты давали свои ответы на вопрос о религии, ни о сомнениях и страхах, их тогда мучивших. Это не могло не отразиться на результатах опроса. В действительности верующих безусловно было больше, чем показали данные. Но и в той

ситуации большая часть населения своих убеждений не скрывает. Верующих среди лиц в возрасте 16 лет и старше оказалось больше, чем неверующих: 55,3 млн. против 42,2 млн. или 56,7 против 43,3% всех выразивших свое отношение к религии. 0,9 млн. отказались ответить на этот вопрос²². Среди грамотного населения атеистов было больше, чем верующих, 55,5 против 44,5%. Напротив среди неграмотного населения неверующих насчитывалось всего 4,6 млн., что составило 15,5%. Остальные неграмотные респонденты признали себя верующими.

Среди мужчин, ответивших на вопрос о религии, неверующими назвали себя 24,5 млн., то есть 55,2%. В большинстве случаев это были грамотные мужчины. Их оказалось среди грамотных лиц мужского пола 23,0 млн. или 62,1%. Атеистов среди неграмотных мужчин было всего 1,5 млн., то есть 20,2%.

Неверующих женщин было гораздо меньше, чем неверующих мужчин. На вопрос об отношении к религии ответило 53,1 млн. женщин, из них лишь 33,5% призналось в атеизме, то есть одна треть, что составило в абсолютном выражении 17,8 млн. чел. Неверующих женщин было меньше, чем атеистически настроенных мужчин и среди грамотных и среди неграмотных. Так из всех грамотных женщин, ответивших на вопрос о религии, назвали себя неверующими 14,6 млн. или 47,6%, а среди неграмотных женщин таковыми себя признали только 3,1 млн., то есть 14,0%. При сопоставлении последних данных с соответствующими показателями у мужчин следует иметь в виду, что абсолютное число неграмотных женщин намного больше абсолютного числа неграмотных мужчин.

У респондентов обоего пола состав неверующих был молодым по возрасту, особенно у грамотных. Среди них самой представительной является возрастная группа молодых людей мужского пола 20-29 лет, на которую падает 38,5% всех неверующих мужчин, а среди женщин на тот же возраст приходится 43,5% всех неверующих. Довольно много неверующих в возрасте 30-39 лет, на их долю от

всех неверующих мужчин приходится 27,1%, а от всех неверующих женщин — 24,4%. Затем численность неверующих с возрастом начинает понижаться, особенно ощутимо к 50 годам и старше. От всех неверующих на этот возраст приходится среди грамотных мужчин всего 7%, а среди грамотных женщин — и того меньше — всего 3,9%. Зато в ранней молодости неверующих, хотя и меньше, чем в выше названных двух возрастных группах (20-39 лет), но все же достаточно много. Так, их насчитывается в возрасте от 16 до 19 лет у мужчин — 14,5%, а у женщин — 19,1% от всех неверующих.

Обращает на себя внимание тот факт, что состав грамотных неверующих женщин существенно моложе, чем состав грамотных неверующих мужчин.

Среди неграмотных, как мужчин, так и женщин, самый большой процент неверующих приходится на возраст 20-29 лет, но атеистов все же здесь меньше, чем в соответствующей группе у грамотных. Так, на эту группу среди неграмотных мужчин приходится 25,7% неверующих, а среди женщин — 27,2%. Очень близка к этим данным по показателям возрастная группа 30-39 лет: соответственно — 23,1% и 26,0%. Как видно отсюда, показатели обеих групп примерно равны, тогда как у грамотных в старшей из этих двух возрастных групп более резко уменьшается численность неверующих.

У неграмотных в противоположность грамотным очень представительной является возрастная группа 40-49 лет, число неверующих этого возраста составляет 17,7% среди мужчин и 19,2% среди женщин. На все возрастные группы старше 50 лет среди неграмотных неверующих приходится 27,8% у мужчин и 23,9% у женщин. Группа же 16-19 лет представлена соответственно — 5,7 и 3,7%, что резко контрастирует с данными по той же возрастной группе у грамотных.

По сравнению с возрастом неверующих верующие имеют более пожилой состав. Хотя среди грамотного населения, признавшего себя верующим, также как и

среди атеистов, преобладает молодежь, все же состав верующих по возрасту более пожилой.

Самые крупные группы среди верующих, как и среди атеистов, составляли лица в возрасте 20-29 лет (33,8%) и 30-39 лет (44,1%). На возрастную группу старше 50 лет среди верующих приходится 11,8%. На удельном весе этой группы, безусловно, не может не сказываться малочисленность самой возрастной группы. Однако из этих данных явствует, что представление о том, что верующие — это люди исключительно пожилого возраста, не соответствует действительности. Так, среди всех верующих грамотных мужчин лица от 16 до 49 лет составляли более 75%, соответствующий показатель у женщин равнялся 88%. То есть верующие даже среди грамотных лишь незначительно старше атеистов.

Неграмотные верующие имеют более пожилой состав, чем грамотные, особенно женщины. Так, доля 16-19-летних молодых верующих мужчин среди всех возрастных мужских групп равна всего 2,2%, тот же показатель у женщин составляет и того меньше — лишь 1,9%. Зато среди верующих неграмотных женщин лица 50 лет и старше имеют долю в 47,3%, а у мужчин — 49,8%. На основании приведенных данных можно говорить лишь о том, что среди грамотных верующих больше молодежи и меньше пожилых, чем среди неграмотных, признавших в вере. Однако, видимо, это объясняется тем, что среди молодежи преобладали к 30-м гг. при всеобщем грамотные люди, тогда как среди пожилых было немало еще и неграмотных, как это показала перепись 1937 г. и подтвердила перепись 1939 г. Вместе с тем популярная в пропагандистской литературе идея, что все грамотные были атеистами, а неграмотные по темноте своей — верующими, оказалась несостоятельной. При этом было бы неверным отрицать всякую зависимость отношения к религии от грамотности и возраста, равно как и от пола респондента.

Возрастнополовую зависимость в этом отношении можно проследить, лишь просмотрев соотношение верующих и неверующих внутри каждой возрастной группы с разделением по полу, поскольку на общую картину, которую мы рассмотрели выше, накладывает отпечаток само соотношение возрастнополовых групп в демографической структуре населения, т.е. их удельный вес. И у грамотных, и у неграмотных увеличение процента верующих происходит от молодых возрастов к пожилым. Причем это увеличение происходит у грамотных респондентов от одной возрастной группы к другой скачкообразно, особенно это заметно при переходе от группы 40-49-летних к 50-59-летним и далее — к 60-летним и 70-летним и старше. Так, удельный вес верующих среди молодых людей 20-29 лет выше, чем у 16-19-летних, на 5,8%, среди зрелой по возрасту группы 30-39 лет по сравнению с предыдущей — на 5,8%, но уже среди 40-49-летних соответственно — на 7,9%, среди 55-59-летних — на 12,9%, среди 60-69-летних — на 13,9%, а среди 70-летних и старше — на 10,3%.

Атеисты среди грамотных преобладают в возрастных группах 16-39 лет: удельный вес неверующих колеблется в этих группах от 55,9 до 67,5%. Возрастная группа 40-49 лет среди грамотных последняя по высокому удельному весу неверующих: их в группе 48,0%. Начиная с возраста 50-59 лет, резко преобладает доля верующих — 64,9%, среди 60-69-летних их 78,8%, а среди лиц 70 лет и старше — 87,1%.

Удельный вес верующих среди неграмотного населения плавно возрастает от молодых к старшим возрастам. Причем атеисты большинства ни в одной из возрастных групп не составляют. Уже среди 16-19-летних верующих — 71%, а неверующих — 29%; среди 20-29-летних — 74,8% первых и 25,5% вторых, в группе 30-39-летних соответственно 78,9 и 21,1%, в группе 70 лет и старше — 94,3%.

Среди грамотных мужчин доля верующих возрастает от группы к группе, резкое увеличение их удельного веса

происходит в возрасте от 20-29 к 30-39 годам (на 7,7%), второй скачок наблюдается при переходе от группы 50-59-летних к 60-69-летним, когда доля верующих увеличилась на 16%. Численность верующих возрастает относительно предыдущих групп у 40-49-летних на 9,7%, а у 50-59-летних — на 6,6%. Таким образом, начиная с 30-летнего возраста, происходит постоянное увеличение числа верующих в возрастных группах. Среди грамотных мужчин в возрасте от 16 до 29 лет верующих мало, зато атеистов — более 70%. Несмотря на рост удельного веса верующих от группы к группе, атеисты в них преобладают вплоть до 50 лет, когда верующие составили 61,2%.

Среди неграмотных мужчин во всех возрастных группах преобладают верующие, но при этом удельный вес неверующих выше, чем тот же показатель у неграмотных респондентов обоего пола. Например, среди 16-19-летних мужчин атеистов примерно 40%, а в той же возрастной группе обоего пола — 30%. Эта особенность прослеживается по всем возрастным группам.

При анализе данных по тем же показателям у грамотных женщин прослеживается та же тенденция, что и у грамотных мужчин, но повышение удельного веса верующих начинается у женщин в более раннем возрасте. Резкий скачок вверх по данным об относительной численности верующих наблюдается в более раннем возрасте, чем у мужчин. При переходе от группы 16-19-летних к 20-29-летним разница в показателях составляет уже 8,6%, у групп 40-49-лет и 50-59-лет — 10,2%, между последней группой и 60-69-летними — 10,0%, после 70-ти лет соответственно — 16,2%. После 40-летнего возраста в возрастных группах преобладают верующие, в группе 40-49-ти лет их уже 62%. Даже среди самых молодых женщин 16-19 лет верующие составляют 40%. Религиозность у женщин начинает возрастать уже с 20-летнего возраста. Особенно это видно у неграмотных женщин, среди которых высокий процент верующих наблюдается смолоду.

Так, в группе 16-19 лет он составляет 75,5%. Постепенно повышаясь, он достигает к 70 годам 95,2%²³.

Подводя итоги анализу статистических данных, можно высказать ряд наблюдений:

— несмотря на всю сложность обстановки, перепись содержит достаточно объективные данные об отношении населения к религии. Верующей оказалась большая часть населения. Эти данные не противоречат материалам текущего церковного учета тех лет, хотя и не могут быть прямо с ними сопоставлены;

— во всех возрастных группах есть верующие, даже в молодых;

— верующих мужчин во всех возрастных группах меньше, чем женщин;

— среди грамотных верующих несколько меньше, чем среди неграмотных;

— религиозность увеличивается с возрастом, причем у мужчин на целое десятилетие позднее, чем у женщин;

— данные переписи по религии, полученные в 1937 г., не сопоставимы с данными переписи 1897 г., поскольку в последней учет велся по вероисповеданию родителей, невзирая на отношение к религии.

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 115.

² Там же. Л. 137.

³ Там же. Л. 53.

⁴ Там же. Л. 58.

⁵ Там же. Л. 138.

⁶ Там же. Л. 138.

⁷ Там же. Л. 64.

⁸ Там же. Л. 115, 62.

⁹ Там же. Л. 60.

¹⁰ Там же. Л. 55-56.

¹¹ Там же. Л. 54.

¹² Там же. Л. 59.

¹³ Там же. Л. 63, 58.

¹⁴ Там же. Л. 62.

¹⁵ Там же. Л. 138.

¹⁶ Там же. Л. 61.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 114-15.

¹⁹ Там же. Л. 57.

²⁰ Там же. Л. 139.

²¹ Там же. Л. 138.

²² Всесоюзная перепись населения 1937 года; краткие итоги. М., 1991. С. 106-107.

²³ Рассчитано по: там же. С. 106-115.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Г.П.Лежава:

Встречался ли этот вопрос в более ранних советских переписях населения? Содержит ли перепись 1937 г. такого рода материалы по Грузии?

Н.А.Араловец:

Публиковались ли по этой проблеме работы автора, учитывающие материалы переписи?

Л.С.Рогачевская:

Насколько опубликованы данные по религии в издании переписи 1937 г.?

В.Б.Жиромская:

Вопрос первый. Ни в одной советской переписи кроме 1937 г. вопроса о религии нет. Вопрос второй. Региональных материалов по Грузии не сохранилось. Вопрос третий. Мною опубликованы некоторые материалы по этой проблеме в журнале «Наука и религия» (1993, № 9), раздел в монографии (Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно». М., 1996), тезисы доклада научной конференции в Екатеринбурге (1992 г.). Вопрос четвертый. Цифровой материал по религии в издании самой переписи представлен неполно, в частности, не публиковались материалы Московской и Ленинградской машин-

но-счетных станций, обрабатывающих материалы переписи по отдельным регионам.

Г.П.Лежава:

Материал представлен уникальный, очень интересный и новый. Прделана большая аналитическая работа по демографической характеристике верующего и неверующего населения. Очень сожалею, что не сохранились материалы по Грузии, поскольку я много занимался приходскими книгами грузинских храмов. Интересно было бы сопоставить эти материалы с переписью.

Г.Б.Куликова:

В.Б.Жиромская давно занимается изучением материалов переписей 1930-х гг., о чем свидетельствуют многочисленные публикации автора. Ценно при этом, что каждый раз она знакомит нас с новыми проблемами, которые можно осветить на базе этих источников. Материалы переписи и в самом деле неисчерпаемы. В докладе дан глубокий анализ материалов переписи по религии, т.е. по вопросу действительно очень интересному и малоизученному. Хорошо, что он изучается на богатом статистическом материале в результате многолетних исследований. Необходимо поддержать работу автора в этом направлении.

Л.С.Рогачевская:

Я впервые знакомлюсь с такого рода материалом. Для меня является неожиданностью, что в переписи содержатся такого рода материалы, да еще в переписи 1937 г.! Ведь перепись до нас дошла далеко не в полном виде, счастье, что именно эти материалы не погибли. Вполне реально было бы ожидать, что их могли уничтожить. Сам анализ данных о верующем населении по полу и возрасту убеждает нас в том, что, несмотря на сложную в то время обстановку, удалось собрать и получить представление о реальном положении вещей в такой щепетильной области как религиозные убеждения. Является неожиданностью, что было так много верующих даже среди молодежи,

а тем более, что такое большое количество населения не устало прямо заявить об этом.

Ю.А.Поляков:

Хочу прежде всего обратить внимание на скрупулезную работу, проделанную автором по извлечению из переписи этого интереснейшего материала. Ведь надо себе представлять, что все эти данные вовсе не лежат на поверхности. В сохранившихся материалах переписи много черновых разработок, выполненных в карандаше, полустершихся, сгруппированных непривычным для современных статистиков и демографов образом, что объяснялось другой, чем теперь, техникой обработки. Автору пришлось потратить немало усилий и времени, чтобы во всем этом разобраться, пройти через тернии. Сам анализ материалов представляет большой научный интерес и ценность. Ведь это один из самых щепетильных вопросов, затрагивающих «святая святых» в душе человека. Трудно было счетчикам уговорить респондента довериться им, открыться, но сам материал показывает, что в большинстве случаев это удалось сделать. Я не исключаю здесь случаи неискренних ответов, конечно, таковые были, но при этом они «не делали погоды». Картина получилась действительно достаточно объективная. Мы как бы окунулись в духовную жизнь тех лет, переживания, сомнения, опасения и надежды людей. Сухие статистические выкладки В.Б.Жиромской удалось превратить в очень эмоциональный материал. Я думаю, что выражу общее мнение, если скажу, что эти материалы заслуживают самой скорейшей публикации.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ. 1943-1948 ГОДЫ*

5 июня 1943 г. И.В.Сталин принял в Кремле наркома госбезопасности В.Н.Меркулова, который согласно ранее полученным указаниям, представил проект совершенно секретного документа, именуемого «Мероприятиями по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР». Сталин внимательно вычитал все четырнадцать пунктов, сделал кое-какие поправки и тут же подписал постановление Государственного Комитета Оборона за № 3522 «СС» (совершенно секретно) об утверждении мероприятий. Этот документ означал новую веху в истории политической разведки СССР.

В нем конкретно расписывались задачи и цели по сбору сведений надлежащего характера. И если многие направления политической разведки для органов Госбезопасности были не новы, то сведения о религиозных организациях впервые попали в категорию серьезных интересов советской внешней разведки. И, конечно, далеко не случайно. Это стало необходимо Советскому государству и лично Сталину.

В преддверии грядущих преобразований в Европе он трезво взвешивал шансы СССР в условиях мирного противостояния общественных систем. С одной стороны, симпатии народов Европы, государственных и политических лидеров к СССР как государству, спасшему европейскую цивилизацию от германского фашизма, с другой – настороженность, недоверие к СССР как большевистскому государству, печально известному своими репрессиями, своими преследованиями религии.

Как максимально использовать эти симпатии и как нейтрализовать недоверие? Морально-этической основой сбли-

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 19 июня 1997 г

жения разных государств и народов в новых условиях могла стать только религия с ее универсальными ценностями и идеалами. Но для этого надо было показать уважение к ней, терпимость к «чуждым социализму ценностям».

Однако, внешнеполитические планы не ограничивались задачей завоевания симпатий европейских народов. В своих имперских амбициях Сталин претендовал и на победу над умами и душами народов: «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не быть?». Этот тезис бывший семинарист помнил хорошо, понимая, что в Европе «правит» могущественный Ватикан. Сталин задался целью сломить римско-каталическую империю. Возможности для этого, казалось, были.

Русская Православная Церковь имела паству во многих странах. Действовали церкви в Северной и Южной Америке, епархия в Бельгии, русские духовные миссии в Иерусалиме, Китае, Корее, благочиния в Австрии и Венгрии, подворья в Белграде и Софии. Все эти миссии, приходы, подворья исторически находились в каноническом подчинении Московской Патриархии. И Сталин решил превратить Русскую Православную церковь в Центр международного православия с политическим уклоном, своего рода «православный Ватикан», который мог стать духовно-нравственной опорой международной политики Кремля.

Создание «православного Ватикана» путем объединения автокефальных церквей вокруг Московского Патриархата и перенесение центра вселенского православия в столицу коммунистической империи должно было идти под личным контролем Сталина и В.М.Молотова. А право на «оперативную инициативу» в осуществлении плана было предоставлено «куратору» церкви – Председателю Совета по делам Русской Православной церкви, полковнику госбезопасности Г.Г.Карпову и «специалистам» по внешним сношениям с Лубянки.

Теперь становится понятным т.н. «новый государственно-церковный курс с осени 1943 г., когда начался период организационного возрождения и укрепления обескровленной большевистским лихолетием Русской

Православной Церкви. 8 сентября 1943 г. на Соборе епископов был избран двенадцатый патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский). Вскоре «прощенные» властью и отпущенные из неволи священнослужители заняли пустовавшие епархиальные кафедры и другие ключевые посты. Сформированный в это же время Совет по делам Русской Православной Церкви — по мысли Сталина — стал узлом связи между Правительством и Церковью. Сталин и Молотов, а с 1946 г. и заместитель председателя Совета Министров СССР К.Е.Ворошилов были постоянно в курсе всех церковных дел. С помощью Совета по делам Русской православной церкви государство держало под контролем каждый ее шаг.

Отправным моментом в деле создания православного Центра стал Поместный Собор Русской Православной Церкви 1945 г., принявший редчайшую по представительности делегацию поместных православных Церквей — такую, что это дало возможность впоследствии вспоминать об этом событии как о чуть не Вселенском Православном Соборе или, во всяком случае, как о его преддверии.

В Москву приехали патриарх Александрийский и всей Африки Христофор, патриарх Антиохийский Александр III, католикос патриарх всей Грузии Каллистрат, от Константинопольской Церкви архиепископ Фиатирский Герман, от Иерусалимской архиепископ Севастийский Афинагор, от Сербской Церкви митрополит Скопьянский Иосиф Арджемский.

Из доклада Карпова правительству о Соборе:

«Собор явился наглядным доказательством отсутствия преследования религии в СССР и имел также некоторое политическое значение. Московская Патриархия, в частности, договорилась с Патриархами Александром, Христофором, представителями Константинопольского и Иерусалимского патриархов о прекращении связей с митрополитом Анастасием и о необходимости совместной борьбы против Ватикана»¹.

По высочайшему указанию гости Собора получили ценные подарки: 42 предмета из фондов музеев Москвы и 28 — из Загорского государственного музея. В ответ на заботу патриарх Христофор заверил патриарха Алексия, что «восточные патриархи будут ожидать распространения на них покровительства России в чисто христианском духе».

Сталин торжествовал, а патриарх Алексий, вряд ли до конца оценивая глубину его политической интриги, распространял послания и обращения — к духовенству и верующим европейских стран, дальнего Запада и ближнего Востока.

После Поместного Собора 1945 г. Г. Карпов сделал такую запись:

«В дальнейшем внешняя деятельность РПЦ направляется Советом в следующих направлениях:

1. Воссоединение с Московской Патриархией русских православных церквей за границей.

2. Установление тесных и дружественных отношений с православными церквями славянских стран.

3. Дальнейшее укрепление связей с главами других автокефальных церквей и влияния в решении международных церковных вопросов».

6 марта 1945 г. в Таллине принесли покаяние и воссоединились с Московской Патриархией члены Синода Эстонской Православной Церкви.

В августе 1945 г. патриарх Алексий обратился с посланием к Русской Зарубежной Церкви. В результате значительная часть духовенства и мирян восстановили канонические отношения с Московским Патриархом, а в конце месяца был принят в молитвенное общение пребывавший в Париже митрополит Серафим (Лукиянов).

Для осуществления внешнеполитических задач Московская Патриархия направила в 1945–1946 гг. за границу 17 делегаций в составе 52 чел. Об успехе воссоединения с Московской Патриархией 285 русских приходов за границей в государственных документах записано следующее: «Успеху воссоединения с Московской Патриархией русских православных церквей и духовенства за дающей

способствовали не только поездки туда делегаций Московской Патриархии, но и ставшие широко известными после войны сведения о свободном существовании религии в СССР и об укреплении Русской Православной Церкви».

Параллельно с воссоединением русских православных зарубежных приходов шла работа по выработке «единой» линии с православными Церквями Болгарии, Югославии, Чехословакии и Румынии.

С апреля 1945 по май 1946 г. шли переговоры с главой Болгарской церкви митрополитом Стефаном, который подтвердил весной 1946 г., что «он всецело ориентируется на Восток, на великий, могучий Советский Союз, на Русскую Церковь и патриарха Алексия».

О тесных связях с Болгарской Православной церковью в государственных документах осталась красноречивая запись Карпова: «Установлению тесных связей с Болгарской православной церковью способствовало также и то, (что по инициативе патриарха Алексия, с Болгарской церкви была снята схизма запрещения общения с другими церквями), наложенная Константинопольским патриархом в 1872 г. И, беря пример с русской Православной церкви в ее взаимоотношениях с государством, митрополит Стефан в Болгарии проводит политику поддержки демократического фронта, что особенно ярко сказалось в недавно прошедших выборах в Великое Народное Собрание Болгарии».

Но в оценке митрополита Стефана Советское руководство старалось проявлять гибкость и осторожность, помня о его былых связях с англичанами, участии в экуменическом движении и старых связях с болгарской оппозицией. Усмирить непокорного Стефана Советское государство собиралось путем подкупа. Из доклада Карпова правительству: «Обещанный Стефану и его Синоду крупный заем от лица Русской Православной Церкви должен больше связать Стефана с нами».

Наладились у Москвы отношения и с Сербской Православной Церковью. Внешне они носили дружественный

характер, но поездки делегаций Московского Патриархата в 1945–1946 гг. не принесли желаемого результата.

Осенью 1946 г. патриарх Сербский Гавриил приехал на лечение в Карловы Вары, где имел встречи с экзархом Московской Патриархии в Чехословакии архиепископом Елевферием, который по поручению патриарха Алексия убеждал патриарха Гавриила вернуться на родину и сотрудничать с демократическим правительством Тито, оставив надежды на восстановление монархии.

Сербский патриарх внял просьбам Москвы и уже в декабре 1946 г. заявил, что остается верным традиционной дружбе с Россией и категорически отмечает ориентацию на Запад. Патриарх Гавриил высказал также мысль о необходимости всем православным церквям иметь единый фронт по всем общим для них вопросам и, что для этого необходимо собраться в Москве представителям всех православных церквей. На Всеславянском Конгрессе в Белграде в декабре 1946 г. Патриарх Гавриил высказывал то, что с таким нетерпением ждали в Москве: «... он считает, что первенство в православном мире должно принадлежать Московскому Патриарху, и Русская церковь должна стать матерью для славянских церквей». Развивая эту мысль и констатируя антиславянскую и антисоветскую «подрывную» работу Ватикана, патриарх Гавриил сказал: «... Вот почему нам нужно быть вместе с русским народом и Русской Церковью, чтобы противостоять всем козням и враждебным замыслам всего Запада во главе с римским папой и его сторонниками».

Кремлевский план осуществлялся в большевистском темпе.

Теперь несколько слов о Православной Церкви в Чехословакии. После гибели в 1942 г. единственного епископа Чешской Православной церкви Горазда ее каноническое существование было вообще поставлено под сомнение. Однако в 1945 г. в Прагу подоспела помощь. Посланец Московской Патриархии архиепископ Орловский, Фотий провел переговоры с представителями верующих о

принятии Чешской Православной Церкви в юрисдикцию Московского Патриархата и о назначении в Чехословакию епископа из СССР. Окончательно этот вопрос был решен в начале 1946 г., когда в Москву прибыла делегация от Чешской Православной Церкви. Во главе ее на правах экзарха оказался бывший епископ Ростовский Елевферий. В уставочных документах Совета по делам Русской Православной Церкви на этот счет имеется следующее положение: «Совет считает, что Московская Патриархия должна оказывать особую помощь Православной Церкви в Чехословакии и укреплять ее влияние».

Румынская Православная церковь в период Второй мировой войны занимала недоброжелательную позицию в отношении СССР. Лишь с Поместного Собора 1945 г. стали видны улучшения отношений между Патриархией и Румынским патриархом Никодимом. А в 1946 г. с ним было достигнуто соглашение о совместных действиях в борьбе с Ватиканом и об отношении к экуменическому движению.

Итак, в Европе союз православных церквей под эгидой Московского Патриарха и Совета по делам Русской Православной церкви состоялся. В развитие плана Карпов предложил Сталину «усилить влияние на восточные патриархаты, которые хотя и малочисленные, но считающиеся авторитетными в православном мире, с целью использования их в будущем на своей стороне при решении ряда важных церковных вопросов». Сталин согласился.

В течение 1946 г. митрополит Ленинградский Григорий (Чуков) побывал в Сирии, Ливане и Египте. Везде он получил заверения от глав Церквей, что «возглавляемые ими патриархаты и Церкви всегда будут поддерживать Московскую Патриархию в международных церковных вопросах».

Открытым оставался лишь вопрос о взаимоотношениях с Элладской православной церковью и константинопольским патриархом. От связей с греками Патриархия отказалась под давлением правительства, которое не

«устраивала ориентация церковных греческих кругов на англичан».

Что касается Константинопольского патриарха Максима, то на этот счет Карпов оставил следующую запись: «Для урегулирования отношений Московская Патриархия решила послать в Турцию митрополита Крутицкого Николая с подарком патриарху Максиму (50 тыс. американских долларов)».

Заключительным аккордом внешнеполитической деятельности Москвы должно было стать празднование в июле 1948 г. 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви с приуроченным к нему совещанием глав и представителей поместных православных Церквей. Пункт первый повестки дня этого совещания гласил: «Ватикан и Православная Церковь». Пункт второй — «Об англиканской иерархии». Англиканская Церковь рассматривалась уже как претендент на европейское лидерство.

Сталин надеялся на прибытие делегаций всех православных Церквей. Совещание с их участием должно было стать актом признания вселенского первенства Русской православной церкви. Однако в Москву прибыли лишь делегации Грузинской, Сербской, Румынской, Болгарской, Албанской и Польской Церквей (т.е. Церквей из стран «народной демократии») и патриархи Константинопольский и Антиохийский. Греки (Элладская церковь) приняли участие только в празднествах. Хорошо понимая, что акция не удалась, патриарх Алексий заявил: «... это только начало общих собраний православных Церквей». Но дальнейшие события развивались по иному сценарию. В целях установления в послевоенной Европе межцерковного согласия в том же году в Амстердаме был создан Всемирный совет церквей. Среди его членов Русской православной церкви не оказалось.

Потерял интерес к использованию Церкви в мировой политике и сам Сталин. Точнее, он понял ограниченные возможности такого использования. За «ненадобностью» православный «фронт» начал распадаться. В 1948 г. Мо-

сковский Патриархат даровал автокефалию Польской Православной церкви, а в 1951 г. Православной церкви в Чехословакии.

Русское православие освобождалось от политических пут. Но, как показали события последующего десятилетия, ненадолго.

¹ В докладе использованы документы: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Ю.С.Борисов:

Кто был главным инициатором экуменического движения в годы войны и особенно после войны? Кому принадлежала главная инициатива? Ватикану?

О.Ю.Васильева:

Ватикану эта инициатива не принадлежала. Ватикан не входил долгое время в экуменическое движение. Оно направлялось протестантами Голландии и Швеции. Англичане никогда не скрывали своих политических задач в движении. Именно английская церковь заняла к началу 1947 г. руководящее положение в экуменическом движении, что не устраивало Советское государство.

Л.Н.Нежинский:

У меня несколько вопросов.

Первый. Вы в своем исследовании берете только Центральную и Юго-Восточную Европу?

С позиции постановки вашей проблемы были ли какие-то изменения в отношении к тем, пусть небольшим, российским православным общинам на других континен-

тах, в других странах? Известно, что существовала русская православная церковь в Китае, которая занимала не совсем обычную позицию. Очень активизировалась в это время русская православная община в Соединенных Штатах и т.п. Вы этого не касались? Или ни было никаких изменений?

О.Ю.Васильева:

В подготовленной мной монографии есть специальный раздел, который посвящен отношениям с Русской Зарубежной церковью и русскими приходами. Отношения с Американской церковью — это одна из самых интересных проблем. Эти отношения использовались для активизации русской эмиграции в США, поддержки сражающегося Советского Союза.

Л.Н.Нежинский:

Не могли бы вы тезисно перечислить, что уже вами было опубликовано по всему комплексу проблем, о которых вы говорили, и что еще вы собираетесь опубликовать?

О.Ю.Васильева:

Это ряд статей «Ватикан в горниле войны», «Сталин и Ватикан», «Греко-униатский раскол». Законченная мной плановая монография называется «Советское государство и Русская православная церковь. Внешнеполитические цели. (1943—1948 гг.)».

Л.Н.Нежинский:

Поставленная в докладе проблема теснейшим образом перекликается со всеми сторонами внутренней и внешней политики Советского и Российского государства не только с 1943 г., но и в годы Второй мировой войны, и после нее. Автор доклада является уникальным специалистом в освещении этих проблем.

Уже не первый десяток лет я занимаюсь вопросами внешней политики, в том числе применительно к ареалу Центральной и Юго-Восточной Европы. Меня удивляют

коллеги из Института славяноведения, которые издали за 90-е гг. очень интересные документальные публикации, монографические исследования, например, «Народные демократии: миф или реальность?», «У истоков социалистического содружества», две документальные публикации: «НКАД» польское подполье. 1944–1945», «Польша – СССР. 1944–1945 гг. Механизм подчинения». Но они полностью уходят от этой проблемы, хотя проблема – одна из органичных, ибо теснейшим образом переплетается со всеми болезненными процессами становления новой системы власти, которые происходили в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Хотя известно, насколько остро стояла проблема взаимоотношений с Москвой, в том числе и руководства польской католической церкви и соответственно русской православной церкви и т.д. Через эту призму мы почти не рассматривали проблему. Например, вышла очень интересная книга «Религия и политика государства», подготовленная Центром истории религии и церкви.

Точно так же пытались в начале 20-х гг. наряду с тем, что конфисковывали имущество, осуществлять подготовительные акции к тому, чтобы как-то использовать церковь в плане утверждения внешнеполитических позиций Советской России.

Этим проблемам посвящено каждое пятое письмо Чичерина, который очень болезненно реагировал на наши акции по отношению к католическим представителям и т.д. Даже когда он был в Лозанне, почти в каждом письме он опять возвращался к проблеме соединения внешней политики и отношения к зарубежным религиозным течениям, особенно к взаимоотношениям с Римом. Я еще раз подчеркиваю: тема чрезвычайно интересна, она выходит своими выводами, постановкой проблем на целый ряд вопросов, к изучению которых мы только приступаем.

О «холодной войне» написано довольно много, но данной проблемы не касались совершенно. Черчилль

выступил в марте 1946 г. и началась «холодная война», но ведь до этого, как показано в докладе, шли процессы, которые не укладывались в рамки союзнических отношений стран антигитлеровской коалиции, которые были в ходе второй мировой войны.

Ю. С. Борисов:

Создание в Институте подразделения и развертывание работы по истории религии лишь начало большой работы по переосмыслению того места, которое религия (даже не церковь) занимает в сознании народа и должна занять в нашей историографии.

Я целиком поддерживаю положительное заключение по поводу доклада, его значения, высокого профессионального уровня, основанного на источниках. Но одна фраза докладчицы меня немножко царапнула: «До войны церковь в СССР была уничтожена».

О. Ю. Васильева:

Фактически религиозная жизнь приняла очаговый характер. Не было органов управления церковью, не созывались поместные и архиерейские соборы.

Ю. С. Борисов:

Да, она приняла очаговый характер. Не было органов управления. Это верно с точки зрения положения церкви как организации. Но вера не была уничтожена. Когда мы касаемся истории церкви в любых аспектах, мы должны всегда помнить, и эта внутренняя позиция должна быть выражена, что церковь — это не только организация. Может быть, Сталин, глубже смотрел на эти вещи, чем Молотов, Хрущев и другие. Сталин в первую очередь хотел сделать из церкви еще один приводной ремень от партии к массам внутри страны. Может быть, он хотел при ее помощи повысить эффективность международной деятельности Советского государства и разведки, в частности. Но мы должны понимать, что церковь, религия — это нечто гораздо большее. Это стержень отечественной

культуры, народного духа. И вся история, все попытки уничтожения в этом смысле веры и религии, православной церкви в частности потому и беспочвенны, что они слишком глубоко коренятся в народном сознании, в нравственности и т.д. В литературе пока превалирует чисто политический подход и политический анализ того, что происходит.

Легализация церкви является следствием отчасти интуитивного понимания Сталиным угроз самому строю. Сталин оценил патриотическую деятельность Церкви в годы войны, думая о ее использовании во внутривластных делах. Но главное — использование Церкви во внешнеполитических акциях. Это был большой шаг к компромиссу и со стороны государства, и со стороны церкви. Это стало началом известного кризиса социализма как идеологии, что мне представляется очень важным.

Я.Н.Щапов:

Я хотел поддержать тему, которой занимается О.Ю.Васильева. Ей удалось найти целые группы документов и выйти на проблемы, которые до сих пор еще не изучены и не изучались. О.Ю.Васильева — автор нескольких книг, написанных самостоятельно и в соавторстве, посвященных истории церкви, наших перемещенных лиц, наших ценностей в советский период и в более позднее время.

Л.Н.Нежинский упоминал публикацию документов, связанную со взаимоотношениями Советского государства с церковью, и какое у нас было сопротивление со стороны церкви до 1922 г., до реквизиции ценностей из церквей.

Поднимался вопрос относительно роли религии и государства. Но ведь это же была система, которая традиционно существовала в России. У нас был обер-прокурор, государственный надзор над церковью, государственная помощь церкви. Так что здесь, с одной стороны, возрождались и

принципы, связанные с возможностью существования религии, с другой стороны — усиливалась опека государства.

Новые проблемы связаны не только с историей церкви, хотя это для нас очень важно не только в связи с историей России, но и стран Восточной Европы, с внешней политикой нашего государства, с ее поворотами, путями, новыми попытками осмысления и новыми путями решения тех проблем, которые стояли традиционно перед Россией. Она их утратила, и она стала вновь их завоевывать.

Для восточной церкви характерно множество православных центров. Каждая патриархия имеет свою собственную юрисдикцию, значение, голос. Но когда Москва ставила вопрос о том, чтобы возродить роль России в решении этих вопросов, это отнюдь не было попыткой копировать Ватикан. Это была попытка в какой-то степени постараться, чтобы православные церкви Востока и Восточной Европы считались с позициями и поддерживали Москву.

Ю. П. Шаронов:

Мне хотелось бы привести одно любопытное воспоминание, связанное с высказанной Ю.С.Борисовым неординарной мыслью о том, что Сталин пытался приспособить церковь к внутренней политике в качестве приводного ремня, хотя мы знаем, что эти «приводные ремни» до того были совсем другие. Здесь важна не только позиция Сталина, важно отношение к этому церкви. Поэтому шаг Сталина в 1943 г. был взят вовсе не «с потолка».

21 декабря 1939 г. в день 60-летия Сталина, мы, группа студентов ИФЛИ, возвращались с занятий. Доехали на трамвае до Сокольнического круга, как он тогда назывался, и кто-то из нас вспомнил, какой сегодня день. Там была поблизости церковь и мы туда зашли. В церкви шло богослужение. Вдруг священник, который вел эту службу (то ли это было запланировано заранее, то ли это был экспромт, а если и экспромт, то хорошо продуман-

ный), сказал: «Чем мы все обязаны нынешнему миру, благолепию и т.д. А тем (открывает какую-то книгу, показывает), что в мир пришел Иосиф». Он имел в виду, конечно, другого Иосифа, а не того, который царствовал тогда, но на не очень грамотную публику, которая его слушала с удовольствием, это тогда произвело впечатление. Я думаю, что уже тогда церковь понимала этот запрос, и в лице одного священника так реагировала на то, чтобы стать одним из орудий влияния на массы.

Л.Н.Нежинский:

Это чрезвычайно болезненный и пока еще малоисследованный вопрос, ибо внутри самой церкви, на всех уровнях ее руководства шла колоссальная борьба по вопросу об отношении к государству, начиная с 1918 г., (о 20-х гг. я уже не говорю), в том числе и накануне, и во время Второй мировой войны. Это отдельная тема, и ее необходимо изучать в рамках Центра по истории религии.

«ДЕЛО ВРАЧЕЙ»: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ*

45 лет назад мир узнал о «деле врачей», однако, полной ясности в понимании этой последней репрессивной акции сталинизма до сих пор нет. Что это было, и что лежало в основе этого драматического события? Бурное проявление паранойи одряхлевшего диктатора, как утверждают одни историки, согласные с версией Н.С.Хрущева, изложенной им сначала в выступлении на XX съезде партии в 1956 г., а потом в мемуарах², или исключительно следствие быстро прогрессирующей сталинской юдофобии, как пытаются представить дело другие? Эти версии имеют много общего. В них Сталин изображается обезумевшим тираном, который, сфабриковав с помощью спецслужб заговор кремлевских врачей, решил расправиться с теми, кого он считал своими врагами. В одном случае — это впавшие в немилость ближайшие соратники вождя. А в другом — жертвой должна была стать многотысячная масса советского еврейства, для которой Сталин уже приготовил такие кары, как публичные процессы, депортацию в Сибирь, различного вида казни и даже линчевание.

Если говорить об источниковой и историографической базе исследования, то процесс ее формирования можно представить в виде нескольких этапов. Первый (его условно можно назвать официальным) начался вскоре после смерти Сталина и был связан с публикацией 4 апреля 1953 г. сообщения МВД СССР «о полной реабилитации и освобождении из-под стражи врачей и членов их семей, арестованных по так называемому «делу о врачах-вредителях». Тогда основными виновниками фабрикации этого дела было названо прежнее руководство

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 19 февраля 1998 г.

МГБ СССР во главе с министром С.Д.Игнатьевым. Второй этап был инициирован докладом Н.С.Хрущева на XX съезде партии «О культе личности и его последствиях», в котором организаторами «позорного» дела был объявлен Сталин³. С тех пор официальная, так сказать, каноническая версия врачебного заговора 1953 г. оставалась неизменной вплоть до перестроечного времени, до которого она благополучно дожила, будучи малоприятным воспоминанием для властей и не привлекая поэтому внимания советских историков. Зато в этот период к «врачебному делу» с большим интересом отнеслись неофициальные исследователи из числа диссидентов, а через них и западная историография. Основным источником самиздатских и западных публикаций на эту тему служили, главным образом, воспоминания очевидцев тех событий и прежде всего представителей еврейской интеллигенции, пострадавшей в конце 40-х — начале 50-х гг., а с начала 70-х составившей основной поток советской эмиграции на Запад. В этих изданиях «дело врачей» интерпретировалось как исключительно антиеврейская акция, которая, если бы не умер Сталин, должна была стать сигналом к массовым репрессивным действиям (казни, депортация и т.д.) против советского еврейства. Главной особенностью третьего историографического этапа, связанного с перестроечной и постперестроечной либерализацией, стало снятие официального табу на исследования по «делу врачей». Однако за редким исключением основная масса архивных документов по этой теме не была рассекречена и многие материалы и сегодня находятся на закрытом хранении. Все это мало способствовало новому сугубо научному осмыслению темы. В то же время устранение прежней цензуры способствовало широкому распространению в виде массовых изданий, в основном публицистического характера, старой самиздатской и западной трактовки «дела врачей». Впрочем некоторые публицистические апокрифы перекочевали и в солидные западные научные издания, например, такие как

подготовленная Иерусалимским еврейским университетом «Краткая еврейская энциклопедия»⁴.

Однако в самое последнее время в связи с началом выборочной публикации ранее засекреченной архивной информации и появлением, например, таких сенсационных мемуаров, как книга П.А.Судоплатова «Разведка и Кремль» (М., 1996), вышло наружу много новых и весьма важных фактов, которые уже не вмещаются в рамки доминирующих в настоящее время представлений о последнем преступлении сталинизма. Так возникло новое дискурсивное направление в изучении событий начала 1953 г. Оно базируется на объективном анализе всего спектра источников, и, будучи свободным от устоявшихся идеологием и мифологием, придает приоритетное значение использованию архивных документов. Источниковую основу исследований составили материалы архива ФСБ РФ (прежде всего многотомная следственная документация по делу врачей), партийные документы из РГАСПИ и РГАНИ, а также многочисленные интервью с лицами, в том или ином качестве причастными к делу врачей, и их родственниками. Следование сугубо научному взвешенному подходу выявляет несостоятельность некоторых ранее опубликованных работ, основанных на не всегда аутентичных фактах. Оказывается, например, что министр госбезопасности В.С.Абакумов, стоявший у истоков «дела врачей», далеко не тот «воспитанник» Л.П.Берия, каким он предстает в мемуарах Хрущева, утверждавшего, что этот министр «не ставил ни одного вопроса перед Сталиным, не спросив у Берия, как доложить Сталину»⁵. Ставшие доступными недавно документы говорят об обратном. Настоящим «воспитателем» Абакумова был сам Сталин. И хотя Берия действительно на первых порах покровительствовал Абакумову, назначив его в 1939 г. начальником управления НКВД Ростовской области, а в 1941 г. — начальником Управления особых отделов НКВД СССР, Сталин уже с 1943 г. стал персонально опекать перспективного руководителя спецслужб,

назначив его начальником Главного управления контрразведки «СМЕРШ» Красной Армии, когда тому было 35 лет. Не обремененный не только годами, но и интеллектуальным багажом (не закончил церковно-приходскую школу и до 1930 г. работал грузчиком), Абакумов готов был на все, дабы оправдать доверие вождя: активно боролся с националистами в Прибалтике и на Украине, без лишних сантиментов провел репатриацию из Германии советских военнопленных, многие из которых оказались вскоре в Сибири на каторжных работах. Особо отличилась руководимая Абакумовым военная контрразведка в проведении операции по тайному захвату в январе 1945 г. в Будапеште известного шведского дипломата и общественного деятеля Рауля Валленберга, спасителя тысяч обреченных на смерть евреев.

Убедившись не только в личной преданности Абакумова, но и в его готовности не рассуждая исполнить самую политически грязную работу, Сталин решил его руками начать послевоенную номенклатурную чистку. Весной 1946 г. главе СМЕРШа было поручено производство арестов и ведение следствия по так называемому «авиационному делу», по которому были репрессированы нарком авиационной промышленности А.И.Шахурин, руководители военно-воздушных сил и курировавшие их сотрудники аппарата ЦК ВКП(б). После того как Абакумов путем грубого нажима, угроз и издевательств добился вскоре признания обвиняемыми несовершенного ими вредительства, Сталин в начале мая отметил его заслуги назначением на должность министра госбезопасности. Занимавший ранее этот пост В.Н.Меркулов, считавшийся ставленником Берия и имевший репутацию либерального эстетствующего чиновника (писал под псевдонимами пьесы для театров), был с понижением в должности переведен на другую работу.

Начавшееся в августе 1946 г. закручивание идеологических гаек и ужесточение режима новый шеф госбезопасности встретил во всеоружии. В принятом 20 августа

постановлении Политбюро в структуре МГБ СССР предусматривалось создание тюремного отдела и особого содействия, предназначенного для внесудебной расправы с политически неблагонадежными людьми⁶.

В последующие годы МГБ под руководством Абакумова безотказно служило Сталину как главное орудие политического террора. Превратившись наряду с аппаратом ЦК ВКП(б) в генератор государственного антисемитизма, это ведомство в январе 1948 г. организовало и провело по указанию Сталина тайное убийство С.М.Михоэлса, сфабриковало потом целую серию «дел» против так называемых еврейских буржуазных националистов, по которым было вынесено немало смертных приговоров. Были расстреляны «националисты» и «шпионы», выявленные в Еврейском антифашистском комитете, на Московском автомобильном заводе им.Сталина (весна 1950 г.), Кузнецком металлургическом комбинате (конец 1950 — начало 1951 г.).

Показательно, что как еврейский националист был арестован 18 ноября 1950 г. и профессор Я.Г.Этингер, с которого, собственно, и началось «дело врачей». Ему инкриминировались также «клеветнические измышления» в адрес А.С.Щербакова и Г.М.Маленкова, которых он считал вдохновителями антисемитской кампании в стране. То есть первоначально Этингер рассматривался следствием как националист и антисоветчик и только после его смерти, последовавшей 2 марта 1951 г. в Лефортовской тюрьме, вдруг выяснилось, что он заведомо неправильным «вредительским» лечением способствовал в 1945 г. смерти секретаря ЦК Щербакова. Эта версия, исходящая от подполковника М.Д.Рюмина, допрашивавшего Этингера, а также И.С.Фефера и других руководителей ЕАК, выглядела настолько вздорной и надуманной, что Абакумов решительно отверг ее, предчувствуя, какими непредсказуемыми последствиями она чревата. Будучи малообразованным и прямолинейным, он предпочитал иметь дело с предельно упрощенными, ясными, хотя и

грубо сколоченными сценариями. Зная, что Сталин считает буржуазный национализм злейшим врагом советского государства, Абакумов как руководитель «вооруженного отряда партии» безжалостно боролся с теми, кто был или казался приверженцем этой идеологии, будь то, к примеру, люди, входившие в вооруженные отряды украинских националистов или еврейскую интеллектуальную элиту — хранительницу культуры и традиций своего народа. Однако он не уловил того нюанса, что Сталин, да и частично аппарат ЦК, давно уже зараженные антисемитизмом, объявили войну не только носителям национальной идеи, но и связанной с ними в какой-то мере ассимилированной части еврейства. Причем, как показала кампания борьбы с космополитизмом 1949 г., эта связь устанавливалась властями совершенно произвольно и умозрительно. Рюмин же, сам махровый антисемит и к тому же авантюрист, был куда более изощрен в этих тонкостях настроений в верхах. К тому же, он знал, что Маленков, ставший после Жданова заместителем Сталина по партии, никогда не простит Абакумову того, что его ретивость в «авиационном деле» чуть не стоила ему карьеры, а, может быть, и жизни.

Действуя, что называется, ва-банк, Рюмин установил контакт с Маленковым через его помощника Д.Н.Суханова, и тем самым получил возможность соответствующим образом составить и 2 июля 1951 г. направить письмо Сталину. В нем он обвинил своего шефа в том, что тот решил скрыть от советского руководства признание Этингера во вредительском лечении Щербакова и потому умышленно довел его до смерти, поместив в камеру, куда нагнетался холод.

Донос на высочайшее имя, что называется, упал на благодатную почву. Сталинизм, изначально настроенный по камертону теории заговора, не мог не отреагировать на столь сильный раздражитель. Тем более, что в его системной памяти надежно зафиксировалась аналогичная ситуация, имевшая место в годы ежовских чисток. Ведь

по организованному в марте 1938 г. процессу так называемого антисоветского правотроцкистского блока наряду с такими бывшими соратниками Сталина, как Н.И.Бухарин, А.И.Рыков и Г.Г.Ягода прошли в качестве обвиняемых кремлевские врачи Д.Д.Плетнев, Л.Г.Левин и И.Н.Казаков. Им инкриминировалось вредительское лечение и участие в «злодейском умерщвлении» писателя А.М.Горького, его сына М.А.Пешкова, а также видных государственных деятелей В.Р.Менжинского и В.В.Куйбышева.

Теперь по сценарию 13-летней давности начал разыгрываться новый политический спектакль. Под руководством Маленкова, поднаторевшего в подобного рода делах еще в довоенную бытность его заведующим Отделом руководящих партийных органов ЦК, машина партийного дознания заработала на удивление быстро и слаженно. Уже через несколько дней, 11 июля, возглавлявшая им комиссия, в которую входили также Берия, М.Ф.Шкирятов и Д.С.Игнатъев, представила Сталину проект постановления Политбюро «О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности». Этим документом предусматривалось снятие Абакумова «с работы министра государственной безопасности СССР, как человека, совершившего преступление против партии и Советского государства», исключение его из партии и передачу дела в суд. Кроме того, предписывалось «возобновить следствие по делу о террористической деятельности Этингера»⁷.

На следующий день Абакумова арестовали, а 9 августа новым министром госбезопасности был назначен С.Д.Игнатъев, человек Маленкова, до этого работавший заведующим Отделом партийных органов ЦК. Это был весьма посредственный слабохарактерный чиновник, который, по мнению Судоплатова, «совершенно не подходил для порученной им работы»⁸. Впоследствии Игнатъев сразу же после смерти Сталина заявил, что последний при назначении его на должность министра потребовал принятия «решительных мер по вскрытию группы вра-

чей-террористов, в существовании которой он давно убежден»⁹.

Таким образом, по команде Сталина дело одиночного медика-вредителя стало разрастаться в антигосударственный врачебный заговор. Разумеется, что Рюмину, подтолкнувшему развитие следствия в этом направлении, поручается его возглавить. Вскоре его утверждают начальником следственной части по особо важным делам и заместителем министра¹⁰. Он получает регулярный доступ к Сталину и начинает активно отрабатывать предложенную последним версию. Для этого 1 сентября 1951 г. из пересыльного лагеря на Дальнем Востоке был возвращен в Москву на переследствие ранее осужденный приемный сын Этингера Яков. Еще раньше, 16 июля, была арестована бывшая заведующая кабинетом функциональной диагностики кремлевской больницы С.Е.Карпай. Несмотря на оказанное на нее сильное давление, она решительно отвергла предъявленное ей обвинение во вредительском лечении Щербакова, М.И.Калинина и других советских руководителей. За несколько месяцев интенсивных допросов от нее удалось добиться только признания в том, что главный терапевт Лечебно-санитарного управления Кремля (ЛСУК) В.Н.Виноградов, в свое время консультировавший больного раком Калинина, ограничился назначением ему клизмы, диеты и общеукрепляющей терапии. Эти сами по себе ничего не значащие показания тем не менее открывали перед Рюминым ту лазейку, через которую он надеялся проникнуть в самую сердцевину заговора придворных врачей. Ведь профессор Виноградов был личным врачом Сталина, в 1943 г. даже сопровождавшим его в Тегеран на встречу с У.Черчиллем и Ф.Рузвельтом.

Получив от МГБ эти данные, Сталин еще больше укрепился в своих подозрениях. То что раньше лишь смутно рисовалось в его воспаленном мозгу, становилось как бы реальным. Заговор врачей, сотворенный воображением диктатора как некий гомункулос, стал стреми-

тельно разрастаться и превращаться этим же воображением в стоглавую гидру. Теперь необходимо было убедить своих соратников и весь народ в существовании действительной опасности для государства, а потом железной рукой ликвидировать ее, стяжав в который уже раз лавры победителя. Несмотря на старость и болезни, Сталин был готов к новому испытанию, и, как писал Милован Джилас, так искренне переживал каждую из своих ролей, что казалось, он никогда не притворяется¹¹.

Понимая, что в этой схватке, скорей всего последней, время работает против него, диктатор нетерпеливо торопил исполнителей своего замысла. Так, в январе 1952 г., когда Сталин, опасаясь за свою жизнь, уже отдалил от себя всех врачей, он грубо отчитал Игнатьева за медленные, как ему казалось, темпы следствия. «Я не проситель у МГБ! — неистовствовал кремлевский хозяин. — Я могу и потребовать, и в морду дать, если вами не будут выполняться мои требования... Мы вас разгоним, как баранов!»¹².

Разумеется, после столь явных угроз машина следствия заработала на всех оборотах. Интенсифицируются допросы подследственных, производятся новые аресты врачей, подозреваемых в причастности к заговору; производятся многочисленные экспертизы материалов следствия. Именно в связи с этим в документах «дела» впервые появляется имя Л.Ф.Тимашук, которую Хрущев в докладе на XX съезде партии назвал агентом госбезопасности, спровоцировавшим своим доносом Сталину расправу над кремлевскими врачами. На самом деле все было далеко не так однозначно.

Летом 1952 г. Тимашук несколько раз вызывали на Лубянку в качестве медицинского эксперта. Во время одного из таких визитов случайно выяснилось, что она, работая заведующей кабинетом электрокардиографии кремлевской больницы, в конце жизни Жданова имела непосредственное отношение к его лечению. В частности, за три дня до смерти секретаря ЦК ее вызвали в санаторий «Валдай», где в августе 1948 г. тот проходил курс

лечения, и поручили провести электрокардиологическое обследование больного. В результате Тимашук были получены данные, свидетельствующие о наличии у Жданова свежего инфаркта миокарда. Но начальник ЛСУК П.И.Егоров и лечащий врач Жданова Г.И.Майоров не согласились с этим выводом, настаивая на «функциональном расстройстве сердечной деятельности» — именно такой диагноз был поставлен ранее авторитетным консилиумом в составе профессоров В.Н.Виноградова, В.Х.Василенко и того же П.И.Егорова. Руководство ЛСУК настояло на том, чтобы Тимашук не упоминала в своем заключении о наличии инфаркта у Жданова. Однако на следующий день у последнего произошел еще более сильный сердечный приступ. И Тимашук, страшась ответственности в случае смерти Жданова, решила сообщить о своем диагнозе начальнику Главного управления охраны МГБ СССР Н.С.Власику, что и сделала, передав ему письмо через личного охранника Жданова А.М.Белова. 30 августа заключение Тимашук вместе с приложенными к нему листками кардиографии Абакумов вручил Сталину. А на следующий день Жданов умер. Подозрительный и обычно скорый на расправу Сталин почему-то на сей раз не стал проводить расследования, хотя на то были более чем веские основания, а распорядился отправить письмо Тимашук в архив. Возможно, он счел информацию, исходившую от рядового врача, малоубедительной, тем более, что она опровергалась мнением маститых кремлевских медиков, которым он тогда еще доверял. Да и смерть своего соратника, который как и стоявшая за ним так называемая ленинградская группа советских руководителей, уже какое-то время находился в опале, Сталин, скорей всего, воспринял без особого сожаления.

Что же касается Тимашук, то ее, продолжавшую обвинять руководство ЛСУК в неправильном лечении и смерти Жданова, вскоре убрали из кремлевской больницы, переведя на другую работу. Уже после смерти Сталина, даже несмотря на то, что в ходе расследования, пред-

принятого Берия станет очевидным, что практически все доказательства и факты по делу врачей — фальшивые, тем не менее профессор Виноградов уже без всякого давления на него вынужден будет признать, «что у А.А.Жданова имелся инфаркт, и отрицание его мною, профессорами Василенко, Егоровым, докторами Майоровым и Карпай было с нашей стороны ошибкой»¹³.

Таким образом, имела место врачебная ошибка, случившаяся во многом вследствие тех пороков, которые укоренились тогда в номенклатурном советском здравоохранении с его мертвящим духом чиновной иерархичности, кастовой корпоративности, круговой поруки. И хотя эта ошибка носила случайный и неумышленный характер, Сталин возвел ее в ранг государственного преступления. Более того, когда Игнатъев доложил Сталину, что Тимашук еще четыре года назад сообщала в Кремль о неправильном лечении Жданова, тот заявил, что ее письмо было скрыто от него Абакумовым и Власиком. И поскольку первый уже находился в то время за решеткой, оставалось упрятать туда и второго, что и произошло 15 декабря 1952 г. Руководству же МГБ было приказано начать аресты главных «заговорщиков» — руководства ЛСУК и его ведущих специалистов, находившихся под подозрением у «органов». С конца сентября до первых чисел ноября 1952 г. были взяты под стражу основные фигуранты «дела врачей» — профессора П.И.Егоров, А.А.Бусалов, В.Н.Виноградов, В.Х.Василенко, Б.Б.Коган и другие. А в декабре 1952-го — феврале 1953-го прокатилась новая волна арестов придворных медиков. В конечном итоге в общее следственное производство по «заговору кремлевских врачей» было включено 37 дел, из которых по 28-ми проходили собственно сами врачи, а по остальным 9-ти — члены их семей, главным образом, жены.

Первоначально арестованные, несмотря на изматывающие допросы и угрозы следователей, дружно отвергли предъявленные им обвинения. Такое упорство, приведшее Сталина в бешенство, было расценено им как

попытка скрыть от него правду о действительно существовавшем заговоре. 18 октября он разрешил руководству МГБ применить к подсудимым методы физического воздействия. Но поскольку во внутренней тюрьме на Лубянке не было приспособленного для пыток помещения, то сначала экзекуции (в основном телесные наказания с применением резиновых палок) проводились в Лефортово. Чтобы как-то компенсировать эту «недоработку», уже с 6 ноября по указанию Рюмина в тюремных камерах Лубянки стали применять такую пытку, как многосуточное содержание подсудимых в металлических наручниках. Причем, в дневное время руки заковывались будучи заведенными за спину, а в ночное — в положении спереди. Эти меры, впрочем, оказались недостаточными, и в декабре 1952 г. в кабинете начальника внутренней тюрьмы полковника А.Н.Миронова, который занимал эту должность начиная с 1937 г., была оборудована импровизированная мини-пыточная. Для психологического устрашения ее обставили ширмами и металлическими столами, напомилавшими оборудование прозекторской или операционной. Для битья подсудимых резиновыми палками (применение их и наручников производилось с санкции министра госбезопасности или его заместителей) тогда же была создана команда дюжих молодчиков, в которую входили лейтенанты Белов и Кунишников¹⁴. Забегая вперед, скажу, что 4 апреля 1953 г. Л.П.Берия как министр внутренних дел подписал приказ «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия», которым предписывалось «ликвидировать в Лефортовской и внутренней тюрьмах организованные руководством б[ывшего] МГБ СССР помещения для применения к арестованным физических мер воздействия, а все орудия, посредством которых осуществлялись пытки, — уничтожить»¹⁵.

Несмотря на принятие столь радикальных мер, Сталин тем не менее был недовольным руководством МГБ. Вождя раздражал нерешительный шеф госбезопасности

Игнатъев с его мышлением заскорузлого партаппаратчика и особенно возмущали попытки этого перестраховщика постоянно информировать обо всем Маленкова и других своих покровителей в ЦК, которые были отнюдь не в восторге от авантюры хозяина с арестом кремлевских врачей, справедливо опасаясь того, что следующими его жертвами могут стать они сами. Эти настроения оказывали влияние и на Рюмина, который также несколько поумерил свой служебный пыл, все более тревожась за свое будущее. Наученный горьким опытом Ягоды, Ежова и Абакумова, он отнюдь не спешил оказаться в положении мавра, сделавшего свое дело, и потому по возможности спускал порученное ему расследование на тормозах. Номенклатурная же элита продолжала смотреть на Рюмина как на авантюриста и выскочку. К тому же своим участием в так называемом «мингрельском деле», развернувшемся в конце 1951 — начале 1952 г., он настроил против себя всемогущего Берия. Но тот не только устоял под напором этого направленного против него удара, но и добился летом 1952 г. смещения и ареста министра госбезопасности Грузии Н.М.Рухадзе — своего врага и одного из главных борцов с мингрельским национализмом. 14 ноября того же года не без стараний Берия Рюмин без объяснения причин был снят с поста заместителя министра госбезопасности и направлен на рядовую должность в Министерство госконтроля СССР. Вместо него руководителем следствия по «делу врачей» был назначен человек Берия генерал С.А.Гоглидзе, который годом ранее вынужден был сменить кресло заместителя министра госбезопасности в Москве на кресло республиканского министра этого ведомства в Ташкенте. Правда, уже в феврале 1952 г. он был восстановлен в прежнем качестве.

С этого назначения следствие по «делу врачей» приобретает новую направленность. Сталина больше не устраивает наскучившая ему версия вредительства во врачебном деле путем неправильного диагностирования заболеваний у советских руководителей и назначения вре-

дящего их здоровью лечения. Он решил поднять это «дело» на более высокий международно-политический уровень. Теперь, как и в ходе громких показательных процессов 1936–1938 гг., его постоянно рефлексирующее воображение моделировало всевозможные злокозненные происки против собственной персоны с участием ближайшего вероломного окружения и вездесущей агентуры иностранных разведок. Нацеливая Гоглидзе на разоблачение шпионско-террористической организации, которую якобы сколотили в СССР западные спецслужбы, завербовавшие кремлевских врачей, Сталин напутствовал его буквально теми же словами, что и Н.И.Ежова в пору начала массовых репрессий в июле 1937 г. Он наказал от имени Инстанции передать следователям по особо важным делам, что в МГБ «нельзя работать в белых перчатках, оставаясь чистенькими»¹⁶. Одновременно Сталин распорядился ознакомить арестованных врачей со следующим официальным заявлением следствия: «Мы имеем поручение руководства передать вам, что за совершенные вами преступления вас уже можно повесить, но вы можете сохранить жизнь и получить возможность работать, если правдиво расскажите, куда ведут корни ваших преступлений и на кого вы ориентировались, кто ваши хозяева и сообщники. Нам также поручено передать вам, что, если вы пожелаете раскаяться до конца, вы можете изложить свои показания на имя вождя, который обещает сохранить вам жизнь в случае откровенного признания вами всех ваших преступлений и полного разоблачения своих сообщников. Всему миру известно, что наш вождь всегда выполнял свои обязательства»¹⁷.

Эта декларация была также из богатого арсенала политической демагогии Сталина времен большой чистки, когда, например, бывшие оппозиционеры Г.Е.Зиновьев и Л.Б.Каменев на себе познали, чего стоят подобные заверения вождя.

Отмеченные выше реминисценции носят не случайный характер, они свидетельствуют, что репрессии Ста-

лина, в том числе и в начале 50-х гг., были не только, а, может быть, и не столько, следствием его пошатнувшейся незадолго до смерти психики, а органическим пороком созданной им системы власти. В 1954 г. тонкий знаток сталинизма русский социалист-эмигрант Б.И.Николаевский писал: «Он [Сталин] имел политику преступную, но единственную, при которой диктатура могла удержаться. Его действия были определены этой политикой. Он террор вел не по безумию Калигулы, а потому, что сделал его фактором своей активной социологии»¹⁸. Иными словами, для поддержания собственного единовластия и харизмы Сталину необходимо было время от времени являться перед народом и своими соратниками в тоге спасителя отечества, пропитанной кровью очередных врагов этого отечества. В этом и заключались периодически повторявшийся поведенческий стереотип системы, ее модус вивенди, та логика вещей, которая, как выразился Сталин, сильнее логики человеческих намерений.

Итак, в ноябре 1952 г. Сталин инспирировал трансформацию «дела врачей» в крупный международный заговор сил империализма и реакции, стремящихся с помощью «пятой колонны» уничтожить политическое руководство первой страны социализма. Повинуясь воле вождя, МГБ стало срочно отрабатывать этот сценарий. В течение нескольких недель следствие путем подтасовок и фабрикации фактов, а также на основе так называемых признательных показаний, полученных от арестованных врачей с помощью угроз, изошренных пыток и издевательств, сумело наполнить эту концепцию конкретным содержанием. Было «доказано», что в наибольшей степени преуспели в кознях против здоровья советских руководителей разведслужба США и работавшая под ее «крышей» «международная еврейская буржуазно-националистическая организация» «Джойнт», с которыми были связаны профессора М.С.Вовси, Б.Б.Коган, А.И.Фельдман, Я.Г.Этингер и другие кремлевские врачи еврейского происхождения. Не меньшими успехами, по данным МГБ,

могла похвастаться и английская Интеллидженс сервис, агентами которой числились, главным образом, русские врачи — П.И.Егоров, В.Х.Василенко, В.Н.Виноградов, А.А.Бусалов и другие. Так что, когда 1 декабря 1952 г. Сталин собрал членов Бюро Президиума ЦК, он готов был выступить перед своими соратниками во всеоружии поражающих воображение фактов о существовании в стране мощного шпионского спрута. Диктатор принялся запугивать присутствовавших тем, что «убийцы в белых халатах» намеревались не только умертвить Жданова и Щербакова, но и все советское руководство подлежало постепенному уничтожению. При этом в числе планировавшихся жертв намеренно не были названы В.М.Молотов и А.И.Микоян, которые сами подозревались Сталиным в шпионаже. В качестве подтверждения сообщенных откровений Сталин использовал протоколы допросов с «признаниями» арестованных врачей, которые потом регулярно направлялись Маленкову, Хрущеву и другим высшим руководителям страны. Войдя в роль спасителя беспечных и наивных соратников, Сталин с чувством торжествующего превосходства подытожил: «Вы слепцы, котятка, что же будет без меня — погибнет страна, потому что вы не можете распознать врагов»¹⁹.

Результатом столь искусной политической игры стало принятие 4 декабря постановления ЦК КПСС «О вредительстве в лечебном деле», в котором, как и следовало ожидать, основная вина «за многолетнюю и безнаказанную деятельность» «врачей-отравителей» возлагалась на «потакавших» им и утративших бдительность Абакумова и Власика. Предусматривалось также снятие с поста министра здравоохранения СССР Е.И.Смирнова: за потворство «преступным» коллегам, с которыми он якобы «сросся на почве пьянства».

Желая покрепче связать аппарат ЦК узами общей ответственности за последствия своего авантюристического курса, Сталин даже не пожалел своего любимого детища — органы госбезопасности, уготовив им роль мальчи-

ка для битья. В тот же день, то есть 4 декабря, было принято и постановление ЦК «О положении в МГБ», которое требовало «решительно покончить с бесконтрольностью в деятельности органов Министерства государственной безопасности и поставить их работу в центре и на местах под систематический и постоянный контроль партии»²⁰. Стремясь также найти очередного козла отпущения, на сей раз для объяснения причин столь долгого пребывания у власти в Чехословакии американско-сионистской агентуры (напомним, что накануне, 3 декабря, состоялась казнь главных обвиняемых процесса по делу Сланского), Сталин тем же постановлением резко раскритиковал внешнюю контрразведку МГБ, оказавшуюся, по его мнению, не на высоте. В связи с этим Первое главное управление МГБ, созданное ранее на базе разведслужб Комитета информации при МИД СССР, было реорганизовано в Главное разведывательное управление. Руководителями нового главка была назначена бывшая креатура Абакумова, которую Сталин решил вновь использовать, противопоставив Берия. Начальником ГРУ МГБ и первым заместителем министра стал один из главных организаторов акции по убийству С.М.Михоэлса С.И.Огольцов, возвращенный из Узбекистана, где руководил местной госбезопасностью. Его заместителем и начальником Первого (разведывательного) управления ГРУ утвердили специалиста по борьбе с сионизмом Е.П.Питовранова, который до ареста в 1951 г. руководил 2 Главным (контрразведывательным) управлением, а теперь не только был освобожден, но и вновь облечен доверием вождя. Не перенеся столь головокружительных кадровых кульбитов в своем ведомстве и не выдержав постоянных нападков и разносной критики со стороны Сталина, серьезно заболел министр госбезопасности Игнатъев. У него произошел инфаркт миокарда и он надолго отошел от дел, передав свои полномочия Гоглидзе и Огольцову.

Следует отметить, что негативизм в оценке деятельности советских спецслужб в послевоенной Восточной

Европе был усилен Сталиным намеренно и, возможно, потому, что он хотел подчеркнуть собственную роль в установлении там приемлемого для СССР порядка. На самом же деле чекисты немало потрудились в этом регионе. Именно здесь, в так называемых странах народной демократии они обрели вдруг нового противника – международный сионизм, который был объявлен Москвой преданным слугой американского империализма. И главное сражение этому новоявленному врагу Сталин решил дать в Чехословакии. Такой выбор, по-видимому, предопределило то важное обстоятельство, что эта страна являлась самым экономически и социально развитым государством Восточной Европы, в наибольшей степени связанным своей культурной и демократической традицией с Западом. Все это не могло не вызывать у подозрительного Сталина излишней предубежденности к пражскому руководству, даже после того как в 1948 г. оно стало полностью коммунистическим. Масло в огонь сталинской мнительности подливал руководитель соседней Венгрии – Матиас Ракоши, которого один из его коллег по кабинету министров назвал самым хитроумным из политических деятелей, которых он когда-либо встречал²¹. Не по наслышке зная об антисемитизме, царившем в советском партийно-государственном аппарате, Ракоши, будучи евреем, как, впрочем Михай Фаркаш, Йожеф Реваи, Эрно Герэ, Габор Петер и другие его ближайшие соратники, еще в мае 1945 г., желая отвести от себя подозрение, проинформировал Москву о массовом проникновении евреев в ряды компартии Венгрии, назвав это серьезной угрозой для ее будущего²². Глубоко усвоив любимый афоризм Сталина – чтобы руководить, надо предвидеть – Ракоши работал на опережение. Этот «лучший венгерский ученик товарища Сталина» был первым среди руководителей восточноевропейских стран, который пошел на крупномасштабную чистку в своем окружении. По его приказу в мае – июне 1949 г. арестовали 150 чел., в том числе 5 членов ЦК Венгерской партии труда, 10

генералов и полковников. Всех их объявили агентами Тито и империалистических разведок. Руководителем вскрытой органами «пятой колонны» решили по согласованию с Москвой объявить министра иностранных дел и бывшего заместителя Ракоши по партии Ласло Райка, которого обвинили в подготовке плана государственного переворота, согласованного в деталях с министром внутренних дел Югославии Александром Ранковичем во время визита последнего в Венгрию в октябре 1948 г. В сентябре 1949 г. в народном суде Будапешта прошел показательный процесс над Райком и семью его поделчиками, четверых из которых, а также Райка приговорили к смертной казни. Еще до этого судилища, в середине июня, Ракоши, находясь с визитом в Праге, передал Клементу Готвальду список на 65 высших чехословацких чиновников, которые фигурировали в показаниях венгерских «заговорщиков» как англо-американские шпионы. Однако в Праге явно не торопились следовать примеру венгерских товарищей. Тогда в начале сентября Ракоши направляет к Готвальду с новым посланием своего брата Золтана Биро. Последний потом сообщил, что чехословацкий руководитель беседовал с ним в раздраженном тоне, сказав, что «старые заслуженные деятели партии не могут стать шпионами»²³.

Думается, что разоблачительный пафос Ракоши стимулировался в какой-то мере чувством самосохранения, заставлявшим его всякий раз в случае опасности спасти собственную жизнь, предлагая взамен жизни других потенциальных жертв. Особенно неуверенно почувствовал себя Ракоши, да и другие восточноевропейские руководители еврейского происхождения, когда с весны 1949 г. Сталин стал все решительней требовать от них покончить в своих странах с сионизмом и еврейским национализмом. Однако и тут чехословацкие товарищи не спешили угодить вождю «прогрессивных народов». В марте 1950 г. заместитель председателя Комитета информации В.А.Зорин, который раньше был послом в Праге, сообщил секретарю

ЦК М.А.Суслову, что органы госбезопасности Чехословакии не ведут серьезной борьбы с сионистским подпольем и не организовали в свое время агентурной разработки израильской миссии, использовавшей это для беспрепятственного выезда из страны всех желающих евреев²⁴.

Для укрепления в том числе и антиссионистского направления в деятельности чехословацких спецслужб, 14 июня 1950 г. было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б) о направлении в Прагу группы сотрудников МГБ во главе с полковником В.А.Боярским. Сразу же после прибытия на место Боярский добился согласия Готвальда на создание в структуре чехословацкой госбезопасности специального антиссионистского отдела. А уже через несколько месяцев прошла серия арестов высокопоставленных чехословацких функционеров, среди которых было немало евреев (первый секретарь обкома партии Брно Отто Шлинг и др.). Совместными усилиями советских и местных сотрудников госбезопасности из арестованных был выжат компромат на генсека компартии Чехословакии Рудольфа Сланского и заведующего международным отделом ЦК КПЧ Бедржиха Геминдера, которых предполагалось объявить главарями антигосударственного заговора. Однако «гениальный дозировщик» Сталин не спешил с решением их судьбы. Он посчитал присланные ему материалы «недостаточными» и не дающими оснований для обвинений²⁵. Поэтому аресты Сланского, Геминдера и тех, кого спецслужбы рассматривали как их сообщников, были временно отложены. Отсрочка эта, видимо, была в какой-то мере обусловлена кадровыми пертурбациями, происходившими в то время в МГБ в связи со смещением Абакумова. Тот же Боярский хоть и не сразу, но также подпал под эту чистку. Выяснилось, что в бытность заместителем начальника МГБ Московской области он неоднократно получал сигналы о связях Абакумова с женщинами легкого поведения, однако эта информация так и не была доведена до сведения ЦК, даже после смещения последнего. Был также получен донос о том,

что Боярский на своем рабочем столе в московском управлении держал портрет Абакумова. К тому же, Боярский оказался не чист на руку: за время пребывания в Чехословакии он и его семья допустили значительный перерасход средств, которые выделялись им местными властями. 2 ноября 1951 г. решением ЦК ВКП(б) Боярский был отозван в Москву и понижен в звании до подполковника²⁶. Вместо него в Прагу прибыл полковник А.Д.Бесчастнов, ранее руководивший сталинградским управлением МГБ. Ему и было доверено вскоре поставить логический крест на политической карьере Сланского. 23 ноября с санкции Сталина тот был арестован. А год спустя в Праге прошел публичный процесс по делу антигосударственного заговорщицкого центра. Перед трибуналом предстали Сланский и 13 его «сообщников»; 11 обвиняемых были евреями. 3 декабря всех осужденных, за исключением 3-х, предали смертной казни через повешение, их тела сожгли, а пепел развеяли по ветру.

Подводя итоги этого страшного аутодафе, К.Готвальд сказал, выступая на общегосударственной конференции: «В ходе следствия и во время процесса антигосударственного заговорщицкого центра был вскрыт новый канал, по которому предательство и шпионаж проникают в коммунистическую партию. Это — сионизм». Правда, докладчик не забыл уточнить, что «борьба с сионизмом не имеет ничего общего с антисемитизмом»²⁷. Однако при том юдофобском угаре, в котором пребывала тогда страна, эта оговорка была воспринята не больше чем формальность.

Процесс Сланского, ставший последней крупной победой злого гения Сталина, видимо, рассматривался последним как генеральная репетиция аналогичной, но, скорее всего, более крупной политической акции, которую он намеревался осуществить вскоре в Советском Союзе. Механизм подготовки этой акции официально был запущен 9 января 1953 г. Тогда состоялось заседание Бюро Президиума ЦК КПСС, на котором обсуждался

проект адресованного народу сообщения ТАСС об аресте группы «врачей-вредителей», а также передовая статья в «Правде» под хлестким заголовком «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Помимо членов Бюро — Л.П.Берия, Н.А.Булганина, К.Е.Ворошилова, Л.М.Кагановича, Г.М.Маленкова, М.Г.Первухина, М.З.Сабурова и Н.С.Хрущева — на этом заседании присутствовали секретари ЦК А.Б.Аристов, Л.И.Брежнев, Н.Г.Игнатов, Н.А.Михайлов, Н.М.Пегов, П.К.Пономаренко, М.А.Сулов, председатель Комитета партийного контроля М.Ф.Шкирятов, главный редактор «Правды» Д.Т.Шепилов, а также заместители министра госбезопасности С.А.Гоглидзе и С.И.Огольцов. Примечательно, что сам Сталин неожиданно уклонился от участия в этом заседании. Зная византийскую натуру диктатора, можно предположить, что он на всякий случай хотел создать себе не только «алиби» и тем самым снять с себя ответственность за инспирирование «дела врачей», но и иметь возможность при необходимости переложить эту ответственность на участников заседания. В свое время Л.Д.Троцкий отметил эту характерную особенность в поведении Сталина, который «в критические дни и наиболее критические часы» стремился всегда «оставить за собой свободные руки для того, чтобы отойти в сторону и обвинить других»²⁸. Показателен в этой связи эпизод, описанный композитором Т.Н.Хренниковым. В конце 1952 г. Сталин, в последний раз присутствовавший на заседании комитета по премиям своего имени, совершенно неожиданно для присутствовавших заявил: «У нас в ЦК антисемиты завелись. Это безобразия!»²⁹.

13 января было опубликовано сообщение ТАСС о раскрытии заговора кремлевских врачей. Тем самым был дан сигнал к развертыванию пропагандистской кампании, нацеленной на обработку общественного мнения в связи с судом над «врачами-убийцами». О том, что таковой намечался красноречиво свидетельствовала концовка сообщения: «Следствие будет закончено в ближайшее

время». Ведущую роль в организации новой психологической атаки на общество играл Н.А.Михайлов, назначенный в октябре 1952 г. секретарем ЦК и заведующим Отделом пропаганды и агитации ЦК. Этот малообразованный и недалекий партфункционер, начинавший свою трудовую деятельность чернорабочим, в самый разгар кровавых предвоенных чисток возглавил ЦК комсомола, негласно считавшийся самой аморальной школой советского карьеризма. В послевоенное время Михайлов активно включился в борьбу с «безродным космополитизмом». Документы, направленные им в то время в ЦК ВКП(б), носили откровенно антисемитский характер. Это обстоятельство, скорей всего, и предопределило кадровый взлет Михайлова на XIX съезде партии, позволивший ему вплоть до смерти вождя пребывать в высшем эшелоне партийной бюрократии.

Будучи типичным выскочкой и калифом на час, бывший комсомольский лидер стремился во всем угодить своему всевластному покровителю. Не мудрствуя лукаво, он в своих выступлениях и статьях широко использовал теоретическое сталинское наследие 20-х — 30-х гг., особенно напирая на тезис об обострении классовой борьбы по мере построения социализма. Такой же пропагандистской реминисценцией представляется и устроенный с благословения руководства Агитпропа бум вокруг имени «скромной труженицы» Лидии Тимашук, мгновенно прославившейся на всю страну после опубликования 21 января указа о награждении ее орденом Ленина «за помощь, оказанную Правительству в деле разоблачения врачей-убийц». Нечто похожее уже происходило в начале 1937 г., когда Сталин на февральско-мартовском пленуме ЦК поблагодарил другого «маленького человека» — П.Т.Николаенко, рядовую агитпроповку с Украины, которая помогла партии в борьбе с «засильем троцкистских вредителей», которое обнаружилось тогда в ближайшем окружении расстрелянного вскоре секретаря ЦК КП(б) Украины П.П.Постышева.

Расширявшаяся день ото дня пропагандистская истерия вокруг «врачей-шпионов» вызывала двойную реакцию в общественном сознании — агрессивность и желание расправиться с «убийцами в белых халатах», с одной стороны, и панический, животный страх перед ними — с другой. Соединение этих негативных эмоций с антисемитизмом и шовинизмом создавало поистине гремучую смесь. Вспоминая о том времени и о Сталине, поэт Д.С.Самойлов писал: «Он сумел заразить всю страну. Мы жили тогда манией преследования и величия»³⁰.

Всплеск плебейского антисемитизма свидетельствовал о его живучести в обществе и о том, что не так уж много изменилось с тех пор, как в начале 1924 г. в сводках ГПУ отмечалось распространение слухов, что Ленина «отравили жида стремящиеся захватить власть в свои руки... Ленин отравлен врачами-евреями»³¹.

В результате затравленное сознание еврейского населения переполнялось самыми мрачными предчувствиями. Известный среди столичной интеллигенции театральный администратор И.В.Нежный так комментировал сообщение ТАСС от 13 января: «Этим воспользуются погромщики, стоящие у тех или иных рулей, и поведут корабль к гибели... Им важно утопить евреев, и они это сделают. Вот скоро в Румынии готовится антиеврейский процесс! Там дело будет такое, как в Чехословакии... Потом будет в Болгарии, потом в Албании, потом всех жидов соберут в одну кучу и к чертям в Сибирь»³². Слухи о готовящейся властями депортации евреев были тогда широко распространены. Появились они еще в начале 1949 г. после разгрома Еврейского антифашистского комитета, в период массовых арестов представителей еврейской интеллигенции и проведения пропагандистской кампании борьбы с космополитизмом. Разговоры о депортации провоцировались и антисемитски настроенными кругами. Известно, например, что жена руководителя Агитпропа Р.Т.Михайлова, особа властная, недалекая и грубая, державшая своего мужа «под каблуком», сказала тогда Свет-

лане Аллилуевой: «Я бы всех евреев выслала вон из Москвы!»³³.

В еврейской среде трагическая безысходность и отчаяние рождались в атмосфере нагнетавшейся исподволь юдофобии и в то же время обуславливались в какой-то мере традиционным менталитетом, сформированным тысячелетним опытом беспрестанных гонений и постоянным ожиданием очередной национальной катастрофы, а также свежей памятью о выселении целых народов, обвиненных в годы войны в сотрудничестве с врагом. Распространению слухов способствовало и полное отсутствие гласности в стране, в которой население компенсировало отсутствие официальной достоверной информации всеми доступными ему способами — так называемым чтением газет между строк, пересудами, толками и т.п.

На Западе о готовившемся Сталиным переселении евреев в Сибирь заговорили еще с 1949 г., со времени начала антикосмополитической кампании в СССР. С тех пор там вышло множество исследований в той или иной мере затрагивающих эту тему, и в большинстве из них еврейская депортация рассматривается как реально спланированная и детально подготовленная массовая акция, исполнение которой было сорвано в последний момент неожиданной смертью Сталина. Причем это утверждение основывалось главным образом на свидетельствах людей, которые вроде бы или сами видели, или от кого-то слышали, что по всей стране евреев уже внесли в специальные списки на выселение в Сибирь, где были построены целые лагеря для переселенцев, а на запасных путях уже стояли сформированные для этой цели составы. Эти описания обросли множеством дополнительных подробностей и деталей в целом ряде статей и книг, вышедших в России с началом перестройки. Однако ни западными, ни российскими авторами пока не было приведено ни одного достоверного факта, подтверждающего подготовку депортации. Между тем существование подобных планов отрицается такими хорошо осведомленными в тайнах

сталинской политической кухни деятелями, как П.А.Судоплатов и Л.М.Каганович. Не упоминает о депортации в своих мемуарах и такой яростный критик сталинских преступлений, как Н.С.Хрущев. Кроме того, существует немало других веских аргументов против такой версии. Самое главное, что не было официальной директивы, санкционирующей депортацию. Если бы таковая существовала даже в засекреченном виде, она непременно бы обнаружилась, как это произошло со многими другими утаенными советским режимом документами. Сейчас, например, опубликованы секретные приказы Государственного комитета обороны о выселении в 40-е гг. чеченцев, ингушей, других кавказских народов. В отличие от этих территориально локализованных этносов евреи в основном проживали в городах по всей территории СССР, причем не обособленно в виде общин, а в большинстве своем ассимилировавшись и растворившись в массе инационального, главным образом, русского населения. Поэтому депортацию евреев нельзя было провести с помощью одной даже самой решительной директивы, требовались предварительные радикальные изменения, и не только в советском законодательстве (например, легализация антисемитизма), но и в официальной коммунистической идеологии, которая несмотря на шовинистический пресс сталинизма еще сохраняла романтику большевистского интернационализма, и которой были чужды национальная дискриминация и тем более расизм. Симптоматично, например, что несмотря на всю симпатию Сталина к традиционно крепкой русской государственности, так и не было полностью реабилитировано историческое прошлое России, и Октябрьский переворот продолжал почитаться не только как великая социальная, но и национально-освободительная революция. Не случайно, нагнетавшийся с конца 30-х гг. русский патриотизм так и не смог вытеснить пропаганду советского патриотизма, а наоборот был потом поглощен по-

следним, что означало преодоление сталинского дуализма в идеологии.

Если, следуя принципу, что все познается в сравнении, проанализировать антиеврейскую политику в гитлеровской Германии, то следует констатировать, что массовому выселению евреев из этой страны в конце 30-х гг. (не говоря уже о моменте принятия так называемого окончательного решения еврейского вопроса в начале 1942 г.) предшествовали соответствующее идеологическое обоснование (издание «Майн Кампф» А.Гитлера и других откровенно расистских и антисемитских работ), еврейский экономический бойкот 1933 г., нюрнбергские расовые законы 1935 г., еврейские погромы ноября 1938 г.

Сталину, если он действительно замысливал еврейскую депортацию, еще только предстояло провести послушное ему советское государство по этому страшному пути. Но диктатор не мог не понимать, что такого эксперимента его многонациональная империя выдержать не в состоянии, она просто может развалиться. Думается, что масштабы антисемитизма, которые имели место в СССР в начале 1953 г., были предельно допустимыми в рамках существовавшей тогда политической системы. Дальнейшее следование тем же курсом, не говоря уже о проведении еврейской депортации, поставило бы страну перед неизбежностью глобальных политических и идеологических преобразований (легализация антисемитизма, а, значит, и введение расовой политики, отказ от коммунистической идеологии, освящавшей государственное единство советских народов и т. д.), чреватых самыми непредсказуемыми последствиями. Например, зверь стихийного антисемитизма мог вырваться на свободу и тогда страна погрузилась бы в хаос национальных и социальных катаклизмов. Подобная перспектива, разумеется, Сталина не устраивала. Страшились такого развития событий и ближайшие соратники вождя, которые резонно опасались того, что «дело врачей» будет использовано для последующей расправы с ними. Известно, что в последние

месяцы своей жизни Сталин наложил опалу на Молотова, Микона и Ворошилова, подозревая их в сотрудничестве с западными разведками. Скорей всего, готовившийся процесс по «делу врачей» как раз и замышлялся с целью инициации новой верхушечной чистки, как это уже было в 30-е гг. в СССР и в 40-х — начале 50-х гг. — в странах Восточной Европы. За такую версию говорят произведенные Сталиным в конце 1952 — начале 1953 г. соответственно арест и отстранение от должности (фактически — домашний арест) таких влиятельных и много знающих людей из его ближайшего окружения, как генерал Н.С.Власик и А.Н.Поскребышев. Видимо, от них он намеревался получить компромат на утративших его доверие членов высшего руководства партии и государства. Итак, главная цель затеянной Сталиным авантюры — это очередная смена бюрократической элиты, а пропагандистская с привкусом антисемитизма кампания — это своего рода отвлекающий маневр, обеспечивавший успех главного дела. И если бы процесс по делу врачей все же состоялся, то в качестве главных обвиняемых на нем предстали некоторые вчерашние соратники Сталина. На их месте вряд ли могли оказаться евреи. Ведь для показательной расправы над ними Сталин вполне мог использовать процесс по делу Еврейского антифашистского комитета.

Если проводить сравнение с подготовкой процесса над руководством ЕАК, то суд над кремлевскими врачами и их тайными «покровителями» во власти должен был состояться лишь в отдаленной перспективе (не были арестованы главные фигуранты, не составлено обвинительное заключение и т.д.). Тем не менее Сталин в последние дни своей жизни решил свернуть эту подготовку. Вероятно, учитывая бесперспективность своей авантюры, негативное отношение к ней в своем ближайшем окружении, а также бурную реакцию Запада на антиеврейский подтекст советской пропаганды, надо полагать, Сталин понял, что «дело врачей» — это его проигрыш, возможно, самый крупный за время его карьеры. Загнав себя и всю

страну в идеологический и политический тупик, он стал искать приемлемый для себя выход из создавшегося положения, который позволил бы ему завершить начатую акцию, сохранив при этом свое «прогрессивное» идейное лицо. И Сталин, известный своей осторожностью, решавшийся на тот или иной политический шаг только будучи уверенным в его успехе, должен был пойти на попятную. Характеризуя поведения Сталина в подобных ситуациях, Троцкий в свое время писал, что «он принимает участие тогда, когда нельзя не принять участия. И когда успех обеспечен объективной обстановкой»³⁴. Опыт подсказывал ему тот вариант отступления, который был претворен им в жизнь в марте 1930 г. Тогда столкнувшись с ожесточенным сопротивлением его планам насильственной коллективизации, Сталин написал статью «Головокружение от успехов». Но отступив Сталин, уже не обладавший тем запасом здоровья, который имел в начале 30-х гг., естественно не мог рассчитывать на то, что через некоторое время скопит силы и перейдет в контрнаступление. Сталинский режим агонизировал: он уже не был способен ни на крупномасштабную кадровую чистку, ни на тем более открытую антиеврейскую акцию. Гипотетическая депортация, таким образом, лишалась какого-либо шанса на осуществление даже в будущем. Не случайно, думается, после 20 февраля 1953 г. пропагандистский накал обличения «врачей — вредителей» явно пошел на убыль. Более того, Сталин поручил заведующему Агитпропом Михайлову подготовить проект письма в редакцию «Правды» от имени наиболее выдающихся и известных в стране деятелей еврейского происхождения. И такое коллективное послание было составлено. Активное участие в его подготовке приняли известный журналист Я.С.Хавинсон и академик историк И.И.Минц.

В письме, которое должны были подписать от имени советского еврейства около 60 чел., клеймился американский империализм, происки международного сионизма, государство Израиль, с которым незадолго до этого

СССР разорвал дипломатические отношения, обличался даже антисемитизм в странах, где у власти находились правые проамериканские правительства. Присутствовал там и один абзац, в основном излагавший содержание сообщения ТАСС от 13 января 1953 г. «Арест группы врачей-вредителей». Вместе с тем, отмечалась выдающаяся роль Советского Союза в спасении человечества от гитлеризма, а европейских евреев — от полного уничтожения. При этом особо подчеркивалось, что несмотря на попытки Запада «создать почву для оживления в СССР антисемитизма, этого страшного пережитка прошлого», «русский народ понимает, что громадное большинство еврейского населения в СССР является другом русского народа». В письмо даже было включено пожелание начать издание в Советском Союзе газеты, предназначенной для широких слоев еврейского населения в стране и за рубежом»³⁵.

Текст этого верноподданнического послания, подготовленного в ЦК, явно диссонировал с содержанием предшествующей пропаганды. В нем отчетливо ощущалось стремление дезавуировать антисемитские выпады, имевшие до этого место в печати и радиопередачах. Некоторые из тех, кто должен был подписать данное послание, отказались это сделать. Например, И.Г.Эренбург, названный поэтом Д.Самойловым «крайним западным флангом сталинизма»³⁶, в обращении к Сталину мотивировал свое решение тем, что это письмо может укрепить у части евреев «националистические тенденции» и смутить их намеками на существование отдельного еврейского народа, хотя «еврейской нации нет»³⁷. Каганович также отказался поставить свою подпись под письмом, заявив Сталину, что он прежде всего член Президиума ЦК, а не еврейский общественный деятель³⁸.

Поскольку вскоре диктатор умер, письмо так и не появилось в печати. Преемникам диктатора не надо было прибегать ни к этому маневру, ни к другим искусным шагам, чтобы выйти из положения, в котором они оказа-

лись отнюдь не по собственной воле. Под нажимом Берия руководство партии и государства решило эту проблему быстро и радикально. О процессе над врачами, проведение которого и раньше уже было поставлено под сомнение, теперь не могло быть и речи. А 13 марта 1953 г. Берия приказал провести переследствие по «делу врачей». Арестованным дали понять, что все, что с ними творилось до сих пор, было произволом, и они должны теперь помочь новому руководству восстановить социалистическую законность. 31 марта Берия утвердил постановление о прекращении уголовного преследования и освобождении из-под стражи всех проходивших по делу кремлевских врачей. А 3 апреля по его же инициативе Президиумом ЦК КПСС было принято постановление об их реабилитации.

Так закончилось знаменитое «дело врачей», причем завершилось оно таким же провалом, как и ровно за сорок лет до этого не менее известный и позорный для России процесс над Менделем Бейлисом. Исход этого «дела» стал не только первым крупным поражением Сталина, но и сильным ударом по созданной им бесчеловечной системе, ударом, инициировавшим начало ее идейного и политического краха.

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 154-155.

² Вопросы истории. 1991. № 12. С. 70.

³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 155.

⁴ Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1996. Т. 8. С. 255-256.

⁵ Вопросы истории. 1991. № 11. С. 50.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 38. Л. 129-133.

⁷ Там же. Д. 46. Л. 21.

⁸ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 359.

⁹ Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. М., 1994. С. 305.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1091. Л. 75.

¹¹ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 56, 73.

¹² Костырченко Г.В. Указ. соч. С. 307.

¹³ Там же. С. 315.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 5837. Л. 27-28.

¹⁵ Исторический архив. 1996. № 4. С. 151.

- 16 Шнейдер М.П. НКВД изнутри. Записки чекиста. М., 1995. С. 63.
17 Костырченко Г.В. Указ. соч. С. 329.
18 Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 218.
19 Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 155.
20 Костырченко Г.В. Указ. соч. С. 338.
21 Эндрю К., Гордиевский О. КГБ: история внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С. 367.
22 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 783. Л. 30.
23 Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1362. Л. 95.
24 Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 86. Л. 51.
25 Вопросы истории. 1997. № 3. С. 7, 19.
26 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 717. Л. 151-154.
27 Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994. С. 169.
28 Троцкий Л.Д. Сталин. М., 1990. Т. 2. С. 202, 207.
29 Хренников Т.Н. Тихон Хренников о времени и о себе. М., 1994. С. 179.
30 Самойлов Д.С. Памятные записки. М., 1995. С. 165.
31 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 708. Л. 15, 19.
32 Костырченко Г.В. Указ. соч. С. 346.
33 Аллилуева С.И. Только один год. М., 1990. С. 135.
34 Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2. С. 202-203.
35 Источник. 1997. № 1. С. 143-145.
36 Самойлов Д.С. Памятные записки. М., 1995. С. 241.
37 Там же. С. 142.
38 Чувев Ф.И. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 174.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Е.Г.Гимпельсон:

Как можно определить роль Берии во всей этой истории?

Г.В.Костырченко:

В докладе я касался роли Берии. Конечно, он, как и другие ближайшие соратники вождя, над которыми нависла угроза очередной чистки, не были заинтересованы в развитии сюжета с «заговором врачей-вредителей» и были заинтересованы в его скорейшем свертывании, что и произошло сразу же после смерти Сталина.

Ю.Н. Жуков:

На какие фонды, на какие дела вы опирались при подготовке монографии «В плену у красного фараона»?

Г.В. Костырченко:

В основном это Центральный архив ФСБ. Я смотрел дела по следственному делу «врачей-вредителей», это многотомное дело, в него входят документы по 37 участникам этого дела.

Г.А. Куманев:

Вы сказали, что примерно с 20 февраля история с делом врачей пошла на убыль. На какие факты вы опирались, определяя эту дату?

И второй вопрос, связанный с этим. Какой вы можете назвать официальный документ, где бы в последний раз упоминалось дело врачей, не считая различных заметок в газетах?

Г.В. Костырченко:

Это сообщение МВД СССР о реабилитации, которое было опубликовано 4 апреля 1953 г. Я не называл точную дату — 20 февраля. Я сказал, что пропагандистский накал по этому делу пошел на убыль, потому что есть масса подтверждающих это фактов, которые показывают, что это было именно так.

Недавно у нас было обсуждение диссертации по образу врага, и там тоже по этому же периоду приводятся документы о том, что снимались с публикации многие антиамериканские статьи. Чувствуется, что Сталин шире смотрел не только на этот антиамериканский накал, но и на антизападную направленность. Все это шло в одной струе, поскольку врачей обвиняли в сотрудничестве с западными спецслужбами и т.д., и, конечно, Сталин в первую очередь бил здесь по американцам и другим своим западным недругам. Но примерно в это же время, во

второй половине февраля, чувствуется переориентация этого пропагандистского направления.

Ю. Н. Жуков:

Я согласен с мнением докладчика, который пришел к выводу, что «дело врачей» не носило столь явно направленного антисемитского характера. Я сумел познакомиться с рядом документов, которые позволяют убедиться в правоте слов Г.В.Костырченко. Более того, они показывают, что все было гораздо сложнее и не сводилось к врачам как таковым.

Первый, по сути дела, серьезный арест, связанный с врачами Лечсануправления Кремля, которое юридически находилось под юрисдикцией Минздрава СССР, но фактически подчинялось Главному управлению охраны КГБ СССР, произошел еще 15 февраля, когда арестован был зам.директора «Барвихи», знаменитого правительственного санатория, Рыжин. Отсюда начинает крутиться следственная машина. 29 апреля 1952 г. был снят со своего поста начальник Главного управления охраны Министерства госбезопасности СССР генерал-лейтенант Власик. Он был направлен в город Асбест заместителем начальника местного лагеря. Но на этом машина не остановилась. 10 мая того же года был снят его заместитель Лынько — тот самый Лынько, который получил фельдсвязью с Валдая записку Л.Тимашук. Он поставил свою визу на этом документе и направил по инстанции Власику и далее Абакумову. И именно Лынько сразу же после его ареста ставились весьма сакраментальные вопросы. Первый вопрос: каким образом Егоров был назначен начальником Лечсанунра Кремля, кто продвигал его на этот пост, и почему Эттингер, уволенный из Лечсанупра Кремля, был лечащим врачом Щербакова в 1945 г.

Затем происходит совершенно невероятное и, наверное, мало кому известное. 29 мая 1952 г. Главное управление охраны КГБ ликвидируется. Его численность с 9,5 тыс. чел. сокращается до полутора тысяч. Самое ин-

тересное тут то, что прежде всего первыми же приказами было ликвидировано управление, которое занималось скрытой охраной трассы между Кремлем и Ближней дачей. Все были уволены. Им было предложено идти, если они хотят, в ОРУД ГАИ либо искать самим работу. Вторых, в мае 1952 г. было ликвидировано Управление, которое ведало охраной черноморских правительственных дач. То есть постоянная охрана с правительственных дач, в том числе и с трех дач Сталина на Кавказе была ликвидирована.

Затем происходит арест бывшего начальника Лечсанупра Кремля Бурсалова, который возглавлял Лечсанупр до Егорова. И только после этого уже — арест Егорова и других врачей Лечсанупра Кремля.

Кого же арестовывают из врачей? Для этого, действительно, приходится вернуться к делу Тимашук.

Тимашук, вынужденная, как уже отметил докладчик, под нажимом Егорова и Виноградова написать неверный диагноз, т.е. не тот, который она поставила, тут же написала записку, которая ушла к Абакумову и далее наверх, и в силу того, что через сутки Жданов все-таки умер, к обсуждению вопроса о диагнозе, болезни и причинах смерти Жданова пришлось вернуться.

6 сентября Лечсанупр вынужден был собрать большую конференцию, в которой приняли участие практически все ведущие врачи Лечсанупра для того, чтобы определить, чей диагноз правилен, Егорова или Тимашук.

Эта конференция признала, что прав Егоров, Тимашук ошибалась. После этого Тимашук уволили из Лечсанупра. Стенограмма этого заседания была снова отправлена наверх, и на ней появилась прелюбопытнейшая запись, сделанная Власиком, заменявшая резолюцию: «Товарищ Поскребышев ознакомлен. Он считает правильным диагноз Егорова, а не Тимашук». Прошу запомнить это обстоятельство. Именно Поскребышев, как, видимо, хороший знаток медицины и определял верность диагноза.

После отстранения Рюмина и замены его Гоглидзе начинаются первые допросы Власика, которого в середине ноября срочно затребовали из Асбеста.

К допросу, к документам, которые фиксируют вопросы и ответы, по понятным причинам следует относиться очень осторожно. Следователь желал услышать от того, кого он допрашивал то что он хотел, и поэтому очень трудно понять, где сказана правда, а где заведомая ложь, ради того только, чтобы спасти себя. Но обычно все допросы такого рода в МГБ начинались с самых простых вопросов: фамилия, имя и отчество, дата рождения то есть с данных, где не нужно что-то скрывать и утаивать.

И вот по допросам Власика уже в ноябре снова звучат те же самые мотивы, которые звучали после начала допросов Лынько, его заместителя. Кто поставил на должность начальника Лечсанупра Кремля Егорова и кто разрешил Эттингеру и Егорову из Лечсанупра лечить Щербакова. Более того, и Лынько, и Власик проходили следствие по обвинению в участии в заговоре кремлевских врачей.

Наконец, следует напомнить еще одну деталь. Покребышева не арестовали. В середине февраля его отстранили от занимаемой должности, и вот тут возникает еще одна линия «дела врачей», при этом она фигурирует во всех этих делах. С «делом врачей» связаны не только врачи Лечсанупра Кремля и не только работавшие там евреи. Более сильный удар был нанесен по Главному управлению охраны МГБ. Арестовали, посадили и отнюдь не реабилитировали ни в марте, ни в апреле, ни позже (всем, кому дали 10-15 лет, они отсидели свое) руководителей этого Главного управления. И вот теперь прошу обратить внимание (это только для размышлений — то, что я предлагаю): арест Абакумова в 1951 г. Это дальний круг охраны Сталина. Это человек, верный ему, подчинявшийся ему во всем, и здесь докладчик стопроцентно прав.

Затем устранение Власика, начальника охраны руководителя партии и правительства. Того самого Власика,

которого неоднократно снимали со своих должностей в Отделе охраны в разное время — в 30-е и после войны, дважды в 1946 г., и всякий раз Сталин его восстанавливал на этих должностях. Но на этот раз такого не произошло... Затем аресты Лечсанупра Кремля, который также являлся своего рода охраной здоровья руководителей партии и правительства, и, наконец, выход на Поскребышева — по сути дела, вне зависимости от официальной должности, секретаря Сталина многие годы.

Таким образом, после публикации сообщения в январе 1953 г. картина для всех представлялась как антисемитская кампания только в силу фамилий, названных в сообщении ТАСС МВД, а если рассматривать действительные дела, которые хранятся сегодня в архивах, но, к сожалению, практически недоступны, возникает иное: идет борьба с тем, что составляло несколько колец окружения не столько партии и правительства, сколько Сталина. И не случайна вот эта самая линия — от Абакумова (наиболее широкая, дальняя линия обороны) до Поскребышева.

Здесь докладчик прав. Нужно искать ответ на вопрос — что же было за так называемым «заговором кремлевских врачей», который следует скорее рассматривать как кодовое название политической операции. Речь идет, конечно, о борьбе за власть и о борьбе, направленной против Сталина.

Г.А.Куманев:

Я прежде всего хочу в связи с моим вопросом привести факт, который мне как современнику тех событий (я был студентом) хорошо запомнился. Мне думается, самое последнее официальное сообщение об этом деле и его краткая оценка содержались в докладе Михайлова по случаю очередной годовщины памяти Ленина. Это примерно через неделю после официального объявления о деле врачей. Эта неделя была связана с тем, что поднялась огромная волна протестов за рубежом. И это так или иначе учитывалось.

Что касается заявления Ю.Н.Жукова о том, что это дело не носило только антисемитскую окраску, то по документам, о которых массы не знали, можно наверное придти к такому выводу. Но официально, когда было объявлено, это была явно антисемитская волна. Даже в «Правде» появились публикации, фельетоны, где упоминались лица еврейской национальности, появились анекдоты.

Докладчик вкратце затронул вопрос об антисемитизме Сталина. Я думаю, что здесь Сталин показал себя весьма противоречивой фигурой. Может быть, он действительно был с головы до ног антисемитом. Но что у него было на уме, определить до конца невозможно.

С одной стороны, вы посмотрите, в ближайшем его окружении: Каганович — еврей, одно время — второе лицо в партии. Если бы Сталин был на сто процентов антисемитом, то как это вяжется — вот эта фигура? И не только Каганович. Возьмите, например, хотя бы органы ОГПУ и НКВД, начиная с Ягоды и его ближайшего окружения, там много лиц еврейской национальности. И Мешик и Креновский и т.д.

Второе. Противоречивая позиция в годы войны. Сталин учитывал, что опора на лиц еврейской национальности дает очень многое в битве с фашизмом. И это проявилось в годы Великой Отечественной войны. Лица еврейской национальности получили, по-моему, пятое место по числу Героев Советского Союза. А ведь последнее слово всегда было за Сталиным.

Это с одной стороны. А с другой стороны, мы можем, действительно, привести очень много фактов, которые говорят о том, что и в кругу своего ближайшего окружения, и в своей политике, он показал себя как антисемит.

Нужно быть очень внимательным в оценке политики, действий Сталина. Какая здесь должна быть опора? Документы, свидетельства. Многие участники событий таких свидетельств не оставили.

Документы же, которыми мы пользуемся, не все правдивы. К ним тоже надо относиться критически и знать, что это за документы.

Л.Н.Нежинский:

Я не открою никакого секрета, если скажу, сколь острую и вместе с тем интересную и нужную тему взялся анализировать в своем докладе Г.В.Костырченко. И даже небольшая дискуссия, которая здесь состоялась, конечно, свидетельствует о том, насколько и сегодня неоднозначно воспринимается все то, что мы узнаем по этому, я бы даже не сказал комплексу, а клубку проблем, вокруг которого сегодня так эмоционально выступали наши коллеги.

Доклад является очередным этапом в исследовании этой темы и всего комплекса проблем, которые с ней связаны. И мне не надо вам долго объяснять, потому что здесь люди, которые не первый год занимаются историей XX столетия в России, ее советским периодом, какую роль играла в 1952, 1953, фактически уже с 1951 г. не только каждая неделя, но иногда даже каждый день в нашей внутривнутриполитической жизни, а стало быть, и в целом ряде наших внешнеполитических акций.

Сейчас становятся доступными документы о том, как болезненно реагировал Сталин на те неудачи, которые и он, и все советское руководство терпели во второй половине 1952 г. в войне в Корее. «Да, — говорил он, — это хорошо, что американцы в конце концов Маккартура сняли, который в своей ярости дошел до того, что говорил: “А может быть, давайте атомную бомбу на этих корейцев и китайцев, а заодно и вообще на Дальний Восток, включая дальневосточные районы Советского Союза...”. — Да, в конце концов, Трумэну-то что? Он лишается поста Президента, и именно корейская проблема привела к тому, что Эйзенхауэр стал Президентом США...». На все это Сталин очень болезненно реагировал, ему давали не только сводки о бесконечных маниакальных заговорах, о готовящемся убийстве и т.п. Ему

докладывали и о реакции простых людей в провинциальных городках, которые перестали получать письма от своих мужей, братьев, военных летчиков, погибших в Корее. Как оказалось по нашему официальному справочнику, изданному в 1992 г., мы там потеряли 332(!) боевых самолета, и вы можете легко себе представить, что это значит, хотя число погибших летчиков, согласно официальным данным, составляло только 120. Однако в целом число погибших в Корее офицеров и солдат, согласно имеющимся данным, составляет цифру порядка 347 чел. Некоторые считают, что эти данные занижены.

Наряду с поставленным в докладе кругом проблем, нельзя забывать и внешнюю сторону, потому что мне кажется, что иногда Сталин устраивал какие-то крупные внешнеполитические акции, чтобы придавить неудобные вопросы, неудобные разговоры, которые иногда возникали в нашем обществе. И не случайно сегодня появляется все больше документов о таких «неудобных» вопросах в конце 1945, 1947 г. Поэтому некоторые наши исследователи высказывают мнение, что речь Черчилля, знаменитая его речь в Фултоне — это был подарок для Сталина, так как это давало ему повод прекратить, придавить эти неудобные разговоры и неудобные вопросы и т.п.

Необходимо сочетать изучение всего комплекса направлений внутренней и внешнеполитической деятельности.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА Н.С.ХРУЩЕВА И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО*

Определение «аграрная политика Хрущева», разумеется, до известной степени условно, грешит персонификацией. Это хорошо понимали даже участники мартовского 1965 г. Пленума ЦК («Пленума победителей»), состоявшегося через полгода после октябрьских событий 1964 г., когда имя Хрущева, и это понятно, было у всех членов Президиума и Пленума ЦК на устах, а об органах «коллективного руководства» старались не вспоминать. Через полгода все было иначе: имя Хрущева не упоминалось ни в докладе Брежнева, ни в постановлении пленума, да и в выступлениях ораторов (таков был сценарий). Правда, почти все рассуждали о «волюнтаризме», «субъективизме», «нарушении экономических законов социализма» и т.п., имея в виду «отставника». А «фигура умолчания» появилась не в последнюю очередь в связи с тем, что когда элитные пропагандисты из Кремля начали «разъяснять» трудящимся причины отставки Хрущева и решения октябрьского, ноябрьского и мартовского пленумов, на них обрушился шквал «провокационных» (по старой терминологии) вопросов, например, таких: «Встречали ли Хрущев хоть какой-то отпор со стороны членов Президиума ЦК или они его также активно хвалили, как теперь ругают?»; «Почему ошибки признают через много лет, когда государству и народу нанесен огромный ущерб?»; «Хрущев, оказывается, наделал много ошибок ... где же был Президиум ЦК?» и т.д. и т.п.¹

И в самом деле, не один же Хрущев вершил аграрную политику, в той или иной мере функционировали все партийные структуры, регулярно созывались съезды партии, прошло 14 «сельскохозяйственных» пленумов ЦК.

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 18 марта 1999 г.

За период с осени 1960 по июнь 1964 г. первый секретарь направил в Президиум ЦК 12 записок по различным проблемам развития сельского хозяйства, каждая из которых обсуждалась, а некоторые даже рассылались на места для руководства местным партийным органам, и тем не менее названное определение, особенно с конца 50-х — начала 60-х гг., когда фактически установилась диктатура личной власти Хрущева, вполне уместно, во многом оправдано, как, скажем, «сталинская коллективизация», «ленинский нэп», «реформы Горбачева». Хрущеву как реформатору не повезло: пережив в 1953—1958 гг. свой «звездный час» и замахнувшись на «великое десятилетие», он с начала 60-х гг. стал терять авторитет, а после отстранения от власти был предан забвению, как бы вычеркнут из истории почти на 20 лет, пока у власти находился Брежнев. И все это не могло не сказаться на историографии аграрной политики и аграрного реформирования под руководством Хрущева. По существу условия для объективной разработки данной темы стали создаваться с начала 90-х гг., когда были опубликованы стенограммы июньского 1957 г. и октябрьского 1964 г. пленумов ЦК, документы о событиях в Новочеркасске («Исторический архив», 1993—1994 гг.), подборки документов из Архива Президента Российской Федерации и ЦА ФСБ («Советские архивы», «Источник», сборники «Неизвестная Россия XX в.») и др. Принципиальное значение имело рассекречивание части документов бывшего текущего архива Политбюро (ныне ЦХСД), среди которых стенограммы пленумов ЦК, документы Сельхозотдела и Общего отдела ЦК и др. Из опубликованных документов следует назвать восьмитомник Хрущева «Строительство коммунизма и развитие сельского хозяйства», изданный при его жизни, и по существу еще не востребованный историками, и воспоминания Хрущева-пensionера, продиктованные на склоне жизни («Вопросы истории», 1990—1995 гг.).

Современная историография весьма небогата и это понятно: после безудержного захваливания реформатора, когда он находился у власти, последовало многолетнее забвение, даже отлучение от его детища — целинной эпопеи, приписывание всех «руководящих заслуг» в этом Брежневу, не без участия в этой явной фальсификации его самого. А затем, вплоть до конца 80-х гг., — полная потеря интереса историков, уставших от перемены оценок и точек зрения идеологических наставников, как к данной теме, так и самому реформатору.

Из работ 90-х гг. можно отметить исследования М.А.Безнина и Л.Н.Денисовой, посвященные российскому Нечерноземью и более широкого плана монографию О.М.Вербицкой, охватывающую первые послевоенные годы и первый этап хрущевских реформ. Особое место в новейшей историографии данной темы занимает обобщающее исследование академика А.А.Никонова об аграрной науке и политике России с XVIII по XX в. Специальные главы посвящены первым послевоенным годам и аграрной политике Хрущева, которую автор сначала постигал не в тиши кабинетов и библиотек, а на практике, будучи министром сельского хозяйства Латвии (вплоть до 1961 г.), в ходе проходивших в то время пленумов ЦК, в том числе «целинного» февральско-мартовского 1954 г., в стенограмме которого значится и его выступление. А поста министра, как выясняется из книги, будущий академик, президент ВАСХНИЛ, директор Аграрного института, лишился вскоре после «обмена мнениями» по поводу кукурузы с внезапно нагрянувшим в Латвию Хрущевым. «Вы не любите кукурузу», — сделал вывод глава партии и государства. Однако Никонов далек от того, чтобы задним числом «сводить счеты» (как это просматривается в недавно опубликованных мемуарах Д.Т.Шепилова) с бывшим «собеседником». Он дает объективную характеристику Хрущеву как человеку и политике, весьма позитивно в целом оценивает его реформы, в том числе и освоение целины².

Напомню, что политические предпосылки к восхождению Хрущева по ступеням власти, а, следовательно, и для проведения аграрных реформ, создавались постепенно. А основными рубежами стали: арест и устранение Берия — самого могущественного из «наследников» вождя, олицетворявшего репрессивно-карательную систему тоталитарного государства; XX съезд КПСС, знаменитый доклад Хрущева на последнем (закрытом) заседании съезда о культе личности и его последствиях; июньский 1957 г. пленум ЦК, покончивший с последней антихрущевской оппозицией сталинистов. Важнейшим результатом этих акций явились избрание Хрущева первым секретарем ЦК партии (сентябрь 1953 г.), лишение Маленкова поста главы правительства и утверждение на эту должность сначала Н.А.Булганина (январь 1955 г.), а затем и самого Хрущева (март 1958 г.) и постепенное установление его авторитарной власти. Следует подчеркнуть, что первые две акции потребовали от него целеустремленности, решительности, большого личного мужества. Хрущев рисковал не только своей дальнейшей политической карьерой, но и жизнью.

Первое пятилетие после сентябрьского пленума 1953 г., как известно, — наиболее успешный и результативный период в деятельности Хрущева, когда аграрное реформирование было нацелено на решение назревших экономических и социальных проблем деревни, предоставление крестьянству, работникам совхозов и МТС большей самостоятельности в планировании и управлении производством, внедрение принципа материальной заинтересованности в труде (повышение почти в 3 раза заготовительных и закупочных цен, сокращение налогообложения, повышение оплаты труда и т.д.).

Отдача пришла очень быстро. Хрущев имел все основания заявить на пленуме ЦК партии в декабре 1958 г., что был совершен «гигантский скачок в развитии сельского хозяйства». Валовая продукция выросла почти в 1,5 раза, а товарная — в 1,8 раза, в том числе животноводче-

ская — почти вдвое. Это было достигнуто как за счет интенсивных факторов, так и экстенсивных (около половины товарного зерна давала целина). Денежные доходы колхозников в 1958 г. по сравнению с 1953 г. возросли в 2,8 раза. Многие колхозные семьи всех регионов страны в конце 50-х гг. получали от общественного и личного подсобного хозяйства, полностью освобожденного от обязательных поставок государству натуральной продукции, доход, обеспечивающий им высокий достаток. Стали вводиться пенсии, началась постепенная паспортизация жителей села.

Мощный позитивный заряд аграрных реформ, созданный решениями сентябрьского пленума и последующими законодательными актами, был в основном исчерпан к концу 50-х гг. Здесь сказались непродуманность ряда решений и директив, медлительность по преодолению недостатков и издержек, выявившихся в ходе реформирования. Так, крайне непоследовательно, противоречиво вводилась научно-обоснованная система земледелия на целине, затягивалось решение проблем жилья и быта целинников; волюнтаристский лозунг Хрущева «догнать и перегнать США по производству животноводческой продукции на душу населения», ставший партийной директивой, обернулся на практике опасной погоней за «рекордами» вплоть до очковтирательства; с большим опозданием и оговорками отказывался лидер партии от кукурузы как «чудо-культуры», достойной распространения на всей территории огромной страны; крайне непродуманной оказалась постановка Хрущевым на декабрьском пленуме ЦК 1958 г. вопроса о резком сокращении индивидуального скота работников совхозов, а в июне 1959 г., тоже на пленуме — о запрещении содержать скот жителям городов и рабочих поселков. Эти указания, облеченные в форму директив или юридических актов, в начале 60-х гг. обернулись настоящим бедствием для семей сельских жителей и многих горожан. «Рязанский

феномен» дал о себе знать сокращением поголовья скота и в колхозно-крестьянском секторе.

Одна из самых прогрессивных, антитоталитарных и многообещающих социально-экономических реформ Хрущева — реорганизация МТС (февраль-март 1958 г.) из-за предельно сжатых сроков осуществления (вместо 3-х лет, предусмотренных законом, «уложились» за один год) привела к крайне негативным последствиям (была подорвана ремонтная база бывших МТС, колхозы, особенно слабые, понесли большие убытки при покупке техники, произошла «утечка» кадров механизаторов и др.), на преодоление которых потребовалось несколько лет.

Одна из причин таких «забеганий вперед» — идеологическая зашоренность, вера в незыблемость принципов социализма, в огромные преимущества социалистического строя, неизбежность перерастания его в бесклассовое коммунистическое общество не в столь уж отдаленном будущем. Об этом сначала возвестила резолюция XXI съезда КПСС о контрольных цифрах семилетнего плана (февраль 1959 г.), а затем новая Программа КПСС, принятая XXII съездом в октябре 1961 г.

Вторая причина — складывавшаяся внутри высшего партийного руководства после июньского пленума 1957 г. диктатура личной власти Хрущева, что в полной мере проявилось на пленуме ЦК КПСС в декабре 1959 г. в докладах и выступлениях его участников, единодушно восхвалявших и полностью одобрявших деятельность Хрущева по руководству сельским хозяйством. В оборот был введен термин «наш дорогой Никита Сергеевич», ставший названием документального фильма, славословия в его адрес сопровождалась «продолжительными аплодисментами». Менее чем через два года был восстановлен сталинский ритуал «вставания» всех членов пленума при прославлении лидера партии. Руководство сельским хозяйством было полностью отдано на откуп Хру-

щеву, явно переоценены достижения сельского хозяйства в 1959—1960 гг.

Хрущев это понял в конце 1960 г. В Записке в Президиум ЦК КПСС (29 октября 1960 г.) он предостерег от «благодушия, самоуспокоенности и зазнайства первыми успехами в развитии сельского хозяйства», вынужден был признать, что ситуация в животноводстве столь серьезна, что если не принять необходимые меры, «мы можем скатиться к положению, которое у нас было к 1953 г.»; крайне был озабочен тем, что «не все чисто» с выполнением обязательств по животноводству, писал о серьезных недостатках в земледелии, особенно на целине³.

Анализ аграрной политики Хрущева в годы семилетки (с рубежа 50-х — 60-х гг. по сентябрь 1964 г.), проведенный на основе совокупности различного вида источников (политических, социально-экономических, демографических) показывает, что эта политика не была однородной, прямолинейной, отражая попытки и поиски реформатора, весьма энергичные, хотя порой хаотичные, найти выход из трудной ситуации, не допустить падения производства и жизненного уровня населения, закрепить достигнутые результаты предшествующего пятилетия. Отчасти это удалось. Однако сначала Хрущев начал действовать на основе отвергнутых сентябрьским пленумом административно-командных методов, усиления диктатуры партии. Особенно это проявилось на пленуме ЦК в марте 1962 г., обсуждавшем задачи партии по укреплению руководства сельским хозяйством на «современном этапе коммунистического строительства». А начало этого этапа определялось новой Программой КПСС, которая, исходя из того, что страна вступила в «период развернутого строительства коммунизма», провозгласила «возрастание роли Коммунистической партии как руководящей и направляющей силы советского общества». Хотя по определению той же Программы, «государство диктатуры пролетариата превратилось в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли всего народа».

Хрущев потребовал от партийных организаций отрешиться от принципа «невмешательства в дела колхозов и совхозов», «активно вмешиваться в их работу», «повсеместно влиять на ход производства»⁴. Тем самым фактически дезавуировались постановления 1955–1956 гг. об изменении практики планирования сельского хозяйства, о расширении прав колхозов и совхозов в управлении хозяйствами. В соответствии с этими установками была осуществлена перестройка управления аграрным сектором — созданы производственно-территориальные управления сельским хозяйством, а затем краевые и областные партийные организации разделены на промышленные и сельские, в результате чего численность партийных чиновников на селе возросла примерно в два раза. А раз партийных наставников стало больше, то должна была, как полагали, возрасти руководящая роль партии.

Хрущев также надеялся добиться перелома в сельском хозяйстве и прежде всего в животноводстве путем «искоренения» последствий несостоятельной (экстенсивной) травопольной системы земледелия акад. Вильямса, заменив ее наиболее прогрессивной, на его взгляд, пропашной. Это означало отказаться на всей территории страны от посевов многолетних и однолетних трав, распашать луга и засеять их, а также чистые пары, кукурузой и другими культурами. Подобные рекомендации были совершенно не приемлемы для Казахстана и других районов освоения целины, где чистые пары являлись основным средством борьбы с сорняками, и Прибалтики, для которой распашка лугов могла нанести серьезный урон животноводству. Да и сам Хрущев, видимо, не очень верил в скорую отдачу предложенной им меры. Менее чем через три месяца после пленума он «дополнил» ее более быстродействующей — повышением розничных цен на животноводческую продукцию при одновременном повышении закупочных цен примерно на 35% (постановление Совета Министров СССР от 31 мая 1962 г.). Исходили из того, что повышение последних создаст дополнительные стимулы для колхозов и совхозов, позволит увеличить про-

изводство этой продукции. Однако эта разумная и оправданная мера должна была проводиться исключительно за счет населения, главным образом горожан. Реакция последних была незамедлительной и, разумеется, резко негативной, о чем информировали высшее руководство страны сводки КГБ. Выяснилось, что рядовые граждане (в отличие от Хрущева) быстро разобрались, в чем основная причина повышения розничных цен. «Неправильные постановления правительства, считали они, — результат просчетов властей, принуждавших людей резать коров, отказываться от выращивания молодняка». «Откуда же будет мясо, — недоумевали люди, — если уничтожить скот»⁵.

Стихийные выступления рабочих происходили в Новочеркасске и в других городах, но Хрущев их быстро пресек, опираясь на всю мощь «общенародного государства» в лице милиции и даже войск. Пролилась кровь нескольких десятков рабочих, многие «зачинщики и активные участники массовых беспорядков» были приговорены к различным срокам заключения. О «новочеркасской трагедии» средства массовой информации ничего не сообщали. Это «строго секретная» государственная тайна стала достоянием общества только спустя 30 лет.

За счет повышения закупочных цен и других мер властям удалось несколько улучшить положение в животноводстве, до «возвращения к уровню 1953 г.» дело не дошло. Однако 1963 г. выдался крайне неблагоприятным для урожая, самым засушливым после 1946—1947 гг. Урожайность и валовые сборы снизились почти на 30%. Расчеты государства на значительное увеличение заготовок рухнули. Для предотвращения голода Хрущеву пришлось прибегнуть к массовым закупкам зерна за рубежом. Вот что он говорил в этой связи в докладе на пленуме ЦК в декабре 1963 г. (доклад, а затем и стенограмма пленума были опубликованы):

«Нашлись, оказывается такие люди, которые рассуждают: как же так, раньше при меньших валовых сборах

зерна сами продавали хлеб, а теперь покупаем. Что можно сказать таким людям? Если в обеспечении населения хлебом действовать методом Сталина — Молотова, то тогда и в нынешнем году можно было бы продавать хлеб за границу. Метод был такой: хлеб за границу продавали, а в некоторых районах люди из-за отсутствия хлеба пухли с голоду и даже умирали»⁶. Хрущев, разумеется, прав: в случае чрезвычайной ситуации (стихийные бедствия, массовый голод, война) государство не только имеет право, но и обязано во имя спасения людей разбронировать государственные резервы продовольствия, на то они в принципе и создаются. А потом, когда положение стабилизируется, возобновить их пополнение. Принцип «недоедим, а вывезем» аморален. Однако с начала 60-х гг. государственные резервы зерна не только не восполнялись, но и непрерывно сокращались, а после 1963 г. импорт зерна стал своего рода закономерностью. В этом году было закуплено 9,4 млн.т — около 10% от валового урожая. Такая «квота» сохранялась и в последующие годы, поскольку и после отставки Хрущева «импортные операции по хлебу» неизменно продолжались. На эти операции в 1963 г. было израсходовано 372,2 т золота — около трети золотого запаса страны⁷.

Однако нуждается в объяснении такой феномен — почему до начала 60-х гг., даже и в случае недорода, проблема массового импорта зерна не стояла, а возникла только в последующие годы в условиях, когда поступательный рост зерновой отрасли не только продолжался, но, как правило, не опускался ниже уровня 1958 г. — года самых высоких показателей по валовому сбору урожайности и заготовкам зерна в стране? Основную роль здесь сыграл, как мне представляется, демографический фактор, точнее — рост миграции, в том числе и стихийной, из села в город. Она стала усиливаться с конца 50 — начала 60-х гг.

Этому в немалой степени способствовало ослабление после XX съезда партии паспортного режима в городах,

перебравшихся в город селян милиция не преследовала. С февраля 1958 г. началась постепенная паспортизация жителей села, в том числе крестьян, лишенных права получения паспортов согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. Колхозникам, выезжавшим в другие области, края и республики на сезонные работы («отходникам»), органы милиции стали выдавать краткосрочные паспорта. Временные паспорта получали и выезжавшие из деревни в город на постоянную работу, учебу и т.д. По существу колхозникам было предоставлено юридическое и фактическое право свободного выбора места проживания и профессии, и они этим воспользовались.

Разумеется, тенденция миграции сельского населения в город — в целом прогрессивная, закономерная для высокоразвитых обществ, строящих экономику на индустриальной основе. В той или иной мере она обусловлена развитием производительных сил в аграрном секторе, ростом производительности крестьянского труда. Однако эти факторы применительно даже к периоду 1953—1958 гг. не являлись ведущими, определяющими, а на рубеже 50—60-х гг. их воздействие на производство снизилось. Возобладала миграция стихийного характера. Здесь сказались и негативные последствия реорганизации МТС, ущемление интересов владельцев приусадебных хозяйств, грубые ошибки местных властей, допущенные при преобразовании колхозов в совхозы, сселение деревень, инициированное самим Хрущевым и др.

Демографическая статистика свидетельствует, что на протяжении 1960—1964 гг. из деревни в город переселилось почти 7 млн. селян, в основном бывших колхозников. С 1961 г. впервые в стране стало меняться (в пользу города) соотношение между городским и сельским населением: в конце года оно составило 51 и 49%, через год — 52 и 48%, а в 1964 г. достигло 53 и 47%. Примечательно, что из покинувших деревню в 1960—1964 гг. 7 млн. чел., 6 млн. приходилось на лиц в возрасте от 17 до

29 лет, т.е. на молодежь. Средний возраст работающих в сельском хозяйстве превысил 50 лет⁸. А это означало не только рост городских потребителей сельскохозяйственной продукции, но и самое опасное – снижение производительности труда в сельском хозяйстве в связи с оттоком молодежи, постарением деревни. Хрущевская «сверхпрограмма» сселения деревень, строительства «агрогородов» была прежде всего ориентирована на молодежь, подрастающее поколение, содержала, несомненно, «рациональное зерно», однако, недостаточно подкреплена материально, плохо просчитана по времени, замыслы и планы реформатора значительно опережали возможности государства. А молодежь не хотела и не могла долго ждать...

Говоря о нехватке продовольствия, следует учитывать и значительный рост потребностей в продуктах питания как горожан, так и селян в связи с хрущевскими реформами, особенно на первом их этапе. Так, довоенный уровень питания в семьях колхозников по наиболее калорийным продуктам был заметно превзойден уже к середине 50-х гг., а в 1958 г. по сравнению с 1940 г. они потребляли в 6 раз больше сахара, в 3 раза больше кондитерских изделий и рыбных продуктов, в 2 раза больше мяса. В семьях рабочих уровень потребления был значительно выше, даже и после повышения цен в 1962 г.⁹ Здесь несомненно сказалось позитивное значение реформ.

Нельзя не сказать и о таком факторе, сдерживавшем развитие сельского хозяйства в начале 60-х гг., как отвлечение значительных средств от аграрного сектора в пользу военно-промышленного комплекса, втягивание СССР, несмотря на многочисленные миротворческие заявления Хрущева, в гонку вооружений. Яркий тому пример – Карибский кризис 1962 г. На склоне жизни он был вынужден признать, что форсированное ракетостроение в стране имело и свои «отрицательные стороны», поскольку «зря выбрасывало деньги из бюджета и истощало наши финансовые возможности»¹⁰.

Таким образом, сельскохозяйственное производство, в том числе его ведущая зерновая отрасль, в годы семилетки как по объективным, так и субъективным причинам, все больше отставало от потребностей населения, не могла удовлетворить и нужды животноводства в кормах. Зерновая проблема, о решении которой Хрущев опрометчиво объявил в конце 1958 г., вновь обострилась. Возник и стал углубляться продовольственный кризис.

В конце 1963 — начале 1964 г. Хрущев полностью осознал, что из тупиков аграрной политики можно выйти только на основе возвращения к курсу сентябрьского пленума 1953 г. В феврале 1964 г., выступая с докладом на совещании руководящих работников партийных, советских и сельскохозяйственных органов, он подчеркнул большое значение постановлений 1955 и 1956 гг. о введении нового порядка планирования и расширении прав колхозников, обратил внимание на то, что в ЦК партии и Совет Министров СССР поступают письма председателей колхозов, специалистов, рядовых колхозников, свидетельствующие о том, что местные органы в последнее время грубо нарушают эти постановления, навязывают колхозам планы сева по культурам, структуру посевных площадей, чем парализуют деятельность руководителей хозяйств, глушат инициативу колхозников. А затем зачитал отрывки из нескольких писем, подчеркнув, что это не единичные случаи и проинформировал местных начальников, что готовится постановление партии и правительства, в котором осуждается администрирование и извращения принятых решений. И даже пригрозил, что к тем руководителям, которые не сделают выводов, будут применяться другие меры, в том числе карательные, и «тогда будет меньше любителей командовать колхозами, администрировать»¹¹.

Новый курс аграрной политики был окончательно определен и обоснован на двух последних «сельскохозяйственных» пленумах, прошедших под руководством Хрущева. Первый, в декабре 1963 г., посвященный уско-

ренному развитию химической промышленности как важнейшему условию подъема сельскохозяйственного производства и роста благосостояния народа; второй (своего рода знаковый) — в феврале 1964 г., на котором в комплексе рассматривались меры по интенсификации сельскохозяйственного производства (применение удобрений, развитие орошения, комплексной механизации, внедрение достижений науки и передового опыта). Было четко определено, что интенсификация — это генеральное направление в подъеме сельскохозяйственного производства, столбовая дорога развития производительных сил, раскрыто содержание трех основных составляющих этого процесса — комплексная механизация, мелиорация и химизация сельского хозяйства. Подчеркнуто значение последовательной специализации сельскохозяйственного производства в зональном разрезе и внутри хозяйств, создания крупных специализированных и высокомеханизированных хозяйств по определенным видам товарной продукции с ориентацией на крупные города и промышленные центры.

Был принят ряд партийно-государственных решений по реализации программы интенсификации сельского хозяйства и решения социальных проблем. Среди них — постановление ЦК и Совета Министров СССР от 3 сентября 1964 г. об организации производства яиц и мяса птицы на промышленной основе, в котором отмечалось, что созданные за последние годы вокруг крупных городов и промышленных центров птицефабрики, используя передовые методы организации производства и достижения науки, добились значительного повышения производительности. Подавляющее большинство птицефабрик рентабельны, вложенные государством в их организацию средства быстро окупаются. Было создано союзно-республиканское управление птицеводческой промышленностью СССР — Птицепром, намечена программа его дальнейшего расширения. Это было первое в общесоюз-

ном масштабе агропромышленное объединение — в дальнейшем полностью себя оправдавшее.

А 15 июля 1964 г. Верховный Совет СССР принял Закон о пенсиях и пособиях членам колхозов, в котором впервые в истории советской деревни устанавливалась государственная система социального обеспечения колхозников. Вводились пенсии по старости для мужчин-колхозников с 65 лет и женщин — с 60 лет. Выплаты производились из центрального фонда, созданного за счет отчислений от доходов колхозов и ежегодных ассигнований по государственному бюджету СССР.

Общую оценку реформ первого постсталинского реформатора дали участники мартовского пленума 1965 г., как докладчик (Л.И.Брежнев), так и все выступавшие. Фактически была признана необратимость хрущевских реформ, весьма высокую оценку получил курс сентябрьского пленума 1953 г., которым, как вытекало из намеченных пленумом «неотложных мер по дальнейшему развитию сельского хозяйства», решили следовать и дальше с некоторыми дополнениями. Новаций как таковых было немного — основных две: введение плана заготовок сельскохозяйственных продуктов на ряд лет с надбавками за сверхплановую сдачу пшеницы и ржи на 50% и повышение капитальных вложений в аграрный сектор. А.А.Никонов, безусловно, прав, когда пишет, что «решения мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС и последовавшие за ним меры были в русле политики, обозначенной сентябрьским (1953 г.) пленумом ЦК... Поворот на путь, намеченный Н.С.Хрущевым в первые годы его руководства, оказался и на этот раз благотворным. Он дал заметный рост производства»¹².

А вот оценка М.С.Горбачева: «После 1953 года были предприняты довольно крупные экономические, политические, организационные меры, направленные на укрепление сельского хозяйства. В соответствии с решениями сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС введены более обоснованные закупочные цены на продукцию сель-

ского хозяйства, провозглашен принцип планирования снизу, упорядочена налоговая политика. Повысилась материальная заинтересованность тружеников села, стали вводиться пенсии, отменяться ограничения паспортного режима. Колхозы получили право вносить изменения в свои уставы с учетом местных условий. Была реализована крупная программа освоения 42 миллионов гектаров целинных и залежных земель... Сельское хозяйство стало двигаться вперед высокими темпами»¹³.

Правда, все это было сказано с акцентом на 1953–1958 гг. Однако, как было показано выше, и в годы семилетки продолжался рост аграрного производства при снижении темпов прироста валовой и товарной продукции. Имел место продовольственный кризис, резкое отставание зерновой и животноводческой отраслей от потребностей населения. А основная причина – серьезные просчеты в аграрной политике, лично Хрущева, не сумевшего правильно оценить характер и глубину происходивших в деревне деконструктивных процессов, вовремя исправить или смягчить ситуацию. На мой взгляд, хрущевские аграрные реформы – это, прежде всего, прорыв нескольких звеньев сталинской закостенелой административно-бюрократической системы, ликвидация крайних проявлений тоталитарного режима, завершившиеся впечатляющими результатами. В начале 60-х гг. были сбои и пробуксовки, возвращение к методам администрирования, принимались ошибочные решения. В то же время в 1963–1964 гг. были определены пути и способы дальнейшего движения вперед на основе углубленной интенсификации и модернизации аграрного сектора экономики, сделаны важные шаги по реализации этого курса. В начале 1964 г. сельскому хозяйству были выделены «самые крупные капиталовложения за всю историю советской власти» – только на производственные цели 5,4 млрд.руб. против 985 млн.руб. в 1953 г.¹⁴ В ноябре 1964 г. Хрущев намечал провести специальный пленум ЦК по вопросам сельского хозяйства, среди которых и вопрос о

реорганизации руководства отраслью (ликвидация колхозно-совхозных управлений, уточнение структуры партийного руководства).

Разумеется, все эти новации, определения «нового курса» — моделирование на основе социалистической парадигмы. Никакие альтернативные варианты, основанные на допущении перехода к многоукладной экономике, свободного развития семейных, а тем более фермерских крестьянских хозяйств, предпринимательской деятельности селян не предусматривались. До признания права земледельцев на свободный выбор той или иной формы хозяйствования (кроме колхозно-совхозной), в том числе основанной на частной собственности на землю, было еще очень далеко. Такое Хрущеву и другим социалистическим реформаторам его поколения, зафиксированным на «социалистической системе сельского хозяйства» (в ленинско-сталинской интерпретации), не могло присниться даже в страшном сне. Грозным предупреждением звучало одно из высказываний Ленина, канонизированных Сталиным в Кратком курсе Истории ВКП(б): «Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель»¹⁵.

Однако время, отпущенное Хрущеву историей, подходило к концу. Рейтинг реформатора стремительно падал. Терпение иссякло как у народа, недовольного значительным повышением («временным») розничных цен на основные продукты животноводства, притеснением владельцев приусадебных хозяйств, началом массовых закупок зерна на Западе и др., так и у правящей верхушки КПСС, особенно возмущавшейся полным попранием в аграрной сфере норм и принципов «коллективного руководства», своеволием лидера партии и государства. Принятые в 1963–1964 гг. решения имели в основном долгосрочный характер. Изменить ситуацию в пользу Хрущева, на мой взгляд, могли (если могли) только решения немедленного действия и прежде всего постановления

правительства о снижении розничных цен на продукты животноводства (хотя бы частичном); о строжайшем запрете ущемлять интересы граждан (колхозников, работников совхозов, горожан) в ведении приусадебного хозяйства; отказе от позорных для России закупок зерна за рубежом (урожай 1964 г. это позволял; он, по иронии судьбы, был самым высоким за все годы хрущевского периода — 152,1 млн. т против 134,7 млн. в рекордном 1958 г.). Надо было исправить три «роковые ошибки», допущенные реформатором. Этого сделано не было. Развязка приближалась.

И тем не менее, есть основание говорить о трех периодах аграрных реформ Хрущева, третий из которых (1963–1964 г.) был связан с разработкой нового курса и началом его осуществления.

В заключение — два весьма поучительных, малоизвестных факта из истории аграрного реформирования Хрущева. Первый относится к декабрю 1959 г. В речи на пленуме ЦК Хрущев решительно отверг предложение некоторых зарубежных «доброжелателей», которые советовали России покупать водку за границей. «Зачем же нам, — заявил он, — покупать водку на стороне? Мы вам свою можем предложить, пожалуйста, покупайте». Второй, заимствованный из беседы Хрущева с министром сельского хозяйства США О.Л.Фримэном в июле 1963 г. Тот настойчиво предлагает: «У меня, г-н Председатель, своя проблема. Я готов продать вам значительное количество птицы (бройлеров). Этот продукт очень хороший и дешевый». Хрущев: «Мы сами создадим у себя бройлерное производство и будем иметь достаточно птицы... А вот машины для производства минеральных удобрений и комбикормов мы у вас купим»¹⁶.

Неплохие рекомендации для реформаторов новой России! Стоило бы к ним прислушаться 10–15 лет назад.

¹ Российский Государственный Архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 45. Д. 384. Л. 20–24.

- ² *Безнин М.А.* Крестьянский двор в российском Нечерноземье. 1950–1965. Вологда, 1991; *Денисова Л.Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980 годы. М., 1996; *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992; *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995. Гл. 8, 9; // *Вопросы истории.* 1998. № 3-12.
- ³ *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 4. М., 1963. С. 162-186.
- ⁴ Пленум ЦК КПСС 5-9 марта 1962 г. Стенограф. отчет. М., 1962. С. 21, 64-65.
- ⁵ РГАНИ. Ф. 89. Перечень б. Док. 6, 14; Исторический архив. 1993. № 1. С. 114-118.
- ⁶ Пленум ЦК КПСС 9-13 декабря 1963 г. Стеногр. отчет. М., 1964. С. 9.
- ⁷ Народное хозяйство СССР в 1963 году. М., 1964. С. 549, 550; *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: История власти 1945–1991. М., 1998. С. 370.
- ⁸ Население СССР 1987. Статистич. сборник, 1988. С. 8; Пленум ЦК КПСС 24-26 марта 1965 г. Стенограф. отчет. М., 1965. С. 162.
- ⁹ История советского крестьянства. Т. 4. М., 1988. С. 333-335.
- ¹⁰ См.: *Нежинский Л.Н., Чельшев И.А.* Проблемы внешней политики; *Быстрова И.В.* Развитие военно-промышленного комплекса. СССР и холодная война. М., 1995. Гл. 2, 6.
- ¹¹ *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т.8. С. 523-528.
- ¹² *Никонов А.А.* Указ. соч. С. 232.
- ¹³ Материалы Пленума ЦК КПСС 15-16 марта 1989 года. М., 1989. С. 44.
- ¹⁴ *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 8. С. 465-466.
- ¹⁵ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 274.
- ¹⁶ *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 4. С. 121-122; Т. 8. С. 48-49, 57.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Н.А.Ивницкий:

Вы говорили об аграрной политике Хрущева, отталиваясь от предыдущей политики Сталина, но между Сталиным и Хрущевым был еще Маленков. Каково место его и тех реформ, которые были начаты Маленковым?

И второй вопрос в связи с этим. По поводу так называемой антипартийной группы с примкнувшим Шепиловым, которая в 1957 г. выступала также и с критикой политики Хрущева в области сельского хозяйства, капиталовложений, освоения целины и т.д.

И.Е.Зеленин:

Вопрос в отношении Маленкова.

Я полностью разделяю точку зрения, которую в последнее время очень активно и документированно обосновывает Юрий Николаевич Жуков. (См. его статью в «Независимой газете» от 27 мая 1997 г. «Тихая десталинизация»). Эта точка зрения заключается в том, что Маленков фактически первым начал борьбу с культом Сталина и сделал важные шаги по реформированию сельского хозяйства. В частности, были значительно снижены налоги на колхозы и колхозников, уменьшены поставки натуральной продукции личных подсобных хозяйств. Хрущев пошел значительно дальше по этому пути, но пальма первенства принадлежала Маленкову. В докладе на сентябрьском пленуме ЦК 1953 г. Хрущев почти дословно воспроизвел ряд формулировок из речи Маленкова на сессии Верховного Совета СССР, в августе 1953 г., разумеется, без каких-либо ссылок на нее, а позже, в январе 1955 г. резко критиковал ее основные положения.

На сентябрьском пленуме некоторые секретари обкомов партии в своих выступлениях, как бы дополняя доклад Хрущева, отмечали заслуги Маленкова в реформировании сельского хозяйства. Отчасти поэтому Хрущев запретил публикацию стенограммы этого пленума, поскольку претендовал на пост главы правительства.

Теперь — по поводу июньского пленума 1957 г.

Если по большому счету, — то этот пленум я расцениваю как последнюю вылазку сталинистов против Хрущева, который слишком далеко, на их взгляд, зашел в критике культа Сталина (закрытый доклад на XX съезде КПСС) и мерах по преодолению его последствий. Ма-

ленков являлся сторонником «тихой десталинизации», Молотов и Каганович открыто стремились к реставрации сталинского режима.

В то же время оппозиционерами было высказано немало справедливых критических замечаний в адрес Хрущева и его аграрной политики, но не этим отнюдь определялась основная линия их поведения, цели и задачи предпринятой акции. «Последняя антипартийная группа», по терминологии авторов публикации в журнале «Исторический архив» (1993, № 3) — по существу была антихрущевской, добивавшейся отстранения лидера партии от власти.

А.Н.Сахаров:

В прессе встречается точка зрения о том, что истинными реформаторами были Маленков, раньше — Берия, которые выдвигали очень серьезные проекты в рамках системы, и что Хрущев блокировал все эти тенденции, практически сохраняя некоторые реформистские направления, в то же время явил собой пример неосталинизма против истинно реформаторских поползновений Берии и Маленкова. Об этом пишут у нас, об этом пишут на Западе. Как вы к этому относитесь?

И.Е.Зеленин:

В отношении Маленкова я уже определил свою точку зрения, считаю его предшественником Хрущева в реформировании сельского хозяйства. В отношении Берии — вопрос сложный. Конечно, отрицать предпринятые им меры (в большинстве случаев только декларированные) по реформированию сталинского режима было бы неправильно. Но в оценке их я бы согласился с определением Маленкова в докладе на июльском пленуме ЦК 1953 г. Указ «Об амнистии» от 27 марта 1953 г. он назвал «совершенно правильным», но подчеркнул, что Берия при этом исходил из планов захвата власти, «проводил эту меру с вредной торопливостью и захватил континген-

ты, которых не надо было освобождать» (Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 140-147). А в результате, добавлю от себя, мы получили «Холодное лето 1953 года».

Этими и другими мерами Берия расчищал себе путь к власти (других путей для него просто не было). Нетрудно предположить, каким бы «антисталинистом» и «демократом» оказался сталинский палач, придя к власти. Различные оценки «роли Берия как «политика-реформатора» высказали А.А.Данилов и Е.Э.Бейлина. (См.: Дискуссионные вопросы российской истории. Арзамас, 1995. С. 235-246), при этом делались ссылки на мемуары сына Берия (см.: Берия С.Л. Мой отец, Лаврентий Берия. М., 1994). Возможно, именно эта книга стала толчком для «новых подходов».

А.К.Соколов:

Мне хотелось бы, чтобы вы поставили точки над «и» в своих выводах. Первый вопрос. С чем все-таки была связана неудача аграрных реформ, преобразований Хрущева? Как вы считаете, колхозная система в принципе неререформируема и неэффективна, или ваш рецепт внедрения разных укладов был бы спасением?

Второй вопрос. Вы очень часто употребляете термин «тоталитаризм», «загнивающий тоталитаризм». Я не являюсь сторонником теории тоталитаризма. Дело в том, что этот период в тоталитарную модель, в тоталитарную концепцию очень плохо укладывается. Даже в зарубежной историографии этот период назывался периодом релаксации тоталитаризма. Кто же все-таки являлся выразителем тоталитарных тенденций в этот период при Хрущеве – сам Хрущев или тот аппарат, та партийная верхушка, которая его снесла?

И.Е.Зеленин:

Я не считаю, что аграрные реформы Хрущева закончились неудачей. Статистика свидетельствует, что падения производства даже в годы семилетки не было, можно

говорить только о снижении темпов роста сельскохозяйственной продукции. Об этом речь шла в докладе.

Подчеркну еще раз, что возникшая при Сталине «Социалистическая система сельского хозяйства» с трудом поддавалась реформированию, тем более радикальному. Да и Хрущев к этому не стремился. Если бы даже он попытался «до основания» разрушить колхозно-совхозную систему, ничего хорошего не могло получиться. В этом мы убедились на «опыте» современных реформаторов. В основе его реформирования, порой противоречивого, непоследовательного, преобладало стремление превратить колхозную собственность в подлинно кооперативную, групповую, предоставить право колхозникам самим решать проблемы управления, планирования, распоряжаться производимой продукцией и т.д. На его взгляд это было «возвращением к Ленину». Кое-что в этом отношении сделать удалось, были устранены крайности тоталитарной, если хотите, административно-командной системы управления в аграрном секторе.

О развитии элементов многоукладности, на мой взгляд, можно говорить (с известными оговорками) применительно к приусадебным хозяйствам. В 1953–1958 гг. на их основе наблюдалось оживление товарно-денежных отношений, предпринимательской деятельности, строительство жилья и производственных помещений на подворьях.

Вряд ли можно сомневаться в том, что именно Хрущев, преодолевая немалое сопротивление ближайшего сталинского окружения (Молотова, Кагановича, отчасти Маленкова, Ворошилова и др.), опираясь на новую генерацию кремлевских руководителей, поддержавших его на XX и XXII съездах КПСС, нанес сокрушительный удар по сталинизму, сделал проведенные реформы необратимыми. Это показал даже мартовский пленум ЦК 1965 г., в основу решений которого были положены (с некоторыми новациями) хрущевские реформы 1953–1958 гг. Если даже гипотетически предположить, что на пленуме

1957 г. победу одержала бы антихрущевская группа Молотова — Кагановича — Маленкова, восстановить бы сталинскую систему в прежнем виде не удалось: слишком далеко зашел процесс преобразований не только в политической, но и в социально-экономической сфере. Так, Хрущеву удалось разрушить и в основном ликвидировать последствия сталинской системы всеобщего подслушивания и доносительства, системы подозрительности и страха. Люди перестали бояться, стали открыто выражать свое мнение, говорить правду. Приведу такой пример. В речи на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Северо-Запада в апреле 1955 г. Хрущев, исходя из того, что не все глубоко осознали огромное значение кукурузы, процитировал такое высказывание директора одного из совхозов: «К решениям январского пленума ЦК (1955 г.) надо подходить вдумчиво, а то получается, что всю планету хотим засеять кукурузой». «Надо, — потребовал Хрущев, — работать с такими людьми». Аудитория реагировала на этот пассаж смехом и нелестными для лидера партии репликами. (См.: Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 2. С. 118-119). Поддержали по существу не Хрущева, а его оппонента.

Да и члены «антипартийной группы», замышляя и реализуя антихрущевский заговор, были уверены, что и в случае неудачи до сталинских расправ и кровавых репрессий дело не дойдет. Глава партии твердо стоял на этих позициях. Даже участники брежневского «дворцового переворота» в октябре 1964 г. были вполне уверены, — что и в случае провала заговора Хрущев их в казематы не упрячет, а тем более не расстреляет. Это понимал и «примкнувший к ним Шепилов», антихрущевские мемуары которого, далекие от объективности, были недавно опубликованы (Вопросы истории. 1998. № 3-12).

Полагаю, что если бы автор завершил свои воспоминания не в 1991 г., а двумя-тремя годами позже, когда была опубликована стенограмма июньского пленума

1957 г. (Исторический архив. 1993–1994), он писал бы иначе. Его позиции, как видно из стенограммы, значительно расходятся с мемуарной версией. В отличие от Молотова, он вел себя на пленуме далеко не безупречно: двурушничал, оправдывался, вымаливая прощение, называл себя «маленьким человеком». И потом: как сложилась судьба Шепилова? Он вскоре получил пост директора Института экономики АН Киргизии. Потом были кое-какие неприятности, но в тюрьму не посадили, без работы и пенсии не оставили, благополучно дожил до глубокой старости.

Г.Д.Алексеева:

Илья Евгеньевич, проходили ли через ваши документы вот такого рода факты? Вы говорили, что начали обращаться к золотому запасу страны, когда поняли, что реформы зашли в тупик. А у меня есть такие факты, что к золотому запасу страны стали обращаться в 1958–1959 гг. По инструкции, разосланной по нашим музеям, которую, в частности, получил и Исторический музей, мы составляли список. Там прямо говорилось: «по заданию Хрущева выявлять экспонаты золотого и серебряного содержания на предмет их продажи и вывоза за границу». Но музейные работники народ очень хитрый, и я очень хорошо помню (я там работала), как мы прятали очень большой ценности с большим весом золотые вещи, которые Хрущев договаривался продать во Франции.

И второе. В это же время, в 1958–1959 гг., Третьяковская получила указание (я очень хорошо помню это), что за границу будут вывозиться запасники галереи, которых мы никогда не видели, и директор этого запасника Розенталь разрешила С.С.Дмитриеву с большой группой сотрудников музея и аспирантов посмотреть запасники. Три раза мы посещали эти запасники на предмет последнего просмотра этих картин, которых, повторяю, никто, никогда, даже наши художники, не видели. И был составлен большой список — Кандинский, Шагал, Альт-

ман. Розенталь называла очень много картин художников, которые должны были «уехать» за границу. По вашим документам проходили какие-то директивы?

И.Е.Зеленин:

То, о чем вы говорите — картины, музейные экспонаты и т.п. — не входят, как мне представляется, в понятие «золотой запас» страны. Это нечто другое — то, что лежит в банке, в Гохране, хранится в слитках. Приводимые в докладе данные заимствованы из фундаментального исследования Р.Г.Пихоя, который извлек их из Президентского архива. Не могу согласиться с тем, что Хрущев начал расходовать золотой запас, когда реформы зашли в тупик. Он воспользовался им всего один раз — в 1963 г., дабы не допустить трагедии 1946—1947 гг., когда от голода погибли сотни тысяч россиян.

Г.Д.Алексеева:

Второй вопрос. Рассматривались ли на партийных заседаниях такие вопросы, как возвращение к применению гербицидов и биостимуляторов в сельском хозяйстве, которые были запрещены при Сталине?

И.Е.Зеленин:

Хрущев получал гербициды из США после встречи с Гарстом; они применялись в крайне ограниченных размерах. Когда Гарст в начале 60-х гг. приехал в СССР, он возмущался тем, что кукурузу сеют на огромных площадях, не применяя гербициды, что, по его мнению, недопустимо. Данными о применении биостимуляторов я не располагаю. Думаю, что не применяли, это началось значительно позже.

Н.А.Ивницкий:

В оценке деятельности Хрущева, вы считаете, что это сплошной этап, который надо оценивать одинаково или можно подразделить эту деятельность на этапы: когда он

позитивную роль играл и когда он стал играть уже другую роль.

И.Е.Зеленин:

Я разделяю деятельность Хрущева по аграрному реформированию не на два, а на три этапа:

Первый – это 1953–1958 гг., причем обращаю внимание, что и в этот период проводились акции, которые противоречили курсу на подъем сельского хозяйства: в конце 50-х гг. начались гонения на приусадебные хозяйства, поспешно, с большими издержками проведена реорганизация МТС и др. А период семилетки я подразделяю на два этапа: 1959–1962 и 1963–1964 гг., на последнем из них Хрущеву все же удалось определить новый курс аграрного реформирования, основанный на глубокой и последовательной интенсификации, и сделать важные шаги по его осуществлению.

А.С.Сенявский:

Вы сказали, что в 1963–1964 гг. произошел мощный взрыв в притоке сельского населения в город и оценили это однозначно негативно.

И.Е.Зеленин:

Я упомянул об этом в связи с объяснением, почему нам не стало хватать продуктов: производителей стало значительно меньше, потребителей – больше.

А.С.Сенявский:

С моей точки зрения, тут есть как бы разные стороны. Есть общемировая тенденция в XX в. урбанизационного перехода, который сопровождается индустриализацию, модернизацию и интенсификацию сельского хозяйства, например сокращение количества рабочих групп в сельской местности. И производство одного и того же количества продукции меньшим количеством работников является одним из главных показателей интенсификации производства. Если сохранять это количество, речь идет

именно об интенсивной форме развития производства. Чем же, собственно, являлся этот процесс – проявлением объективных тенденций, которые и прорвались через ликвидацию сталинских указов 1932 г., и целого ряда других, короче говоря, социальной политики по сдерживанию миграционных процессов из села в город, или это было проявлением исключительно неудачных моментов в политике самого Хрущева?

И.Е.Зеленин:

В широкой постановке – это и то, и другое. Но в 1960–1964 гг. преобладала нерегулируемая миграция, причем известный историк-аграрник В.П.Попов употребляет применительно к этой миграции термин «бегство из деревни». Строго говоря, этот термин неточен, потому что был добровольный переход крестьян из деревни в город, о чем говорилось в докладе. Это была миграция нерегулируемая, но разрешенная. Была свобода выбора селянами места проживания и профессии. Однако, какие бы реформы не проводились, город оставался местом, где можно было лучше и быстрее устроить личную жизнь, получить более престижную и оплачиваемую работу и т.п. Аграрная политика, направленная на всемерную поддержку крестьян, с начала 60-х гг. стала буксовать, вновь возобладали административные методы руководства, началось укрупнение колхозов и сселение деревень. И, вполне естественно, начался массовый неконтролируемый властями стремительный отток молодежи в город, нанесший значительный урон сельскому хозяйству, спровоцировавший потребительский кризис.

Ю.А.Поляков:

Мы заслушиваем на Ученом совете научные доклады, чтобы сделать какие-то масштабные выводы, поразмышлять над судьбами наших преобразований и реформ. В докладе И.Е.Зеленина много нового, много интересного.

Сложность доклада заключается в том, что здесь были две стороны — аграрная тематика и тематика политическая. Политическая тематика, судя по вопросам, видимо, людей интересовала больше. Они неразрывно связаны и в докладе показано и то, и другое. Выводы автора представляются разумными и правильными. Выскажу два соображения общего порядка.

Мне кажется, что одной из причин наших неудач является стремление к массовости и компанейщине. Это проявлялось и во времена Сталина, и при Хрущеве, и при Брежневе, и при Горбачеве, проявляется и доньше. И это приносило огромный вред.

Кукуруза. Очень полезная вещь — она дает зерно, силос, это очень выгодная культура.

Характерно, что после неурожая 1921—1922 гг., когда стали восстанавливать сельское хозяйство, то больше всего (тогда это происходило стихийно, снизу) выросли в 1922 и 1923 гг. посевы кукурузы. Крестьянин понимал, что это выгодно — быстро реализуется.

Поэтому идея Хрущева о том, чтобы увеличить посевы кукурузы была правильной и разумной. Но массовость и компанейщина сделали кукурузу посмешищем и нанесли вред. В сельском хозяйстве нужно иметь опыт выращивания каждой культуры, специфический опыт, который накапливается годами. Нужно выбрать участок, более подходящий для данной культуры. А когда давались директивы на область, на десятки тысяч гектаров, на половину посевной площади колхоза, то все это привело к неудаче в этом в общем разумном и правильном начинании.

То же относится и к антиалкогольной кампании Горбачева. Пьянство в нашей стране может обернуться и уже оборачивается национальной трагедией. Борьба с алкоголизмом — это насущная, важнейшая задача государства. То, что сейчас это спущено на тормозах — большая беда, которая еще скажется и будет сказываться десятилетиями.

Но то, что проводилось при Горбачеве, принимало уродливые формы, потому что нужно было не просто бороться с пьянством, хотя можно было найти десятки более эффективных, достаточно строгих форм. Но нужно было охватить всех, всю страну, все население. И превратилось в элементарную глупость.

В этой связи, я думаю, что экономические реформы, проводимые сверху тогда, когда они недостаточно назрели и когда не продуман механизм их реализации, не удаются. В этом объяснение значительных неудач социалистического строительства.

Историки должны делать выводы и подсказывать. Но мы не настолько наивны, чтобы не понимать, что подсказывать-то мы можем, но слушать нас не будут — некому. Однако все-таки это наш научный и гражданский долг. Во всяком случае в рамках такой страны, как наша, надо создавать экспериментальные поля, полигоны: сначала провести это в рамках одной области, двух областей, проверить и т.д., потому что одна ошибка, умноженная на 89 регионов, влечет за собой порой катастрофические последствия.

Реформы — дело серьезное, в особенности в экономической области, именно потому, что они «сверху» проводились непродуманно, не учитывая особенностей и специфики различных регионов, множества других факторов, без подготовки, без механизма, без полигонной проверки.

Второе соображение. Политикам очень опасно врать. С Н.Хрущевым, например, как получилось? Он сначала выступал перед народом, и после сталинского величавого безмолвия это производило впечатление. Он говорил тогда открыто и большей частью правду. Это народу нравилось. А потом, когда дела пошли хуже, он стал привирать — и народ это увидел и понял. Ведь он объяснял, и это было хорошо, когда повысили цены на мясо на 35%. И хотя повышение цен никому и никогда не нравится, но народ это принял! (В.Б.Жиромская: А кто его спросил, народ-то?).

Ну почему же, по реакции можно было понять. Обратная связь есть. Хрущев, когда первый раз мы закупили хлеб, заявил: это первый и последний раз. И ему поверили: ну что ж, беда, не получилось — надо закупить... Закупили. А потом на следующий год, когда опять хлеб стали закупать, он снова говорит: это в последний раз. Н.Н.Иноземцев, который был заместителем редактора «Правды», рассказывал мне, как они это его второе выступление подредактировали, и слова о том, что «больше мы закупать никогда не будем», выбросили.

И последнее. Мы часто сетуем по поводу того, что плохо было с продовольствием. Да, было плохо с продовольствием по разным причинам, но всегда почему-то забывается один чрезвычайно важный фактор: население нашей страны после гражданской войны составляло 135 млн. Его надо было накормить — и, в общем, в 20-е гг. кормили, хотя возникали трудности с продовольствием. Но уже в 80-е гг. население страны подходило к 300 млн. Ведь это же разница, это же надо всегда учитывать.

Поэтому я советую нашим аграрникам учитывать факторы и демографические, и политические, и морально-психологические.

Г.Д.Алексеева:

Мне кажется, что основной очень большой недостаток всех реформ Хрущева — это, во-первых, абсолютное незнание того, в какой стране мы живем, что представляет собой наше сельское хозяйство и что это такая тонкая область и тонкая материя по отношению к аграрной стране, которую понимали даже наши правители до революции, отсталые и темные. Они прекрасно понимали, что должна быть не всеобщая, а региональная аграрная политика. Это очень важно проследить по документам, как региональная аграрная политика воплощалась в новациях Хрущева.

Л. Н. Нежинский:

Я хотел бы высказать свое мнение, подвести итоги.

Доклад был интересный, продуманный, построен на спокойной объективной научной основе. Это самое главное. И в то же время он свидетельствует, что это один из этапов исследования очень непростого, сложного комплекса проблем истории России, истории Советского Союза, который, как мне кажется, и по постановке проблем, и по их анализу, и в значительной мере по выводам выходит за рамки только аграрной проблематики. Речь идет о комплексе проблем, самым тесным образом связанных с нашей общей гражданской историей. Можно предложить автору и дальше столь же активно разрабатывать эту тематику и привлекать новые материалы.

Еще одна важная и интересная проблема – изучение документов, касающихся механизма принятия решений, в том числе в аграрной области. Мы пишем – «Хрущев, Хрущев, Хрущев», но не он же на 100% вырабатывал эти решения. У него был довольно сильный штат помощников по всем отраслям и направлениям внутренней и внешней политики. Сегодня эти документы постепенно становятся доступными. У Хрущева не просто были помощники в виде секретарей, это были облеченные большой властью и большими возможностями высшие партийно-государственные функционеры, у каждого из которых был свой довольно большой штат специальных сотрудников, и они играли большую роль в выработке конкретных решений, конкретных вех, тенденций, направлений в области политики, внешней и внутренней, в том числе и в области сельского хозяйства.

Доклад интересный, следует дальше углублять и разрабатывать поднятый в нем важный комплекс исторических проблем.

ДЕРЕВНЯ РОССИЙСКОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ. 1960–1980-Е ГОДЫ*

Для России аграрный вопрос – ведущий на протяжении ее многовековой истории. От его решения зависели все основные социально-экономические преобразования в стране, с ним были связаны трагические страницы истории государства. Исследование проблем аграрной истории актуально для всех периодов развития страны. Среди современных – аграрная политика вышла на передний план, поскольку с ней связано выживание государства.

Исторический путь послевоенной деревни труден и противоречив. Он сопровождался экономическим разорением и запустением села. Сельская жизнь давно стала непривлекательной. Политические и экономические кампании по ее переустройству ожидаемых результатов не принесли. Деревня нищала. Нечерноземье в силу географического расположения в пределах государства и природно-климатических особенностей на протяжении XIX-XX вв. оказалось наиболее пострадавшим регионом в истории России. В его состав входят Северный, Центральный, Северо-Западный, Волго-Вятский экономические районы, всего до 30 областей и национальных автономий. Нечерноземный регион – это исконно российские земли, район традиционно русской государственности и культуры. Это район сложных природно-климатических условий. Отсюда в значительной мере черпались сырьевые и людские ресурсы для всех строек Севера, Прибалтийских республик, Сибири и Дальнего Востока, кадры для добывающих отраслей хозяйства страны, подъема целины и развития городов. Именно здесь государственная политика принесла тяжелые по-

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 23 апреля 1998 г.

следствия. Первые заколоченные дома, умирающие и умершие деревни появились в Нечерноземье. Утрата этого района из российской истории – не только потеря земельных угодий, забрасывание поселений и превращение края в заброшенную целину, но и утрата национальных реликвий, русского культурного наследия.

Начало запустения Нечерноземья, особенно Севера, относится к XIX в., в предреволюционный период этот процесс имел заметный характер и был вызван тем, что у России появилась возможность осваивать земли юга и юго-востока. Войны, революция, индустриализация, коллективизация – все эти потрясения сильнее всего отразились на состоянии хозяйства и численности сельского населения. Перераспределение рабочей силы в пользу промышленности, города опустошало деревню. Ситуация в Нечерноземье обострилась в связи с освоением целинных и залежных земель. Освоив 45 млн. га целины, более 13 млн. га в это же время (1954–1959 гг.) было выведено из оборота в европейской части страны. В целом по СССР довоенный уровень производства зерна был достигнут к 1955 г., в Нечерноземье – к 1967 г.¹

Огромный ущерб региону нанесла необоснованная ликвидация так называемых неперспективных деревень. Во многих селениях не осталось населения трудоспособного возраста. Миграция в Нечерноземье была порождена усиливавшейся отсталостью деревни в экономическом, социальном, культурном отношении.

Нерациональное ведение сельского хозяйства, нарушение исконно сложившихся систем хозяйствования, мелиоративные мероприятия привели Нечерноземье на грань экологического кризиса. К концу XX в. регион приобретает статус Нечерноземного Чернобыля².

Потрясения, пережитые деревней, не могли не сказаться на духовных, нравственных устоях ее населения. Разрушение традиционного уклада жизни и ориентации привело к безразличию, апатии не только к общественной жизни, но и к собственной судьбе. Утрачен интерес

и к сельскому образу жизни. Уход населения из мест традиционного проживания ведет к запустению и утрате памятников национальной культуры.

Пережитое российской деревней вновь и вновь возвращает нас к осмыслению пройденного пути.

Основой развития отраслей народного хозяйства является материально-техническая база, энерговооруженность работающих в ней людей. За 1918—1987 гг. на сельское хозяйство было отпущено 620,2 млрд. руб., или по 42 руб. на 1 га посевной площади. Доля капитальных вложений в сельское хозяйство составляла в 1918—1949 гг. — менее 1% национального дохода. В последующие годы — менее 5%, в 70—80-е гг. — 5,4-7,2%. Однако эти капитальные вложения не были направлены на улучшение плодородия земли и технологий выращивания сельскохозяйственных культур: 40% ассигнований шло на приобретение дорогостоящей и зачастую некачественной техники и оборудования, до 20% — на водохозяйственное строительство и до 10% — на строительство и оборудование ферм и животноводческих комплексов³.

Начиная с 60-х гг. экономика колхозов все в большей степени базировалась на использовании общегосударственного бюджета. С 1971 г. начало осуществляться комплексное планирование капитальных вложений в строительство производственных, жилых, культурно-бытовых и других объектов. Были расширены возможности государственного кредитования, использования долгосрочных и краткосрочных кредитов целевого назначения. В начале 70-х гг. практически все колхозы перешли на прямое банковское кредитование. За 60—70-е гг. долгосрочные кредиты на капитальные вложения колхозов составили огромную сумму — 42 млрд. руб., их предполагалось направить на индустриализацию труда, специализацию и концентрацию производства. На практике за счет кредитов погашались просроченные платежи, строились незапланированные объекты, производились многочисленные выплаты, не связанные с прямой деятельностью колхо-

зов, выплачивалась зарплата. Итогом была большая закре-
дитованность хозяйств. В некоторых из них долги значи-
тельно превысили стоимость основных и оборотных фон-
дов. Общая кредитная задолженность сельхозпредприятий
государству составила к концу 80-х гг. 230 млрд руб.

Ввиду сложного экономического положения колхозов
и совхозов с них периодически списывались крупные
суммы долга: в 1965 г. — 2 млрд руб., в 1975 г. — 3,5, в
1978 г. — 7,3, в 1982 г. — 9,7 млрд руб.⁴ Средства же, вы-
деляемые государством, сокращались. При этом происхо-
дило недополучение их хозяйствами, использование не
по прямому назначению, изъятие под различные органи-
зации и общества. За счет этих средств строились клубы,
библиотеки, благоустраивались районные центры, опла-
чивались взносы многочисленных добровольных об-
ществ; часть построенных хозяйствами зданий безвоз-
мездно передавалась иным организациям и учреждениям.

Экономика Нечерноземья развивалась в контексте аг-
рарного строя страны. Зафиксированные статистикой
миллиарды на протяжении 60–80-х гг. составляли немно-
гим более 30% капиталовложений России в сельское хо-
зяйство. С учетом инфляции, недополучения средств на
местах, безвозмездной передачи части из них снова госу-
дарству происходило сокращение капиталовложений в
сельское хозяйство Нечерноземья. Только в 1989 г. с ко-
митета по Нечерноземью было снято 40 млн. руб. По
сравнению с республиками Прибалтики материальных
правительственных затрат в регионе было в 2, а по срав-
нению с Белоруссией — в 1,5 раза меньше⁵.

Деревня ждала современно оборудованных комплек-
сов, которые могли изменить жизнь колхоза или совхоза,
а, значит, дать людям стабильную, хорошо оплачиваемую
работу. Но ежегодно во всех областях Нечерноземья пла-
ны строительства не соответствовали возможностям стро-
ительных организаций, сроки ввода в эксплуатацию пе-
реносились. В 60-е гг. уровень комплексной механизации
в молочном животноводстве составлял менее 10%, в

70-е гг. — 40%, в 80-е гг. — 67%, на свиноводческих фермах соответственно: 25, 67, 76%, на птицеводческих — 17, 73, 91%. Среди ферм и комплексов было немало таких, где оборудование и механизмы полностью или частично не работали, механизация оставалась лишь в отчетах. Только треть ферм крупного рогатого скота и половина свиноводческих была переведена на механизированный режим работы. В животноводстве в 80-е гг. до 70% работников были заняты ручным трудом⁶. В основном это были женщины. Из колхоза «Путь Ильича» Козельского района Калужской области работницы писали в газету «Сельская жизнь» (1964 г.): «Мы не имеем выходных дней и отпусков. Так работать очень тяжело, ведь нельзя человеку работать круглый год и ни одного дня отдыха. Машину и ту останавливают на ремонт, а у нас руки не стальные. Мы сами подвозим корм, доим вручную. Нашему правлению не хватает за год времени отремонтировать поилки, приходится самим поить коров»⁷.

Механизация медленно входила в трудовую жизнь. Финансовая отсталость многих хозяйств, высокие цены на технику и запасные части не позволяли им в сжатые сроки переоснащать производство.

В течение 1958—1960 гг. техника, принадлежавшая МТС, была продана колхозам. Затраты на ее приобретение (свыше 32 млрд руб.) тяжелым бременем лежали на хозяйствах. Многие колхозы гасили задолженность десятилетиями. Впоследствии государство списало эти долги. Приобретенная техника дала возможность почти полностью механизировать подъем паров, зяби, посев и уборку зерновых, посев подсолнечника, сахарной свеклы, льна-долгунца.

Техническое оснащение сельского хозяйства определяет уровень развития отрасли. До 40% средств хозяйства тратили на ее приобретение. Однако и к концу 80-х гг. село испытывало дефицит технических средств. В Нечерноземье было сосредоточено 40% тракторного парка России, пятая часть зерноуборочных комбайнов, треть кормоуборочных, три четверти картофелеуборочных, и все

льноуборочные. По всем техническим средствам нормативная потребность не удовлетворялась. В 80-е гг. потребность хозяйств Нечерноземья в тракторах удовлетворялась на 80%, зерновых комбайнах — на две трети, картофелеуборочных комбайнах — на четыре пятых, плугах — на две трети, свеклоуборочных комбайнах — на 60%⁸. Цены на промышленную продукцию для села оставались высокими, продажа сельхозпродукции не давала возможности пополнять парк машин. Только за 1965—1985 гг. цены на средства производства и другие виды промышленной продукции для сельского хозяйства поднялись в 2-5 раз, а закупочные цены на сельхозпродукцию, сдаваемую государству — примерно в 2 раза. Повышая цены, государственные предприятия покрывали свои издержки за счет колхозов и совхозов. Общие суммы необоснованного удорожания основных видов промышленных средств производства и производственно-технических услуг для сельского хозяйства страны за 1984—1986 гг. составили более 18 млрд руб.⁹

Колхозы и совхозы Нечерноземья нуждались в увеличении и обновлении парка машин. За 60—80-е гг. уровень механизации повышался медленно. К концу 80-х гг. лишь половина площадей картофеля убиралась машинами, посадка овощей была механизирована на четыре пятых, а уборка на четверть. В конце 70-х гг. лишь треть работников колхозов и совхозов работала при помощи машин и механизмов, к концу 80-х гг. — менее половины. Остальные трудились вручную. (Для сравнения: в США на 1 тыс. га пашни было втрое больше тракторов и в 2,4 раза больше зерноуборочных комбайнов, суммарная энергетическая мощность в расчете на 1 среднегодового работника Нечерноземья составляла треть этого показателя в США). Недостаточность капиталовложений, направляемых государством в сельское хозяйство, не позволяла поддерживать высокий технический уровень хозяйств, что приводило к снижению темпов роста сельскохозяйственной продукции. В большинстве стран За-

пада экономическая поддержка земледельцев достигала 40-50% стоимости товарной сельскохозяйственной продукции, а в Японии и Финляндии — 80%. В Германии субсидии селу составляли 12,7% валового внутреннего продукта, в Дании — 17,7, Великобритании — 27,2, а в России — только 4,8%¹⁰. Российское нечерноземное село основной груз материальных затрат несло на себе. Преодолевать отставание без государственной поддержки оказалось нереальным. Сельскохозяйственная проблема обострялась.

Колхозы и совхозы Нечерноземья значительно хуже были обеспечены кадрами, чем хозяйства других регионов республики. Если в среднем по хозяйствам России в 70-е гг. на 100 тракторов приходилось 133 тракториста-машиниста, то в Нечерноземной полосе — 116. Менее одного механизатора на трактор имела третья часть колхозов и совхозов региона, а в Архангельской, Калининской, Костромской областях 60-70% хозяйств. За 1971—1973 гг. численность трактористов-машинистов в Нечерноземье увеличилась только на 9 тыс. чел., а подготовлено было 247 тыс. Вследствие этого в 40% хозяйств простаивала техника. Наибольшее количество таких колхозов и совхозов было в Калининской области (80%), Смоленской (74), Новгородской (70), Псковской (70), Тульской (60), Калужской (50). Многие хозяйства не были обеспечены кадрами для работы даже в одну смену. Констатировался факт неполного использования средств из-за нехватки кадров, особенно квалифицированных. При этом число их сокращалось. В начале 80-х гг. количество областей и автономий Нечерноземья, не имевших механизаторов на каждый трактор достигло 15; в Рязанской области на 100 тракторов приходилось 85 трактористов-машинистов, Калининской — 83, Тульской — 81, Смоленской и Псковской — по 80. Шестая часть кадров механизаторов в 80-е гг. ежегодно оставляла колхозы и совхозы¹¹. Перспектива обновленной жизни была так дале-

ка, что сельские жители предпочитали любую работу в другом крае.

Профессионально-технические училища, ставшие с 1969 г. средними, ежегодно выпускали тысячи механизаторов широкого профиля. В 70–80-е гг. СПТУ России готовили в год 700–800 тыс. трактористов-машинистов, водителей, комбайнеров. Лишь немногие из них связывали свою жизнь с селом. Фактически средние ПТУ осуществляли подготовку специалистов массовых профессий для города. Дефицит кадров сельскохозяйственного производства оставался высоким. Однако их можно было взаимозаменять, поскольку уровень механизации оставался низким, а обучение кратковременным. Наиболее трудная проблема – подготовка кадров специалистов. Вузы и техникумы сельскохозяйственного профиля готовили их тысячами. Но желающих работать в деревне оказывалось немного. Лишь 60% инженеров и техников имели высшее и среднее специальное образование, остальные должности занимали практики. Среднее звено также в основном возглавляли работники, не имевшие специального образования. Престиж профессий сельскохозяйственного профиля оставался низким. Опросы сельских жителей показали, что большинство не хотели, чтобы их дети избрали профессию родителей. «Мы в земле да навозе весь свой век ковырялись, пусть хоть у вас жизнь культурная будет»; «Мы всю жизнь в деревне грязь топтали, ничего, кроме работы, не зная, так хоть вы-то поживите по-человечески» (из высказываний родителей Кировской области)¹². В деревне высоко оценивали городскую прописку, считая, что она служит средством для улучшения условий учебы, работы, жизни.

Проблемы деревенской жизни государство перекладывало на колхозы и совхозы. В трудных условиях ведения производства некоторые хозяйства добились высоких показателей. Это колхозы, возглавляемые П.А.Малининой, В.А.Стародубцевым, М.Г.Вагиным, Г.И.Саниным, А.В.Горшковым и другие. Немалое число хозяйств под-

держивало приемлемый уровень труда и жизни для своих тружеников. Но большинство оставалось убыточными с низкими производственными и культурно-бытовыми показателями, практически без квалифицированного кадрового состава. Они жили перспективой обновления жизни. Но она отодвигалась.

Российское Нечерноземье — один из основных районов, производивших сельскохозяйственную продукцию для республики. В распоряжении 5 тыс. колхозов и 5 тыс. совхозов находилась 1/5 сельхозугодий России. Для их улучшения и расширения проводились мелиоративные работы. Темпы были невелики, использование новых земель малоэффективно. К середине 80-х гг. в Нечерноземье было осушено менее 1/10 сельхозугодий (в Прибалтике свыше 1/2, Белоруссии — 1/4). Значительная часть вновь введенных в оборот земель не использовалась: в Нечерноземье до 40%. В это же время из оборота выбывали и зарастали кустарником огромные территории ранее используемой земли. Одновременно необоснованно много угодий, в том числе пашни, отводилось под промышленное строительство. Повсеместные мелиоративные мероприятия оказались губительными.

Улучшению плодородия сельскохозяйственных угодий способствовало сбалансированное внесение в почву органических и минеральных удобрений. В Нечерноземье свыше 60% пахотных почв были отнесены к категории земель с низким содержанием фосфора, около 40% — к той же категории по содержанию калия. Свыше 32 млн га почв региона (80%) нуждались в известковании¹³. Повсеместно не хватало удобрений, известкового материала, техники. Усугубляло положение злоупотребление ядохимикатами, гербицидами. Из села Былино Загорского района Московской области в 1965 г. пришло письмо в «Сельскую жизнь»: «Недавно с самолета опыляли лес ядохимикатами. Воздух весь был отравлен, дышать нечем. У жителей в огородах все растения погибли, овощи и картофель сохнут. Прилегающие пастбища отравлены,

скот гонять запретили. Водоемы тоже отравлены. Горох на площади 20 га полег и завял, 5 га свеклы в селе Садовникове погибло. Сейчас пора заготовки сена и мы боимся, что этим кормом отравим скот зимой»¹⁴. Вместо интенсификации производства ряд районов оказались на грани экономического кризиса. Большинство земель Нечерноземья не превышало отметку 40 по 100-балльной системе исчисления плодородия почвы¹⁵. Это означало, что земля находилась на грани полного истощения.

После 1965 г. сельхозугодья сократились и составили к концу 80-х гг. около 45 млн га, или 20% сельскохозяйственных площадей России. В структуре сельхозугодий пашня составляла более 2/3, 1/3 приходилась на естественные кормовые угодья – пастбища и сенокосы. Ведущее место в структуре посевных площадей принадлежало зерновым культурам – до 50%, второе место занимали кормовые культуры – 40%, затем площади под картофелем – 7% и льном-долгунцом – 2%; выращивали коноплю, сахарную свеклу. Овощи занимали менее 1% посевных площадей, небольшая часть была отдана под многолетние плодово-ягодные насаждения. Среди зерновых преобладали рожь, пшеница, ячмень, овес и гречиха. Уровень семеноводства был низок. Семенами высокой классности засевали менее 80% площадей зерновых. Урожайность сельскохозяйственных культур на протяжении 60–80-х гг. оставалась низкой; к концу 80-х гг. по зерновым она составила 13 ц с га, льну-долгунцу была неизменной – 2,7, картофелю – снизилась до 116 ц с га. В 60–80-е гг. в Нечерноземье была сосредоточена треть поголовья крупного рогатого скота, свиней, до 10% овец, коз. Поголовье коров фиксировалось на уровне 7 млн, овец и коз сократилось вдвое (5,7 млн), свиней несколько возросло, составив 11 млн голов. Продуктивность животноводства оставалась низкой. К концу 80-х гг. надой молока на одну корову составил менее 3 тыс. кг, настриг шерсти – 2,5 кг с одной овцы. Возросла лишь яйценоскость кур-несушек: за 60–80-е гг. в 1,7 раза и составила

248 штук. Низкие показатели были связаны с плохим уходом, недостаточным количеством полноценных кормов для скота. Хозяйства были обеспечены ими на 50-80%. Треть стада коров — яловые. Нередки были случаи падежа животных. Статистика зафиксировала, что во второй половине 80-х гг. в среднем за год по России пало 1,9 млн голов крупного рогатого скота, 4,5 млн свиней, и 5,2 млн овец и коз¹⁶.

Возраставшие потребности страны в сельскохозяйственной продукции предполагалось удовлетворить путем межхозяйственной кооперации, концентрации и специализации производства в крупных хозяйствах. Этот курс стал осуществляться с особой настойчивостью с 1976 г. Промышленные методы производства продукции, основанные на комплексной механизации, автоматизации и научной организации труда давали и высокую фондоотдачу, и эффективность. Хорошие показатели были отмечены на животноводческих комплексах «Щапово», «Кузнецовский», «Вороново», «Раменское» Московской области, им. 50-летия СССР Горьковской, «Новый свет» и «Пашский» Ленинградской, «Сотницынский» Рязанской, «Ливенский» и «Мценский» Орловской, «Любомирский» Вологодской области. Это немногие и лучшие хозяйства. Но не они определяли уровень животноводства в Нечерноземье. При разбросанности и малочисленности поселений, отсутствии коммуникаций и главное — финансовой нищете колхозов и совхозов — идея крупного производственного комплекса оказалась неосуществима. Для подавляющего числа хозяйств выгоднее было создание небольших хорошо оборудованных ферм, которые могли бы содержаться на должном финансовом и кадровом уровне. Но желание быстро превратить регион в специализированный животноводческий центр привело к ликвидации мелких ферм, долгострою больших, а в целом к уменьшению отдачи от этой отрасли. При наличии 1/5 сельскохозяйственных угодий России на протяжении 60-80-х гг. в Нечерноземье производилась примерно треть

валовой продукции растениеводства и животноводства. Здесь выращивалась шестая часть зерновых культур, половина картофеля, до 40% овощей, почти вся льнопродукция. Нечерноземье давало треть мяса, до 40% молока и яиц, производящихся в России. На его долю приходилось 15% валовой продукции сельского хозяйства бывшего СССР: 13% зерна, половина льноволокна, треть картофеля, пятая часть овощей, 16% мяса, пятая часть молока и четвертая часть яиц. Доля этого региона в суммарной мощности предприятий пищевой промышленности страны составляла: по выработке мяса — 33%, цельномолочной продукции — 48, сыра — 33, спирта из пищевого сырья — 40, крахмала — 66%¹⁷. Российское Нечерноземье оставалось крупным сельскохозяйственным районом, одним из основных поставлявших продукцию сельского хозяйства для страны. Однако низкая урожайность полей и невысокая продуктивность животноводства сдерживали выполнение плановых заданий государства. В регионе фиксировалось ежегодное невыполнение государственных заготовительных планов. При их формировании реальная ситуация в крае не учитывалась. Государственные закупки во всех категориях хозяйств за 60–80-е гг. несколько возросли по зерну (до 3,5 млн т), овощам (до 2,6 млн т), продукции животноводства (молоку — до 3,7 млн т, скоту, птице — до 3,7 млн т, яйцам — до 16 млрд шт.), и почти вдвое снизились по шерсти (5,3 тыс. т) и льнопродукции (119 тыс. т); закупки картофеля оставались неизменными (4,5 млн т). Государство закупало в Нечерноземье 11% зерна, 94% льноволокна, 64% картофеля, 36% овощей, 32% скота и птицы, 39% молока, 47% яиц, 5% шерсти»¹⁸.

Заметную роль в сельской жизни играли личные подсобные хозяйства. Они обеспечивали крестьянскую семью основными продуктами питания, нередко часть продукции продавали, пополняя семейный бюджет. Личные хозяйства селян принимали участие в государственных закупках сельскохозяйственной продукции. Однако на-

ступление на личное подворье привело к уменьшению площади приусадебных участков, сокращению числа скота и птицы, нередко вплоть до полной ликвидации подсобного хозяйства. Только за 1958–1963 гг. размеры сельхозугодий, находившихся в пользовании граждан сократились на 20% (600 тыс. га). Отсутствие кормов, возможности сенокосения и выпаса, высокие налоги привели к тому, что до половины семей в деревне не держали на подворье корову, а треть — вообще никакого скота. Многие семьи отказались даже от разведения птицы. Это означало, что треть сельского населения должна была обеспечиваться продуктами питания через общественный и государственный сектора. Продовольственная проблема страны усугублялась. В Нечерноземье к середине 60-х гг. личные хозяйства давали 46% валового производства мяса, 41% молока, 61% яиц, 66% шерсти¹⁹.

В последующий период личное подворье сельских жителей продолжало играть заметную роль в производстве сельхозпродукции и государственных заготовках.

Общественный сектор не удовлетворял полностью потребности населения страны в продуктах питания. Важным источником решения продовольственной проблемы оставалось личное подсобное хозяйство. В 1990 г. в нем производилось около 30% мяса, молока, яиц, овощей, 65 — картофеля, 54 — плодов и ягод, 26% шерсти²⁰. В личном подсобном хозяйстве использовалось 10 млн га земли, и оно дало около 25% валовой продукции и более 10% товарной продукции аграрного сектора экономики²¹. Кроме этого, в стране 12 млн семей рабочих и служащих имели коллективные сады площадью более 800 тыс. га и 6,7 млн семей — коллективные огороды площадью 500 тыс. га²².

Безусловно, производство продуктов питания, развитие личного подсобного хозяйства — проблема прежде всего сельская. Для горожан труд на садовом участке носил преимущественно социально-оздоровительный характер и в меньшей степени являлся дополнительным источником дохода. Для селян личное подсобное хозяй-

ство занимало ведущее место в их жизнедеятельности, в том числе и как источник дополнительного дохода.

В 1990 г. доходы семей колхозников от личного хозяйства по стране в целом составили 1 808 руб. в год, или 25% совокупного годового дохода семьи (в некоторых регионах до 40%). Этот же показатель у пенсионеров-колхозников — 41% годового дохода, в то время как у рабочих и служащих в городах — 3,1%²³. Материальное положение крестьян в значительной степени было связано с личным подворьем. Селяне не только обеспечивали себя продуктами питания, но и часть продукции продавали государственным, кооперативным организациям, на колхозном рынке.

В 1990 г. в подсобном хозяйстве колхозников было произведено картофеля в 3 раза больше, чем использовано на личное потребление, овощей и бахчевых — на 20%, фруктов и ягод — на 44%, молока — на 10%. Производство яиц полностью обеспечило личное потребление, а производство мяса — на 73%²⁴.

Располагая лишь 2% сельскохозяйственных угодий, причем, как правило, худшего качества, не получая государственных капиталовложений, лимитов на материальные ресурсы, мелиорацию, подсобные хозяйства давали в 1990 г. 25% всей валовой продукции сельского хозяйства.

На личном подворье труд, почти полностью лишенный механизации, являлся в 2 раза более производительным, чем в колхозах и совхозах. Продуктивность гектара личных угодий была в 20 раз выше, чем в совхозах, в 13 раз выше, чем в колхозах²⁵. Это показатели безысходной экономики, за которыми стоит тяжелый труд всей семьи. Такая производительность исключительно ручного труда, достигаемая за счет времени и полной отдачи сил всей семьи не может кардинально решать продовольственную проблему. При этом учтем, что вся эта «производительность» достигается после трудового дня в общественном хозяйстве. Какова же истинная цена такого урожая?!

По данным на 1993 г. индивидуальный сектор в целом имел 20% пашни и производил до 80% картофеля, до 55% — овощей, до 36% — мяса, до 31% молока. Как пишет известный ученый-аграрник В.П.Данилов, анализируя ход реформ 90-х гг., «распространение мелкого индивидуального производства на деле является результатом — и свидетельством! — разрушения крупного товарного производства и общего кризиса в сельском хозяйстве, откатывания его назад — к семейно-потребительскому уровню. Аграрная реформа призвана обеспечить не возвращение к мелкому и мельчайшему натурально-потребительскому производству, а движение вперед — к современным формам крупного производства, способным к динамичному развитию в постоянно меняющихся производственно-технических условиях конца XX — начала — XXI века»²⁶.

Негативное воздействие на развитие производства оказывала система заготовок. Она сложилась в 30-е гг. и с незначительными изменениями продолжала функционировать вплоть до конца 80-х гг. До сельхозпредприятий доводились планы производства и заготовок продукции часто без учета их реальных возможностей, для многих хозяйств заведомо невыполнимые. Государство всеми доступными ему средствами заставляло хозяйство максимально возможно выполнять планы по заготовкам. Колхозы и совхозы часто отдавали урожаи почти полностью. Но после выполнения заготовок, чтобы сохранить поголовье скота, иметь семенные фонды уже осенью обращались к государству за «помощью» и покупали втридорога свою же продукцию.

Предпринимались попытки преодолеть сложившуюся систему заготовок. В 1958 г. система обязательных поставок была заменена единой формой государственных заготовок — закупками сельхозпродуктов по установленным ценам. Это открывало возможность возникновения новых отношений между колхозами и государством. Однако в годы семилетки эту идею реализовать не удалось. Мар-

товский 1965 г. Пленум ЦК партии принял решение установить твердые планы закупок сельхозпродукции на пятилетие. Но на практике эти планы обрастали дополнительными заданиями, которые произвольно разверстывались на хозяйства. Осталось бумажной директивой и решение майского 1982 г. Пленума ЦК партии о переходе на единый план закупок на пятилетие. Практика взимания заготовок, оставалась прежней, низкими были и цены на сельскохозяйственную продукцию. Себестоимость производства основных продуктов в колхозах росла гораздо более быстрыми темпами, чем закупочные цены на них. В 1980 г. продукция, проданная государству колхозниками, приносила убыток: по молоку — 9%, крупному рогатому скоту — 13%, свиньям — 20%, птице — 14%, шерсти — 11%. Это была одна из причин экономического упадка сельскохозяйственных предприятий. В конце 80-х гг. пятая часть колхозов и совхозов Нечерноземья являлись убыточными. Их долг государству составлял 335 млн руб. Каждое третье хозяйство приносило убытков почти на 200 тыс. руб. в год²⁷.

Дефицит сельскохозяйственной продукции усугублялся ее огромными потерями на всем пути от поля до потребителя: потери зерна составляли 20%, картофеля и овощей — около 40%, мяса — до 1 млн т. Официально было признано, что до трети выращенного урожая по различным причинам не доходило до потребителя²⁸.

На протяжении 60—80-х гг. большинство хозяйств Нечерноземья имели низкие производственные показатели. Жизнь ухудшалась. Деревни пустели. В конце 50-х гг. по Нечерноземью было разбросано 180 тыс. сел и деревень. Более 70% их насчитывало до 100 жителей. В четверти поселений жило от 100 до 500 чел. и около 4% поселков насчитывали свыше 500 жителей²⁹. При малочисленности и разбросанности деревень фиксировалась еще одна тенденция — возникновение особой категории сельских поселений, не имевших или практически не имевших трудоспособного населения. Демографы утверждали,

что в перспективе подавляющее число таких населенных пунктов окажется в числе поселений, лишенных трудоспособного населения.

Один из путей достижения аграрного благополучия увидели в укрупнении колхозов и совхозов. Наиболее интенсивно этот процесс шел в 1957–1960 гг., когда ежегодно исчезало до 10 тыс. уже укрупненных ранее колхозов. В результате средние размеры посевов многих хозяйств возросли в 3 и более раз. Были созданы гигантские неуправляемые колхозы и совхозы, насчитывавшие по 120 деревень и охватывавшие до 30 тыс. га посевов³⁰. В условиях Нечерноземья это еще более обостряло сельскохозяйственные проблемы.

Анализ деятельности совхозов, проведенный в середине 60-х гг., привел к выводу о том, что «обратная связь между интенсивностью и размерами хозяйств... является настолько постоянной и повсеместной, что выступает как определенная закономерность. Она будет проявляться до тех пор, пока хозяйства не в состоянии по своим материальным возможностям на всей земельной площади вести производство в равной мере интенсивно»³¹. Такими возможностями они в те годы не располагали. Однако есть и более радикальные точки зрения. В.П.Попов пишет: «Истинной причиной укрупнения мелких колхозов, повлекшего за собой сселение “неперспективных” деревень и их запустение, было желание властей организовать очередную коренную ломку деревенского уклада, разрушить остатки сельского общежития, унифицировать деревню и ее людей, заставить их продолжать покорно трудиться в колхозах, еще более централизовать управление крестьянами...» и как результат этой политики «объединение “бедных” с “богатыми” приводило к внутридеревенским раздорам, усиливало социальную напряженность, не повысило эффективность колхозного производства. Не в силах противостоять дурной воле “преобразователей” крестьяне еще гуще побежали из села»³². По подсчетам В.П.Попова, «абсолютная цифра убежав-

ших из деревни за 1960—1964 гг. людей почти 7 млн чел.»³³.

Одновременно с укрупнением хозяйств осуществлялось преобразование колхозов в совхозы. Оно начало осуществляться со второй половины 50-х гг. Прежде всего реорганизации подверглись экономически слабые хозяйства. За 50—70-е гг. в России было преобразовано в совхозы свыше 17 тыс. колхозов. Появились области (например, Ленинградская), где сельскохозяйственное производство было только совхозным³⁴. Реорганизация значительного числа колхозов в совхозы и укрупнение хозяйств привело к тому, что рабочие места большинства предприятий оказались разбросанными по всему производственному массиву. Таким образом, «объективно» вставал вопрос о строительстве крупных центральных усадеб и «неперспективности» подавляющего числа сел и деревень. Для решения проблем начала энергично проводиться государственная политика по рационализации расселения: сселение жителей из так называемых неперспективных деревень в крупные поселки. К 1970 г. общее число сел и деревень сократилось со 180 тыс до 142 тыс., преобладающая часть поселений (64%) прекративших существование, пришлось на поселки численностью до 100 жителей³⁵. Ориентация на крупные поселения городского типа входила в противоречие с условиями традиционного ведения сельскохозяйственного производства, которые при больших пространствах и неразвитости транспортной сети требовали рассредоточения, приближения к земле. В итоге свыше 40% деревень почти полностью утратили производственные функции³⁶. Одну из причин экономических трудностей государство видело в невозможности организовать производственный процесс вследствие разбросанности деревень на территории одного хозяйства при их малочисленности. В последующий период политика ликвидации мелких деревень еще более активизировалась. «Преступлением против крестьянства» назвал Василий Белов борьбу с так называемыми непер-

спективными деревнями. «У нас на Вологодчине, — писал он в «Правде», — из-за неперспективности прекратили существование несколько тысяч деревень. А по Северо-Западу — десятки тысяч. Вдумаемся: из 140 тысяч нечерноземных сел предполагалось оставить лишь 29 тысяч»³⁷.

Правительственным постановлением 1974 г. по Нечерноземью за 1976—1980 гг. к сселению были определены 170 тыс. семей из небольших деревень и сел. В России лишь около 43 тыс. сельских населенных пунктов были выделены как перспективные и намечены к дальнейшему развитию³⁸.

В конце 70-х гг. в Нечерноземье треть административных районов насчитывало 200-500 и более населенных пунктов. В Вологодской, Ярославской и Калининской областях в среднем на район их приходилось свыше 300. В Псковской области более половины районов имели свыше 500 сел и деревень.

Нечерноземная деревня оставалась самой малочисленной в России (122 чел. против 240 в среднем по республике). Доля мельчайших населенных пунктов (до 50 жителей) составляла около 60% сельских поселений. В Вологодской, Новгородской, Кировской, Ярославской областях удельный вес этих поселений превышал 70% их числа. В дальнейшем этот процесс продолжался³⁹.

В связи с ограниченностью ресурсов коренное преобразование перспективных сел было возможно за 15-20 лет и более⁴⁰. Сселение по всему Нечерноземью могло затянуться минимум на 50 лет⁴¹. Сознание негативных последствий привело к отказу от деления населенных пунктов на перспективные и неперспективные и от планирования сселения: в 1980 г. такое решение было принято Госгражданстроем⁴².

Только в 60—70-е гг. исчезло около одной трети сельских поселений Нечерноземья, что составило около 60 тыс. деревень, площадь пашни с 30-х гг. сократилась на 10%, а сенокосов, пастбищ — почти в 2 раза⁴⁹. В Псковской области насчитывалось 18 тыс. домов, покинутых

своими жителями. При них пустовало более 15 тыс. га плодородной земли, в том числе огородной. В Калининской области в 1988 г. было 14 тыс. пустующих домов. За 70–80-е гг. сельское население уменьшилось здесь с 834 тыс. человек до 483 тыс., или почти наполовину. За 15 лет площадь сельхозугодий сократилась на 16%⁴⁴. В Новгородской области в течение столетия действовала жесткая закономерность: уменьшение населения на 1% всегда вело к потере 1,1% угодий⁴⁵.

Во второй половине 80-х гг. в сельской местности России пустовало 490 тыс. жилых домов, общая площадь невозделанных земель при них достигала 200 тыс. га. Для восстановления баланса использования земель за 1958–1983 гг. только в Московской области под рекреацию было отведено 25 тыс. га новых земель, из этого массива почти 10 тыс. га – сельскохозяйственные земли.

Горожане энергично начали приобретать деревенские дома. Официально это было признано, как один из путей сохранения жилого фонда сельской глубинки⁴⁷.

В Нечерноземье сформировались три типа населенных пунктов. Это центральные поселки хозяйств, агропромышленных комплексов и объединений. Они составляли менее 10% всех населенных мест и сосредотачивали более трети населения. Эти поселки были связаны сетью благоустроенных дорог с городскими и районными центрами. Условия проживания там были наиболее благоприятные. Далее – пункты сосредоточения отдельных объектов производства и обслуживания, работавшие во взаимосвязи с центрами хозяйств. К ним относились поселки отделений и бригад. При отсутствии благоустроенных дорог с твердым покрытием, связывающих их с городом и центральной усадьбой, условия проживания там были весьма неблагоприятны. Третий тип – пункты без производственных объектов при частичном или полном отсутствии учреждений обслуживания. Здесь условия проживания были самые неблагоприятные, однако проживала здесь пятая часть селян. В районах с дробной

сеть населенных мест таких поселков было свыше половины. Более 85% селян этого региона в 1990 г. проживали в деревнях, насчитывавших менее 200 чел. Из них свыше половины жили в населенных пунктах численностью менее 50 жителей. Пятая часть селян проживала в деревнях и селах численностью от 51 до 100 чел. и лишь 15% — от 101 до 200 жителей.

Российское Нечерноземье характеризуется высокой степенью урбанизации. В 70-е гг. сельское население составляло 25% населения, региона (по стране — 40%, России — 33%), а доля аграрного населения, непосредственно занятого на сельскохозяйственных работах была сравнительно невелика: в Северо-Западном районе — 30%, Центральном — 38, Волго-Вятском — 50%. Городское население ежегодно возрастало на 750 тыс. чел. и составляло в ряде областей до 90%.

За 60—80-е гг. численность сельского населения уменьшилась на треть. В 1989 г. в Нечерноземье проживало 64 млн чел., 40% населения России, 32% селян республики. 80% населения — горожане. Более двух третей новых горожан в недавнем прошлом деревенские жители⁴⁸. Урбанизация Нечерноземья открывала возможности для селян трудоустроиться в городах, оставаясь жителями деревни. Число маятниковых мигрантов оказалось значительным. Нормированный рабочий день, более высокая заработная плата и главное — несельскохозяйственный труд — были предпочтительнее. Как правило, маятниковые мигранты работали в промышленности (до 70%) и были заняты менее квалифицированным трудом, чем горожане. Свыше 30% работали разнорабочими, младшим обслуживающим персоналом, 14% высококвалифицированными рабочими промышленности, 13% — рабочими лесхозов и леспромхозов, 10% — служащими непроемственной сферы. Маятниковая миграция позволяла частично удовлетворять потребности города в неквалифицированной и малоквалифицированной рабочей силе без территориального расширения города.

Сельское население Нечерноземья в течение нескольких десятилетий более интенсивно, чем в других районах отдавало рабочую силу в промышленные центры. За 60–70-е гг. села региона дали около 30% миграционного прироста городов страны, в то время как доля Нечерноземья в сельском населении не превышала 15%⁴⁹.

В 60–70-е гг. сельские местности России полностью обеспечивали миграционный прирост собственных городов и кроме того, пятую часть миграционного прироста городского населения в других республиках. Интенсивный отток из сел создал дефицит труда в сельском хозяйстве Нечерноземья. Здесь обнаружилась взаимосвязь интенсивности сельской миграции с такими показателями, как доля сельскохозяйственного населения во всем сельском населении, трудовая нагрузка на одного колхозника в год. В целом области, где значительным было сельскохозяйственное население и высокие трудовые нагрузки (Новгородская, Смоленская, Вологодская и др.) отличались и более высоким оттоком населения.

Демографы фиксировали: с начала 70-х гг. население России себя не воспроизводит⁵⁹. Прогноз сбился. В 70–80-е гг. сельское население Нечерноземья сокращалось на 1,5%, число занятых в сельскохозяйственном производстве — на 1,3–2,5%, а численность женщин, работавших в колхозах и совхозах — на 5%⁵¹.

В 80-е гг. прослеживается тенденция сокращения абсолютных и относительных размеров миграции сельского населения Нечерноземья. За 1981–85 гг. число селян уменьшилось на 844 тыс., тогда как за 1966–70 гг. на 2 млн 162 тыс. Но это свидетельствует не о позитивных переменах в деревне, а о том, что в результате прежнего масштабного оттока людей мобильных возрастов и резкого постарения села во многих районах и хозяйствах стало некому мигрировать. За 80-е гг. численность сельского населения России сократилась на 8%, ЦЧО — на 18%, Волго-Вятском районе — на 17%, Центральном — на 15%, Поволжском — на 12%. В России на начало 1991 г. на-

считывалось 38,7 млн сельских жителей. Прирост населения в республике ежегодно составлял 0,6% — 12-е место по стране. В ряде регионов России число умерших превысило число родившихся. Причем, если в 1987 г. естественная убыль населения наблюдалась только в Псковской, Калининской и Тульской областях, то к 1990 г. треть населения республики, проживавшая на 21 территории, относилась к этой категории. Это все районы Северо-Западного, Центрального и Центрально-Черноземного районов (кроме Брянской и Белгородской областей) и Горьковская область. В сельской местности большинства территорий естественная убыль фиксируется еще с середины 70-х гг., а в Псковской и Калининской областях — четверть века. За последние 30 лет после Всесоюзной переписи 1959 г. сельское население страны сократилось на 10%, а Нечерноземья — на 42%. Во многих областях Нечерноземной полосы число жителей уменьшилось вдвое и больше. В Кировской области к 1990 г. осталось 40% от числа жителей 1959 г., в Псковской — 45, в Костромской и Ярославской — по 46, в Калининской и Смоленской — по 47, в Горьковской — 49, Новгородской — 50%⁵². Наиболее трудоспособная и образованная часть населения устремилась в города. Города привлекали людей. Город был и остается не только центром индустрии, потребителем рабочей силы, но это — центр цивилизации. Это — культурный магнит, где можно получить образование, приобщиться к культурным ценностям. Город — это источник прогресса и для его развития необходимо пополнение. Но процесс этот весьма противоречив. С одной стороны, развитие городов процесс прогрессивный, но, с другой, это приводит к опустошению села, ведет к маргинализации части общества, исчезновению деревень, сельского образа жизни.

Повышенный, по сравнению с другими районами России отток рабочей силы из сельского хозяйства Нечерноземной полосы вызван, с одной стороны, близостью городов и промышленных предприятий и, с дру-

гой, более высоким уровнем ручного низкооплачиваемого труда и неудовлетворительными жилищными и бытовыми условиями. По данным обследований, проведенных в Нечерноземье на первом месте среди причин отъезда из села оставалась неудовлетворенность трудом: работа вручную, отсутствие работы по специальности, плохие условия труда, ненормированный рабочий день. Заметно возросла потребность в повышении уровня культуры места проживания. Напряженный нерегламентированный рабочий день в разгар сезона сельхозработ и слабо развитое бытовое обслуживание препятствовали культурному развитию. Это становилось одним из главных мотивов миграции⁵³. Сельского жителя, настроенного уезжать из деревни, выталкивали не только причины, связанные с трудом, но и вся система сельской жизни, характерный для деревни образ жизни. В город прежде всего переезжали те, кто имел техническую специальность — шофер, тракторист, строитель (среди них миграция составляла 20-30%) и мог относительно быстро адаптироваться к индустриальному труду. Как правило, люди с низким уровнем образования переезжали в город редко. Сокращение численности сельского населения шло в основном за счет молодежи, особенно в возрасте 20–29 лет. Подвижность молодежи в пять раз больше, чем других возрастных групп. Мигранты в возрасте 16–29 лет составляли до 70% всех выбывших, тогда как среди приехавших в деревню их было менее 30%. Свыше 60% покидавших села — молодые женщины⁵⁴.

Преимущественный отток наиболее образованной и квалифицированной части рабочей силы тормозил экономическое и социальное развитие села. Специальные обследования мигрантов из села показали чрезвычайно высокую долю среди них лиц, имевших среднее образование и механизаторов. Сложилась ситуация, когда подготовка механизаторских кадров на селе стала в какой-то мере формой подготовки переселения в город. Молодежь не хотела мириться с тем, что они «деревенщина», что

«нам сойдет, что похуже, нами лишь бы дыры заткнуть». (Из высказываний школьников Костромской области)⁵⁵ и покидала родные места. Адреса переселения были известны: стройки народного хозяйства, Север, Сибирь, Прибалтика. Многие искали благополучия в городах. Для большинства колхозов и совхозов одним из главных вопросов оставался кадровый. Лишь 5% хозяйств были ими обеспечены полностью⁵⁶.

Государство было заинтересовано в закреплении кадров сельскохозяйственных работников, решение нашли простое и жестокое: колхозники были лишены паспортов. По действовавшему примерному Уставу сельхозартели от 1935 г. членство в колхозе должно было оформляться подачей заявления с последующим решением о приеме на общем собрании членов артели. На практике дети колхозников автоматически заносились в списки колхозников и были лишены паспортов.

Так было до середины 70-х гг. Правительственное постановление 1974 г. ввело с 1976 г. паспорта гражданина СССР нового образца, которые должны были выдаваться (обмениваться) всем гражданам достигшим 16-ти лет в течение 1976—1981 гг.⁵⁷

Российское Нечерноземье вынесло все социально-экономические преобразования. Государственный диктат и невозможность колхозов и совхозов противостоять ему подорвали экономические устои села.

Перераспределение рабочей силы в пользу промышленности, города опустошало деревню. Разрушение исконно сложившейся системы расселения привело к исчезновению тысяч селений, утрате традиционных форм хозяйствования и уклада жизни.

Проблемы социального и культурного переустройства села государство в основном решало за счет колхозов. Они же производили оплату труда членам своей артели. Все социальные выплаты (пенсии, пособия и т.д.) также производились из бюджета колхоза.

До конца 50-х гг. оплата труда в большинстве колхозов России велась по трудодням. Лучшие хозяйства выплачивали колхозникам заработную плату. В 1959 г. менее 7% колхозов Нечерноземья перешли на эту систему (в России — 8%). Зарплата колхозников составила 28 руб., что оказалось вдвое меньше зарплаты рабочих совхозов и втрое — рабочих промышленности. Зарботки выплачивались нерегулярно. С 1966 г. колхозы начали переходить к гарантированной оплате труда. При переходе на новые условия нередко были случаи нарушения условий ее применения. Это выражалось в том, что фонд оплаты труда рос быстрее, чем производство валовой продукции. Кроме того, рост оплаты труда происходил при снижении его производительности. Введение гарантированной заработной платы улучшало экономическое и финансовое положение колхозников. К концу 80-х гг. колхозник получал 221 руб., работник совхоза — 263 руб⁵⁸. Это было меньше, чем зарабатывали рабочие промышленности, тем не менее при наличии доходов от личного подворья такая зарплата позволяла жить на хорошем уровне. Но такие высокие зарплаты на практике могли подтвердить лишь некоторые хозяйства Нечерноземья. Среднестатистические показатели закрывали проблемы деревенской жизни колхозов и совхозов края, которые в своем большинстве относились к категории низкорентабельных и убыточных предприятий.

Выкачивая экономические показатели из колхозов и совхозов, государство не выплачивало колхозникам, как всем другим гражданам страны, пенсии. Этот вопрос был переложен на колхозы. Большинство их не были в состоянии существенно поддерживать своих ветеранов, а часто не могли совсем поддержать. Из Московской области колхозница З.А.Великанова писала в 1962 г. в «Сельскую жизнь»: «Мне 60 лет, из них 32 года я трудилась в колхозе. В 1960 г. из-за плохого состояния здоровья я ушла на пенсию. Колхоз выделил пенсию 3 руб. 50 коп. Мой муж погиб на фронте в 1943 г. За работу я

награждена медалью “За доблестный труд”»⁵⁹. В 1963 г. в стране лишь четвертая часть престарелых колхозников и инвалидов получала пенсии⁶⁰. Только с 1965 г. колхозники были приравнены к остальным гражданам страны. Но при этом пенсионный возраст для них был увеличен на 5 лет. Минимальная пенсия составила 12 руб. в месяц. К 1980 г. размер ежемесячных пенсионных выплат был увеличен до 28 руб.⁶¹

На протяжении многих лет значительная часть создаваемого в сельском хозяйстве дохода направлялась на решение общенародных задач. Совокупные затраты на социально-бытовые нужды в городе значительно превышали аналогичные расходы на селе. По уровню развития материальной базы социальной инфраструктуры село заметно отставало от городских поселений. В расчете на одного сельского жителя в 70–80-е гг. капитальные вложения в развитие учреждений и предприятий социальной сферы на селе были почти в 3 раза меньше, чем в городе. Положение осложнялось тем, что объемы инвестиций в непроизводственную сферу села осваивались на 60–70%⁶².

Лучшие хозяйства Нечерноземья финансировали современное строительство комплекса культурно-бытовых построек, включавших дом культуры, магазины, больницу, поликлинику, столовую, дом быта, почту, школу, интернат. Так выглядели центральные усадьбы экономически крепких хозяйств: колхозов «Большевик» Владимирской области, «Мир» Торжокского района Калининской, «Путь к коммунизму» Дзержинского и «Россия» Козельского районов Калужской, «Большевик» Палехского района Ивановской, совхоза «Фрунзе» Суздальского района Владимирской области, многие хозяйства Подмосковья и Ленинградской области, находившихся на привилегированном положении. Экономика большинства хозяйств Нечерноземья не давала возможностей для расходов на культурно-бытовые нужды. В 60-е гг. отчисления колхозов на эти цели составили менее 1% их денежных доходов⁶³.

Тяжелое экономическое положение значительного числа колхозов и совхозов лишало их возможности решать социальные проблемы, заниматься строительством жилья, объектов культуры и быта. Финансовая нестабильность хозяйств не позволяла в достаточных объемах вести жилищное строительство. Объемы строительства в Нечерноземье в различных областях и автономиях резко отличались. Если в Ленинградской области в год строилось в среднем 26 квартир на один совхоз, то в Новгородской — 12, Брянской, Рязанской областях и Чувашии — по 7, Калужской области — 5 на одно хозяйство. Используя государственные кредиты, жители деревни в 60-е гг. построили пятую часть жилья, в 70–80-е гг. — седьмую. Жители колхозов в 60-е гг. отстроили 40% жилья, в 70-е гг. — треть, в 80-е гг. — четверть. Дома усадебного типа составляли 80% вновь вводимой жилой площади. Благоустройство жилья намного отставало от городского. Сельское население, как правило, проживало в собственных неблагоустроенных домах, построенных и ремонтируемых за счет своих сбережений. В частном секторе бытовые удобства часто не предусматривались. К концу 80-х гг. лишь половина жилищного фонда села России была обеспечена водопроводом, треть — центральным отоплением. Горячим водоснабжением обеспечивалась шестая часть. Газ был проведен в 80% домов⁶⁴. Во многих деревнях отсутствовала радиотрансляционная сеть. Но большей бедой было отсутствие света. Письмо жителей из колхоза «Красное знамя» Калязинского района Калининской области, направленное в 1974 г. в «Сельскую жизнь»: «Мы купили телевизоры, приемники, холодильники, стиральные машины. Но эти умные приборы бездействуют из-за отсутствия электричества. Колхозники сидят вечера с лучиной, т.к. нет даже керосиновых ламп»⁶⁵.

В середине 60-х гг. в колхозах Псковской области 70% сельского населения не имели электрического освещения и пользовались керосиновыми лампами. В 1970 г. около 12% деревень не имели электричества. Электрификация

охватывала в последующие годы все большее число сел, но и в конце 80-х гг. были деревни без света⁶⁶. Колхозники рассчитывали на обустройство жизни в своих деревнях, правительство планировало благоустраивать лишь перспективные с государственной точки зрения.

Медленно входила в жизнь деревни телефонная связь. Отставание от города было в 6 раз. К концу 80-х гг. только каждая третья семья России в городе и восьмая в деревне имели телефоны. В деревнях не было телефонизировано треть торговых, медицинских учреждений, школ, предприятий бытового и культурного обслуживания населения⁶⁷.

Непреодолящей проблемой оставалось бездорожье. К середине 70-х гг. менее половины центральных усадеб колхозов и совхозов Нечерноземья были соединены автомобильными дорогами с районными центрами. Более 60 тыс. деревень и сел были расположены от автобусной остановки на расстоянии свыше 6 км⁶⁸. К концу 80-х гг. в Нечерноземье на 1 тыс. кв. м приходилось всего 48 км дорог с твердым покрытием, что было в 6 раз меньше, чем в Литве и 11 — в Эстонии. Примерно одна треть центральных усадеб была отрезана от районных центров. Установлено, что при плохих дорогах транспортные издержки в себестоимости сельхозпродукции достигали 40-47%⁶⁹. Однако плохое состояние дорог отрицательно сказывалось не только на экономике. Оно ограничивало возможности повышения культуры быта, освоение селянами достижений социально-культурного прогресса, оказывало негативное влияние на психологию людей, поскольку они чувствовали себя оторванными от мира.

Немалые трудности преодолевали сельские жители для приобретения промышленных и продовольственных товаров. В большинстве сел магазины отсутствовали, ассортимент товаров был крайне узок в функционирующих. За покупками ездили в районные и областные центры. Семьи колхозников приобретали в магазинах городов до 40% товаров. При этом каждая сельская семья ежегодно тратила на поездки за товарами в город при-

мерно 160 часов. Городские стандарты жизни постепенно приходили в деревни. К концу 80-х гг. большинство сельских семей приобрели телевизоры, три четверти — радиоприемники, свыше 60% — холодильники, стиральные машины, 25% — пылесосы. Хотя это и было заметным улучшением жизни, тем не менее эти показатели в 1,5-2 раза были ниже городского уровня. Бытовые услуги, оказываемые на селе, были невелики. Значительная часть селян оставалась вне такого обслуживания и также вынуждена была обращаться в город. От 30 до 65% селян региона неудовлетворительно оценили бытовое обслуживание, условия для отдыха, торговлю, общественное питание, жилье и дороги⁷⁰.

Потребительское отношение государства к деревне порождало особые принципы политики в области культуры. Главным критерием при распределении материальных и финансовых благ оно считало производственные показатели колхозов и совхозов. Поэтому тот минимум государственного бюджета, выделяемый на культурные потребности села, распределялся в основном среди экономически сильных хозяйств. Другие постепенно разваливались и сползали в производственную и культурную нищету. В условиях Нечерноземья лишь небольшое число сел, как правило крупных, имели на своей территории общеобразовательную школу, дом культуры или клуб, библиотеку. Наличие учреждений культуры служило стимулом жизни в деревне. Остальные села долгие годы жили в культурной изоляции.

Сельская общеобразовательная школа выполняет важнейшие социальные функции. Она оказывает прямое воздействие на состояние хозяйства, во многом определяя будущее деревни. 60–70-е гг. принесли заметные успехи в систему образования. Это был период осуществления в масштабах страны всеобщего среднего образования. Особенно важно это было для села. Проводившаяся политика концентрации населения в крупных поселках привела к ликвидации большого числа школ.

Одновременно строились средние школы на центральных усадьбах, улучшался состав преподавателей. Среди школ стали преобладать средние. За 60–80-е гг. число сельских школ сократилось по России более чем вдвое. В Нечерноземье оказалось немало хозяйств, не имевших на своей территории даже начальной школы. Пришкольных интернатов для всех учащихся не хватало, подвоз осуществлялся ограниченно. Из Костромской области в 1967 г. родители писали в «Сельскую жизнь»: «Мы живем в поселке Красная Звезда, а дети ходят в школу за 4 с лишним километра в Лебедянку. Зимой сильные морозы, метели, нам уже не раз приходилось искать блуждающих детей. Иногда мороз достигал 32°С»⁷¹.

Из 49 тыс. деревень Нечерноземья свыше 10 тыс. детей ежедневно ходили в школу более чем за 3 км. К концу 80-х гг. на селе работало 48 тыс. школ. Значительная их часть была признана аварийными. В Нечерноземье — до 2 тыс. Количество сельских школьников сократилось за 60–80-е гг. вдвое и составило менее 6 млн.

Главной проблемой сельской школы Нечерноземья оставалась малокомплектность, что было связано с особенностями расселения в регионе. К концу 70-х гг. половина начальных школ насчитывала менее 16 учащихся. Были школы, где обучали по 2–3 ученика. Каждая пятая восьмилетняя школа насчитывала не более 100 учащихся. Значительная часть средних школ также была отнесена к этой категории. Появились школы, где учащихся для всех классов обучения не было: восьмилетки с 5–6 классами обучения и десятилетки, где было 7–8 классов⁷². Уровень подготовки в некоторых школах был низок. По отдельным предметам не велось преподавание. Это затрудняло дальнейшее обучение, тормозило продвижение по социальной лестнице, во многом предопределяло дальнейшую судьбу молодежи.

Социальная программа предусматривала наличие детских дошкольных учреждений. Однако в 60-е гг. лишь 11% колхозов открыли детсады и ясли. Это были мелкие

сезонные учреждения на период посевной и уборочной. Стационарные детсады практически отсутствовали. Женщины брали детей с собой на работу. Письмо от работницы колхоза им.Калинина Кировской области, присланное в 1969 г. в газету «Сельская жизнь»: «Вот уже 25 лет, как у нас нет детских учреждений. Женщины вынуждены брать ребят с собой на работу или запирают дома. Вот и растут они, как сорняки на задворках, дело доходит по трагедий. Сынишка комбайнера, оставленный без присмотра, утонул в пруду, сынишка комбайнера Д. разжег костер и только по счастливой случайности не произошла беда. Председатель распорядился отдать помещение детских яслей под ветлечебницу, забота о парнокопытных, видимо, выше чем о детях колхозников»⁷³.

Центром притяжения сельских жителей оставался клуб. В деревне он фактически единственный представитель от учреждений культуры. Наряду со школой клуб создает минимум культурных удобств для проживания на селе. Потребность в учреждениях культуры была велика. Лишь 60% сельских населенных пунктов располагали у себя или поблизости клубными учреждениями. Сельские жители активно принимали участие в работе клуба. Лучшие творческие коллективы участвовали в смотрах, конкурсах и фестивалях. Большинство селян оставалось вне культурного обслуживания, полагаясь на свои возможности и потребности проведения досуга. Строки из письма в газету «Сельская жизнь» от жителей колхоза «Прогресс» Рославльского района Смоленской области (1968 г.): «Молодежь обычно не задерживается. Они бегут от темной колхозной жизни. Четыре клуба закрыты. Молодежь собирается где-нибудь вместе: курят, пьют, играют в “дурака”»⁷⁴.

Деревенская жизнь проходит у всех на виду. Высокую нравственность поддерживала церковь. Число культовых учреждений резко сокращалось. Многие церкви использовались под клубы, склады, кинотеатры, мастерские. Иные варварски уничтожались. В 1953 г. в стране насчитывалось

15 тыс. православных церквей, в 1986 г. — около 7 тыс. Число прихожан сокращалось, в основном это были люди преклонного возраста. В 80-е гг. возрождение церкви привело к увеличению верующих и посещающих культовые учреждения. Данные опроса свидетельствовали: 40-50% опрошенных россиян сочли себя верующими (более 90% из них отнесли себя к русской православной церкви). В конце 1989 г. крещеными были около 60% россиян. Но посещали церковь регулярно лишь 10% прихожан⁷⁵. Большой интерес к религии проявляла молодежь. Многие видели в становлении веры, усилении религиозности истоки возрождения национального самосознания.

Тяжелый немеханизированный труд без выходных и отпусков отрицательно сказывался на здоровье сельских жителей. Отсутствие социального страхования заставляло колхозников работать при любом самочувствии. Отсутствие медицинских учреждений и врачей усугубляло проблему.

Только в 1970 г. в колхозах была введена единая система страхования колхозников из средств все тех же колхозов. Хозяйства отчисляли 2,4% от фонда оплаты труда⁷⁶.

По всем показателям медицинского обслуживания сельская местность намного отставала от города. В сельских больницах на одну больничную койку приходилось 4 кв. м вместо положенных 7. Из 18 тыс. сельских поликлиник 14 тыс. были размещены в так называемых приспособленных помещениях, из 4 тыс. районных больниц 2,5 тыс. были лишены горячей воды, а в 700 — не было и холодной. Основным медицинским учреждением на селе являлся фельдшерско-акушерский медпункт. К концу 80-х гг. их имели менее половины сел и деревень. Обеспеченность врачами на селе была вдвое ниже городского уровня. В основном в сельских медицинских учреждениях работал средний медперсонал⁷⁷.

Тяжелые условия труда, неустроенность быта, неудовлетворительная организация медицинской помощи отрицательно сказывались на здоровье селян. Усугубляло

положение чрезмерное употребление алкоголя. Средняя продолжительность жизни фиксировалась на уровне 68–69 лет, что на 6–7 лет ниже развитых стран Европы и 11 – Японии. Большинство областей Нечерноземья превысили среднероссийский показатель смертности. Наиболее высокий уровень имели Псковская, Новгородская, Рязанская, Калининская и Тульская области (13–14 умерших на 1 тыс. населения). Отметим, что это регионы с самым старым населением. Однако причина не только в этом. Смертность трудоспособных мужчин на селе выше, чем в городе на 11%, женщин – на 17%. Мужчины-селяне чаще погибали от травм и несчастных случаев, как правило, предпосылкой служило алкогольное опьянение, женщины – от болезней системы кровообращения⁷⁸.

Российское Нечерноземье претерпело все социально-экономические реформации страны. Его вклад в экономику был велик, но потенциал не оказался неисчерпаемым. Огромный урон понесли хозяйства края в период Великой Отечественной войны. Восстановление и развитие промышленности потребовали привлечения из деревни сотен тысяч крестьян. Значительные ресурсы для подъема целинных земель черпались и в Нечерноземье. Вопреки объективным природно-климатическим условиям края, где традиционно хозяйствование велось небольшими деревнями, повсеместно проводилась политика концентрации производства и населения в крупных селах, на центральных усадьбах колхозов и совхозов. Разрушение исконно сложившейся системы расселения повлекло за собой вымирание российских нечерноземных деревень. Ценовые пропорции обмена сельскохозяйственной продукции на промышленные товары складывались не в пользу аграрного сектора. Но главное – государственный диктат и полная беспомощность колхозов и совхозов противостоять ему. Государство выступало в роли распорядителя сельскохозяйственным производством, без согласования с хозяйствами проводя различные организационно-хозяйственные мероприятия. Фи-

нансовая помощь оказывалась в небольших размерах. Колхозы и совхозы были обременены огромными планами, связаны с государством долгосрочными, краткосрочными и иными обязательствами. Они постоянно рассчитывались то за технику, то за комбикорма, то за семена. Государство иногда списывало часть долга, ибо получить его с хозяйств было невозможно. Это была некоторая компенсация за колоссальный труд, привязанных к земле людей. Судьба определила их крестьянами и до середины 70-х гг. они были лишены паспортов.

Прикрепляя колхозников к земле и обрекая их на тяжелый труд, государство заботилось прежде всего о государственном благосостоянии. Оно черпало продовольствие и сырьевые ресурсы из аграрного сектора, лишая его покровительства и поддержки.

Передовые хозяйства Нечерноземья вели благополучную жизнь. Они занимали приоритетное положение в аграрной политике государства. Инвестиции, техника, кадры направлялись сюда в первую очередь и в необходимых количествах. Элитарное положение лучших колхозов и совхозов давало и высокие сельскохозяйственные показатели. Нищенское существование остальных оставалось результатом той же политики. Государство в силу объективных и субъективных причин поддерживало лишь избранных. Сельские жители работали не на благо своего конкретного хозяйства. Они работали всегда в целом на государство, которое полубесплатно и бесплатно выкачивало из хозяйств продовольствие. Так сложилось в государственной политике, что село было обязано содержать город, почти всегда в ущерб себе. Многолетний тяжелый труд с единственной целью выбраться из нищеты и бедности себя не оправдал. Большинство хозяйств Нечерноземья на протяжении 60–80-х годов имели низкие производственные показатели. Уровень развития социальной инфраструктуры заметно отставал от городского. Деревни пустели.

Прошедшие десятилетия экономического экспериментирования привели многие районы Нечерноземья к критическому рубежу. Скупой деревенский пейзаж, ставший символом умирающей деревни нечерноземной России: покосившиеся дома с заколоченными окнами, заброшенные колодцы, зарастающие кустарником пашни. Покинутый дом российской стороны — судьба большинства деревень Нечерноземья.

Огромные надежды возлагались на аграрные реформы, начатые в декабре 1991 г. Атака на колхозно-совхозную систему привела к ее ликвидации. Одним из успехов аграрной реформы России, прежде всего Нечерноземья, становится содействие миграции в деревню населения, не утратившего интереса к труду на земле. Но опросы социологов зарегистрировали, что почти две трети первых индивидуальных хозяйств, созданных горожанами, не ставили целью постоянное местожительство в деревне и самостоятельный сельскохозяйственный труд⁷⁹.

Судьба Нечерноземья в руках прежде всего самих сельских жителей региона. Но за 60 лет абсолютного господства крупного производства сменилось несколько поколений его работников. Прежде всего незнание на профессиональном уровне полного процесса цикла сельскохозяйственных работ, а не боязнь раскулачивания или нежелание трудиться отталкивали бывших колхозников и рабочих совхозов от перехода к индивидуальному ведению хозяйства.

К осени 1993 г. общее число индивидуальных хозяйств, называемых фермерскими, на территории России превысило 260 тыс. Их земельная площадь — 11 млн га, посевная — около 6 млн га. Средний размер такого хозяйства составлял 42 га всех земель, 22 га посева. Их удельный вес в производстве определялся в 2-3%⁸⁰.

Освобождение цен на товары и услуги не только не устранило, но еще больше усилило неэквивалентность обмена между городом и деревней. За 1992—1993 гг. закупочные цены на мясо возросли в 45 раз, на молоко — в

63 раза. На бензин — в 324 раза, на трактор К-700 — в 828 раз, трактор Т-4 — в 1344 раза.

Разрушительной для сельского хозяйства России оказалась неоплата государством сданной сельскохозяйственной продукции. На 10 декабря 1993 г. долг государства крестьянам составлял 1 триллион 800 миллионов руб.⁸¹

Все формы сельского хозяйства стали убыточными. Начался катастрофический спад производства. По сравнению с 1990 г. в России в 1993 г. производилось 40% зерна, 45 — растительного масла, 50 — мясопродуктов, 53% — молокопродуктов⁸².

В результате разрушения колхозно-совхозной системы, сельскохозяйственные производственные показатели поползли вниз. Продовольственного изобилия благодаря новым формам хозяйствования на земле не наступило. Большинство бывших колхозников не видели реальных перспектив лучшей жизни. Надежд на благополучную сельскую деятельность оставалось все меньше. Реальные перестройки у себя дома убеждали селян в скоропалительности, непродуманности решений аграрных проблем, новых трудностях, порой неразрешимых, и собственной ненужности.

Только желания почувствовать себя хозяином своей земли недостаточно, чтобы эта земля приносила доход. Необходимо серьезное материальное подкрепление новой системе хозяйствования. Для обустройства одного фермерского хозяйства, по подсчетам белорусских экономистов, требовалось 10 млн. руб. (в ценах 1992 г.). Большинство крестьян, избравших фермерский путь, такими средствами не располагали.

Государство предоставляло фермерам кредиты. Однако проценты с «льготных» кредитов вначале были определены в 8%, затем в 20%, далее в 213%. В итоге за 1993 г. разорилось свыше половины фермеров, за 1995 г. — еще 60 тыс. Около 10 млн га сельскохозяйственных земель России, запущены, не обрабатывались и заросли сорняками и кустарниками⁸³. Вряд ли вызовет сомнение тот факт, что в пред-

стоящие годы Россия не сможет обеспечить себя продовольствием в соответствии с потребностями.

Деревня долгие годы только отдавала, практически ничего не получая взамен. Должно наступить время возвращать долги.

В предисловии к известной книге А.И.Шингарева «Вымирающая деревня» в 1907 г., есть строки: «Мыслимо ли нормальное существование государства, мыслимы ли спокойные и довольные земледельцы, мыслима ли вообще какая-либо плодотворная работа по обновлению обветшалых форм государственной жизни при существовании таких вымирающих деревень?»⁸⁴. Сегодня проблема выживания деревни России столь же актуальна.

¹ Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995. С. 311–312; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7095. Л. 9.

² Алексеев А. «Нечерноземный Чернобыль?» //СССР: демографический диагноз. М., 1990. С. 427.

³ Аргументы и факты. 1990. № 10.

⁴ Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965–1974 гг.). М., 1975. С. 28; Котов Г.Г., Мельников В.Ф. Экономические и социальные проблемы села на современном этапе. М., 1979. С. 15; Тюрина А.П. Социально-экономическое развитие советской деревни. 1965–1980. М., 1982. С. 12; Продовольственная программа СССР на период до 1990 г. и меры по ее реализации. Материалы майского Пленума ЦК КПСС 1982 г. М., 1982. С. 85–86; Правда. 1989. 16 марта.

⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. Стат. ежегод. М., 1981. С. 175–177; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Стат. ежегод. М., 1990. С. 596–600; Правда. 1989. 1 июня; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7095. Л. 12–13.

⁶ Народное хозяйство РСФСР в 1988 г. Стат. ежегод. М., 1989. С. 318–319; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 123, 561; Проблемы труда в сельском хозяйстве. М., 1982. С. 43; Машенков В.Ф., Мальцев И.Е. Формирование и использование рабочей силы в сельском хозяйстве. М., 1988. С. 140; Аргументы и факты. 1990. № 10.

⁷ Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 591. Оп. 1. Д. 111. Л. 16.

- ⁸ Народное хозяйство РСФСР в 1988 г. С. 603; *Тихонов В.А., Лезина М.Л.* Агропромышленный комплекс: пропорциональность развития. М., 1986. С. 35.
- ⁹ Правда. 1982. 1 октября; Сельская жизнь. 1988. 6 октября; Социалистическая индустрия. 1989. 8 февраля; Нечерноземная зона России. Экономические проблемы развития сельского хозяйства. М., 1980. С. 22.
- ¹⁰ *Тихонов В.А., Лезина М.Л.* Указ. соч. С. 35; Проблемы труда в сельском хозяйстве. М., 1982. С. 43; *Машенков В.Ф., Мальцев Н.Е.* Указ. соч. С. 140; Аргументы и факты. 1990. № 10; Правда. 1993. 1 апреля; *Лупинович Е.И.* Система поддержки хозяйств, находящихся в неблагоприятных условиях, в странах ЕЭС. М., 1990. С. 90; Экономист. 1994. № 9. С. 9; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7095. Л. 17-19.
- ¹¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7095. Л. 24; Ф. 7486. Оп. 18. Д. 1858. Л. 53; Д. 1911. Л. 90.
- ¹² Комсомольская правда. 1988. 1 марта; Правда. 1988. 18 августа.
- ¹³ Нечерноземная целина России. М., 1977. С. 65, 77; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7081. Л. 19-20, 25-27; Д. 7095. Л. 17.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 169. Л. 55.
- ¹⁵ *Пальман В.* Неоплаченный долг //Новый мир. 1984. № 8. С. 172, 177, 180.
- ¹⁶ Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. С. 175-176; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 497, 597-599; Нечерноземная целина России. С. 133; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 104. Д. 782. Л. 72; Оп. 148. Д. 370. Л. 29; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 2328. Л. 82.
- ¹⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. С. 174-177; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 596-599; Нечерноземная целина России. С. 101-102; Концепция развития агропромышленного комплекса Нечерноземной зоны РСФСР. М., 1988. С. 3-4.
- ¹⁸ Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. С. 174-177; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 596-599.
- ¹⁹ *Безнин М.А.* Крестьянское хозяйство в Российском Нечерноземье. 1950-1965 гг.; Вологда, 1990. С. 7-8, 10-11.
- ²⁰ Народное хозяйство СССР в 1990 г. Стат. ежегод. М., 1991. С. 544.
- ²¹ Экономические науки. 1991. № 7. С. 101.
- ²² Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 484.
- ²³ Там же. С. 112.
- ²⁴ Экономика и жизнь. 1991. № 40. С. 15.
- ²⁵ Экономические науки. 1991. № 3. С. 13.
- ²⁶ *Данилов В.П.* Аграрная реформа в постсоветской России (взгляд историка) //Куда идет Россия?... Альтернативы общественного развития. М., 1994. Вып. 1. С. 135.
- ²⁷ *Тюрина А.П.* Экономические отношения в сельском хозяйстве СССР // Вопросы истории. 1986. № 2. С. 32; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7095. Л. 23; Советская Россия. 1988. 10 июля.
- ²⁸ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 24; Социалистическая индустрия. 1989. 8 февраля; Правда. 1989. 16 марта.

- 29 Расселение в Нечерноземной зоне РСФСР. М., 1975. С. 35-41; *Безнин М.А.* Колхозное население в Российском Нечерноземье в 1950-1965 гг. Вологда, 1990. С. 6-14.
- 30 *Русинов И.В.* «Неперспективная» деревня: от домыслов к истине // Вопросы истории КПСС. 1990. № 8. С. 54; Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С.50; Сельское хозяйство СССР. М., 1971. С. 479; Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. М., 1965. С. 57, 109, 112; Пленум ЦК КПСС. 24-26 марта 1965 г. Стеногр. отчет. М., 1965. С. 47.
- 31 Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. С. 57.
- 32 *Попов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945-март 1953). М., 1993. С. 10-11.
- 33 *Попов В.П.* «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 50-е—начале 60-х годов) //Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 35.
- 34 *Тюрина А.П.* К вопросу о преобразовании колхозов в совхозы //История СССР. 1983. № 5. С. 5, 9, 12; она жв. Колхозное крестьянство в социальной структуре развитого социалистического общества //Ленинский кооперативный план и современная деревня. Ростов-на-Дону, 1980. С. 138; она же. Социально-экономическое развитие советской деревни. 1965—1980. С. 145; Аграрная политика КПСС в действии. М., 1979. С. 177, 179; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1781. Л. 2; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 310. Оп. 1. Д. 1980. Л. 104.
- 35 Расселение в Нечерноземной зоне РСФСР. С. 9, 35-41; *Безнин М.А.* Колхозное население в Российском Нечерноземье в 1950—1965 гг. С. 6-14.
- 36 *Лола И.М., Савина Т.М.* Закономерности развития и пути преобразования сельского расселения в Нечерноземной зоне РСФСР // Динамика систем расселения. Сб. статей. М., 1977. С. 36.
- 37 Правда. 1988. 15 апреля.
- 38 КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 12. С. 405; *Бунин Ю.К.* Опыт проектирования и строительства сельских поселков РСФСР // Актуальные проблемы сельского хозяйства. М., 1980. С. 44-53.
- 39 *Марков Е.М., Бутузова В.П., Таратынов В.А., Мусатов В.В.* Градостроительные основы развития малых населенных мест Нечерноземной зоны РСФСР. М., 1984. С. 28-29, 34-35, 43.
- 40 *Беленький Б.Р.* Основы совершенствования сельского расселения Нечерноземной зоны //Нечерноземье: демографические процессы. Народонаселение. Вып. 17. М., 1977. С. 27.
- 41 *Стерн В.М.* Пути развития сельских поселков Нечерноземной зоны РСФСР //Вопросы экономики. 1974. № 10. С. 51.
- 42 *Хорев Б.С., Смидович С.Г.* Расселение населения (основные понятия и методология). М., 1981. С. 132.
- 43 *Алексеев А.* «Нечерноземный Чернобыль?» //СССР: демографический диагноз. С. 427.

- 44 Комсомольская правда. 1988. 16 февраля; Правда. 1987. 30 октября; 1989. 17 марта; Известия. 1988. 12 апреля.
- 45 *Иоффе Г.В.* Сельское хозяйство и поляризация сельской местности (по материалам Нечерноземья) //Мировая урбанизация: Географические проблемы. М., 1989. С. 93.
- 46 Народное образование. 1991. № 11. С. 21; *Бутузова В.П., Марков Е.М., Таратынов В.А.* Проблемы формирования сельского расселения Нечерноземной зоны РСФСР //Региональное расселение в СССР. М., 1984. С. 163.
- 47 СП СССР. 1987. № 41. Ст. 875; *Иоффе Г.В., Фингеров Г.М.* Сельское хозяйство и рекреация: вопросы взаимоотношений // Территориальная организация хозяйства как фактор экономического развития. М., 1987. С. 123-124, 137.
- 48 *Староверов В.И.* Город и деревня. М., 1972. С. 3-4; *он же.* Социально-демографические проблемы деревни. М., 1975. С. 247-248; *Иоффе Г.В.* Нечерноземье: социальная география и хозяйство. М., 1986. С. 8; Концепция развития агропромышленного комплекса Нечерноземной зоны РСФСР. С. 5-6.
- 49 *Велданова И., Казаков А., Лиходед В.* Миграционная подвижность сельского населения Нечерноземья //Нечерноземье: демографические процессы. Народонаселение. Вып. 17. М., 1977. С. 46.
- 50 *Переведенцев В.И.* Население СССР. (Вчера, сегодня, завтра). М., 1972. С. 8.
- 51 Сельская местность: территориальные аспекты социально-экономического развития. Уфа, 1985. С. 89.
- 52 Народное хозяйство СССР в 1959 г. Стат. ежегод. М., 1960. С. 28-30; Народное хозяйство СССР в 1989 г. Стат. ежегод. М., 1990. С. 19-21; Вестник статистики. 1991. № 7. С. 17, 23; 1992. № 1. С. 10-14.
- 53 *Аитов Н.А.* Социальное развитие регионов. М., 1985. С. 120-121.
- 54 *Там же.* С. 134-135; *Крапивенский С.Э., Дементьев С.М., Крамарев В.Ф.* Сельскохозяйственный коллектив как объект социального планирования. М., 1981. С. 59-62; Вестник статистики. 1991. № 8. С. 52; 1992. № 1. С. 10; Комсомольская правда. 1989. 23 февраля; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7095. Л. 18.
- 55 Наш современник. 1980. № 3. С. 134.
- 56 Комсомольская правда. 1988. 16 февраля; Правда. 1987. 30 октября.
- 57 СП СССР. 1974. № 19. Ст. 109.
- 58 ГАРФ. Ф. 310. Оп. 1. Д. 7007. Л. 22-25; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 8780. Л. 170; Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. С. 157, 163; Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. С. 579, 582.
- 59 РГАСПИ. Ф. 591. Оп.1. Д. 50. Л. 25.
- 60 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 2780. Л. 184.
- 61 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 5. С. 472-478; М., 1979. Т. 12. С. 381-382; Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1960-1974 гг.). М., 1975. С. 662.

- 62 Проблемы концентрации общественного производства в развитии производительных сил Нечерноземной зоны РСФСР. Саранск, 1977. С. 240; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 153. Д. 244. Л. 22; Д. 931. Л. 25.
- 63 ГАРФ. Ф. 310. Оп. 1. Д. 7013. Л. 25, 50.
- 64 Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. С. 231; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 222, 229-230; *Пискунов В.Т.* Приусадебное хозяйство на селе. М., 1983. С. 106; Российская газета. 1994. 26 мая. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 18. Д. 1858. Л. 56-57; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 153. Д. 931. Л. 25.
- 65 РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 33. Л. 178.
- 66 Пленум ЦК КПСС. 24-26 марта 1965 г. С. 144; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 1575. Л. 101; Д. 7095. Л. 21-22.
- 67 Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. С. 159; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 644, 646.
- 68 Нечерноземная целина России. С. 170; Проблемы преодоления социально-экономических различий между городом и деревней. М., 1976. С. 206; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7095. Л. 24.
- 69 Вестник статистики. 1992. № 1. С. 10; *Воронцов А.В.* Продовольственная программа СССР и социальное переустройство села. Л., 1985. С. 21; Правда. 1982. 13 ноября; Плановое хозяйство. 1983. № 12. С. 9.
- 70 Народное хозяйство РСФСР в 1988 г. С. 102-103; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 198-199; *Лебедев Н.Н., Бобров Н.А.* Роль потребительской кооперации в повышении уровня жизни сельского населения. Киев, 1984. С. 10; Аргументы и факты. 1988. № 28.
- 71 РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 173. Л. 44.
- 72 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7095. Л. 21-22; Правда. 1989. 7 марта, 21 апреля; Нечерноземная целина России. С. 182.
- 73 РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 243. Л. 19.
- 74 Там же. Д. 33. Л. 102.
- 75 *Борзенко В.И.* Религия в посткоммунистической России: новая евангелизация 1000 лет спустя // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1994. Вып. 1. С. 231-234.
- 76 Советское крестьянство. Краткий очерк истории. (1917-1969). М., 1970. С. 462.
- 77 Правда. 1989. 22 января; Вестник статистики. 1988. № 11. С. 54; 1992. № 1. С. 10.
- 78 Народное хозяйство РСФСР в 1988 г. С. 29; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 96-97; Вестник статистики. 1991. № 7. С. 25, 29; 1992. № 1. С. 13-14; *Бедный М.С.* Медико-демографическое изучение народонаселения. М., 1979. С. 124.
- 79 *Староверов В.И.* Современное российское крестьянство и фермерство // Крестьянское хозяйство: история и современность. Вологда, 1992. Ч. 1. С. 169-175.
- 80 *Данилов В.П.* Указ. соч. С. 133-134.
- 81 Новая ежедневная газета. 1993. 22 декабря.
- 82 Финансовые известия. 1993. 20-26 августа.
- 83 Российская газета. 1996. 19 апреля.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Н. А. Ивницкий:

В докладе хорошо охарактеризовано положение в 60–80-х гг. в деревне.

А не пытались ли вы сравнить положение в деревне Нечерноземья в годы застоя с настоящим временем?

Л. Н. Денисова:

Положение ухудшилось. Государственный диктат продолжается и сейчас, только с большей жестокостью. Практически запрещены колхозы. Для Нечерноземья фермерство – это фактически катастрофа. При тяжелейших природно-климатических условиях, разбросанности деревень, отсутствии финансов и техники, когда трактор делился на 8–10 семей, начало фермерского движения потерпело крах. Конечно, есть удачливые фермеры, но их единицы. Этот путь в качестве генерального был не продуманным.

Может быть, на Кубани или в других районах фермерство будет развиваться, но как показала практика, не в Вологодской области. В Нечерноземье это оказалось неперспективным.

Поэтому сами жители, сначала ввавшие в эйфорию по поводу того, что у них будет земля, им не нужно работать каждый день в колхозе и т.д., постепенно пришли к выводу, что надо возвращаться к колхозам. Это движение, например, в Вологодской области набирает силу.

А. К. Соколов:

Этот период отмечен как период реализации политики ликвидации различий между городом и деревней. Эти

различия весьма своеобразны, но, тем не менее, были ли достигнуты какие-то успехи или нет?

Л.Н.Денисова:

Безусловно, успехи были достигнуты. Колхозники получили паспорта, социальные гарантии, пенсии. С этой точки зрения деревня в определенной степени приравнялась к городу. Но город шел вперед, а село подтягивалось, и различия менялись, но не исчезали.

А.К.Соколов:

У меня сложилось впечатление, что как раз в это время устанавливается тип деревни с городскими стандартами, но в ухудшенном варианте.

Л.Н.Денисова:

В основном это касается передовых хозяйств Нечерноземья.

Л.Н.Нежинский:

У меня два вопроса. То, что мы сегодня условно (или не условно) называем попыткой косыгинских реформ в середине 60-х гг., а вы знаете, что постепенно появляются и документы, и воспоминания, причем количество их возрастает, имелись ли намерения поменять кардинально подходы, в том числе и в аграрной, социальной политике в Нечерноземье.

Второй вопрос. Какова общая демографическая ситуация в начале изучаемого Вами периода, то есть к концу 50-х — началу 60-х гг., и чем в этом отношении кончились 80-е гг. есть ли сопоставимые цифры?

Л.Н.Денисова:

Косыгинские реформы получили в деревне реализацию. Они и планировались, и осуществлялись, но были быстро свернуты. Твердые пятилетние планы обрастали дополнительными заданиями, и система опять вернулась на свое место.

Что касается сокращения населения, то в Нечерноземье оно уменьшилось за 60–80-е гг. наполовину, а в отдельных областях – на 60-65%.

О.М.Вербицкая:

Когда вы говорите о том, что в деревне сокращалось население, и причиной тому были тяжелейшие условия труда и вообще образа жизни как такового, создается впечатление, что это чисто советское явление, что это результат несправедливой, непродуманной, несбалансированной политики советского государства и партии. Но известно, что эта тенденция носит всемирный, глобальный характер. Сейчас все западное общество является обществом индустриальным, и количество населения, которое занято сельскохозяйственным трудом, ничтожно мало по сравнению с общей численностью населения. Это каким-то образом связано и с общемировыми тенденциями, или вы считаете, что это результат пагубной политики руководства страны?

Л.Н.Денисова:

Сокращение сельского населения как процесс прогрессивный характерно для индустриально развитых стран, к каковым Россию и особенно Нечерноземье в 60–80-е гг. отнести невозможно. В Нечерноземье численность селян уменьшалась не вследствие внедрения техники, новых технологий, а из-за невозможности и нежелания оставаться в деревне, т.е. аграрной политики государства.

Е.А.Осокина:

Проблема перспективного развития очень важна: что подходит и что не подходит для развития сельского хозяйства: фермерское хозяйство или колхозы. Необходимо сравнивать не развитие этого региона в рамках советского периода, т.е. колхозного и постколхозного, а с развитием регионов в дореволюционное время. Моя кандидатская диссертация посвящена развитию промышленных районов в начале XX в. Я Вологодскую губернию не бра-

ла, а брала Ярославскую, Костромскую, Владимирскую. Там колхозов не было, но сельское хозяйство развивалось, особенно мясо-молочная отрасль. Вы не пробовали сравнивать не с периодом советского времени, а с дореволюционным периодом, и на основе этого прогнозировать, что же должно прижиться в Нечерноземье, фермерское хозяйство или колхозы?

Мне кажется, что фермерское хозяйство не прижилось в Нечерноземье не потому, что оно не подходит к этому региону, а потому что не были созданы условия: ни правовые, ни технические.

Л. Н. Денисова:

Я делала такие сравнения на примере Вологодской губернии. Здесь фермерское движение, как показывают материалы обследований, которые проводились в 80 и 90-е гг., оказалось нежизнеспособным. Причина не только в том, что на Вологодчине не создано правовой и технической базы, но и в том, что здесь не создано базы самой природой для того, чтобы работать индивидуально.

И. Е. Зеленин:

Вы взяли довольно большой период: 60-е, 70-е, 80-е гг. Можно наметить какие-то этапы развития, например, аграрной политики, экономики. Там был и хрущевский период, и брежневский, и горбачевский. И несколько раньше встал вопрос с продовольственной программой. В этот период общая линия могла проводиться, но все-таки эти этапы могут как-то различаться, в частности, политически.

Л. Н. Денисова:

Для Нечерноземья особым этапом была середина 70-х гг., когда началось массовое сселение деревень, фактически ликвидация Нечерноземья.

И. Е. Зеленин:

Т.е. сселение имело отрицательное значение?

Л. Н. Денисова:

Я не говорила об отрицательном значении. При общей здоровой мысли для некоторых деревень и районов, для всего Нечерноземья это был разрушительный ураган. При этом отдельные колхозы, совхозы и поселки были благоустроены.

И. Е. Зеленин:

А если это расценивать с точки зрения производства?

Л. Н. Денисова:

С точки зрения производства, здесь можно выделить середину 60-х гг., восьмью пятилетку, показать определенные успехи, но в целом это был единственный период в развитии истории этого многострадального региона.

И. П. Остапенко:

Какой процент колхозов был электрифицирован в конце 80-х гг.?

Второй вопрос. Рассматриваете ли вы демографические изменения за этот период, в частности, половой состав сельского населения в этот период.

И последний вопрос. Была ли ликвидирована неграмотность сельского населения в изучаемый период?

Л. Н. Денисова:

Официальная статистика гласит, что к концу 80-х гг. колхозы и совхозы страны полностью были электрифицированы, но судя по закрытым отчетам в бывшем ЦГАНХе и особенно по письмам крестьян в «Сельскую жизнь», на протяжении всего периода было определенное количество деревень, где не было света. Но здесь есть нюанс: линия электропередач была проведена, но либо столб упал, либо напряжение было слабое, либо лампочки не завезли.

Относительно грамотности. Всеобщее среднее образование — бесспорное достижение советской власти. Для деревни это был колоссальный скачок. В 60–70-е гг. бы-

ли предприняты огромные усилия для осуществления вначале неполного (восьмилетнего), а затем полного среднего образования. Были издержки при проведении в жизнь школьной реформы, но число недоучившихся и выбывших из школы, не имея аттестата зрелости, не превышало 2-3%.

И. П. Остапенко:

Каков критерий грамотности?

Л. Н. Денисова:

Среднее образование. В 1977 г. в СССР перешли к всеобщему среднему образованию. Но уровень образования в деревне нередко был невысоким.

Что касается полового состава, то нечерноземная деревня по преимуществу была женской.

В. П. Данилов:

Мы выслушали очень интересный доклад, дающий довольно конкретную, обстоятельную характеристику деревни Нечерноземья на протяжении примерно 20–30 лет, и те вопросы, которые были заданы по докладу, свидетельствуют о том, что конкретная картина, которая была воссоздана в докладе, несомненно, представляет общий интерес. Но для понимания происходивших процессов было бы полезно рассматривать этот период в несколько более широких хронологических рамках.

Процесс оттока сельского населения Нечерноземья России, действительно связан со всемирным цивилизационным процессом убыли сельского населения и роста за его счет городского. Но что касается Нечерноземья России, то здесь этот процесс значительно усиливается оттоком населения с Севера на Юг, начавшийся задолго до революции. Он происходил, наверное, еще в XVII – начале XIX в., и был бы более интенсивным, если бы не крепостное право, которое держало не только помещичьих крестьян, но и государственных крестьян, привязанных к земле. А государственные крестьяне в Нечерно-

земье преобладали. И только с 80-х гг. прошлого века, с отменой временнообязанного состояния для помещичьих крестьян (для государственных крестьян эти же нормы были распространены с некоторым запозданием) начался активный отток населения с Севера и из Нечерноземья России на Юг. Мы фиксируем интенсивное образование инородческого населения на Дону, на Кубани, в других районах Юго-Востока именно с 80-х гг. XIX в. Причем мы знаем, откуда они идут: с общины из Тверской губернии, из Калужской губернии. Пока еще меньше из Вологодской и Архангельской. Для них эта волна докатится в годы гражданской войны.

В годы гражданской войны, в 1918–1919 гг. поток населения из Нечерноземья на юг, на Дон и на Кубань принял такие масштабы, что это можно уже назвать массовым оттоком населения. И, воспользовавшись особыми условиями гражданской войны, полной свободой, «куда хочу, туда и иду, тем более, что у меня есть оружие в руках», население стало покидать эти места. Здесь надо учитывать и экологические условия Нечерноземья. Свою роль сыграло характерное для него малоземелье.

Это очень важные процессы, которые продолжались и в дальнейшем. И, кстати, продолжают и сейчас. Наступили постсоветские времена. Что характерно для Нечерноземья? Это прежде всего запустение деревень. Казалось бы, пропагандисты постсоветских реформ пытались привлечь, в частности, в Вологодчину и в другие северные области русского Нечерноземья людей из других, совсем северных районов, но тем не менее люди уезжали. Если говорить о массовом оттоке населения из северных районов, то они минуют Вологодчину и идут дальше на Юг, и не только потому, что климатические условия на Юге более удобны для жизни, но и потому, что условия труда в северных районах России, конечно, очень тяжелы. Это нужно учитывать. Почему фермерское движение на Севере вообще не получило сколько-нибудь заметного роста? (А.К.Соколов: А «Архангельский мужик»?). А это из

области самой бессовестной пропаганды. Такого рода «мужиков» можно организовать и посадить в любой области, создав определенные условия, — так, как были созданы для «архангельского мужика» за счет совхоза, на территории которого и было создано это хозяйство. Все попытки, когда шла пропаганда этого «Архангельского мужика», сказать о том, за счет чего якобы успешно ведется хозяйство, не проникали в нашу печать. (Н.А.Ивницкий: И сколько таких «мужиков» было...).

И еще одно важное обстоятельство, связанное с общим направлением сельскохозяйственного развития Нечерноземья. Е.А.Осокина сказала о том, что в дореволюционной России в Нечерноземье стала выделяться тенденция перехода к интенсивному животноводству. Это очень важный момент в понимании того, что произошло примерно за столетие в российском Нечерноземье. Эта тенденция развития особенно масло-молочного животноводства в Нечерноземье, привела к разработке проекта в датском варианте развития сельского хозяйства в Нечерноземной полосе России. Этот проект в советские времена был принят Наркомземом в 1923—1924 гг., и до 1927 г. (конечно, время очень небольшое) были заложены основы для того, чтобы специализировать направление аграрного сельскохозяйственного развития района, причем это направление, конечно, предполагало создание широкого аграрного рынка в рамках страны, соответственно специализируя районы, допустим, зернового производства на производство зерна и т.д. Это очень прогрессивное направление. В будущем, если Россия выживет, если она сможет преодолеть те испытания, которые на нее сейчас обрушились, то она неизбежно должна вернуться к этому варианту аграрного развития Нечерноземья, в центре которого масло-молочное направление.

Но получилось так, что коллективизация идет, и, начиная с конца 20-х годов сталинское руководство ставит повсеместное требование, чтобы каждая область сама себя кормила хлебом, обеспечивала зерновым производ-

ством. Это глубоко ошибочное направление сказалось на судьбах сельского хозяйства в 60–80-е гг. Недаром Н.С.Хрущев, продолжавший это направление, пытался в Архангельской губернии насаждать посевы кукурузы.

Все это надо показать в более широкой исторической перспективе.

Н.А.Ивницкий:

Доклад интересный. При его доработке следует усилить показ позитивных сторон жизни Нечерноземья в 60–80-е гг., особенно в сравнении с последующим периодом.

Во-вторых, надо сильнее подчеркнуть как менялось правовое положение крестьянина, начиная с получения паспортов, сказать о материальной стороне. Дать сравнение с тем положением производства, которое имеется сейчас.

Если мы раньше говорили, что 20 или 23% капитальных вложений, ассигнований в сельское хозяйство — это мало, это ассигнования по остаточному принципу, то сейчас хорошо, чтобы 2-3% было, и мы считаем это достижением.

П.Н.Зырянов:

Уже вставал вопрос о том, чтобы связать доклад с историей того же региона, но в более ранний период, примерно с XIX в. Не будем уходить очень далеко, свяжем это с крестьянской реформой 1861 г. Действительно, за 155 лет этот регион претерпел очень драматические повороты в своей судьбе.

Прежде всего, после реформы 1861 г. он попал в очень невыгодное положение по сравнению с черноземным районом. Там были сделаны очень большие отрезки. Но земля крестьянина все же кормила, а здесь, поскольку главную роль играл оброк, а не барщина, то земля была обложена выше своей доходности, то есть эксплуатация надела приносила убыток, который покрывался за счет посторонних или, как тогда говорили, отхожих промыслов. Поэтому всякий лишний надел крестьянин старался от себя отпихнуть, и примерно до 60-х гг. здесь

происходило сокращение посевных площадей — заболачивание, зарастание кустарником, лесом и т.д. Но одновременно произошел демографический взрыв населения. Это было связано и с отменой крепостного права, и с введением земств, когда были введены элементарные начала гигиены и санитарии. Тогда резко снизилась детская смертность. В Черноземном районе стали назревать катастрофические последствия, потому что земельный надел становился все меньше и меньше, а в Нечерноземье происходило совсем наоборот. Здесь крестьянин, когда он шел в город на заработки, брал с собой двух-трех повзрослевших сыновей, и в городе он зарабатывал больше. Поэтому в Нечерноземье положение стало улучшаться. На те деньги, которые крестьянин приносил из города, он стал улучшать и свое хозяйство.

Шла речь уже о том, что стало внедряться травосеяние, крестьяне переходили на многопольные севообороты. Этот процесс начался с 90-х гг. прошлого века, а когда он закончился, я сказать не могу. Такой процесс шел в течение всего периода до начала Первой мировой войны, он шел и в годы Первой мировой войны, и продолжался до самой коллективизации. Причем надо отметить, что в процессе интенсификации сельского хозяйства в Нечерноземье он опирался на общину, а не на фермерские хозяйства.

В. П. Данилов:

В советское время была принята производственная часть плана. Не форма организации, отруба или общины, а развитие масло-молочного животноводства как основного направления сельскохозяйственного производства в Нечерноземье. Этот план, принятый в 1924 г., когда наркомом земледелия был Алексей Петрович Смирнов, так и назывался — «датский план».

П. Н. Зырянов:

Он тоже предполагал некоторое подобие отрубов. Там были такие случаи, что на отруба выделялся тот, кто не хотел переходить к многополью.

Л.Н.Нежинский:

Необходимо обратить внимание не только на производственную направленность развития нашего сельского хозяйства, но и на другое: на социальные формы – община или отруба.

И здесь уместно оказалось сравнение с дореволюционным периодом.

П.Н.Зырянов:

Нет такого плана переустройства деревни, который подходил бы ко всем регионам, ко всем странам. И эти хутора, отруба, или, как сейчас говорят, фермерство, Нечерноземью не очень подходят. Здесь требуется в той или другой форме объединение коллективных усилий.

Л.Н.Нежинский:

Был заслушан очень интересный, фундаментальный, продуманный доклад. Можно соглашаться с трактовкой тех или иных вопросов, а можно не соглашаться, но в целом была поставлена проблема, которая далеко выходит за рамки темы «История российского Нечерноземья». Думаю, все с этим согласятся.

Что такое российское Нечерноземье? Это две с половиной тысячи километров с запада на восток и полторы, как минимум, тысячи километров с севера на юг, т.е. это почти как вся или больше, чем вся Западная Европа, вместе взятая. Те проблемы и те вопросы, которые поставлены в докладе, далеко выходят за рамки чисто аграрной проблемы этого региона.

Фактически затронута в той или иной степени одна из магистральных тем истории России, истории советского общества, ибо выводы и наблюдения докладчика во многом влияют в целом на историю развития нашей страны в эти годы, да и не только в эти годы.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
<i>Дьюла Свак.</i> «Дурно» ли говорить о «русском феодализме»? (К историографии вопроса).....	5
<i>Н.Н.Лисовой.</i> К истории русского духовного присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке	56
<i>С.О.Шмидт.</i> «Интеллигенция» — слово пушкинского окружения	90
<i>В.А.Твардовская.</i> Франко Вентури и советская историо- графия народничества	109
<i>Л.Ф.Писарькова.</i> Городское самоуправление пореформен- ной России: замысел и воплощение	136
<i>Г.Н.Ульянова.</i> Благотворительность и общественное при- зрение в России XIX—начала XX века. Институ- циональное развитие в контексте формирования гражданского общества	164
<i>Ю.А.Петров.</i> Российская буржуазия в начале XX века: попытки политической консолидации	218
<i>В.Д.Есаков.</i> О некоторых вопросах истории Академии наук. (К 275-летию юбилею РАН)	258
<i>А.В.Голубев.</i> «Весь мир против нас»: Запад глазами совет- ского общества 1930-х годов	286
<i>В.Б.Жиромская.</i> Отношение населения к религии: по ма- териалам переписи 1937 года	324
<i>О.Ю.Васильева.</i> Внешняя политика советского государства и русская православная церковь. 1943—1948 годы	339
<i>Г.В.Костырченко.</i> «Дело врачей»: миф и реальность	354
<i>И.Е.Зеленин.</i> Аграрная политика Н.С.Хрущева и сельское хозяйство	394
<i>Л.Н.Денисова.</i> Деревня российского Нечерноземья. 1960— 1980-е годы	426

Компьютерная верстка:
Васильева Н.В., Спрыкина Л.Г.

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН
ЛР № 020768 от 15.04.98.

Подписано в печать 13.07.00. Формат 60x84/16. Заказ № 25.
Тираж 250 экз. 30 п.л. 21,11 уч.-издл.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19